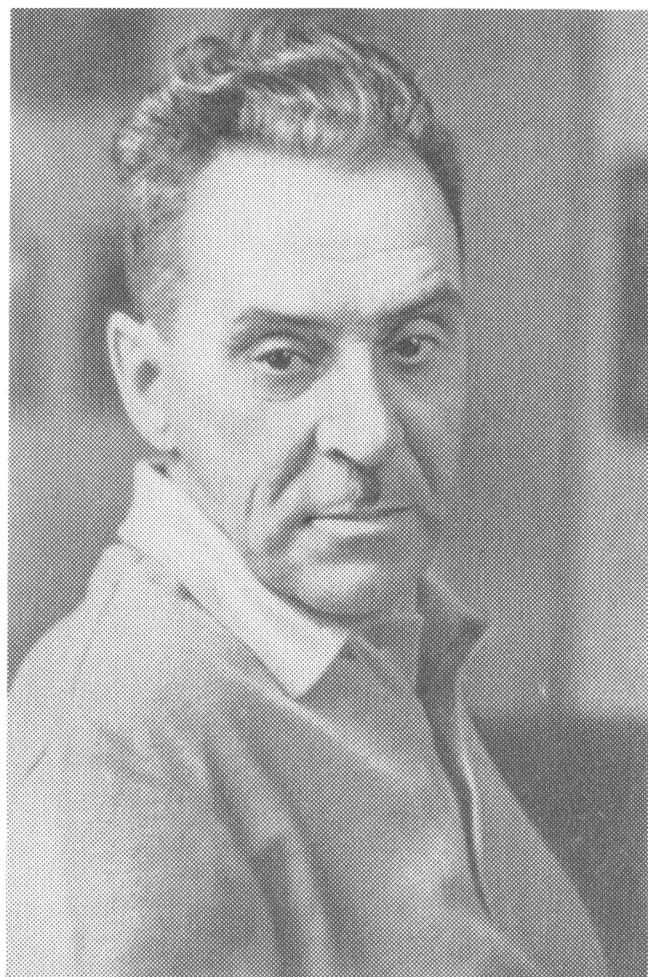

В. Томеурануек

НА
ВОЙНЕ
И
ПОСЛЕ
НЕЕ

В. Панкратов

- Роман*
- Архивные записи*

*Москва · Советский писатель
1987*

ББК 84 P7
П 55

СОСТАВИТЕЛЬ
А. В. БЕЛЯВСКИЙ

ХУДОЖНИК
АНАТОЛИЙ МЕШКОВ

П 4702010200-303 КБ-1-34-87
083 (02)-87

© Издательство
«Советский писатель», 1987

ДОК-
ТОР
ЭДЖЕ

Роман

Да, это победа. Ряд побед. Совпавших, знаменательных. Интересно, что скажет теперь Сюзанна, узнав, что его статья напечатана как передовая в «Учительском вестнике». Это же официальный орган! Его аккуратно просматривает сам доктор Геббельс. Девчонка перестанет смеяться над его работами. Она бегала к нему до сих пор только из-за пфанкухенов. Эта девка не питает к нему никакого уважения. Она скучает с ним. Посмотрим, как заговорит она теперь! Он даст ей понять, что может рассчитывать отныне на более приличные связи. Ее надо припугнуть. Жаль, что она не была на собрании в «Клубе немецкого языка». Какой триумф! Сам Гнейзер, исходя злостью, вынужден был корчить перед ним приветливую мину. А давно ли эта старая перечница называла его сумасшедшим невеждой?

Ганс Эшке ложится на диван и предается воспоминаниям...

— Вы на экзамене, не забывайте, — грубо говорит ему Гнейзер.

— «Экзамен» — чуждое нам слово, господин профессор. По-немецки надо сказать «испытание».

— Немецкий «осел» тоже происходит от латинского «азинус». Не смейте сидеть передо мной закинув ногу на ногу.

— Я убираю ногу, но продолжаю считать ваш учебник совершенно лишенным истинно немецкого духа, профессор.

— Меня не интересуют мнения сумасшедших невежд. Уходите отсюда, господин эк-за-ме-нант.

Ганс вышел, сохраняя достоинство. А через полгода ему удалось напечатать «134 замечания». Правда, за исчислением места для статьи в четыре печатных листа, журнал гитлерюгенда перечислил из замечаний только первые шесть, указав, что подобных вредных мест в рецензируемом учебнике имеется еще 128. Но удар был нанесен. Гнейзер не посмел

защищаться. Он проглотил пилюлю и переделал свой учебник.

«С 1885 года, — писал Ганс в новой статье, — существует в Германии Общество немецкого языка. Оно ставило задачей очищение нашего прекрасного языка от чуждых ему примесей, восстановление в нем истинно немецкого духа. Но увы, за полувековую свою деятельность Общество ни в чем не сумело преуспеть. Почему? Потому что руководители его сами были в плену привычного. Потребовалось смелое выступление молодого ученого Ганса Эшке, чтобы у руководителя общества, господина Гнейзера, раскрылись глаза на его собственный профессорский язык. Новое издание учебника господина Гнейзера носит на себе приятные следы этого выступления. Национал-социализм перевоспитывает и наших старых ученых. В добрый час!»

Ганс Эшке хлопнул маститого по плечу. Он оплатит ему за осла, но оставил путь к примирению. Статья была подписана псевдонимом, но старик должен отныне понять, как ему следует относиться к автору «Замечаний».

Вот уже два года успех сопутствует Гансу Эшке. Он сам прочитал доклад в Обществе немецкого языка. И они слушали его! Правда, эта старая баба Шпигельбах зевал и смотрел на часы. Но черт с ним! Его «Преобразованные греческие в немецком» дали ему имя и кафедру, с которой он пятнадцать лет долбит скучнейшие вещи. Что толку написать тысячу страниц, если ни одна из них не озарена национал-социалистской мыслью. Он выискал в немецком языке все арабские, персидские, индианские, армянские слова и даже какие-то из вымершего перуанского, но поставил на этом точку, не предложил заменить их подходящими немецкими. А Штеккерман слушал Ганса с усмешечкой. Он будет каяться в ней. Эта усмешечка доставит ему столько же неприятностей, сколько он терпит от своей грыжи. В глубине души они все считают его, Ганса, недоучкой. Да, он не высидел толстых книг, но они теперь и не нужны. По крайней мере, для его задачи. Он требует вычеркивать и заменять. Он требует действий. Он требует революции. Он так и начал свой доклад:

— Национал-социалистская революция преобразовала все области немецкой жизни. Но она прошла мимо нашего языка. Я буду говорить о задачах национал-социалистской эпохи в отношении немецкого языка.

Штеккерман не посмел не аплодировать вместе со всеми. Кончив доклад, Ганс нарочно посмотрел на толстого,

и тот тоже вынужден был затруднить себе ручки. То ли еще будет...

Дверь отворилась. Сюзанна всегда входит без стука. И каждый раз, вместо того чтобы сделать замечание, Ганс делает ей навстречу радостное движение. Он ругает себя за это, но затем повторяет тактическую ошибку. Но сегодня, несмотря на обычную внезапность ее появления, он оказывается психологически более подготовленным и не вскакивает с дивана. Он даже не помогает ей снять пальто. Однако Сюзанна, кажется, не замечает этого. Или делает вид, что не замечает.

— Ты забыл растопить камин, — говорит она вместо приветствия.

— Во-первых, есть хорошие немецкие слова «добрый день», во-вторых, я не знал, что ты придешь. Для себя самого я не расходую дров.

— Но тебе теперь не надо экономить. Ты жеходишь в славу.

Она достает из сумочки вечернюю газету.

Ганс пробегает глазами страницы. Ага. Вот!

«Немецкий язык должен быть немецким!»

Собрание именитых филологов

Доктор Ганс Эшке: «Очистим наш великий язык от скверны».

С деланным равнодушием Ганс откладывает газету в сторону. Но Сюзанну этим не обмануть:

— Торжествуешь? Поздравляю тебя, ты добился своего.

— Я еще ничего не добился. Это начало. Обо мне заговорит Германия. Я переучу людей языку. Можешь верить. Ты смеялась надо мной еще месяц назад. Теперь ты видишь — я знаю, что делаю, что говорю.

Сюзанна молча отщепляет от полена лучину.

— Я прощаю тебе твою ошибку. Ты не увидела, не разгадала мою звезду.

Он кладет ей на плечо руку.

— С женщинами это бывает.

Он хочет быть сегодня великодушным.

Но Сюзанна высвобождает плечо.

— Я никогда не говорила тебе, что ты не добьешься успеха. Ты очень упорен. Я знала, что тебе повезет. Мой дядя, он был наборщиком, сказал себе: «Я буду директором типографии». И стал им, подав десяток заявлений о том, что все остальные работники типографии — скрытые коммунисты.

Это не звезда. Моя мать его не выносит, хотя он ее единственный брат.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Разве я говорю непонятно? Я просто не понимаю того, что ты делаешь. Зачем переучивать нас нашему языку. Ты запрещаешь мне употреблять слово «кавалер», потому что оно французское, а я хочу иметь веселого кавалера.

— Ты опять за старое?

— Да, и я хочу, чтобы этот кавалер был галантным, хотя это слово тоже французское. И я страдаю оттого, что не имею средств одеваться элегантно, хотя это опять из французского.

Ганс не хочет, чтобы разговор перешел в ссору.

— Ты не в духе. Сядь сюда, на диван. Я иду ради тебя на жертву и произношу не немецкое слово.

Он старается внести в свой тон веселость.

— Знаешь ли ты, что диван — это арабское слово? Они понимали толк в этих вещах. Софа тоже от арабов пошла.

Сюзанна перебивает:

— Когда они занимались любовью, то наверняка не думали о том, как что назвать.

— Зузи, мне надоело. У меня сегодня хороший день. Не порть его. Хочешь, мы потом в кино пойдем?

— Хочу, но без потом...

— Не понимаю.

— Я не могу сегодня...

— Это неправда. Это было у тебя всего десять дней назад.

— Ты, может быть, записываешь?

— Ты... лгунья. Ты... последняя лгунья. Ты приходишь сюда... Я знаю, зачем ты сюда приходишь. Ты ведешь себя как девка.

— А как ведешь себя ты?..

— Сюзанна, я сдерживаюсь. Я говорю тебе в последний раз. Меня пригласили делать доклад в обществе «Вера и красота»¹. Там цвет немецких девушек. Мои возможности велики. Не злоупотребляй моим хорошим отношением. Ты будешь раскаиваться.

— Не буду. Ищи красавиц. Я тоже поищу.

— И не найдешь. Ты знаешь не хуже меня, что на каждого теперь по двадцать девок.

¹ Нацистская организация для немецких девушек в возрасте от 17 до 21 года.

— Чепуха. У нас на фабрике сколько угодно военнопленных.

— Ты говоришь дикие вещи!

— А это не дико, чтобы мужчина заставлял девушку...

— Зузи, не будем ссориться.

— Если не хочешь, чтобы мы ссорились, не приставай ко мне сегодня. Дай мне поесть, сядем к огню, и расскажи мне что-нибудь неученое.

Ганс достает из шкафа два пончика.

— Это все, что я сегодня у фрау Фризе достал. У нее берут из-под полы по сумасшедшим ценам. Ешь.

— Рассказывай что-нибудь.

— Хорошо. Я расскажу тебе, как мальчик нашел пять марок.

— Говори.

— Шел мальчик по улице, глядит, лежит бумажка. Поднял, а это пять марок.

— Ну и что?

— Ну и ничего. Положил в карман.

— Господи, какой ты скучный. И выдумать-то ничего не умеешь.

— Да, я скучен тебе. Это потому, что у нас разные интересы. Я чувствую себя открывателем миров. Тебе этого не понять. Я ощущаю в себе подъем. А ты приходишь всегда усталая. Тебя могли бы воодушевить только развлечения и тряпки. Их я не имею.

— Как же я могу не уставать? Ты знаешь, что мне приходится затрачивать час, только чтобы добраться до фабрики. А там работа не ограничивается десятью часами. Все сверхурочные и сверхурочные. Если я даю себе минуту передышки, мне напоминают о контрольных часах.

— Да, раз началась война, она требует... Ничего не поделаешь. Мы должны завоевать Европу. Зато потом будет легко. Мы будем отдыхать, другие будут работать.

— Я не знаю, когда это будет. Пока что я потеряла двадцать фунтов. У меня бывают обмороки.

— У вас же есть социальная работница. Обратись к ней.

— Тебя смешно слушать. Она появилась для того, чтобы шпионить за нами и доносить хозяину.

— У тебя все получается всегда в мрачном свете.

— Мне трудно рисовать это в розовом. Если бы ты работал рядом со мной, тебе тоже безразлично было бы, какие слова имеют немецкое происхождение. Меня это никак не может интересовать. Ты считаешь, что открываешь миры. Нет, ты

просто человек из другого мира. Того мира, который далек от цехов.

— У всякого свое дело. Каждый ученый...

— Ах оставь, пожалуйста. Ученый тот, кто помогает людям. А твоя работа! Кому она нужна?!

— Она нужна Германии.

Сюзанна встает:

— Мне надо идти.

— Как? Ты же хотела в кино.

— Поздно, пожалуй. Не выплыву. Вставать ведь приходится, когда на улице еще темно.

Ганс вяло целует ее на прощанье, потом долго шагает по комнате. Вечер испорчен. Самолюбие его уязвлено. Нет, на эту девчонку ничто не производит впечатления. Неумна. Ограниченна. Интересуется только осязаемым, особенно едой. Плебейка! Она только разлагает его дух. Недаром у нее такое имя. Сюзанна — по-еврейски какой-то цветок, кажется, лилия. Да, да, это чисто еврейское имя. Надо завести новое знакомство. «Вера и красота». Гансом овладевает приятное волнение. Он представил себе сотни девичьих лиц, девичьих тел. Там будет выбор. Правда, он привык к Сюзанне. У него свои требования. Но у него ведь и пончики фрау Фризе.

Ганс вынимает из шкафа четыре запрятанных в самую глубь пончика и ест прямо с бумаги, вытирая жирные пальцы о носовой платок.

* * *

Лекции доктора Ганса Эшке предшествовало вводное слово руководительницы общества Клары Эмс. Она предупредила, что девушек не должна шокировать сегодняшняя тема. Казалось бы, эта лекция уместней на собрании замужних женщин. Но члены общества «Вера и красота» в скором будущем должны стать матерями, и потому их не может не интересовать такой важный вопрос, как выбор имен для детей. Доблестные немецкие солдаты заканчивают завоевание Европы. Ее надо будет населять немцами. Жизненного пространства теперь сколько угодно. Дело за немецкими женщинами. Нужно давать как можно больше потомства, и нужно давать этому потомству настоящие немецкие имена. Длительное соприкосновение с еврейством и тлетворное влияние французского духа привели к тому, что множество немецких соплеменников носят чуждые им имена. Но имена наших детей

должны быть чисты, как их кровь. Любезный доктор хочет прийти нам на помощь своими указаниями...

Гансу вступительное слово понравилось. Его покорило лишь в устах председательницы английское «шокировать». Есть ведь сколько угодно синонимов в богатом немецком языке. Но он поймал себя на том, что синоним — тоже не немецкое слово.

Задача была в том, чтобы вызвать к теме и личности лектора интерес. Академическая форма тут непригодна. Ганс решил просто затеять с девушками непринужденную беседу.

— Позвольте мне, барышня, сразу взять быка за рога и поинтересоваться, как назвали бы вы своего сына.

Это была одна из самых непривлекательных девушек в зале. Ганс намеренно остановил на ней для начала свой выбор. Он ждал смущенного и нерешительного ответа. Но девушка ответила просто:

— Теодором.

— По-гречески это божий подарок. Я от души желаю его вам.

Раздался смех.

— Это довольно распространенное мужское имя. Но, как видите, оно не германского корня. В нем нет ничего худого, но оно не выражает активности. Богоданное — это не добытое. Как зовут вашего отца, позвольте спросить?

— Хартвиг.

— Вот это нечто прямо противоположное. Это имя замечательное. Я рекомендую вам, мои барышни, внести его в свои нотицбухи¹. «Харт» — значит крепкий, «виг» — это борьба. Оба корня немецкие.

Харт — составная часть хороших, исконно немецких имен. Германский мальчик может быть Рихардом, он может с законной гордостью называть себя Герхардом, он может быть Эккхардом. Я обращаю ваше внимание на то, что древнегерманские имена можно легко и сразу распознать по элементу силы, по элементу воли и мужества, которые служат их основанием. Несчастливая эра гуманизма внесла в немецкий язык вялые и хилые латинские имена. В эту роковую эпоху фальшивых учений и надежд, когда немецкое пытались заглушить интернационалистской латынью, появились у нас Антоны, Эмилии, Юлиусы, Юстусы, Августы, Альмы, Цецилии, Люции, что означает передовые, пылкие, блестящие, справедливые, благородные, добрые, освещающие путь... Все

¹ Записные книжки.

эти беззубые эпитеты гуманизма не выражают силу характера. Это совсем не то, что чисто германское имя Гюнтер — воин. Это совсем не то, что владетельный господин — Отто. Совсем не то, что господин и повелитель — Дитрих...

Адольф — имя нашего в веках прославленного фюрера — происходит от наименования царя птиц — орла. Вольфганг — берет начало от самого смелого хищника...

В исконно германских именах виден воинственный дух наших предков. Война, победа, нападение, овладение, господство, щит, оружие, благородство происхождения, сила тела — вот что заключено в этих славных именах...

Девушки записывали. Они делали это с той же серьезностью, что и неделю назад, когда в «Вере и красоте» читалась лекция о 46 блюдах из брюквы и свеклы. Справка об истинно немецких именах могла так же пригодиться, как и содержащиеся во многих девичьих потицбухах рецепты противозачаточных средств. Если средства не подействуют, потребуются имена.

И как бы случайно обратился тогда Ганс к облюбованной им совсем молоденькой блондинке. Лицо ее было, пожалуй, худоцаво, но грудь хорошо развита, плечи округлы. Это, впрочем, скорее угадывалось, так как одета она была в темно-синий мужской шевиотовый костюм, только начинавший тогда входить в моду среди женщин военной Германии. Костюм был безукоризнен, еще больше оттенял, что в нем полудевочка, и придавал ей особую соблазнительность.

— Я понятен вам, барышня?

— Конечно,— не смутилась она неожиданным вопросом.

— Не откажитесь ответить в таком случае, нравится ли вам Рейнгард?

— Я не знаю, о ком вы говорите

Смех снова пробежал по залу.

— Я имею в виду само имя.

— Ничего, нравится.

— Это немецкое имя?

— Да, вы говорили о «харт».

— Я рад, что меня так хорошо запоминают. Как вас зовут?

— Марта.

Ганс немного смутился. Имя было очень распространенным, но чисто еврейским. Он решил умолчать об этом и стал распространяться о причинах, роднивших в древние времена женские имена с мужскими.

Женщины тогда с оружием в руках, плечом к плечу с

мужчинами боролись за утверждение своего рода. Германские женщины не были слабосильными, беспомощными существами. Они были покорительницами и завоевательницами. Они были подлинными валькириями Водана¹. Это Гизелы, Гильдегунды, Гильды, Кунигунды, Матильды, Нанны.

— Матильда! Корень этого имени в слове «махт», что означает власть, силу, могущество. Это имя избранных, имя повелительниц или жен повелителей. Кунигунда! Это имя общее с «кенигин», то есть со словом «королева». У них один корень — «кун», «кон» — название древнего рода, над которым Кунигунды начальствовали. Гильда! Это имя говорит само за себя и означает героиню.

На этом Ганс поставил точку. О женских именах он больше говорить не хотел. В зале — он знал это — не было Кунигунд. Но девицы почувствовали себя вправе задавать вопросы.

— Вы не сказали, господин доктор, о Марте, — поднялся шевиотовый костюм.

— А Анна?

— Лиза?

— Мария?

— Ева?

— Я рад этому интересу, мои барышни, но не вправе занимать общее внимание разбором отдельных имен. Я с удовольствием сделаю это после нашего собеседования в порядке бесед, так сказать, личных.

Он вышел из положения и добился того, что хотел! Не мог он сказать им здесь, в зале, что все они носят еврейские имена. Анны, Марии, Евы, Елизаветы, Рут, Марты — все те, кто составляет девяносто процентов немецких женщин, имеют страшные библейские ветхозаветные имена.

Он возвратился к латыни. Есть малая, очень малая часть латинских имен, которые по смыслу кажутся подходящими для немецких детей. Это Мартин, Лео, Макс, Валентин, Максимилиан, Виктор. Но не надо обманываться мнимым соответствием. Виктор — победитель, а Максимилиан — великий, но эти имена носят и французы. Могут ли немецкие мальчики, предназначенные для управления французами, носить одинаковые с ними имена?!

— Не о том может идти речь, — патетически воскликнул Ганс, — чтобы немцы принимали французские имена, к тому надо стремиться, чтобы французы не смели больше

¹ В о д а н (или В о т а н) — мифологическое древнегерманское верховное божество.

в своей покоренной стране называть своих детей Викторами!

Оратор сделал ловкую паузу, и она была заполнена заслуженными аплодисментами. Затем он перешел к общему вопросу: зачем именно следует давать детям истинно германские имена. Во-первых, потому что наша эпоха еще долго будет эпохой германского самоутверждения. Значит, мирные, бесцветные, ничего не выражающие имена не ко времени. Во-вторых, именем ребенка родители должны обозначить те качества, какие они хотят в нем видеть. В-третьих — и это главное, барышни, — имя должно ребенка обязывать. Имя должно с него требовать. Названный крепким не смеет сентиментальничать с врагами. Названный повелителем должен научиться управлять. Уже пятилетний должен знать, что он Вольфганг и потому нападает первым. Уже пятилетняя должна знать, что она Матильда, и чувствовать силу своих ручонок. Правильное наименование наших детей имеет, таким образом, неосценимое воспитательное значение для народа. Оно — неотъемлемая и важная часть национал-социалистской воспитательной политики.

Доктор Эшке вышел из клуба в сопровождении целой стаи девиц, жаждавших узнать сокровенный смысл их имен и соответствие последних национал-социалистской эпохе. Девушки, оживленно разговаривая, незаметно проводили доктора до дому. Здесь, у подъезда, он назначил наиболее заинтересованным время, в которое может их у себя принять для дополнительной консультации.

Утро принесло доктору большое моральное удовлетворение. Газеты поместили восторженные отчеты о его лекции, уделив особое внимание глубокой мысли о том, что наименование детей должно стать отныне делом национал-социалистской политики.

«Мы победили еврейство, — писал «Эхт Дойчер Анцайгер», — уничтожили для немцев пограничные столбы на запад, восток и юг Европы. Но тяжелые задачи преобразования завоеванного потребуют сильных людей. Господин доктор Эшке указал нам один из важных способов эту силу в наших потомках воспитать. Лекция имеет для нас поэтому не просто исторический и филологический, а чисто практический интерес. Идеями Эшке должны заинтересоваться много учреждений и все соплеменники, желающие иметь потомство, сильное телом и духом».

В последующие дни мысли доктора Ганса Эшке стали едва ли не самой популярной темой разговоров в немецких домах. Этому способствовало, во-первых, то, что против него

выступили в проповедях католические патеры. Они возражали против пренебрежения христианскими именами и предпочтения к именам, связанным с культом Водана. Затем спохватились лютеранские пасторы, которые не могли не огорчиться тем, что доктор осудил имя Мартина Лютера. Церковь в целом справедливо увидела в новом движении грозную опасность для ее основ. Зато доктор Ганс Эшке стал признанным авторитетом для рядовых национал-социалистов, которые до сих пор филологией не интересовались. Быстрой популярности доктора помогли те превращения, которые обычно происходят со всякими слухами. В некоторые деревни вести о новой воспитательной политике дошли так, будто предстоит перепись и переименование населения. Естественно, это вызвало большое возбуждение. Местные руководители НСДАП и редакции газет получили указания разъяснить действительный смысл учения доктора Эшке. Но наибольшее моральное удовлетворение доктор получил от того, что, по сообщениям вечерних газет, среди новорожденных в эти дни появилось в двенадцать раз больше Кунигунд, чем за весь предшествовавший год.

Ганс с радостью отмечал, что среди требований к женам и невестам в брачных объявлениях упоминались уже не только стройность и 170-сантиметровый рост, но и «истинно немецкое имя». Впрочем, Ганс завален был теперь работой и газеты успевал просматривать лишь мельком. Ученое издательство заключило с ним договор на книгу «Происхождение имен». Областной руководитель НСДАП заказал ему «Рекомендательный список истинно немецких имен» для рассылки семьям членов партии. Организация «Сила через радость» предложила придумать массовые игры, в которых Герхард клал бы на лопатки Эмиля. Женская организация национал-социалистической партии просила установить часы консультаций для ее членов. Далее Ганс стал получать целые кипы частных писем, в которых у него просили советов. И наконец, немало членов общества «Вера и красота» решили поодиночке лично явиться за консультациями к нему на дом. Так однажды Ганс увидел у себя Марту.

О, это была не Сюзанна с ее моралью фабричной работницы! Марту не нужно было занимать рассказами. За час с небольшим, что она провела у Ганса, ему вообще мало пришлось раскрывать рот. На нее не произвело удручающего впечатления раскрытие ветхозаветности ее имени. Наоборот, она отплатила Гансу приятным сообщением. Третьего дня она была с родителями в гостях у приезжавшего с дочерью в

Берлин Адольфа Вагнера и рассказала ему о замечательно интересной лекции доктора Эшке. Знаменитый гаулейтер Баварии — старый друг не только фюрера, но и ее, Марты, отца. Господин Вагнер с большим интересом выслушал рассказ Марты о докторе Эшке и сказал, что «такой человек очень для нас ценен». Марта могла бы познакомить господина Эшке с гаулейтером до того, как он отбудет в свой Мюнхен.

Что касается мужских костюмов, то они входят в моду потому, что женщины, не имея новых платьев, попросту начинают носить одежду своих находящихся на фронте мужей. У нее же, Марты, родных в армии нет, костюм она заказала себе специально, и, не правда ли, он ей очень к лицу. Следующий раз, впрочем, она его не наденет. Кстати, пусть господин Эшке простит ее вольный тон, но если он нуждается в хорошем костюме, то Марте не составит труда оказать ему содействие. Есть особый склад, где находятся материалы и обувь, захваченные в Киеве и еще каких-то городах. Хоть русские и варвары, но бостон у них замечательный. А знает ли доктор Эшке духи «Красная Москва»? О, они нисколько не уступают французским. Что же касается конфет, то она, Марта, лучше русских вообще никаких не едала.

Но русские — очень, очень злые. Знает ли господин доктор, какие страшные эти партизаны?! В городах и деревнях, где совсем-совсем закончилась война, они, как настоящие разбойники, вдруг нападают на немецких солдат на улицах. Марта всячески старается помогать солдатам. Она, как и другие участницы «Веры и красоты», дважды в месяц берет для стирки и починки белье и платица детей какой-нибудь солдатки. Впрочем, времени у нее хватает. От арbeitsдинста¹ она освобождена. Зато она много читает. Ее интересуют теория музыки и половой вопрос. Недавно она прочитала очень толстую книжку «Брак у древних германцев», которая, вероятно, будет интересна и доктору для его работ. Впрочем, доктор такой ученый, что все, наверное, знает сам. В «Вере и красоте» им раздавали еще книжечки об обязанностях немецких женщин по увеличению народонаселения. Кстати, слышал ли доктор, что скоро во всех городах открыты будут отделения Национального бюро гигиенического брака? Эти бюро будут женить инвалидов войны на солдатских вдовах. Нужно, чтобы никто не пропадал для производительного

¹ Трудовая повинность, которую должны были в течение полугода (а во время войны дольше) отбывать все немецкие граждане от 18 до 25 лет (в период войны возрастные границы расширились).

процесса. Да, да, это точно. Она слышала, как об этом говорил отцу его приятель, который работает в канцелярии Гимлера.

Ганс был в восторге. Вот это девчонка! Какие у нее связи, какие она откроет ему дополнительные возможности! Немножко болтушка, но болтовня ее — положительно приятная передышка для поглощенного большими проблемами человека. Полуребенок, а как просто обо всем говорит. Так же непосредственна она будет, видать, и в интимах.

Он проводил ее и с радостью условился о времени нового визита. Приготовления к нему доставили, однако, Гансу немало хлопот. Конечно, девчонка потому решила завязать с ним знакомство, что ей лестна дружба вошедшего в моду молодого ученого. С другой стороны, он показался ей, вероятно, недурен. Принимать этого балованного ребенка столь же скромно, как Сюзанну, было положительно невозможно. Для голодной плебейки основной приманкой были пфанкухены. Для приема Марты требовались вино, холодный ужин и сладости.

Фрау Эмма Фризе не могла оказать ему существенную помощь. Ее жившая в деревне сестра тайком снабжала Эмму мукой и яйцами. Сахарина Фризе припасла целый ящик, обменяв его на буфет и обитое бархатом кресло. Она посылала своих детей по воскресеньям собирать за городом ягоды, из которых варила для пончиков начинку. Выпекала она ежедневно ровно 60 штук, которые продавала строго определенной клиентуре. Никакие уговоры выпечь несколько пончиков для нового покупателя, за которого постоянный клиент ручался головой, на фрау Фризе не действовали. Боже избави! Ее пончики должны храниться в величайшей тайне! Иначе не только она, но и сестра ее попадут в тюрьму. У фрау Фризе было трое детей, у сестры в деревне пятеро и, кроме того, трое племянников — сыновей брата, убитого под Смоленском. Разве можно подвергать риску судьбу одиннадцати детей из-за чьей-то прихоти! Если станет известно, что после расчетов с Вальтером Дарре¹ сестра имеет возможность давать Фризе муку на пончики, то не нужно даже и пояснять, что тогда произойдет. А яйца? Разве не знаете вы, как обстоит с ними дело? На каждого ребенка в семье можно оставлять лишь по яйцу в день. Остальные кушает Вальтер Дарре. Она же, Фризе, получает от сестры целых пять яиц на день. Надо к тому же учесть, что это *последние* яйца. Да, да, последние. Больше

¹ Министр продовольствия и сельского хозяйства, ведомство которого обеспечивало нацистскую Германию продуктами, выкачивая их из деревни.

в Германии яиц не будет. Ведь для птицы нет кормов. Берлинцы просто ничего не ведают. Вся деревня знает о том, что готовится закон, который запретит завести кур. За каждого цыпленка, который обнаружен будет сверх учтенного поголовья, людей будут сажать в тюрьму. Нет, нет, ни о каком новом клиенте не может быть и речи.

Тем не менее Ганс решил к Фризе зайти. Она жила в том же доме, в подвальном этаже, и в квартире у нее стоял обычно приятный запах сдобы, который она тщетно пыталась выветрить.

— Единственное, что я могу вам посоветовать, господин доктор, — сказала она, — это обратиться к Зюссмильхам¹, на пятый этаж. К ним приехал в отпуск сын из России и, конечно, с набитыми чемоданами. А неделю назад они имели посылку от другого сына из Франции. Но я не думаю, чтоб это обошлось вам дешево.

Зюссмильхи встретили его с подчеркнутым радушием. Слава молодого доктора известна была, конечно, в доме. И они совсем не удивились, когда он изложил им свою просьбу.

— Нет, нет, господин доктор, сын мой ничего не привез. Он ведь пошел в Россию ради отечества и фюрера, и его совсем не интересовали трофеи для себя лично. Но у меня есть знакомая, которой под большим секретом привезли мясо, оно как раз годится на ростбиф. Я знаю, что вам некому помочь, и сама его приготовлю. Но я слышала, она берет очень дорого, баснословно дорого. Это, конечно, понятно. Она ведь рискует головой. Зато это будет настоящий английский ростбиф.

— Мне совсем не нужно, чтобы он был английским.

— Ах да, простите, он будет приготовлен по-немецки. Другой моей знакомой прислали недавно замечательное украинское сало. Я думаю, что фунт его был бы кстати на ужине, который вы хотите дать вашим приятелям. Но вот относительно бургундского я в затруднении. Одна женщина говорила, правда, недавно, что ей привезли несколько бутылок из Франции, но она хотела менять их на обеденный стол. Я могу вам впрочем, предложить брандвейн. Но, знаете, он несколько особый. Совершенно белый, верней, бесцветный. Если вас это устроит, господин доктор...

¹ В качестве одного из сатирических приемов автор пользуется фамилиями, содержащими характеристику персонажей. Фамилия Зюссмильх («зюсс — сладко, «мильх» — молоко) по-русски звучала бы как «Сладкомолочный».

Фрау Зюссмильх оказалась женщиной отзывчивой и деловой. Ганс был приятно поражен, когда выяснилось, что она может раздобыть для его ужина даже засахаренные фрукты. Но по-настоящему удивлен он был, когда фрау Зюссмильх заявила ему, что деньги для расчетов с ее знакомыми ей не к спеху, все будет улажено в свое время.

— Мы же соседи, господин доктор.

— Но, милостивая фрау...

— О, не беспокойтесь, это не будет чувствительным для вашего бюджета.

Ганс уловил, что Зюссмильхи переглянулись.

Немного обеспокоенный, но удовлетворенный, он обратился после этого к своим ученым трудам. Но, разумеется, не забыл написать письмо почтенному гаулейтеру, случайно услышанный отзыв которого о его, Ганса Эшке, деятельности был ему исключительно приятен. Из уст человека, который известен немецкому народу как один из основателей движения и ревностный искоренитель марксизма, лестная оценка доставила ему, Гансу Эшке, особую радость и навсегда сделала его преданнейшим личным господина гаулейтера слугой.

Ответ не замедлил явиться — это уже само по себе свидетельствовало, что гаулейтер действительно высоко расценивает деятельность господина Эшке. Он приглашал доктора прочитать несколько лекций в Мюнхене, где Эшке будет его, гаулейтера, гостем. Ганс сейчас же подтвердил получение доставившего ему сердечную радость письма и обещал быть в Мюнхене, когда выполнит обязательства, взятые им на себя перед национал-социалистской организацией Берлина.

Марта пришла в точно назначенный час и принесла с собой бургундское, которое не смог достать Ганс. И именно бургундское. У этой девушки был, видать, кое-какой житейский опыт. Кроме того, у нее оказались в сумочке две плитки шоколада. Она была на этот раз в газовом платье, и Ганс впервые увидел ее ноги с крепкими, выдававшимися икрами. Этот взгляд она не пропустила.

— Я — конькобежец.

Ганс сначала смутился, но тут же почувствовал себя особенно хорошо от такой непосредственности.

Марте очень понравился белый брандвейн, а Ганс сообщил, что это русская водка. Марта пила ее, не испытывая, видать, жжения в горле, но глаза ее пьянели. Она болтала о том, как хорошо она бежит на коньках. Она и танцует на льду превосходно. Только однажды ее партнер поскользнул-

ся, упал, и его конек врезался ей в ногу. Это было очень больно, она две недели потом лежала, а шрам остался до сих пор. — Хотите посмотреть?

Она и не подумала дожидаться ответа, отстегнула подвязку и обнажила ногу. С усмешечкой проследила за впечатлением, произведенным ее ногой на доктора. Он колебался, потом бросился к ней и стал целовать ногу выше колена.

* * *

Семь ужинов приготовлено было фрау Зюссмильх для приятелей доктора Эшке, после чего она явилась к нему сама.

— Мой визит, милый доктор, имеет деловой характер. Моему старшему грозит несчастье, которое только вы можете предотвратить.

По ее словам, мальчик оказался слишком доверчивым, и теперь нехорошие люди запутали его в свои дела. Мальчик — цальмейстер¹ какой-то дивизии или чего-то вроде этого. Дивизия или что-то вроде этого находится в России. Доктор, конечно, знает, как отвратительны эти русские, не желающие сдаваться и убивающие немецких солдат. В одном бою дивизия или что-то вроде этого потеряла три тысячи человек. Это были молодые свежеемундированные солдаты. Одежда на них была совсем новенькой. Мальчик хотел сэкономить ее государству и придумал хоронить убитых без сапог, одежды и белья. На убитых надели бумажные трусики.

— Ах, — всплеснула руками фрау Зюссмильх, — «мертвецу безразличен наряд» — так, кажется, написал сам Гёте или кто-то еще. А живые ведь так нуждаются...

По рассказу фрау Зюссмильх, мальчик сэкономил три тысячи униформ. И это была такая большая польза государству, что сын, несомненно, был бы награжден Железным крестом. Но помощниками мальчика оказались евреи или поляки, которые ничего не показали об этом в отчетах, и обмундирование разошлось на каком-то городском рынке в России, Польше или что-то вроде этого. Словом, кого-то с чем-то задержали. Мальчик в отчаянии. Конечно, у государства как такового ничего не украдено, одежда снята с мертвечов, но когда начинается история, то уже ничего невозможно бывает объяснить. И семья теперь под угрозой. Хорошая немецкая семья.

¹ Казначей, начальник административно-хозяйственной и финансовой части.

Фрау Зюссмильх не преминула подчеркнуть, что господин доктор великий филолог и наверняка знает — предки Зюссмильхов получили свою фамилию за то, что торговали на рынке всегда только свежим сладким молоком. Они славились честностью, никогда не снимали с молока сливок и не подливали в него воды. И эту беспорочную фамилию, существующую сотни лет, мировое еврейство хочет теперь запятнать. Доктор — великий немецкий патриот и не допустит, чтобы это произошло. Глупое разбирательство должно быть прекращено. А мальчика, который заболел из-за этой истории нервным расстройством, надо как можно скорее отозвать в Берлин или перевести в другую часть. Все это, по мнению фрау Зюссмильх, господину доктору не составит никакого труда, так как в главном интендантстве является одним из больших начальников господин Бернгард Пфельш, а он обожает Марту — свою младшую хорошенькую дочь, которая так часто забегает к доктору — конечно, за книгами.

В заключение своего пространного монолога фрау Зюссмильх рассказала, что господин Зюссмильх сегодня утром чуть не умер от разрыва сердца. Он приобретал из-под полы филейную вырезку и масло для очередного ужина приятелям господина доктора, и его при этом чуть не сцапали. Но если бы это произошло, он не признался бы, по чьему поручению совершил преступление, из которого сам не извлекает никакой корысти. Ибо семья Зюссмильхов готова на любые жертвы ради доктора, идеями которого она так увлечена.

Впечатление от неприятного визита фрау Зюссмильх выветрились только тогда, когда Ганс находился уже на Вильгельмплатц, у здания министерства просвещения и пропаганды. Сердце у него забилося в радостном волнении. Впервые переступал он порог этого учреждения, направляясь притом к самому министру¹. Это ли не показатель того, что он, Ганс, не просто идет в гору, а уже находится на горе. Да, он взбрался!

Без промедлений провели его к господину Криче, худосочному человеку, желтизну которого оттенял безукоризненный черный костюм. Министр, как многие не пышущие здоровьем и красой люди, не любил в своем окружении румяных и рослых. Его секретарь был болезненным и хрупким, имел темные очки и большой рот. Когда Ганс вошел, рот этот сейчас же расширился почти до ушей и, словно раздвинутый щипца-

¹ Имеется в виду Геббельс — руководитель нацистской пропаганды один из главарей фашистской Германии.

ми, оставался в таком неестественном положении некоторое время.

— Я очень, очень рад познакомиться с вами, господин доктор, — проговорил Криче и добавил: — Нам весьма нужен такой сотрудник, как вы. Рейхсминистр имеет для вас важные поручения.

Криче не преминул подчеркнуть, что само приглашение сюда свидетельствует о признании деятельности Эшке, и тут же подчеркнул, что в свою очередь Эшке может благодарить судьбу, которая привела его сюда, в лабораторию мысли, где таланты получают полный простор, где изощряется ум и высоко взлетает фантазия.

— Наши кабинеты здесь, — говорил Криче, — это аэродром, с которого стартуют мысли, разлетающиеся затем по всем газетам, книгам и радиостанциям империи. Впрочем, вы это увидите сами.

Он сообщил, что Эшке удостоен чести присутствовать на совещании у рейхсминистра, но предупредил, что это не совещание в дурном смысле слова, когда говорят все. Говорит только господин рейхсминистр. Но именно потому это богатейшая школа, ибо слушать рейхсминистра — значит обогащать и упражнять свой ум.

— Вы убедитесь, — сказал Криче, — насколько более гибок станет ваш ум после пребывания здесь. Для вас, непосвященного, сегодняшние поучения будут откровением, и вас, — закончил он, — незачем, конечно, предупреждать, что произносимое здесь остается достоянием слышавших.

Криче скрылся за массивной дверью и через минуту пригласил доктора Эшке войти. В кабинете, старательно записывая указания министра, сидело человек двадцать, вероятно, ближайшие сотрудники.

— Господа, — говорил рейхсминистр, — за неделю, с прошлого четверга, наша пресса, радио и кино опять дали, к сожалению, повод для многих серьезных замечаний.

Первое. Военный корреспондент «Дейтше Алльгемейне Цейтунг» назвал оставленный нашими войсками город Ростов «крупным центром южной России». Грубая ошибка, господа. Не ясно ли, что крупным центром этот город мог быть только тогда, когда германские войска его брали. Поскольку они его оставили, он превратился тем самым в рядовой пункт на русской карте. Формулировки должны следовать за войсками. Это не будет отступлением от истины. Наоборот, это сама истина. Важность города утрачивается, когда мы теряем сам город, ибо важность без города не мо-

жет существовать, она повисает в воздухе. В полном соответствии с логикой мы должны поэтому объявлять всякое оставляемое нами место не имеющим никакого военного значения. Прошу вас, господин Цельт, не оставлять прессу без соответственных указаний.

Мое второе замечание. «Берлинская иллюстрированная», желая показать нищету, принесенную балканскими большевиками населению занятого ими района, опубликовала фото, на котором изнуренные дети протягивают к партизану руку за хлебом. Не ясно ли, что фото не доведено до конца?! Разве дающую руку нельзя было обрубить? Для чего в редакции ножницы и ретушь? Будучи подано осмысленно, это фото показало бы не только голод в стане врага, но и его жестокосердие. Прошу вас, господин Хаммель, не лишать фотоинформацию напоминаний о том, что ретушь — важное искусство на службе германству. Германству нужна ретушь, господа!

Третье замечание. Журнал «Неделя» опубликовал рассказ и фото бежавшего из русского плена солдата. Этот солдат длиннолиц, но у него не проглядывают кости. Для чего нужен был в таком случае снимок, если он не доказывает, что русский плен — голодная смерть? Разве к услугам редакции мало лазаретов, где можно было выбрать для снимка страшнейшего из дистрофиков?! Это не было бы отступлением от истины, ибо пропаганда — это искусство и, как во всяком искусстве, в нем существенна не пунктуальность, а общая художественная правда. Я не раз говорил вам об этом, господа. Дело не в подлинности факта, а в значимости мысли. Не откажитесь, господин Эрк, подготовить для редакций по этому вопросу поясняющее письмо.

Рейхсминистр сделал несколько глотков холодного кофе. Присутствовавшие усердно строчили в свои потицбухи.

— Серьезную ошибку, принципиальную ошибку, — продолжал рейхсминистр, — делает в ряде передовых «Берлинер Тагеблатт». Газета порицает тех, кто мечтает сейчас о счастливом послевоенном будущем соплеменников, вместо того чтобы отдавать все мысли сегодняшнему дню. Это противопоставление искусственно и вредно, господа. Наоборот, нужно сеять больше мечтаний в массах. Вспомните «народный автомобиль», эту чудесную игрушку, которая обещана была фюрером каждой немецкой семье. Почему не сказать сейчас, когда так трудно понасть в трамвай, что это обещание фюрера будет выполнено в первый же год после победы. «Рено», московский и горьковский автозаводы, «Роллс-Ройс», «Форд»

и другие получают задания дать всем немецким семьям автомобили. Мечта облегчит рабочему его пешеходный путь на завод. Мечта обрадует крестьянина, который заранее отведет своему лимузину отгороженное место в конюшне. Вечером, когда усталая семья соплеменника соберется за скудным ужином, напоминание диктора о том, что мытарства скоро вознаграждаются машиной, разгладит морщины, оживит лица, внесет радость в дом.

А разве плохо было бы пообещать жителям северного германского побережья и прибрежных районов крупных рек, скажем, по яхте? Разве не следует придумать для всех разбомбленных коттеджи, которые на бывших британских судах перевезены будут для них с проклятого острова? Мне представляется, господа, что и рабочим военных заводов надо подарить учетверенное социальное страхование за счет фондов, которые будут собираться для этой цели в виде специального налога с побежденных стран. Надо объявить соплеменникам, что жизнь каждого будет страховаться после победы за счет подушного обложения всех англичан, включая новорожденных, в десять или, к примеру, двадцать тысяч фунтов стерлингов. Нужно обещать обносившимся немецким женщинам шелка, которые будут прясть для них все черви Кавказа и Средней Азии. Мечта — великое дело, господа. Мечта всегда лучше действительности. А массы — это дети, которые падки на мечту, могут годы жить мечтой. Мечта должна быть поставлена на службу победе, на пользу германству! Мечты надо внедрять газетной статьей, популярной книжкой о том, что получит немецкий народ в покоренном мире, фильмом о русских безбрежных просторах, которые десятками гектаров будут отрезаться каждому желающему немцу. Я не даю по этому вопросу персональных поручений. Сеять мечты — долг каждого, кому фюрер доверил грандиозную и благородную задачу делать всех соплеменников яростными добытчиками победы. Сейте мечтания, господа!

Мое следующее замечание относится к неправильному тону, каким описывают некоторые газеты последствия бомбардировок. Я видел очерк, в котором журналист изливался плачем библейского Иеремии по поводу гибели нажитого людьми добра. Но надо, наоборот, приучить соплеменников к мысли, что шкаф, двери, зеркала и графины — предметы относительного бытия, не предметы, а почти видения. Пусть люди относятся к вещам как к преходящему сну, как к мельканию. Пусть поймут, что трельяжи и гардеробы неустойчивы, подобно ветренным девушкам, о которых не стоит жалеть.

Привычка к своей кровати и плите — это страшная консервативная сила, которая тянет нас вспять. Удобства сегодня — балласт. Пусть печать и радио покажут, что разбомбленный не потерял ничего ценного, что он только раскрепостился. Надо выветрить в соплеменнике страх оказаться разбомбленным, доказать ему, что нет в этом ничего ужасного. Он получит в этом случае талоны на питание и дополнительные шесть сигарет в день. Это все, что нужно сегодня, когда предметы превратились в миражи, и котлета из концентрата — реальнейшее из того, что есть в подлунном мире. Зато после войны этот разбомбленный получит шкаф из родового поместья лорда и чайный сервиз из Уочестера. А главное, разбомбленный избавляется от страха, который его тяготил, ибо человек не беспокоится о том, чего у него уже нет, и спит тогда спокойно. Господа, я не требую от вас пробуждать в соплеменнике рвение быть разбомбленным, но хочу, чтобы в результате пропаганды он только то считал реальностью, что получит после войны.

Мое последнее замечание связано с просьбой господина Бакке, который справедливо указывает, что мы мало помогаем ему сводить продовольственный баланс. Имеется в виду сбор дикорастущих. Газеты пишут только о грибах и ягодах, за которые агитировать не требуется вообще. Пригородные поезда переполнены берлинцами, которые дают друг другу ноги, устремляясь в леса. На долю каждого приходится при этом столько ягод, что они не успевают спрессоваться в повидло. Министерство продовольствия считает поэтому необходимым широко рекомендовать соплеменникам в пищу одуванчики и маргаритку. Прошу вас писать об этом, господа. Первую неделю над вашими статьями будут смеяться, вторую — улыбаться, на третью — читать с серьезными лицами, а к концу месяца — есть одуванчики.

Рейхсминистр допил свой кофе.

— Я все сказал, господа. Прошу разойтись и действовать. Доктор Эшке, займите, пожалуйста, вот это кресло.

* * *

Марта ввела Ганса в новый и разнообразный мир. Приобретенные благодаря ей знакомые были богатыми и замечательными людьми. Старый участник движения и владелец сорокакомнатной виллы Курт Заммлер¹ оказался, например,

¹ Заммлер — по-немецки: собиратель, накопитель, коллекционер.

коллекционером. Он собирал оттиснутые золотом на веленовой бумаге меню всех банкетных ужинов и обедов, происходивших в знаменательные дни и по поводу торжественных событий в движении. Заммлер дал Гансу понять, что каждый уважающий себя человек из круга духовной аристократии, возвышающийся над широкими массами ведомых, обязательно должен что-нибудь коллекционировать. Это подтвердила и Марта, собиравшая карандаши губной помады. Они расположены были у нее побатарейно в специальной горке красного дерева. Каждая батарея состояла из карандашей парфюмерных фирм определенной страны. Тут было все, что только могли прислать и привезти Марте ее поклонники или подчиненные отца из Франции, Италии, Испании и государств Балканского полуострова.

— Обратите внимание, — говорил Заммлер Гансу, — гаулейтер Мартин Муштман собрал столько картин и фарфора, что приезжающие в Саксонию партийные деятели, побывав у него, уже не утруждают себя хождением в Дрезденский музей. Дитрих коллекционирует ордена. Секретарь восточного отдела министерства иностранных дел собирает зубные щетки фюрера. Он платит по триста марок слуге фюрера, который часто обновляет эту принадлежность туалета своего господина. В будущем этот набор зубных щеток приобретет потомкам для обозрения Всегерманский музей или его купит какой-нибудь янки. Франц Детт собирает фотографии славянских раздутых ноздрей, рейхсмаршал коллекционирует предприятия, а господин Керрл, который, если вы помните, возглавлял министерство по церковным делам, собрал несколько сот пикантнейших выписок из показаний о растлении девочек монахами, судившимися в противокатолических процессах. Я не сомневаюсь, господин доктор, что и у вас появится духовная потребность стать собирателем.

Своему семнадцатилетнему сыну, унаследовавшему от отца аристократическую страсть, Заммлер отвел два больших зала, в которых тот расположил собрание значков и погон. В этом музее были отделы СА, СС, национал-социалистского автомобильного корпуса, национал-социалистского воздушного корпуса, гитлерюгенда и всех родов войск. Отделы, в свою очередь, делились на подотделы нашивок правой стороны воротников, левой стороны и нарукавных. Чернота и однотонность дубовых листьев штандартен- и группенфюреров в отделе СС сменялась игрой всех цветов радуги в отделе СА. Длинной бордовой лентой вытянуты

были на стене воротниковые нашивки вестфальских штурмовиков, зеленой — померанских, голубой — баварских, желтой — силезских и т. д. и т. д. В отделе гитлерюгенда представлены были ленты расшитых цветами погон разных баннфюреров. И совсем ошеломлял разнообразием зал вермахта, где выставлены были образцы знаков разных соединений, благодаря чему этот отдел мог служить одновременно и наглядным пособием при изучении Брэма.

Весьма интересным оказалось знакомство с Фрицем Кламоттенем¹, возглавлявшим по поручению партии сбор тряпья. Человек большого размаха, энтузиазма и деловых качеств, он превратил утиль в крупную статью имперских доходов. Тратя минимум средств на аппарат, он поручал собирать хлам самому населению. Еще до знакомства с ним Ганс познал на себе его ретивость, когда домовладелец предложил ему не сжигать использованную бумагу, а относить ее каждые три дня в сарай во дворе; это предписание было Гансом нарушено, за что с него взыскали три марки на приобретение стандартной корзины для бумаг и пригрозили замуровать камин. Домовладелец, которому Ганс пытался высказать свое возмущение, развел руками и сослался на партию, Фрица Кламоттена и интересы германства. Теперь Ганс с восторгом услышал от руководителя всеильной организации о том, что дети из «Немецкого юнгфолька» и «Союза немецких девочек» еженедельно доставляют ему из дома по одной металлической вещи, уворовывая часто, за неимением консервных банок, материнские бронзовые подсвечники. Кламоттен показал Гансу разработанный им проект закона по поставке населением старых пуговиц, которая возлагается на бездетных в двойном размере, и похвастался тысячами бесплатных рук, сортирующих утиль, в котором всегда оказывается много вещей, отправляемых на обменные пункты и перешивочные мастерские.

— Я не выполняю своих планов и наполовину, — говорил Фриц Кламоттен. — Слишком много баб, предпочитающих перешивать старые штаны и юбки собственным детям. Увы, осуществление никогда не бывает подобно самой идее. Возможности же неисчерпаемы. Я испытываю величайшее нетерпение, думая о том, сколько еще имеется в стране не поступивших ко мне подсвечников и протертых штанов, сколько дверных ручек попусту торчат там, где можно обойтись щеколдой. Я объявляю всеимперский поход на

¹ Кламоттен — в переводе: лохмотья, хлам, барахло.

квартиры, чердаки и подвалы. И верьте мне, я выкачаю из них все, что можно. Гарантией этому мой... убийственный аргумент, с которым никому нельзя не посчитаться: сдачу утиля я провозглашаю плебисцитом. Кто не дает, тот демонстрирует против германства, победы и фюрера! Моего ведомства и агентов уже сейчас многие боятся так же, как агентов рейхсфюрера СС. Завтра перед ними будут трепетать все! Сдача утиля — плебисцит! Фриц Кламоттен — рейхсфюрер по утилю! Потом я соберу утиль по всей Европе. Предварительные вычисления уже произведены, и я могу вам сказать, что кухонные горшки, ведра и кастрюли одних только русских баб дадут нашей артиллерии столько чугуна, а авиации алюминия, что нью-йоркские небоскребы войдут в землю. Ах, безграничность возможностей прямо-таки ошпаривает.

Слушая рейхсфюрера по утилю, Ганс преисполнялся глубоким уважением к его деловитости и полету мыслей. Его искусству нельзя было не доверять. Ведра с тем большим вероятно могли превращаться в пушки, что уже сейчас фрау Кламоттен делала из них прекрасные паштеты, а дочь — подруга Марты — преобразовала их в искрившееся серебром манто из черно-бурых лиснц.

Ганс стал бывать и в доме Франца Гевандтера¹ — крупного торговца антикварной мебелью, сын которого был теоретиком нового права.

Семья явно ценила знакомство с вошедшим в моду доктором Эшке.

— Адольф Гитлер ввел социализм, — говорил старший Гевандтер, — привилегии знати исчезли. Если раньше богатствами старины владели только аристократы, то теперь мы сами делаем аристократов, давая им предметы старины. Сорок руководителей берлинской организации партии снят на кроватях под балдахинами. Восемнадцать имеют мебель гостиных времен Людовика XIV. Больше четырехсот владеют резными комодами и зеркалами времен маркизы Помпадур. Почти тысяча отдыхает в подлинных вольтеровских креслах. Не хочу быть нескромным, но, видит бог, это результат моих трудов. Я рассылал всем этим господам приглашения и продавал им вещи по самой сходной цене. Я извездил Францию, Бельгию, Венгрию, Италию, наковал, грузил перевозил. Меня не интересовали при этом доходы, а захватывал самый процесс.

¹ От «гевандт» — изворотливый.

— Мой отец выполняет свою социальную функцию, — пояснял Гевандтер-младший. — Марксисты выдумали классы и ожесточили людей, а национал-социалистская теория функций, словно рентгеновский луч, все просветила насквозь и показала, что никаких классов нигде нет. Классы — такое же суеверие, как вера алхимиков в их золото и крестьянских баб — в дурной глаз. Адольф Гитлер классов не обнаружил. Каждый делает свое дело. Рабочий работает, машинистка печатает, отец торгует, фюрер руководит. Все ясно, и все в порядке.

Моя функция вдесятеро труднее, чем любого рабочего, — говорил старший. — Что, спрашиваю я вас, милее всего на свете? Неповторимое. Это прошедшая молодость, первая любовь и антикварная вещь. Молодость не вернуть, кушетку Помпадур не поставить на поток. Я не принадлежу к ловкачам, торгующим Тицианами, сделанными на берлинских чердаках. Я даю подлинники, даю неповторимое. Это не то, что произвести миллионную пуговицу. Рабочий счастлив, как всякий автомат, а я вечно обременен заботами и думами.

— Да, да, автоматизация — это счастье, — опять пояснял младший. — Наш правовой строй максимально раскрепощает людей от забот и дум. Все предусмотрено, все регулируется. Жизнь расписывается с малолетства и до конца. С десяти лет — в юнгфольк, через четыре года — в гитлерюгенд, через три в арбейтсдинст, через год — в армию, затем — в «имперское продовольственное сословие» или к станку. Все ясно, и все в порядке.

Младший Гевандтер познакомил Ганса с Карлом Могелем¹, издавшим ученый труд «Право» и нордическая раса» и демонстрировавшим себя как блестящего представителя последней.

— Мой рост — 176 сантиметров, — отрекомендовался Гансу Могель. — Глаза, как видите, голубые, волосы светлые. Губы тонкие, как бы вобранные. Взгляд суров. На лбу складки, которые эту суровость усиливают. В моем лице нет ни одной мягкой черты. Такой человек обязан утвердиться в жизни.

Это далось ему нелегко. Он рассказал, что его преследовали, судили, травили. Против него были и марксисты и католики. Он всех одолел. Ему требовалось безбедное существование, чтобы не тратить времени на заработки

¹ Могель — плут, жулик, мазурик.

и всецело отдаться изучению права и черепов. Среди юристов он должен был стать единственным антропологом, среди антропологов — юристом. Его капитал был слишком ничтожным, чтобы банки могли дать достаточный процент. Дивиденды акционерных обществ тоже писаны были не про него. Справочники по доходности предприятий показали, что наибольшую прибыль извлекают страховые компании. Тогда он изыскал для себя собственную систему страхования.

У окошек пенсионных касс он выбрал восемь старух, получавших по десять — пятнадцать марок пенсии за потерянных в войне сыновей, и застраховал жизнь этих старух в свою пользу. Он платил за них страховые взносы и давал каждой по три марки в месяц. Старухи умирали блестяще. Выбывших он заменял новыми. Через три года он вывел среднюю из измерения тысячи черепов и имел на текущем счету двенадцать тысяч марок. Но успех нордического человека привел в ярость служащих страховых компаний. Его посадили в тюрьму и полили грязью в газетах. Только в марте 33-го, когда национал-социализм пришел к власти, его дело было пересмотрено и закончилось для него триумфом. Новый состав суда подтвердил, что с формальной стороны в его действиях не было состава преступления, ибо в уголовном уложении ничего не говорится о страховых операциях, придуманных им. Суд подтвердил, что преступления не было и по существу, ибо старухи имели от него чистый доход без всякой затраты капитала.

Этот суд, по словам Могеля, был победой германского человека над еврейством. Перед ним открылись двери лучших нордических домов. Ему предоставили государственную субсидию на дальнейшие изыскания, и он опубликовал за эти десять лет ряд работ, увенчавшихся последним капитальным трудом о правовом обеспечении развития нордической расы.

Борец за чистоту нордической расы поведал Эшке, что в итоге долголетних трудов вывел индекс размеров черепов славянской и немецкой рас. Он измерял высоту и ширину каждого черепа и установил, что ширина составляет у славян 78 процентов к длине, у немцев — 76 — 77, то есть немецкие черепа выше. Измерения эти он проводил главным образом в концентрационных лагерях, где к его услугам всегда предоставляли столько черепов, сколько ему требовалось. Всего он измерил по две тысячи черепов обеих рас; выведенный индекс тем более точен, что построен

на законе больших чисел. После этого он занялся уже на живом материале выведением индекса размеров лица. Для этого он промерял каждое лицо вдоль, а затем в ширину до выпиравших скул. Оказалось, что скуластые славянские лица в среднем на 0,9 сантиметра шире.

— Превосходство немецкой головы,— сказал Могель,— было таким образом точно установлено. Как честный ученый я не мог, однако, пройти мимо факта, что свыше 40 процентов немецких голов недостаточно длинно, а их лица по славянско-монгольски скуласты. У многих экземпляров меня испугали еще и выдающиеся челюсти, что делает их просто ломброзианскими типами и совершенно недопустимо среди соплеменников.

По убеждению Могеля, это означало необходимость предложить меры, которые задержали бы распространение короткоголовых и обеспечивали размножение длинноголовых. Первые должны быть вытеснены вторыми. Сделать это можно только законодательным путем. Рекомендуемая им серия законов сурова, но гарантирует успех. Он предлагает, во-первых, издать закон, по которому рождение ребенка у короткоголовых не освобождает от уплаты налога за бездетность. Наоборот, каждый ребенок в длинноголовой семье должен приравниваться в области налоговых льгот к двум. Во-вторых, необходим закон, который отводил бы короткоголовым только десять процентов мест в высших учебных заведениях. Далее, нужен закон, запрещающий незамужним женщинам половое общение с лицами, не имеющими свидетельства о том, что их головной индекс соответствует нордической норме. Шеффененами¹ и чиновниками в государственных учреждениях по предлагаемому закону могут быть только длинноголовые. Все это приведет в конце концов к тому, что мужчины и женщины будут стремиться рожать только длинноголовое или, по крайней мере, среднеголовое потомство. По подсчетам Могеля, короткоголовые полностью вымрут при таких условиях в течение ближайших десятилетий.

Полезной для себя счел Ганс и задушевную беседу с обер-лейтенантом Кригером², который после вечера у Гевандтеров провожал его домой.

— Я только из вежливости, дорогой Эшке, поддержал ваш тост за скорейшее окончание войны. Но я его совсем

¹ Присяжные заседатели в немецких судах.

² Кригер в переводе: воин, вояка.

не желаю. Наука говорит, что именно война — нормальное состояние на земле, а мир — только антракт между войнами. Окончание войны явилось бы для меня и личным ударом. Еще после падения Франции, когда обыватели ждали английской капитуляции, я с ужасом думал, что войне может прийти быстрый конец. Что стал бы я тогда делать? Вы ученый, для вас все равно не высохли бы чернила. А с чем останусь я? Мне отнюдь не увидеть тогда не только Рыцарского креста, но и витых погон. Никакого завтра! Ехать колонизовать Восток? Взять себе сотню гектаров на Украине? Но я гамбуржец и плуга в глаза не видал. Земля не для меня. Моя жизнь — в войне. Я соглашусь на мир только тогда, когда нами будут завоеваны все пять материков, мне будет пятьдесят, и мой бюст установят в мюнхенской галерее полководцев. А до тех пор нам нужна война. Я говорю «нам», потому что таких, как я, — легион. И у наших руководителей такие же души, как у нас. Знаете, что сказал в 1938 году рейхсмаршал¹ моему дяде — генералу, когда тот испугался, услышав о Мюнхенском соглашении? «Успокойтесь, — сказал он ему, — и не опасайтесь за вашу военную карьеру. Соглашение, которое мы заключили, гарантирует нам скорую войну в Европе». Нет, дорогой доктор, пусть о конце войны мечтают бабы в очередях!

Приобретенные знакомства пошли Гансу на пользу. Если он не сразу стал коллекционером, то только потому, что не решил, на чем остановить свой выбор. Зато Гевандтер-старший предложил ему кровать с балдахином и резную полку, которая, как было точно установлено, находилась во владении Ришелье. Желая упрочить связь с вошедшим в силу доктором, Гевандтер отдавал эти ценнейшие вещи под ничтожный аванс. Марта советовала немедленно перевезти полку. Все в Германии заняты сейчас покупкой вещей, все стремятся обменять на что-нибудь свои деньги, а мебель, картины и фарфор являются выгодным помещением капитала. Гансу трудно было связать это со справедливым указанием рейхсминистра об отношении к мебели как к мелькапию и видению, но он понял, что это противоречие порождено жизнью, и вещи на всякий случай перевез. Спать под балдахином было неприятно, Ганс чувствовал себя как в гробу, но твердо решил привыкать.

¹ Геринг — второй после Гитлера в шайке главарей фашистской Германии, «наци № 2», как его называли, получивший самые высокие посты и звания в нацистском государстве.

Однако самыми поучительными оказались для него примеры Фрица Кламоттена и Могеля. Энтузиазм первого и нордическое упорство второго, приведшие их к крупным успехам, усилили рвение Ганса скорее выпустить в свет собственные творения. Книга об именах, книга об очищении немецкого языка, книга, которую заказал ему рейхс-министр, — все они должны были появиться почти одновременно, поразить, затмить, отвести Гансу Эшке главу в истории и вицлю, которая не уступала бы заммлеровской.

Предисловие к книге о языке было уже написано. В ней говорилось, что «если итогом войны 1870 — 1871 годов, когда в народе появилось чувство достоинства, было избавление немецкого языка от французских военных и почтовых слов (выражение «почтовых слов» Гансу не нравилось, но лучшего он не подобрал), то итогом нынешней войны должен быть полный пересмотр всего немецкого языка, бывшего в употреблении до национал-социализма, введение нового немецкого языка, в котором не останется и тени латино-марксистского интернационализма, и последующая замена этим новым языком всех других на земном шаре. Германизация мира должна покончить с разноязычием на земле и дать человечеству единую речь начало которой кладется настоящей книгой».

Ганс знал, что из трехсот тысяч немецких слов — почти половина иностранного происхождения. Обновление языка было гигантским трудом, но он был уверен, что природная сметка и деловитость позволят ему сделать это занятие легким и даже приятным. Достаточно взять любой из словарей, каждый из которых содержал по сотне с лишним тысяч употреблявшихся немцами иностранных слов, и последовательно заменить их словами собственного изобретения. В силе воображения Ганс не мог себе отказать. Он не измерял своего черепа, но индекс должен был быть огромным. Наоборот, его даже раздражало то обстоятельство, что очищение языка началось задолго до него. С неудовольствием просматривал он пожелтевшие протоколы съездов Общества немецкого языка и его многочисленные издания, в которых иностранные слова в области спорта, домашнего быта и торгового дела заменялись придуманными немецкими. Наталкиваясь на старую брошюру, в которой общество рекомендовало «...хозяевам, инженерам и рабочим шахт, рудников и приисков изучить и употреблять нижеследующие немецкие слова в области горного дела». Ганс испытывал досаду. Он знал,

что деятели общества занимались некогда тем, что выдумывали слова, бичевали писателей, употреблявших «чужеземные обороты речи», публиковали хвалы «чистым» писателям, искали грехи в газетах и журналах, одолевали правительство требованиями узаконения их словотворчества.

Он сам почерпнул свои идеи из изданий общества, но оно явно зашло слишком далеко, посеяв в докторе Эшке сомнения: не искореняет ли он то, что уже упразднено было до него? Простудировав разработанный в 1915 году во исполнение решения рейхстага проект закона о «Выведении русских, французских и английских слов из германского государственного оборота», Ганс был серьезно смущен. А отчет эрфуртского конгресса общества в 1916 году, заменившего французские «секретариат» и «бюро» немецкой «писарней», поверг доктора Эшке почти в уныние. Потребовалось серьезное напряжение нордического духа, чтобы восстановить равновесие. В конце концов, решил Ганс, новых идей вообще не может быть. Предыдущие века выдумали уже все, что можно было выдумать, ничего не оставив двадцатому. Но можно вливать в старые мехи новое вино. Могелю тоже предшествовал Банзе, но если не ему первому принадлежит идея измерять черепа, то до искоренения короткоголовых додумался именно он.

Пусть немецкий язык чистили и до Эшке, но настоящую революцию в этой области произведет он. Прежние очистители заменили телеграмму проволокоюизвестием, телефон — дальнегоговорителем, меню — блюдокартой. Он, Ганс, сделает из носа сморкательный рожок, из окна — денносветитель и из малярии — дрожачку. Нужны только спокойствие и система.

Стол доктора Эшке завален был трудами прежних очистителей. Тут был Дунгер («Снова англичанство в немецком языке»), исследование Ленца «Еврейские вторжения в немецком словообороте», нашумевшая некогда работа Гетце «Немецкая война и немецкий язык», глубоко патриотическая книга Эстера «Долой славянских оккупантов из немецкого языка». Все это, конечно, персшительные и жалкие произведения донационал-социалистской эпохи, но они нужны Гансу потому, что только из них и можно, собственно говоря, узнать, какие немецкие слова не являются немецкими.

Ганс принялся листать и писать.

«Подробно». О тлетворном влиянии славян во время переселения народов. Варвары занимали весь восток северной Германии. Следы славяно-монгольства в наименовании мест и вещей. От них — «огурец». Заменить на «продолговатик» или «зеленик». Позднее от славян «сабля». Заменить — «рубалка». Наиболее позорно славянство проникло в германскую армию. «Гаубица» — от них. Вести «ухалка».

Особо. В области питания только яйца являются исконным немецким словом. Все слова, связанные с искусством приготовления блюд, почерпнуты из латыни. Употреблять «варник» и «подмясник» для обозначения кастрюли и сковороды.

Пагубные латынь и французский в течение столетий были поставщиками слов немецкому языку. Постыдная иностранщина затопила язык. Все виды мебели, кроме стула и кровати, носят чужие названия. Сделать гардероб вместилищем, комод — бельескладильником, зеркало — отражателем и табуретку — простушкой.

Из всех слов на «К» в немецком словаре только 25С немецких корней, но и из них лишь 139 имеют бесспорно немецкое происхождение, а 111 других настолько вжились и переродились, что автору настоящей книги составило огромный труд их распознать. Таковы, например, крест и кошка. Донационал-социалистские языковеды-примиренцы обходили вопрос о таких словах, признавая их «онемечившимися». Но наша эпоха — искоренения всего нечистокровного — не может проявить терпимость к подобному покровительству чужеплеменным элементам в языке. Разве «кошка» не может стать чисто немецкой «царапалкой», а «крест» — «исусым вздором»?!

Особо остановиться на назойливом проникновении англичан, целиком оккупировавших в языке всю область спорта. Бокс, крокет, гольф, теннис, хоккей, матч, рекорд, спортсмен, тренер, старт и проч. и проч. — слова, подлежащие немедленному устранению из оборота. Применять:

вместо бокс — тузилка,
кркет — шарокаталка,
рекорд — переплевок,
спортсмен — спортсманн,
старт — прыжкоготовность.

Специальной главой — военный язык. Скандально, что народ, создавший точнейшую военную науку и армию, завоевавшую целый материк, говорит на чужом военном

языке. Может ли не вознегодовать сердце германского воина, если он узнает, что солдат — чужое слово. Как должны чувствовать себя наши героические *майоры* и другие *офицеры*, наши *генералы* и вообще все *командиры*, носящие звания, перешедшие к ним от врагов! Мужественные немецкие *батальоны* и *бригады*, лихие *кавалеристы* и не знающие промахов *артиллеристы* до сегодняшнего дня находятся в родах войск, названия которым дал враг. Непобедимые германские *гарнизоны* называются так же, как и громимые гарнизоны противника. Наши герои мечут те же *гранаты*, что бросают и в них. Непобедимые крепостные *бастионы* из немецкого бетона и стали не отличены в языке от повергаемых сооружений врага. Немецкие орудийные *батареи* до сих пор не превзошли своим наименованием батарей противника. Наши воины стреляют теми же *патронами* и из тех же *пистолетов*, что и враг. Раненые немцы лежат в *лазаретах*, подобно неполноценным людям других наций. Германские части располагаются на *квартирах*, словно негropодобные французы. Немцы проводят *кампании*, ведут *атаки*, расширяют *фронт*... Не стыдно ли признаться, что во всем немецком военном словаре только один *фельдфебель* является исконным...

Гёте в письме к Блюменталю: «Верно сказано Господом в коране: ни одному народу мы не послали пророка иначе, как в его языке». Намекнуть, *кто* в 1943 году немецкий пророк в языке.

Немцы до сих пор употребляют вино, происходящее от латинского *vinos*. И это в стране, где народ выработал более 500 собственных слов о выпивке!

Лотерея — горшок счастья, пульс — бюкалка.

Вставить фразу: «Мы не позволим, чтобы по привычке или из-за удобства, по равнодушию или из-за звучности употреблялись чужие слова. Смысл национал-социализма в том и состоит, что вековые привычки *ломаются*.

Тот не немец, кто не переучится языку.

Сердце нашего народа бьется истинно по-немецки, и потому можно быть уверенным, что наш новый немецкий язык в срок, который будет определен фюрером, станет языком всей нации и каждого соплеменника в отдельности.

Затронуть вопрос о трудностях переучивания. Ответить: трудности мнимые, немецкий воин преодолевает значительно большие.

Французское платье, которое пришло к нам в последние столетия, привилось вместе с его первоначальными

пазваниями. Наш долг превратить воротничок в человеко-ошейник, жилет — в пусторукавку.

Граница — славянское слово. Нужно ли его заменять или следует вообще выбросить из употребления, так как у Германии в Европе границ не будет? Подумать.

То же — английское «флирт». В «Бытовом словаре» объясняется как «приближение без намерений». Иначе говоря, игра, отвлекающая соплеменников от дела и не дающая потомства. Нордический человек не должен испытывать игривых колебаний, обязан иметь намерения. Приближение для сближения. Выбросить «флирт» без замены.

В новом языке не место и таким словам, которые, будучи немецкими, выражают, однако, заимствованные чужеземные понятия. Таковы «общественное мнение», «самоуправление», «вольнодумец», «выборы». Чуждо и не нужно германству.

* * *

Ганс серьезно подумывал о женитьбе на Марте. В конце концов ему уже 26 лет. Кроме того, наличие семейного дома дает человеку солидность. У женатого человека нет необходимости пользоваться услугами шантажисток вроде фрау Зюссмильх. В семейном доме можно принимать нужных людей. Марте придется, правда, прививать склонность к ведению хозяйства, но дух приобретения у нее врожденный. Ее родители имеют огромные связи, а сама она знает толк в вещах. А то, что этот полуробенек отнюдь не была девочкой до знакомства с Гансом, может быть, даже к лучшему. Неосведомленная девушка ищет в браке иллюзий, опытная же будет не искательницей, а практичной женой.

Правда, на его пути может встретиться что-нибудь поинтересней, чем Марта. Например, отпрыск какой-нибудь знатной, даже титулованной, семьи. Но еще неизвестно, каково будет через десять лет отношение национал-социализма к титулованным. Все понятия и представления в этом мире изменчивы. Ганс вспомнил слышанную у Гевандтеров историю полковника Пэха¹. В веймарские времена, еще будучи молодым офицером, он усиленно старался влюбить в себя внучку композитора Мендельсона. Когда ему это удалось и он вошел в один из самых известных и почитаемых домов Германии, то считал себя счастливейшим человеком. А потом ему

¹ Пэ х ь — неудача.

пришлось устраивать свою жену-еврейку в шведское подданство, вывозить ее родных в Чили, навсегда оставить мечты о генеральских погонах и из генерального штаба перейти в пехотный полк. Так же не повезло сотруднику имперского института по истории новой Германии доктору Миссэрфольгу¹. Он женился на дочери штабного генерала Врэтта, планам которого приписывалась значительная доля успехов во Франции, и надеялся сам попасть со временем в историю новой Германии. Но через короткое время генерал бесследно исчез, и бедному Миссэрфольгу пришлось расстаться со своим институтом. Да, одни попадают в историю, другие в нее влипают! Породиться — значит сделать ставку в рулетку. В мире все неустойчиво, и жениться на дочери национал-социалистского интенданта во всяком случае разумнее, чем взять в жены дочь полководца или романиста.

Но, может быть, встретится еще в жизни любовь? Трудно думать. Ганс не очень верил, что она существует. У него были случайные встречи, случайные связи, без сердцебиений и без тоски. В семнадцать лет ему нравилась, правда, одна девушка, с которой он ходил по воскресеньям за город. В лесу он клал ей голову на колени, она гладила его волосы, и Гансу было хорошо. Но это в прошлом. Потом Ганс вошел в национал-социалистский студенческий союз. Он видел, как люди из союза выходят на большую арену, и понял, каким путем надо идти. Мать и сестры слали ему из пригорода Касселя в Берлин доходы от пятидесяти моргенов сада. Ганс питался сыром вместо обеда, но угощал в ресторанах руководителей союза. «Посылая мне, — писал он матери, — вы создаете себе хороший капитал». Теперь он не собирал с девушкой в поле цветы, мало смеялся, делал выписки из книг и выражал перед всеми свое страдание по поводу засоренности немецкого языка. Стремления поглотили веселость. Сюзанна недаром находила его скучным. Он не мог снова стать молодым, каким делает человека чудесный огонь. Душа и тело светятся, вероятно, только у легкомысленных влюбленных, описываемых романистами. Для них любовь — маг, она их преобразует и заколдовывает. Но Ганс был слишком поглощен собственными мыслями, чтобы свет, излучаемый какой-нибудь девушкой, попал в фокус отражения. Ищущего, беспокорного человека любовь поражает редко. Морщины у такого появляются рано, и в знак любви к женщине он не только не

¹ Миссэрфольг — в переводе: невезение, неуспех.

отрубит палец, но и не променяет на встречу с нею деловое свидание.

Гансу было не до любви, его грызла постоянная неудовлетворенность. Когда у него не было докторской степени, он страдал, не имея того, чем обладают многие. Получив «доктора», он стал мучиться сознанием, что имеет лишь то, что есть у многих. Ганс стремился. Стремления его не были строго определенными, и он не знал, войдет ли в мир преобразователем языка или получит после этого возможность преобразовать еще что-нибудь. Но во всяком случае его не устраивало просто место под солнцем, он мечтал о месте поближе к солнцу.

Простые люди не знают своего будущего. Оно может оказаться розовым, может — пепельно-серым. Такие люди женятся по любви или, как сказала однажды Сюзанна о своей сестре, та вышла замуж потому, что вдвоем легче страдать. Ганс знал свое будущее. Такому человеку, как он, жена нужна не для любовного горения и не в качестве сотоварища по несчастьям. Гореть ей следует честолюбием мужа и знать, для кого и как сервировать стол.

Марту тянуло к знаменитостям, и это было хорошо. Она сама рассказала Гансу, что впервые отдалась мужчине, когда ей было пятнадцать лет, потому что это был известный воздушный ас. Она собирала автографы киноактеров, снялась где-то с сыном Тодта¹, гордилась знакомством с семьей Вагнеров и попала каким-то образом на вечер, данный по поводу приезда в Берлин Гамсуна, оказавшегося, к ее разочарованию, стариком. Ведь и к Гансу она пришла потому, что о нем начали говорить. Такая жена будет стремиться к тому, чтобы сиять отраженным светом мужа, и постарается, чтобы свет этот падал на самое широкое пространство вокруг.

Очень существенным являлось и то, что Марта была послушной и даже инициативной партнершей в постели. Позы, которые Сюзанна считала отвратительными, показались Марте только старомодными. Она притащила как-то французский альбом «Тридцать поз д'амур» и предложила Гансу последовательно перепробовать их. Ганса смущало, что он в общем и целом отставал от партнерши. Если силы Сюзанны приходилось восстанавливать пфанкухенами, то освобожденная от арбейтсдинста Марта часто бывала даже недовольна своим партнером.

¹ Тодт — руководитель военно-строительных организаций в фашистской Германии.

О том, что Марта может за него не выйти или оказаться неверной женой, Ганс не думал. Не так-то легко теперь найти мужа! Почти все объявления в брачных бюллетенях были женскими. Все чаще заблаговременно искали через печать женихов родители даже совсем молоденьких девиц. Многие объявительницы, горя патриотизмом, обращались с саморекомендацией даже к обезноженным на восточном фронте, готовые составить счастье калек. Двадцатилетние нанимались в жены к вдовцам с четырьмя детьми. Девица нуждалась в муже, и личность его была ей безразлична, как номер кредитного билета. По Берлину гулял такой анекдот:

— Попросите к телефону Зизи.

— Я слушаю.

— Зизи, милая, вы удивитесь, что я обращаюсь с таким предложением по телефону, но я слишком несмел, чтобы сделать это лично. Вы пойдете за меня замуж, Зизи?

— Ну, конечно, боже мой, с удовольствием! Но кто это говорит?

Правда, небольшая категория женщин, и к ним, конечно, принадлежала хорошенькая дочь крупного интенданта, и сегодня имеет возможность выбирать мужей. Но разве доктор Эшке не тот, на ком выбор такой женщины сразу и останавливается?

Впечатление, которое производила его внешность, Ганс не переоценивал. В женском обществе он предпочитал поэтому находиться без приятелей, зная, что в одиночестве он всегда самый красивый. Но как только женщина вступала с ним в связь, Ганс, неспособный на роман, считал ее уже не стоящей того, чтобы ежедневно затрачивать новое бритвенное лезвие. Даже самые невзыскательные женщины все же оставались, однако, женщинами, оскорблялись, и потому связи Ганса обрывались так же быстро, как и возникали. Безразличный к краскам, непредупредительный и чуждый любовной игры, слишком примитивный и напористый, сразу становившийся обыденно интимным, часто мрачный и будто чем-то обиженный, не вынимающий изо рта папиросы, скупой на расходы, слепой для собственной любовницы и распрямляющий грудь при виде чужой женщины, надоедливо рассуждающий только о себе самом, занятый своими расчетами, — Ганс никогда не имел длительного успеха. Марта была первой, ради которой Ганс изменял себе, чтобы ее сохранить. Игра требовала напряжения, от которого брак мог бы его избавить.

Однажды к Гансу забежала Сюзанна. На голове у нее была какая-то странная шляпка, напоминавшая гриб.

— Она совсем не к лицу тебе.

Сюзанна зло объяснила, что в парикмахерской вместо перманента ей сделали ультракороткую стрижку. Другой шляпки она носить теперь не может, пока волосы снова не отрастут.

— Это издевательство исходит, кажется, от правительства. Женщины, видите ли, должны думать не о внешности, а о войне. Но это относится, очевидно, только к тем, кто работает по двенадцать часов в сутки. Жена нашего руководителя по-прежнему ходит завитой.

Ганс думал о прическе Марты и промолчал.

— Меня посылали на днях на завод в Энсфельд. Там знаешь до чего додумались? Трамваем можно ездить только на работу. Если человек из заводского поселка хочет попасть в городское кино, топай пешком.

— Война требует от соплеменников...

— Оставь, пожалуйста. Надоело уже быть соплеменником, хочется пожить просто человеком. От одних война требует, другим дает. Посмотрел бы ты, что привез наш хозяин из Франции...

— Что ж, для того и война, чтобы немецкий гражданин...

— А я — не немецкий гражданин? Хозяин сидит в тылу, а мой брат на фронте. Почему мне ничего не перепадает?! А ведь нас обучали партийной программе, и я хорошо помню двенадцатый пункт, где говорилось, что обогатившиеся на войне в то время, когда нация несла чудовищные жертвы, — преступники перед народом.

— Там речь шла о прошлой войне...

— Значит, прошлым господам нельзя было, а нынешним можно? Я скажу тебе...

— Нет, не говори. Я ученый, ты работница, мы оба не политики. Политикой пусть занимается фюрер. Давай лучше ляжем. У меня есть чем тебя угостить.

— А у меня без тебя есть, с кем ложиться.

— Ах вот как... Когда же ты успела?

— А почему бы мне не поторопиться? Я ведь могу погибнуть от бомбы, я медленно умираю на работе. Я получаю там суп, для которого не требуется ложка, — его можно пить как чай. Вот я и решила, что, если есть время для смерти, надо найти его и для жизни.

— Поздравляю тебя с находкой.

— Я сама себя поздравляю. Он веселый, с ним хорошо. Моя мать когда-то говорила, что в отце жил ребенок, всегда готовый играть. В тебе я этого не видела, а встречаясь с

моим парнем, я отдыхаю душой. Кроме того, я учу его немецкому языку.

Ганс удивился:

— Языку? Ты?

— Он поляк, немецким владеет плохо.

Кровь прилила у Ганса к вискам.

— Ты, ты, кажется, сошла с ума! Сойтись с поляком, с недочеловеком, это, это...

— Уверю тебя, он устроен не хуже, чем ты. Даже лучше.

Ганса сковал страх. Что будет, если где-нибудь кто-нибудь когда-нибудь узнает, что он связан был с девкой, живущей с поляком! Если ее будут судить и на суде всплывет его имя! Предположение было так ужасно, что Ганс почувствовал необходимость обдумать его, оставшись наедине.

— Зачем ты пришла?

— Поделиться с тобой радостью.— Сюзанна цинично засмеялась.

— Слушай, ты, ты не понимаешь, что делаешь. Встречи с поляком должны быть сейчас же прекращены. Ты подведешь своих родных. Это грозит непредвиденными несчастьями...

— Ты беспокоишься за меня?

— Я был и остался твоим другом. Я желаю тебе добра. Связь с поляком...

— Не утруждай себя. У тебя есть, вероятно, и собственные заботы.

Ганс долго бродил после этого визита по улицам, стараясь успокоиться. Оказавшись в районе Моабита, он решил зайти к Альберту Пэту — бывшему однокурснику.

— О, вознесясь до всеимперского руководства языком, ты не забыл еще, оказывается, о существовании смертных, — с удивлением приветствовал его Альберт.

Он провел Ганса в комнату, которую делил с братом, молодым врачом.

— Вилли возвращается поздно. Обычно не раньше двенадцати. Нам никто не помешает поговорить.

— Я просто зашел узнать, жив ли ты.

— Хитришь, Ганс. Без причины ты не зайдешь. Если хочешь, я догадываюсь о цели твоего визита.

— Интересно...

— Что ты пришел пригласить меня сотрудничать в изобретении нового немецкого языка — этого я, конечно, не предполагаю. Во-первых, ты слишком честолюбив, чтобы делить с кем-нибудь лавры, а во-вторых, ты знаешь, что я на это

не пойду. Значит, ты пришел выведать мнение смертных о напечатанных главах твоего «Истинно немецкого словаря». Угадал?

Альберт взял с полки книгу в старинном кожаном переплете.

— Я напомню тебе, что говорил он о немецком языке.

Послушные пальцы быстро отсчитали страницы.

— «Я стремился к тому, чтобы перевод был чистым и ясным немецким. Часто, очень часто по четырнадцать дней, по три-четыре недели искал одно-единственное слово и не находил его... Чтобы знать, как говорить по-немецки, надо спрашивать об этом немецкую мать в доме, детей на улице, простого человека на рынке. Надо смотреть им в рот, слышать, как говорят они, и переводить соответственно с этим. Тогда перевод будет понятен им, и они увидят, что с ними говорят по-немецки»¹. Следуя его совету, я прочитал моей матери несколько страниц твоего «Истинно немецкого словаря». Немецкая мать сказала, что, будь для нее обязательными твои запреты, она должна была бы онеметь. Он не изобретал языка. Этим определяется мое отношение к твоей деятельности. Тебе остается теперь усомниться в чистоте моей крови. Но я утаил бы от тебя правду, — продолжал Альберт, — не сказав о мнении однокурсников. Я вижушь со многими. Одни состоят при факультете, другие учительствуют. Почти все они одобряют тебя.

И Альберт рассказал ему следующее: Альберна² тянет ко всему, носящему этикетку подлинного. Он пройдет мимо настоящего Дюрера, но остановится у никчемного полотна, на багете которого будет значиться: подлинник. Он пользуется только подлинно резиновыми презервативами, пьет только подлинный брандвейн и заботится о подлинно рациональном питании. Может быть, поэтому жена его ежегодно рождает, в доме стоит запах сивухи, и он затосковал, услышав от Альберта, что витамины, поглощаемые его детьми в апельсиновом соке, убиваются рыбьим жиром, который он заставляет их пить для приобретения калорий. «В нем есть, конечно, и промахи, — сказал Альберн о словаре Эшке, — но наконец-то мы получили словарь подлинно немецкий».

Безессен³ от труда Ганса в восхищении. Когда появи-

¹ Слова Лютера, переведившего Библию на немецкий.

² А л ь б е р н — глупый, дурашливый.

³ Б е з е с с е н — одержимый, помешанный.

лась первая глава, он только о ней и говорил студентам в своей лекции. «У негроподобных французов, — басил он, — бьется пульс, а в нас течет немецкая кровь, что слышно через наши бюкалки». «До Адольфа Гитлера, — рычал он дальше, — в Европе было 120 языков; после Адольфа Гитлера исчезнут 119 и останется один. Долой славянскую «границу», долой всякие границы, да здравствует безграничная Германия».

Штребер¹ и Шмутцфинк² тоже очень довольны трудом Эшке, они ожидают, что после победы создано будет под его руководством министерство переобучения немцев немецкому языку. Оба надеются получить в нем посты.

Особые планы, рассказывал Альберт, строит Декмантель³. У него очень неблагополучно с родством. Бабка была русской, мать — уроженка Марселя, женщина явно запутанной крови, дядя по отцовской линии эмигрировал в свое время в Америку и породил дочерей, вышедших замуж за американцев, один из которых был членом суда, приговорившего группу германских шпионов в Детройте к пожизненному тюремному заключению. В связи с этим он не имеет ни кафедры, ни жены, ни издателя для своей, по мнению Альберта, довольно неглупой книги о вымирании и рождении слов, и живет на средства какой-то корсетницы. И вот, присмотревшись к работе своей сожительницы и прочитав работу Ганса, он сделал правильный научный вывод — взял собственные мысли в корсет и сел писать хвалебную брошюру «Учение доктора Эшке». Она почти уже готова, ни один издатель не посмеет отказать печатать панегирик доктору Эшке, и бедняга Декмантель выйдет в люди.

Менее ученого, но более искреннего поклонника Эшке обрел в лице Шляппе⁴. Бедняжка, по словам Альберта, устал от проблем. Он самый великовозрастный из однокурсников. Писать диссертацию начал еще при Брюнинге⁵ и выбрал наилучшую по тому времени тему — о благодатном влиянии монахов на развитие немецкой культуры и языка. Работа была наивной, в ней добросовестно пересказывалась общеизвестная мысль о том, что монахи были грамотеями и

¹ Штребер — карьерист, честолюбец.

² Шмутцфинк — грязнуля, неряха.

³ Декмантель — маска, личина.

⁴ Шляппе — в переводе: поражение, удар.

⁵ Брюнинг Генрих — в 1924—1933 годах один из лидеров католической партии центра, в 1930—1932 годах — рейхсканцлер.

распространяли латынь. Потом к власти пришел фюрер, против монахов проведены были судебные процессы, добродетельный Шляппе ужаснулся безправственности монастырского быта и стал писать диссертацию о тлетворном влиянии монахов на развитие немецкой культуры и языка. Работа была такой же наивной и искренней, в ней добросовестно излагалась общеизвестная мысль о том, что монахи были латинистами и препятствовали росту живого немецкого языка. Но бедняга не успел еще довести свой труд до конца, как фюрер заключил с папой конкордат, и стало ясным, что похоронные речи на свадебных обедах не говорят.

Тогда терпеливый Шляппе взялся за «хвосты». Хвосты, как известно, нейтральны, ими можно отмахиваться от мух при любой политической ситуации. Он стал писать диссертацию о том, как бедна культура языка каких-то туземцев, имеющих особые наименования для собачьего, овечьего и коровьего хвостов, но не знающих общего понятия «хвост». Он прочитал в университетской библиотеке о народах, у которых есть отдельные слова для черных, белых и пятнистых коров, но нет в лексиконе коровы как таковой. Ничтожество туземных народов было уже доказано, и стала ясна необходимость немецкой колонизации, как вдруг возвращается в Берлин таскавшийся по южным деревням Форшер¹ и под самым носом у Шляппе блестяще защищает диссертацию, доказавшую богатство одного из немецких крестьянских диалектов, не знающих-де пошлого латинского «пферд» и строго различающих кобылицу, мерина и жеребца. При таком известии стало совершенно неясным, является ли отсутствие у туземцев «хвоста» недостатком или, наоборот, достоинством, и несчастный Шляппе, чтобы не кривить душой, решил перестать путаться с хвостами.

Надломленный, но еще бодрившийся, он в третьем проекте своей диссертации принялся за сравнение немецкого и французского языков. Мишень, казалось, была такой, что на этот раз не могло быть промаха. Немецкий — язык воинов. От галльского петуха пошло только кокетство, немецкий же медведь создал тысячи слов, выражающих силу удара. Немецкий крепкий и выразительный. С богом надо говорить по-испански, с женщинами — по-французски, с врагами — по-немецки. В общем, проверенная, много раз проштампованная, на редкость благонадежная болтовня. Но судьба снова уготовила несчастному удар. «Кто это вам сказал, — накинулся на

¹ От «форшен» — исследовать, расследовать, разведывать.

Шляппе оппонент, — что немецкий менее тонок, чем французский?! Да по-немецки можно скорее договориться с женщиной, чем на любом другом языке. Французский могут предпочесть только люди с испорченной носовой перегородкой, а в немецком 25 слов, охватывающих любой вид любовных переживаний. Вы не знаете богатств немецкого языка. Вы возводите поклеп на германство».

Бедный Шляппе пролежал после этого месяц в постели. Он впал в нигилизм. Утратил веру в себя, науку и людей.

Он собирался уже навсегда уехать в Померанию и наняться огородником к владельцу наследственного двора. Свои рукописи сжег в камине, запасы бумаги и чернил отдал соседу по комнате за трехдневную норму табака. И вот, когда он уже паковал чемоданы, Альберт принес ему главы написанного Эшке «Истинно немецкого словаря». Сначала он в ужасе отшатнулся: «Нет, нет, не хочу никакой науки, никаких напоминаний». Уходя, Альберт все-таки оставил книжку на столе. А утром Шляппе прибежал к Альберту в диком восторге. Он уже не хотел быть огородником. От его нигилизма не осталось следа. Французского языка не будет. Никаких проблем не будет. Все подводные камни исчезают. Ни на чем никогда не споткнешься. Да здравствует единый обновленный все-ленский немецкий язык! Да здравствует доктор Эшке! Прош-лое — заблуждения. Отныне ясно, что писать, чему учить, куда звать.

— Вот видишь, Ганс, — закончил Альберт, — на мой одинокий консерватизм у тебя нет нужды досадовать. Он с лихвой покрывается множеством сторонников. А теперь я угощу тебя кофе. Ты и не заметил, что у нас исчезла люстра? Мать выменяла ее на шестьсот граммов натурального...

Ганс молчал. Наивный Альберт полагает, что его мнение сильно огорчило гостя. Но спорить можно только со сторонником и только о том, назвать ли вместилищем кастрюлю или гардероб. А спорить с человеком других воззрений нет смысла. Что значат для Ганса одиночные Альберты Пэты, когда Безессенов, Штреберов, Шляппе и Декмантелей — большинство! И они всегда будут большинством. От проблем устал не только Шляппе, они осточертели всем. Всем свойственна инертность мысли, и все ухватились поэтому за лозунги Ганса, для понимания которых не требовалось никаких умственных усилий. Он, Ганс, победил.

— Что-то я замечаю, фрау Фризе, в ваших пфанкухенах стало меньше пачинки.

— Ах, господин доктор, дети приносят теперь значительно меньше ягод. Большую часть воскресного дня отнимает у них сбор одуванчиков. С тех пор как в этих растениях открыты их бесподобные качества, я стараюсь усиленно питать ими моих малышей. Но одуванчики невероятно увариваются. Содержимое мешка оказывается после плиты лишь несколькими тарелками. Сбор и приготовление — очень трудоемкое дело. По правде говоря, дети их очень неохотно собирают и едят, только подчиняясь моей настойчивости. Я же дала себе слово, несмотря на все трудности, ввести в организмы моих детей как можно больше одуванчиков. Должна признаться, я долго была неверующей и недопонимала преимуществ этой травы перед свиной. Но теперь, когда столько статей и кинофильмов наглядно доказали, что одуванчики полезнее мяса и молока, я твердо решила закалить моих ребят одуванчиками на всю жизнь. Основы здоровья нужно закладывать в детях, пока они еще малы и находятся под материнской властью. Не правда ли?

Ганс поражен был этим успехом министерства пропаганды.

Но помощник рейхсминистра Генрих Кессемейер, автор знаменитой книги «Война другим оружием», счел этот факт обыденным.

— Пропаганда, дорогой доктор, это реклама. А фюрер в своей книге доказал, что всякая реклама в предприятии и в политике обязательно увенчается успехом, если ее длительно и единообразно применять. Он учит нас, что туго соображающая широкая масса обязательно поддается, если тысячекратно говорить ей одно и то же. Настойчивая пропаганда, учит он, приведет к чудовищным, непредставляемым результатам. Вспомните его знаменитую фразу на странице 203: «Сначала ваши утверждения покажутся сумасшедшими, потом им поверят». И нет ничего удивительного в том, что ваша соседка поверила в конце концов сумасшедшему утверждению об одуванчиках как заменителе мяса. У вашей старушки есть уши и глаза, а у нас радио, кинофильмы и газеты. Нет, значит, ничего особенного в том, что мы ее поймали.

— Значит, повторение это в пропаганде основное?
Гм. Когда морщинистая римлянка говорила, что ей

тридцать, Цицерон отвечал: «Я верю вам, так как вы утверждаете это уже десять лет». Это означает, что надо уметь и отступить. После победы мясо опять обретет свои питательные свойства, а в одуванчиках ученые откроют такие «но», которые перевесят их питательные свойства.

Знакомясь с деятельностью и сотрудниками министерства пропаганды, Ганс убеждался, что ученые действительно могут все желаемое открывать и изобретать, что все науки подобны филологии.

Господин Феттшедлих¹ перепробовал разные должности до того, как стал главным теоретиком дикорастущих. Его прошлое было малоизвестно, так как единственным документом, который он предъявил после национал-социалистской революции, было свидетельство о выходе из тюрьмы. Узник ненавистной демократии стал бургомистром Эшерна. Он понравился горожанам, заявив, что понимает их нужды, так как ему самому приходится кормить шесть ртов. Через некоторое время вскрылось, что городской бюджет облегчен на осязательную сумму. Освобождение Феттшедлиха от обязанностей бургомистра в Эшерне совпало с вакансией должности национал-социалистского наблюдателя за искусствами в Эхерне. Феттшедлих переехал из Эшерна в Эхерн. Это было в 1934 году, когда фюрер выдвинул проблему увеличения человеко- и солдатопроизводства. Феттшедлиху указано было не допускать появления в свет полотен и статуй, пробуждающих в молодежи эрос и ведущих к абортам и венерическим заболеваниям. Тогда Феттшедлих объявил скульпторам, живописцам и иллюстраторам, что искусством он будет считать лишь изображения человеческого тела до пупка, ниже — это уже порнография. Художники протестовали. Но Феттшедлих был неумолим. Он откалывал статуям запрещенные части тела, а одному живописцу, написавшему на него жалобу, приказал надеть на Данаю бюстгальтер. Тут-то цензор и пал жертвой мелкого чувства мести. Злорадный художник сшил богине бюстгальтер с тесемками, лентами и даже карманчиком для носового платка. Эти розовые ленточки оттеняли белизну тела богини, а тугая затянутость груди придавала ей соблазнительную округлость. Ни одна скульптура на выставке не вызвала большего внимания посетителей. В Эхерне тотчас же возросло число аборт и венерических заболеваний и не выполнен был городской годичный план солдатопроизводства.

Феттшедлиха надо было избавлять от искусств, а в собст-

¹ Фетт — жир, сало; шедлих — вредный.

венность города Эперна поступил как раз в это время вымороочный завод фруктовых вод. Феттшедлих переехал из Эхерна в Эперн. И тут, на посту руководителя завода, он показал чудеса. Эпернцам стали продавать бутылки с кокосово-молочной, фиговой, пальмовой и олеандровой водой. На каждой бутылке была этикетка «эхът», что означало «настоящая», хотя известно было, что в Эперне ни кокосы, ни фиговые деревья не росли. Особенно доходным оказался выпущенный заводом «народный коктейль», составных частей которого никто не мог понять. И хотя после коктейля у людей болели не только головы, но даже ступни ног и бедра, слава директора выплеснулась за Эперн, охватила Померанию, перевалила через Одер и достигла Берлина. Феттшедлиха вызвали в столицу, на Вильгельмштрассе, 72, в министерство продовольствия и сельского хозяйства. Его спросили, может ли он производить конфеты без сахара и пирожные без масла и яиц, подобно тому как выпускал кокосовую без кокосов. Феттшедлих ответил, что может. Ему дали кабинет с телефоном и лабораторию для опытов. И уже через короткое время немецкие кондитеры стали получать указания о месиве, из которого должен был отныне состоять крем. Марку «эхът» ставить не надо было, к пирожным этикеток не приклеивают.

Потом Германия стала завоевывать мир. Задачи усложнились. Вальтер Дарре объявил Феттшедлиху: нельзя уже ограничиваться тем, чтобы не давать соплеменникам масло; они сами должны отказаться есть его. Феттшедлих стал теоретиком снятого молока и вареного картофеля. Но мир не хотел, чтобы его завоевывали. Он сопротивлялся. Победа отсрочивалась. Феттшедлих стал теоретиком картофеля в неочищенном виде.

Ганс просмотрел кучу статей и брошюр этого человека.

— Скажите, — спросил он его, — вы действительно полагаете, что, употребляя в пищу мясо, человек вводит в свой организм трупный яд?

— Гм. Между нами говоря, добрый бифштекс не является, конечно, цианистым калием. Но интересы германства в целом требуют, чтобы каждый германец в отдельности бифштексов сейчас не ел. Рассудите: килограмм свиного жира дает человеку 9 тысяч калорий, а для производства этого килограмма затрачиваются 93 тысячи калорий, содержащихся в ячмене и картофеле, которые поедает свинья. Так пусть же их съест не свинья, а соплеменник.

— Но ведь соплеменник, господин Феттшедлих, не свинья. Он не может съесть столько ячменя.

- Мы выпускаем поваренные книги, в которых рассказываем, сколько разнообразных блюд можно из ячменя приготовить.

А скажите, пожалуйста, в жирах действительно избышек кислотообразующих минеральных веществ и они удлиняют пищеварительный процесс?

— Действительно. Но в жирах также... жиры, без которых нам с вами нельзя жить и писать статьи о вреде жиров. Всякий продукт имеет плюсы и минусы. Если этого продукта мало, то о плюсах мы говорим петитом или не говорим вовсе, а минусы даем циферо или даже шестнадцатым. В общем комбинация шрифтов, играющая не меньшую роль в продовольственном балансе, чем ввоз балканского скота.

Слушая Феттшедлиха, Ганс успокаивался, веря, что ему не повредят ни ростбифы, ни яйца. Но, читая произведения теоретика, он ловил себя на том, что поддавался воздействию комбинации шрифтов. Феттшедлих объяснил, что человеку вредно молоко, так как тело его и без того содержит 65,9 процента воды. Баранину он ругал за то, что она слишком долго переваривается; яйца — за то, что они перевариваются слишком быстро. Самые полезные питательные свойства картошки он видел сосредоточенными в шелухе, которую не надо было чистить и следовало сберечь ради здоровья нации. Ценную концентрацию витаминов он признавал только в дикорастущих, но указывал, что витамины эти сейчас же испаряются, как только землянику поливают молоком и посыпают сахаром.

Ганс пытался улыбаться, но игра шрифтов была столь яркой, рассуждения о белках, углеводах, минеральных веществах и четырнадцати видах витаминов — столь наглядными и убедительными, что он отставлял, не доев, тарелку жареного картофеля, лишённого всех питательных веществ и пропитанного свиным салом, содержащим страшный яд.

Злые языки говорили о Феттшедлихе, что он в прошлом трактирщик, кормивший посетителей мясом сусликов и полевых мышей, которых он скупал у мальчишек по два пфеннига за штуку. Эти злые ехидничали по поводу того, что трактирщик стал всеимперским теоретиком. Миролюбивые отвечали на это, что в социалистской Германии недворянское происхождение — не порок, что вюртембергский гаулейтер Вильгельм Мурр в прошлом тоже торговал неизвестно каким мясом, а везерский гаулейтер Карл Рёвер начал житейскую карьеру с того, что продавал туземцам бывшей германской колонии Камерун серьги для ноздрей. Миролюбивые утвержда-

ли, что преимущество национал-социалистского строя в том и состоит, что он поставил представителей народа на высокие государственные посты. Злые оправдывались тогда и поясняли, что они упрекают Феттшедлиха не за то, что он был трактирщиком (боже сохрани), а за то, наоборот, что он переменил профессию.

Важным сотрудником министерства был также профессор Лиферциффер¹, преподававший в Берлинском университете статистику. Во время первой мировой войны он был одним из бухгалтеров Круппа и известность получил после Версальского договора, когда подсчитал, что каждый младенец в Германии рождается с долгом в 60 тысяч марок. За эту отчаянную цифру одинаково ухватились и кронпринц и Шейдеманн. Услужливый бухгалтер получил степень доктора. Лиферциффером стали козырять генералы и акционеры металлургических обществ, призывавшие готовиться к тому, чтобы вооруженной рукой снять бремя с немецких младенцев. Но с Лиферциффером в это время произошло что-то непонятное. То ли он разуверился в своей цифре, то ли представители Антанты решили освободить его от лежавшей лично на нем части всегерманского долга, но только он стал писать пацифистские брошюры. От Лиферциффера отвернулись генералы и акционеры металлургических обществ. В брошюрах своих он стал доказывать, что репарационные долги совсем, собственно говоря, не страшны и Антанта станет даже помогать Германии золотом. Недруги Лиферциффера заявили, что единственные немцы, которые антантовское золото увидят, это авторы подобных брошюр. Лиферциффер с кем-то скандалил, кому-то отвечал. Кто-то в кого-то стрелял, а может быть, только писал письма в редакцию.

Пришла национал-социалистская революция. Немцы узнали, что им не хватает жизненного пространства. Лиферциффер выступил с блестящей книгой, показавшей, что на каждого немца приходится в 26,66 раза меньше кубических сантиметров воздуха, чем на англичанина, и в 18,88 раза меньше, чем на русского. Книга требовала борьбы за воздух, за право дышать. Лиферцифферу простили пацифистские брошюры, дали кафедру, кабинет в статистическом ведомстве, и он стал для министерства пропаганды основным поставщиком цифр.

В выполнении своих ученых обязанностей он проявлял замечательную инициативу и чутье. Даже скупой на похва-

¹ В переводе: поставщик цифр.

лы рейхсминистр был доволен, когда к восьмилетней годовщине национал-социалистской революции Лиферцифферу удалось подсчитать, что повобращные в Германии получили в подарок два миллиона экземпляров «Майн кампф», на миллион марок мебели с уплатой в рассрочку, и в результате этого средний вес немецкого новорожденного мужского пола достиг 3,46 килограмма, в то время как в других странах аналогичный младенец весит только 3,33 килограмма. В январе 1939 года Лиферциффер подсчитал, что в Праге нет чехов, а в июне 1941-го доказал, что Прибалтику населяют преимущественно немцы.

Но самым замечательным достижением творческого духа и счетной линейки явилась знаменитая статистика ужасов, сыгравшая огромную роль в укреплении морального духа немцев. Она обнародована была в начале 1943 года вместе с появлением в Германии первых пессимистов. Это было время, когда рейхсминистр заявил, что «пессимисты опаснее воздушного террора, ибо разрушенные дома можно снова построить, а разрушенные сердца — никогда». Это было после Сталинграда, когда статистика, отнюдь не публиковавшаяся, показывала, что траурных объявлений сдается в газеты в 99,9 раза больше, чем всяких других. Материалы, с которыми выступил тогда Лиферциффер, утешили соплеменников, внесли успокоение в умы. Вот слова и цифры, которыми он этого достиг.

«Люди, вздыхающие о «добром старом времени», забывают, что такого времени в истории человечества не бывало. Потери, которые Германия сейчас несет, скромны сравнительно с «добрым старым временем». Извержение Везувия в 79 году от Р. Х. повлекло за собой полное уничтожение Геркуланума и Помпеи, в то время как Берлин, невзирая на бомбы, стоит и будет стоять. Землетрясение на Средиземноморье в 526 году в одни сутки поглотило 200 тысяч человек, в то время как сейчас доблестная германская армия не теряет такого количества людей, хотя и находится во всех концах Европы. От землетрясения в Японии в 1703 году погибло также почти 200 тысяч, в 1854 году — 100 тысяч, в 1923 году тоже около этого. Землетрясение 1906 года полностью уничтожило Сан-Франциско. Наводнения и голод в Китае и Индии ежегодно уносят от 6 до 10 миллионов человек. В 1918—1919 годах от гриппа умерло больше людей, чем за всю мировую войну. По сравнению с этими цифрами Сталинград — нормальная убыль населения. Ничего страшного сейчас не происходит».

Конечно, жены, потерявшие в Сталинграде мужей, и

после этих расчетов перестали плакать не сразу. Но большим утешением явилось для них уже то, что сами они живут не на кратере Везувия.

Чрезвычайно осведомленный, знавший все возможные и невозможные цифры, Лиферциффер поставлял их по первому требованию. Когда всеимперская руководительница женщин Гертруда Шлотц-Клинк обратилась к нему с просьбой подобрать ей данные о преимуществах нордических женщин над ненордическими, Лиферциффер поразил ее своей памятью, тут же ответив, что блондинка носит на своей голове 140 тысяч волос, а брюнетка — только 100 тысяч. Ночью ему звонили по телефону и требовали по срочной надобности цифры рождаемости близнецов. Не отходя от телефона, Лиферциффер диктовал: в истекшем году в Германии родилось 15 850 двойняшек, из них в 5203 случаях — два мальчика, в 5808 — мальчик и девочка, в 4839 — две девочки.

— Я никогда не публикую ложных цифр, — говорил Лиферциффер доктору Эшке. — Это было бы несовместимо с моей совестью и репутацией ученого. Да в этом и нет надобности.

Он объяснил Гансу, что выдумывают цифры только профаны. Специалисту это делать не для чего. Статистика преступлений показывает, например, что неучи взламывают сейфы, а опытные взломщики вскрывают их. Цифр множество. Их нужно только уметь выбирать. Зная цель, для которой они требуются, следует привлекать одни и оставлять в покое другие. Потребовалось, например, доказать, что при национал-социалистском строе в Германии увеличилась рождаемость. Но в 1937 году на тысячу жителей было 18,8 рождений — почти столько же, сколько десять лет назад. Тогда он оставил в покое 1927 год, привлек самый низкий по рождаемости 1933-й — и все в порядке.

Для примера Лиферциффер рассказал, что на днях от него потребовали показать, как высоко ценит фюрер жизнь соплеменников. Нужно было подтвердить цифрами, что со времени его прихода к власти в Германии резко уменьшилась смертность. Но, увы, в 1932 году, перед национал-социалистской революцией, в стране умерло 700 тысяч человек, а в 1938 году — 800 тысяч. Как же он вышел из положения? Изменил цифры? Конечно нет. Он взял другие — по одной из категорий умерших. И получился убедительный материал, из которого видно, что если б не злая воля большевизма, германцы вообще со временем перестали бы умирать.

Лиферциффер часами мог говорить о том, какая великая

вещь цифры, какого бережного обращения они требуют. Их надо любить и холить. Они нежны. Их нельзя переобременять непрерывным употреблением. В то время как одни пускаются в ход, другие должны отдыхать, чтобы свежими выплыть, когда настанет их черед. Отлежавшись, они делаются боевыми, как воины. Они лучше слов, потому что за ними стоят факты. Словесное окружение должно только оттенять их, как оттеняет платье хорошее женское тело.

— Не допускайте к цифрам недостойных! — патетически восклицал Лиферциффер. — Под руками неумелого исчезает Бах. В неловких руках цифра теряет звучание и силу. А она призвана покорять. В этом кабинете, — он показал на шкафы, — тысячи, десятки, сотни тысяч цифр. Они все послушны моей воле. Я управляю ими играя. И одинаково люблю их все. Я знаю, что нет плохих цифр, как не бывает плохих детей. Цифры непорочны. И как называемый злым ребенок станет уступчив и добр в среде других детей, так и скверные цифры делаются хорошими в компании, которую я им подбираю...

Особое место среди сотрудников министерства пропаганды занимал доктор Фриц Хельзеер¹. Это был человек с взъерошенными волосами и черными ободками ногтей. Наука, которую он представлял, была малопостижима для других. Приобщиться к ней нельзя было ни через лабораторию, ни путем усердного чтения книг. Своими откровениями она осеяла только избранных.

Лет пятнадцать назад в одном из рейнских городков Фриц Хельзеер сблизился с неким Робертом Леем. Он удивлял приятеля тем, что каждый раз довольно точно предсказывал, когда того посадят и когда выпустят из тюрьмы. Однажды воображение Лея было совершенно поражено. «Если ты такой прорицатель, так угадай, в какой именно кабачок я хочу сейчас пойти», — предложил он Хельзееру. Тот повел его многими улицами и переулками и остановился у двери невзрачного трактира на городской окраине. «Каким образом ты угадал? Это непостижимо, совершенно непостижимо!» — вне себя от удивления закричал Лей. «Мне сказала об этом какая-то сила», — скромно ответил Фриц. Лей привел ясновидящего к Адольфу Гитлеру. Тот верил в судьбу и прозрение, тяготел к предсказаниям.

— Каким путем вы отгадали мысли Роберта?

— В последнем случае это было несложно, — скромно

¹ В переводе: ясновидец.

ответил Фриц. — Я знал, что этот трактир был единственным, в котором Роберту дают в долг.

Гитлер пришел в восторг.

— Так вы же знаток душ! Вы неоценимы для пропаганды нашего движения. Я как раз подготовил к печати книгу, в которой пишу, что пропаганда нашего дела не нуждается в ученых и приносимом ими научном балласте. Мне нужны те, кто понимает, что представления масс не рассудочны, а чувственны. Люди, способные поражать воображение. Прищипайте! В газетах, на митингах, в разговорах! Я отрекомендую вас доктору Геббельсу.

Так Фриц Хельзеер оказался сотрудником маленького человека с высоким лбом, ставшего затем рейхсминистром.

— Публику нельзя убедить логикой, но можно убедить сказками, — поучал будущий рейхсминистр своего сотрудника. — Нам нужно сломить марксистов и прийти к власти. Вам следует доказывать, что существует богиня истории и мы ее избранники. Она работает на нас. Обнаруживайте ее перст и сообщайте о своих открытиях публике.

Социал-демократические бургомистры позакрывали в рабочих районах кабаки. Они были личными врагами Фрица Хельзеера. Он ненавидел марксизм не меньше, чем мыло и гребенку. Он согласился работать по поручениям богини истории.

Голос Клары Цеткин терялся на площадях митингов, глух среди транспарантов со свастикой и портретами человека с усиками. Люди видели только ее седые волосы. Высокий тенор Фрица Хельзеера прорезал воздух и доносился до последних рядов. «Марксизм умирает вместе с этой старухой! — кричал он. — Будущее Германии в другом человеке. (Хельзеер показывал на портрет.) Смотрите на него, смотрите! Разве вы ничего не видите? Я вижу у него под рукой двадцатимиллионную германскую армию. Я вижу Европу у его ног. Я вижу французов, работающих на заводах Рура. Вижу огромную русскую колонию. Вижу, как вы растаскиваете сукна из универмага Вертхейма. Этого человека Германии послало Провидение. Этот человек даст вам все. Идите за этим человеком!

Он — немецкая судьба. Это узнали от Хельзеера и в Берлине и во Франкфурте. В «Фолькишер Беобахтер» Фриц рассказал, какое чудесное предзнаменование имело место еще во время войны, когда Он был ефрейтором. Их находилось в блиндаже пятеро. Праздновали Его день рождения. В стаканы было налито вино. Но они не успели его выпить, их подня-

ли по тревоге. Произошел бой с французами. Во время боя трое Его товарищей были убиты, один ранен и только Он остался невредим. Вернувшись, Он увидел, что блиндаж разрушен снарядом. Стаканы трех убитых товарищей были раздроблены в стекольный порошок, вино залило стол. Из стакана раненого выплеснулась половина. Его стакан стоял полный вина.

Человек с усиками прочитал это сообщение и ухмыльнулся. Хельзеер работал хорошо. Он знал не только будущее людей, но и такое их прошлое, о котором они сами не знали.

Через несколько лет Фриц Хельзеер имел большую удачу, принесшую ему, как предсказателю, славу и авторитет. Это было в январе 36-го, когда он угадал «Плохой знак для Англии». Так называлась статья, которая не вызвала внимания при ее появлении, но была оценена через год. Предсказание покоилось на том, что при похоронах Георга V бриллиантовый крест таинственным образом отделился от английской королевской короны, покатился по гробу и упал у ног нового короля Эдуарда. Когда Эдуард, женившийся вскоре, как известно, на американской диве, вынужден был вследствие этого мезальянса оставить королевский престол, появилась новая статья «Хельзеер знал это раньше». Первой статьи ни у кого уже, конечно, не было под руками, и потому никто не мог вспомнить, что предсказывалась в ней потеря Англией не Эдуарда, а военной инициативы, но факт: Хельзеер знал персты богини истории. О Хельзеере заговорили, от Хельзеера стали ждать прорицания судеб людей и страны.

И уполномоченный богини истории не оставлял человечество без откровений. В 1940 году радиопередачи, транслировавшиеся для англичан на их языке, рассказывали о том, что ясновидящий видит острова, поглощаемые океаном. Пусть упорствуют безумные, воды поднимаются, воды их захлестнут. Верьте! Верьте! Верьте! Вспомните: Кассандра предсказывала в свое время крушение Трои, ей не поверили, и известно, что из-за этого произошло.

В 1941 году Хельзеер предсказал покорение России. Радио и газеты рассказывали о том, что во время последнего транса ясновидящий узрел московскую улицу Арбат в 1964 году и на ней вывеску «Мейер и К°. Основана в 1942 году». Верьте! Верьте! Верьте! Вспомните: Кассандра предсказывала в свое время крушение Трои, ей не поверили, и известно, что из-за этого произошло.

Были наивные. Они говорили рейхсминистру, что не-

удобно печатать оракулов в двадцатом веке. Рейхсминистр пожимал плечами.

— Это странно слышать. Сказки доктора Хельзеера талантливей андерсеновских. Им верят и взрослые. О нем говорят, ему верят и в виллах Далема¹, и в рабочих кварталах. Оракул всегда добьется большего, чем исследователь. Доказательства ученой пропаганды могут быть опровергаемы; бездоказательные предсказания Хельзеера невозможно опровергать. От такого оружия, как Хельзеер, мы никогда не откажемся. Вспомните, что пишет фюрер в «Майн кампф»: для того чтобы прививать массам идею, агитатор должен быть психологом; демагог лучше подходит для этого, чем теоретик. А доктор Хельзеер — это образец демагогии. Учтите, что пессимисты подсчитывают силы наших врагов. Мое Бюро учета настроений сообщает, что в Моабите² уже очень сильно вздыхают по поводу многоголовой русской гидры. При всех способностях профессора Лиферциффера мы не можем давать статистических боев. Так неужели убрать в шкаф чудесную сказку доктора Хельзеера о талисмানে победы, который находится в наших руках?! Думать так — значит ничего не понимать в пропаганде.

Наивные уходили посрамленными. А берлинцы с проясненными лицами передавали друг другу неизвестно откуда полученное таинственное известие, которое было утешительным, несмотря на Сталинград.

— Слышали? Неужели, фрау Лейхтглаубен³, вы еще не слышали? О, так я вам расскажу, но только это, кажется, государственный секрет. Людовик XVI, последний французский король, имел кольцо-талисман. Как только он его потерял, произошла революция, и ему отрубили голову. Потом это кольцо было найдено и попало в руки побочного сына короля. У этого был какой-то длительный судебный процесс, и когда он этот процесс выиграл, то подарил талисман своему адвокату Жюлю Фавру. Фавр сумел тогда свергнуть Наполеона III и стать президентом. Потом это кольцо попало к Клемансо, и тот скрепил им Версальский договор. Затем кольцо было снова потеряно, и Франция проиграла войну с нами. И вот теперь это кольцо найдено, третьего дня Лаваль прилетел на самолете и привез его фюреру. Теперь, когда кольцо в наших руках, победу, говорят, можно ждать уже в этом году.

¹ Район Берлина.

² Район Берлина.

³ Лейхтглаубен — легковерная.

— Слава богу, слава богу, фрау Клатч¹. Знаете, когда из России муж пишет такие страшные вещи, а ночь проводишь в подвале, то все рисуется в мрачном свете. А вот услышишь утром приятные новости, и становится ясно, что все эти неприятности скоро кончатся, мы поздравим себя с победой.

Зная о высоком покровительстве, которым пользовался Хельзеер, представленный ему Ганс счел уместным высказать провидцу самое лестное о его деятельности суждение.

— Мне особенно понравился, уважаемый доктор, гуляющий по Берлину слух о том, что Рузвельт потому так много ездит, что, находясь в Белом доме, он слышит шаги своих убийц. Действительно, трезвые люди в Америке должны будут в конце концов его убить. После этого к власти придут наши заокеанские друзья, которые изменят американскую внешнюю политику. Этот слух вызывает тем большее доверие, что вы обосновали его историческим примером Генриха IV, который тоже за несколько недель до смерти слышал шаги своего убийцы.

— К сожалению, не все, что я предвижу, может идти в печать, — сказал удовлетворенный Хельзеер. — Часть прозрений приходится доводить до сведения соплеменников через слуходелателей. На таком ограничении настаивает Риббентроп. А прозреваю я много. Очень много... Во мне есть особые вещества. Центрафугасила. Это совсем не мистика. Это лучи такие, вроде радио. Наука еще не дошла до них. Эти лучи есть в мозгу только очень немногих людей. Потому у меня столько завистников. Кроме того, я прозреваю вещи. В вещах — свои души. Люди, не наделенные центрафугасилой, этого не знают. Они не подозревают, что с вещами можно разговаривать. Откуда вы знаете, что у стула нет души? Вы же не были стулом. А мне всякий стул расскажет, кто на нем сидел. Я добился того, что в уголовно-процессуальный закон введено разрешение обращаться к нам, ясно-видящим, когда следователи бессильны отыскать убийц.

От знакомства с Фрицем Хельзеером у Ганса остался неприятный осадок. Феттшедлих и Лиферциффер были просты и понятны. Они показывали свои кулисы, разговаривали с Гансом профессиональным языком. Они не скрывали переменчивость питательных свойств мяса и одуванчиков. Хельзеер же разговаривал с Гансом так, словно тот был фрау Лейхтглаубен. Неужели он думает, что доктор Эшке поверит в центрафугасилу? Ганса оскорбля-

¹ Клатч — в переводе: сплетня, слухи.

ла такая мысль. Но, может быть, этот неопытный человек и в самом деле считает себя наделенным какими-то лучами? Может быть, он искренен? Но почему тогда его прорицания никогда не расходятся с тем, что выгодно министерству на сегодняшний день? Или его центрифуга настолько сильна, что помогает ему не только предчувствовать ход событий, но и давать им нужное направление?

* * *

Если скопом приходят к человеку несчастья, то так же сваливаются на него и деньги. Ганс разбогател как-то сразу, его жизнь изменилась в несколько месяцев. Это была серия удач, превративших его из съемщика скромной комнаты в обладателя виллы и большого текущего счета.

Начало расцвету положил Амман¹ — глава издательств и друг молодых дарований.

— Девяносто тысяч мы издали, милый доктор, девяносто тысяч! — говорил он Гансу, приняв его в своем кабинете с редким радушием. — Ваш словарь имел громадный успех. Не будем скрывать от себя, что львиная доля тиража приобретена училищами и библиотеками, которым я предписал обязательные экземпляры, но зато вы порадовали меня возможностью порекомендовать им истинно возвышающую дух вещь. В моей собственной семье сынишка так увлекся вашими идеями, что называет свою школу уже не иначе как обучалкой. И я счел бы справедливость попоранной, если б автор такой книги не получил марку с каждого экземпляра тиража.

Вручение чека сопровождается было шампанским, поданным вместе с фруктами.

— Прозит, милый доктор!

— Прозит, дорогой господин Амман!

— Экземпляр вашего словаря, — понизил голос глава издательств, — я направляю фюреру. Это будет, конечно, особо изданный экземпляр. И с ним было бы недурно послать сопроводительное письмо, характеризующее вас, а? Как вы находите, господин доктор?

— О, господин Амман!.. — Ганс растерялся от счастья.

— Между нами, значит, союз, доктор? — Глава изда-

¹ От «амме» — мамка, нянька, кормилица.

тельств уже не улыбался, смотрел выжидательно. Я выдвигаю вас раньше, чем те, на Вильгельмштрассе.

— Боже мой! Конечно, союз. Навсегда! Вечный!

Гансу хотелось схватить руки Аммана и целовать их.

— Если вам нужен будет аванс под следующие произведения...

— О нет, что вы! Я так благодарен вам, так благодарен!

Через час Ганс жестоко ругал себя за эту переполнившую все его существо благодарность. Надо было держаться, наоборот, снисходительно и солидно. Его поведение было мальчишеским, он забыл в тот момент, что является силой сам. Зачем иначе Амман стал бы искать с ним союза? Доктор Эшке не занимает пока никаких постов, но в кабинете, где ему предстоит расположиться, ковры будут подороже аммановских, их выткут для него непосредственно в Персии.

Ганс был обременен заказами и поручениями министерств и журналов, но лежавший в бумажнике чек отвлекал от работы, переполнял радостью. Невозможно было взяться за перо, девяносто тысяч не давали писать. Он вызвал к себе по телефону Марту.

— Ты говорила как-то о костюме. Мне нужны теперь несколько. И что ты можешь предложить еще? Я получил деньги, очень много.

— Костюмы — это чепуха. За две тысячи марок ты будешь иметь полный гардероб. С большими деньгами надо поступать иначе. Сколько ты получил?

Ганс испугался вдруг цифры. Ему показалось, что если он назовет ее, то передаст Марте право на какую-то ее часть.

— Тридцать пять тысяч.

— Это совсем не так много. Загородный домик. Очень скромный. А он ни к чему. Тем более что могут разбомбить. Сейчас не вкладывают деньги в недвижимость. Надо купить акции. Сделай себе гардероб, сними приличную квартиру, а на тридцать тысяч я устрою тебе верных бумаг.

— Бумаг?

— Конечно. У мужа моей тетки, — Марта заговорила тише, — сейчас большие дела в Богемии и Моравии. Положись на меня, тут не будет ошибки.

— Вот это девчонка! — восторгался Ганс, проводив ее. — Да, такую нельзя упускать, надо жениться. Тут действительно не будет ошибки.

Через несколько дней доктор Эшке был гостем в помпезной квартире имперского шефа прессы на Вильгельмплатц. Получив пригласительное письмо, Ганс дал себе

слово не повторять ошибки, допущенной у Аммана. И его дружелюбно-независимый тон позволил ему восторжествовать над хозяином дома. Тот должен был пуститься на откровенность и сделать большее подношение, чем желал.

Шеф прессы был тайным недругом и завистником министра пропаганды. Об этом глухо говорилось давно. На маленьком тельце министра сидела несоразмерно большая голова, она ценилась в партии больше, чем длинное туловище шефа прессы. Чудовищно огромный рот министра делал его лицо безобразным, но, когда этот рот раскрывался для речи, аудитория уже через несколько минут была очарована ее красотой и убедительностью, а большие черные глаза министра становились тогда демоническими и гипнотизировали зал. Статьи министра в «Дас Рейх», полные неисчерпаемой аргументации в пользу победы, были утешением разбомбленных, которые мысленно видели себя тогда владельцами новых послевоенных вилл, построенных для истрадававшихся немцев целыми легионами пригнанных чернорабочих из поверженных стран. Эти статьи веселили душу, управлять движением душ рейхсминистр умел как никто. Ему не было равных в искусстве балансировать между правдой и ложью, придавать искаженным фактам видимость точности и истолковывать все события в полном соответствии с желаниями. За этот дьявольский талант, за силу софистики, за популярность и ненавидел рейхсминистра шеф прессы, который ничем, кроме неумного честолюбия, не блистал.

— Как вознаграждают вас, мой молодой друг, в министерстве? — мимоходом поинтересовался шеф прессы. Оставив остальных гостей с хозяином дома в столовой, он увел доктора Эшке выкурить послеобеденную сигару в кабинет.

— Я не поднимал еще этого вопроса. Надо думать, когда мы выполним вместе с профессором Лиферциффером задание, то получим достаточный гонорар.

— Достаточный? Вы зря полагаетесь на чужую инициативу. Излишняя скромность может повести к тому, что для вас найден будет достаточным гонорар совершенно недостаточный. Знаете, сколько министр получает в одной только «Дас Рейх» за свои статьи? Около полумиллиона в год!

— Но талант господина министра...

— Не недооценивайте собственный, мой друг. Насколько я понимаю ваши идеи, они не только в очищении немецкого языка, но и в замене им всех других на свете.

— Да. На первых порах — на завоеванных территориях.

— Ну, там пока хватает других дел. Сегодня ваши мысли имеют значение главным образом для воодушевления самого германского народа. А это стоит того, чтобы освободить вас от материальных забот.

— Заботы действительно велики, господин шеф, и грозят еще увеличиться. Дело в том, что я собираюсь жениться.

— О, тогда нужно обеспечить себе постоянный доход. Из каких кругов ваша избранница?

— Она аристократического происхождения, — соврал Ганс.

— Это особенно обязывает мужа, особенно. Ее имя, если вас это не стеснит?

— Мы еще не помолвлены, господин шеф, и я опасаюсь назвать его без разрешения моей невесты.

— Похвально. Ваша сдержанность делает вам честь. Но не стесняйтесь, мой друг, скажите, каким доходом вы располагаете сейчас.

Ганс понял, что от ответа зависит ставка. Он не должен продешевить.

— Около тридцати тысяч в год, господин шеф, но это станет после женитьбы примерно третью необходимой суммы.

Ганс смотрел на шефа прессы ясными и невинными глазами.

Он понял, что собеседник не ожидал названной цифры. Об этом свидетельствовали пауза и поджавшиеся губы Дитриха.

— Если вы не решаетесь заговорить с господином министром о своих материальных делах, — произнес наконец тот, — то, очевидно, моральная обязанность помочь вам ляжет на меня.

Ганс с нарочитым удивлением поднял брови.

— Я ничего подобного не имел в виду, господин шеф.

— Может быть. Тем не менее разрешите мне довести свою мысль до конца. В условиях тотальной войны и тотальной экономии Германия не может позволить себе вознаграждать даже своих лучших сынов в полную меру. Но, принимая во внимание избалованность вашей невесты...

Тонкие и бесцветные губы Дитриха растянулись в искусственной улыбке, глаза постарались выразить ласковую хитринку.

— Я удивлен вашей любезностью, господин шеф, но не понимаю, что вы хотите мне предложить. Постоянное сотрудничество в прессе?

— Нет, только постоянный доход от нее, милый мой.

— ???

— Как вы смотрите на издание филологической газеты, мой друг? Или это слишком специальный предмет для газеты, а? Ну, скажем, тогда учительской? Или существенное участие в уже издаваемой газете, а?

— Я никогда не был издателем.

— А когда же вам было им быть! Это приходит с женой и возрастом. Вы располагаете, мой юный друг, к откровенности, и поэтому скажу вам, что моя жена, с которой вы имели удовольствие познакомиться, — дочь издателя «Рейнско-Вестфальской газеты». И тесть никогда не имел основания каяться, что взялся за это дело.

— Но как, господин шеф, это возможно практически?

— Это моя забота. Переговорю с одним человечком, и вам будет выделен пай.

— Но мне нечем оплатить его сейчас.

— Вы это сделаете из дивидендов.

— И... чем я должен буду вас отблагодарить?

Дитрих зажег потухшую сигарету, придвинул кресло так, что почти уперся коленями в колени Ганса, и, принуждая его смотреть себе прямо в глаза, заговорил неожиданно откровенно, ошеломительно откровенно, хотя и очень тихо:

— Вы угадали, что я жду от вас ответного акта дружбы. И именно дружбы, а не услуги. Я должен знать все из того, что вам покажется в министерстве любопытным. И иногда, иногда вы будете рассказывать там то, что я вам поручу. Не пугайтесь, доктор, это не функции наблюдателя, это функции моего друга. Да, да, расценивайте это только так. Вам не может быть неизвестным, что я чаще многих других разделяю общество фюрера и мои возможности для устройства вашей дальнейшей карьеры не меньшие, а большие, чем у министра. Да, да, я не пишу воскресных статей, но именно со мной облетал фюрер перед захватом власти всю Германию. Вы знаете, конечно, мою книжку «С Гитлером — к власти». Я вхож к нему в любой момент, могу поднять ваши деревья к небу, могу заставить их зачахнуть, когда они еще не расцвели.

Нужно иметь самообладание Ганса, чтобы удачи не вскружили голову. К чести его, он сохранил хладнокровие даже после неожиданного приобретения прелестной виллы. Как ни странно, получить ее помог Хельзеер.

— Соберите все ваши рукописи и отнесите их в самый

глубокий подвал,— сказал однажды ясновидец, встретив его в министерстве.

— Как это понять?

— Ваш дом в ближайшее время будет разбомблен.

Ганс усмехнулся этому пророчеству, по все-таки ему стало не по себе. Он тщательно собрал все выписки и записи и отвез к тетке в Панков, который почти совсем не бомбили. Тетка встретила его хмуро. «От Ганса второй месяц ничего нет»,— сказала она. Речь шла о ее сыне, ефрейторе, находившемся на восточном фронте. Двоюродный брат Ганса Эшке работал до войны электромонтером у Сименса. Оба названы были именем деда, вместе играли в детстве, но став взрослыми, разошлись.

— Наверное, неаккуратность полевой почты,— сказал Ганс, чтобы что-нибудь сказать.

— Он писал каждые три дня...

— Почему вы, тетя, делаете худшие предположения?

— А у тебя есть основания для лучших?

Она взглянула на него почти с ненавистью.

— Это вы, дядя Ганс? — вошел в комнату младший сын тетки Карл. — А мне показалось, что кто-то незнакомый. Вы у нас столько времени не были, что я и голос ваш не узнал.

— Почему ты зовешь меня дядей, ведь мы кузены,— улынулся Ганс.

Мальчик смутился.

— Вы теперь знаменитый, о вас пишут в газетах.

— Вот что, Карл,— решил вдруг расщедриться Ганс,— я дарю тебе пятьдесят марок. Купи себе на них хорошие ботинки, а то твои совсем стоптаны.

— Спасибо,— еще больше смутился мальчик.

Тетка молчала.

«Неблагодарная женщина,— думал Ганс на обратном пути.— И таковы все люди. Если не делаешь подарков, ты для них плох, делаешь — они решают, что этого мало, и считают тебя жадным. А чем я обязан тетке, чтобы вообще что-нибудь ей дарить!»

Оставаться в доме, который должен был вот-вот рухнуть, Ганс не захотел. Прав предсказатель или нет, но частые ночи в убежище и без того надоели. Ганс решил поселиться за городом.

— Это самое лучшее,— одобрила Марта,— теперь все руководители партии там живут.

— Но у них собственные машины, которые облегчают поездки.

— А что мешает тебе приобрести «мерседес»?

В самом деле, как мог он забыть о своих возможностях!

— Во что это обойдется?

— Я найду тебе первоклассный автомобиль всего за три тысячи. И обеспечу разрешение на неограниченное потребление бензина.

— Не дорого ли это для меня? Впрочем...

Да, да, ему нужен именно первоклассный автомобиль.

— Хорошо, действуй!

— Завтра к вечеру я приеду к тебе на твоём автомобиле.

— А у меня уже будет к этому времени разменный чек.

— Ты умеешь водить машину?

— Нет.

— Ничего, я буду тебя учить.

— Милая моя,— на Ганса нахлынул восторг,— есть ли что-нибудь, чего бы ты не знала или не умела?!

Он поселился в верхнем этаже хорошенького коттеджа в Целлендорфе. А через девятнадцать дней, после одной особенно страшной для Берлина ночи, от пятиэтажного здания, в котором он недавно проживал, остались развалины и тошнотворный запах гари.

— Вы угадали,— сказал он Хельзееру,— я разбомблен.

Ясновидец отнесся к осуществлению своего предсказания как к должному.

— Я могу направить ваше внимание на одну свободную виллу. Даже бесхозную. Ничью. И притом очаровательную. Можете стать ее собственником.

— Как это возможно? Что значит ничья?

Хельзеер рассказал Гансу коротенькую историю.

Будучи сам великим провидцем, фюрер верит, конечно, в астрологию. Его астрологом-консультантом был швейцарец Карл Эрнст Краффт. Без предварительных гаданий Краффта по звездам не предпринималось ни одно важное мероприятие. И Краффту подарена была прекрасная вилла. Но швейцарец обнаглел. Он сообщил о своем исключительном положении английским коллегам. И это тут же стало известно британскому штабу. А об осведомленности враждебного штаба узнал ясновидец Хельзеер. Совершенно естественно, что узнал тогда об этом и рейхсфюрер СС. И Краффта не стало.

— Где же он? — наивно спросил Ганс.

— Тут,— ткнул Хельзеер пальцем вниз,— или там,— поднял он палец вверх.— Это зависит от ваших религиозных представлений. Но вилла свободна.

Гансу стало немного не по себе.

— Поселиться в квартире казенного...

— Я имел лучшее представление о ваших нервах, доктор.

— А как ее получить?

— Я могу переговорить, чтобы ее предоставили разбомбленному ученому.

— А затем?

— Затем в зависимости от ваших заслуг она может быть переведена на ваше имя.

— И чем я должен буду вас отблагодарить?

— Об этом я не думал еще, господин доктор. Вашу благодарность я резервирую за собой.

* * *

Вилла, автомобиль, связи и деньги были. Было имя, были лучшие виды на будущее. Не хватало пока еще поста, подчиненных чиновников, стройных полногрудых секретарш, ковров из Персии, пухлых бюваров и разноцветных телефонов. Это должно прийти. У большинства людей рассудок — прикладное к должности; у Ганса наоборот, есть рассудок, и потому должности появятся сами собой. При этом доктор Эшке имеет то неопределимое преимущество перед другими преуспевающими партийными деятелями, что у него — специальность, поприще, идея. Какой-нибудь Лей или Зейс-Инкварт могут равно быть гауляйтерами, министрами труда, хлебопечения или балета, а доктор Эшке — преобразователь умов и душ, он стоит в одном ряду с министром пропаганды и автором «Мифа двадцатого столетия» рейхслайтером Розенбергом.

Ганс по несколько раз в день осматривал свою виллу. Все было безукоризненным, сугубо удобным, и он не мог даже представить себе, каким бывает еще больший комфорт. Стены спальни обтянуты плотным и веселым бежевым шелком, как нельзя лучше гармонизировавшим с мебелью олеандрового дерева, в которую вмонтированы канделябры и ночники. Две широкие кровати образуют единое ложе, располагая к безудержной любви и волнуя кровь Ганса одним только своим видом. С отвращением вспоминал он погибшую гевандтеровскую гробницу, в которую ложился с таким чувством, словно опускался в склеп. Эти две

кровати на вилле предназначены, наоборот, чтобы спать сладчайше, под ласковой опекой Морфея, просыпаться лишь для того, чтобы предаться утехам любви, снова засыпать и, проснувшись, снова любить.

Кабинет, в котором Ганс нашел море разбросанных после обыска книг, был выдержан в строгом, располагавшем к труду стиле и давал в то же время замечательную возможность по первому же желанию переходить от фолиантов к солнцу и цветам. Стоило отдернуть тяжелую бордовую штору, завешивавшую стеклянную дверь,— и взору открывался сад, розарии и гиацинты которого, теперь, правда, от неполивки увядшие, изливали чарующий, смягчающий душу запах. Дверь в сад вела и из гостиной, здесь мебель была из красного дерева и обита голубым шелком. Всего в доме было шестнадцать комнат, две ванны, много подсобных помещений и превосходный гараж.

Кто строил и обставлял себе этот дом? Краффт был в нем, конечно, случайным жильцом. Он привнес сюда чудившийся Гансу вечерами запах тайны и преступлений. Прежде здесь жили, должно быть, аристократы. Те, кому к устрицам подают сабли, а потом поммерн. Так пили знающие, из умирающей расы. Эти, которые сегодня чинят или переустраивают мир, так пить не умеют. Дитрих жует с открытым ртом и запивает каждое блюдо пивом. А здесь, в этом доме, висели, вероятно, портреты предков и стены были украшены скрещенным оружием.

Марта, посетившая Ганса в его новом доме, рассмеялась этим предположениям.

— Никаких тут аристократов не было. Здесь жили люди, которые пили и жрали беспорядочно и много, до тех пор, пока у них не взрывались животы. Это были просто богатые люди. Купцы, заводчики или владельцы страховых компаний. Вот и все. И вообще, должна тебе сказать, домик хорош, но вилла моего отца в Нейкельне и больше и богаче.

Ганс удивился.

— У твоего отца есть вилла? Почему же вы снимаете квартиру в Шарлоттенбурге?

Марта засмеялась опять.

— У папы есть и вилла, и охотничий домик в Тюрингии, и рыбацкий возле Герингсдорфа.

Ганс был поражен.

— Как видишь,— продолжала Марта, улыбаясь,— ты сделал только первые шаги. И притом оказался в пустом доме один и без прислуги. Тебе нужны повар, садовник,

шофер и горничная. Да, горничная. Я к горничным не ревную, а обходиться без них нельзя.

— Но где же взять сейчас такую уйму прислуги? И к тому же у меня нет доходов, которые позволяли бы ее содержать. Марта перестала улыбаться.

— Знаешь, милый, честолюбие и страсть к роскоши борются в тебе с неутраченной крестьянской скупостью.

— Может быть, это и верно, — покраснел Ганс, — но денег для настоящей роскоши у меня пока действительно еще нет.

— Ты ученый, — сказала Марта, подумав, — и не умеешь их делать. Если бы ты имел толковую жену...

— Я не откажусь от нее, если ты ничего не имеешь против.

Марта засмеялась.

— Предложение, милый мой, так не делают.

Ганс опомнился, подбежал к Марте и от души поцеловал ее. Этот безыскусственный порыв умилил его и заставил посмотреть на Марту не только как на партнершу в любви и помощницу в дальнейшей карьере, но с простой человеческой нежностью. И так непривычно было это охватившее его чувство, что он тут же застыдился.

— Давай обдумаем, что нужно предпринять для удвоения доходов человека, который собирается жениться.

— Удесятирения, — поправила Марта. — Но это, милый, только одна проблема. Человек, который собирается жениться, должен разрешить и генеалогическую. Она, если хочешь, даже более сложна.

— Насколько я знаю, нужно покопаться недельку в приходской церкви, составить таблицу предков, а еще лучше заплатить за ее составление священнику.

— Да, если собираются получить таблицу о происхождении от истинно немецких кузнецов или свинарей.

— Что же делать! В моем роду, безусловно, не было княжеской ветви.

— Кто не ищет, не обрящет.

— Ты, кажется, сошла с ума.

Марта забралась к Гансу на колени.

— Я познакомлю тебя с моим братом. Он специалист в генеалогии и во многом тебя просветит.

Занявшись поисками древа своих предков, Ганс попал в неизвестный ему дотолем мир таких же искателей, но не случайных, а профессиональных. Только тут раскрылось

ему, что генеалогия — это наука, затмившая в национал-социалистские дни филологию как по количеству последователей, так и по официальному к ней благоволению. Но была ли она только наукой? Ганс скоро понял, что это скорее род занятий, искусство, страсть и авантюризм. Одни были в генеалогии следопытами-романтиками, другие честолюбиво добивались предков времен Тацита, третьи следовали моде, четвертые пытались присвоить себе посредством древних родичей наследственные права на чужое имущество.

Количество искателей поразило Ганса своей непомерностью. Рудольф Пфельш, желая дать ему представление об обществах генеалогов, возил его на их собрания. Оказалось, что обществ таких по всей Германии сотни, они есть в каждом городке, и заседание любого из них происходит в переполненном зале. Перечни лиц, занятых исследованием происхождения своих фамилий, включали сотни тысяч человек и изданы были в толстых, как Библии, томах. Люди, которые раскопали своих предков до времени Тридцатилетней войны, исчислялись миллионами. Одни предавались генеалогическим изысканиям в каникулярное и отпускное время, другие посвящали этим поискам многие годы. Когда Пфельш привозил Ганса в архивы приходских кирх, тот всякий раз убеждался, что над пожелтевшими фолиантами многовековой давности сидят прилежные люди разных возрастов и профессий.

— Но ведь это адский труд, — бормотал Ганс.

— А как же! У каждого человека двое родителей, четверо прауродителей, восемь прапрауродителей и т. д. Чтобы уяснить свое генеалогическое дерево хотя бы до времен Тридцатилетней войны, нужно разыскать данные о пятистах двенадцати предках. К 1500 году их становится уже 4096.

— И какие же данные надо о них собрать?

— Когда человек бесповоротно убеждается в том, что его прауродители были только ткачами, он ограничивается датами рождений, браков и смертей. Но если розыски обнаруживают, что кто-то из отживших родственников породнился с дворянством, приобрел дворянство, получил от князя табакерку или, скажем, прижил детей от дворянина, — тут уже сфера деятельности искателя расширяется беспредельно, ему следует разузнать о всех своих прауродителях все.

— А именно?

— Ну, строение их голов, цвет волос, выражение лица. Надо разыскивать их портреты из различных периодов жизни, узнавать об их страстях и склонностях, талантах и болезнях, удачах и неудачах. Но прежде всего, конечно, нужно собирать возможно больше данных о том, чем они владели, в каких участвовали походах, как ловко обращались с оружием.

— Но возможно ли это, если речь идет о тысячах предков?

— Для этого требуются годы.

— Но с какой целью?

— Большинство не имеют в виду ничего другого, кроме установления истинно немецких предков. Но очень многие хотят убить и другого зайца — найти доказательства дворянского происхождения, получить право приставлять к фамилии «фон», «ван» и «де».

— Ну, «де» теперь неуместно.

— Не говорите. Дворянина любой нации можно переделывать в немецкого, это исключено только для плебса из других стран. Мы, генеалоги, знаем, доктор, что величайший наш военный теоретик был, между нами говоря, на девять десятых поляком, в жилах создателя прославленного дирижабля текла сильная струя французской крови, и тот, чей памятник венчает Аллею Победы, с таким же основанием мог бы считаться галлом, как и германцем. Нам очень хорошо известно, что половина людей, давших немецкому народу славу, по национальной наследственности вовсе не были немцами.

— Об этом не стоит говорить, господин Пфельш.

— Разумеется, господин доктор. Я позволил себе упомянуть об этом только вам. Но я не ответил бы на ваш вопрос о соображениях, которыми руководствуются искатели, если бы не добавил, что для многих сидение в архивах — просто духовный спорт. Для таких все это длинный кроссворд. Видите вы того лысеющего господина в сером костюме с зеленоватым галстуком за крайним столом слева? Это владелец магазина скобяных изделий, который вот уже лет шесть отвлекается от своих скучных занятий, один день в неделю посвящая не менее скучным выпискам из церковных книг. Он приносит чистый рулончик длиной в метр и, заполнив его, считает день законченным. У него накопилось уже несколько сот рулонов — согласитесь, что, если это не свидетельствует о предприимчивом уме, то во всяком случае об устойчивом и положительном характере. При этом он сохраняет здравость ума и не впадает в мистику.

Ему это укрепляет нервы, в то время как у многих других искателей они расслабились.

— При чем здесь мистика, господин Пфельш?

— О, генеалогический мистицизм — это страшная вещь! Им охвачены тысячи людей. Во время завтрашнего пребывания в Лейпциге я буду иметь удовольствие представить вам немало людей, которых считают совершенно помешанными.

— Для меня это удовольствие будет сомнительным, — рассмеялся доктор Эшке.

Ганс впервые испытал в этот день прелесть бега своего «мерседеса», вырвавшегося из городской сутолоки на простор, избавившегося от необходимости беспомощно фыркать перед светофорами и несшегося по асфальтовой глади со двадцатикилометровой скоростью.

— По какой же программе вас возить? — задумался брат Марты, замедляя ход. — Сначала, пожалуй, на Госпитальную, 19, где мы наполним чемодан открывающей глаза литературой. Это издательство Дегенера-Шпора. Не пугайтесь, доктор все, что вам будут там совать, мы на обратном пути сможем выбросить.

Но не испугаться Ганс не смог. Когда в кабинет издателя ввели знаменитого доктора Эшке, которому любопытно узнать, чем интересным располагает в настоящий момент издательство, то уже через пять минут стол был настолько завален разнообразными переплетами, что у Ганса зарябило в глазах. Это были периодические издания разных генеалогических обществ, руководства к поисковой деятельности, биографические карты, пособия по изучению древних портретов, монографии о связи генеалогии с биологией, труды об исследовании родовых гербов, многотомные исследования о влиянии нравов предков на характер потомства, атласы, таблицы, бюллетени, путеводители, справочники, указатели, и им, казалось, не было числа.

— Рекомендую, господин доктор, «Семейно-исторические листки». Это новый, оригинальный способ учета предков... А вот труд почтенного пфарера Цахау о том, что исследование истории семей есть новая философия... Вас, наверное, заинтересует «Гороскоп и фамилия»... Смею посоветовать также замечательную работу Армина Тилле об определяющей роли крови для экономического уклада общества... Кстати, могу предложить все исследования Фридриха фон Клокке о патрициате, рыцарстве и дворянстве. Между нами, Клокке усиленно читали до войны англичане. Нельзя не признать,

после нас это второй по аристократичности народ. На острове множество людей, имеющих таблицы предков до Кнута Великого...

Издатель рассказывал о своей довоенной связи с «Ассоциацией генеалогов» в Лондоне, предлагал одну книгу за другой и наконец подарил Эшке свой труд «Семьеведение — предпосылка нового государства».

— Разрешите, почтеннейший господин доктор, надписать, — взволнованно говорил он. — Ах я так рад счастливому случаю видеть вас, так рад. Вы не сочтете слишком навязчивым, если я позволю себе надписать «Дорогому преобразователю языка»? Бога ради, не усмотрите в этом прилагательном фамильярности, вы именно дороги нам всем, дороги. Это слово сердца, движение души...

Взглянув затем на поданный служащим счет, Ганс покраснел от возмущения, что его вынуждают выбросить 276 марок, и одновременно от стыда, вызванного мыслью, что его смущение величиной суммы может быть замечено. Он небрежно вытащил чековую книжку, размахисто подписал бланк и с нарочитой любезностью пожал издателю руку. Человека этого он сейчас ненавидел.

— Ваши покупки в багажнике, господин доктор, — почтительно доложил издательский служащий, когда Ганс и Пфельш садились в машину. Он взял под козырек.

— Слушайте, Рудольф, — поспешил предупредить Ганс, — я не хочу, чтобы ознакомление с генеалогией обходилось при дальнейших визитах столь же дорого. Вы обещали мне показывать сумасшедших, а вместо того привезли к человеку, который разыграл идиотов из нас самих.

— Сумасшедших будет сколько угодно, — рассмеялся Пфельш. — Мы поедем сейчас в Союз немецких исследователей семьи на Пройсенштрассе, 4, где они составляют большинство, оттуда заглянем в клуб семейных гербов на Карл-Кранзештрассе, 23, где их тоже хватает. Когда стемнеет, посидим на «семейно-историческом вечере» в Лотрингерштрассе, 28, а до того успеем еще побывать в объединении по укреплению семейно-исторических нравов в...

— Нет, нет, Рудольф, с меня хватит и меньшего.

Впоследствии Ганс вспоминал этот день вовсе не как самый забавный в жизни. Он оставил некую взволнованность. Ведь известны случаи, бодрит себя доктор Эшке, когда пребывание среди умалишенных расслабляет и психику здоровых людей. Но на самом деле его уверенность в душевной аномалии искателей исчезла в день встречи с ними,

и усомнился он тогда, наоборот, в собственном праве на снисходительный критицизм.

Это было еще ничего, когда лысый человек средних лет назвал Ганса братом. Тут доктор Эшке мог с достоинством рассмеяться.

— Как это понять, уважаемый господин? Новоявленное христианство в национал-социалистском государстве?

— Нет,— спокойно ответил лысый.— Наше родство имеет не религиозное, а арифметическое основание. Разве вы не знаете, молодой человек, что каждый из наших предков времен Тридцатилетней войны размножился через протекшие десять поколений таким образом, что имеет сегодня в среднем пятьсот человек потомства? У каждого из нас, в свою очередь, было в то время более чем по пятисот предков, и, следовательно, все они вместе имеют сегодня приблизительно четверть миллиона потомков. Вы и я имеем, значит, по двести пятьдесят тысяч кровных родных и только по иронии судьбы не знакомы с ними. Но если даже мы и не принадлежим к одной четверти миллиона,— без аффектации и даже с оттенком грусти продолжал лысый,— родственниками мы все не перестаем быть. Я ухожу взором к более дальним временам, скажем, на четыреста лет назад, исчисляю число своих предков тех лет и не могу не видеть, что они имеют сегодня шестнадцать миллионов потомков. Я вижу, мой господин, улыбка исчезает с вашего лица, и это делает вам честь, ибо у вас не может быть уверенности в том, что оба мы не среди этих шестнадцати. За полтысячи лет наши предки породили для сегодняшнего мира ровно миллиард потомков. А мы, немцы, только шестидесятимиллионный народ. Через тысячу четырехсотый год мы все, следовательно, связаны кровью...

— Я слышал о вас, знаю ваше учение,— вступил в беседу сравнительно молодой человек с худосочным лицом.— Ваше появление среди нас естественно. Ваш могучий ум не мог не обратиться к прошлому. Только человек, видящий перед собой древнегерманских прародителей, может найти слова, которые были в их устах.

— Вы допускаете неточность, Герберт,— мягко перебил худосочного пожилой полный.— Видите или не видите вы предков перед собой, все равно, доктор, говорите и пишете вы только то, что предопределено ими. Они живут в вас, доктор, и их прошлое — ваше прошлое. Улыбка радости на устах прабабушки в 1711 году породила, может быть, лучшие места вашего словаря, праву прадеда пятнадцатого

века обязаны вы трудолюбием, а испуг вашей бабки в шестнадцатом веке затрудняет для вас сегодня нахождение точного заменителя для того или другого слова.

— Да, доктор,— вмешался высокий не улыбающийся господин в темных очках,— ваша жизнь, ваше положение зависят от горя и радостей, мелькавших полтысячи лет назад. Ваши нос, рот и уши имеют формы, созданные браком восьмисотлетней давности.

— Вечности — надо тогда говорить.

— Да, длинная цепь семьи теряется в вечности. Настоящее приходит с каждой секундой и пропадает в пропасти прошлого, чтобы дозвель затем над вашими потомками через тысячу лет.

— Все, все в вас, доктор,— втирал затем Гансу еще не старый, но изрезанный морщинами человек в старомодном сюртуке,— сделали таинственные силы прошлого, семя и кровь, семя и кровь. Только познав, чьи они были, проникая в жизнь и дела предков, познаете вы самого себя. Вам из таинственной дали сообщится тогда, почему влекут вас именно зеленые или серые глаза женщин, в портрете прабабки вы узнаете сестру и взволнованно вскрикнете от сходства, которое обнаружите между пороками прадеда и собственными. И тогда вы не преодолеете уже стремление идти все дальше, переходить от поколения к поколению в глубь времен. Вы будете, как я, сидеть над желтыми пергаменами с ломаными печатями, разглаживать покрытые пылью веков связки актов, искать эти длинные и узкие кожаные книги церквей, ездить по городам в поисках недостающих звеньев цепи, которую захотите протянуть в вечность, изучать гербы на порталах замков, склоняться над могильными камнями в темноте алтарей, и чем больше духов восстанет вам из прошлого, тем огромнее и таинственней будет генеалогическое провидение нескончаемой дали. Чем ближе, тем дальше будете вы от цели, ибо она исчезнет, сменившись непреодолимым стремлением к метафизическим далям, к исканию бессмертия через предков, и...

— И вы сойдете с ума,— шепнул Гансу на ухо Пфельш.

Гансу было не по себе, когда они уже темной дорогой возвращались в Берлин. Рудольф молчал и ухмылялся.

— О генеалогии надо разговаривать при солнечном освещении и после утренней гимнастики,— сказал он Гансу, расставаясь.— Тогда испаряется таинственность, и мысли получают разумное направление. Я буду ждать вас, доктор, в своем бюро послезавтра в одиннадцать.

В залитом солнцем кабинете Рудольфа мебель была светлых тонов, и блестящие золотом за стеклами книжного шкафа сто томов «Германских родов» — монументального произведения немецкого родоведения — в этой обстановке ласкали взгляд.

— Ваше самочувствие, доктор? — осведомился Рудольф уже не тоном гида, а снисходительного хозяина.

— У меня, вероятно, были здоровые предки, и потому я быстро пришел в себя, — улыбнулся Ганс.

— Как раз наоборот, — расхохотался Рудольф. — Вы настолько здоровый человек, что мысль о предках, не в состоянии вывести вас из равновесия. Я заметил, что среди людей, добровольно мучающих себя прошлым, много почечных и прочих больных. В предрасположенности к генеалогии играют, вероятно, большую роль неправильный обмен веществ и нарушения в железах внутренней секреции.

— Позвольте, Рудольф, но ведь вы — владелец генеалогического бюро...

— Совершенно верно, и это позволяет мне говорить на основании опыта. Но в мое бюро больные не приходят, они вызывают духов сами. Надо признать, что у меня не бывает и настоящая знать. За нее уже написаны родовые книги, и она не нуждается в них. Если вам небезынтересно, то о характере моей клиентуры я могу рассказать.

— Пожалуйста.

Из рассказа Рудольфа явствовало, что большинство его клиентов — рядовые люди, которым нужно жениться или продвигаться по службе. Если им некогда заниматься разъездами по церквям, они приходят к нему, и его агентура обеспечивает все справки о шести немецких прародителях. Это скромные люди, и доход от них тоже скромен. Но его агенты разжигают генеалогическое честолюбие очень богатых людей, которые занимаются поставками для армии, осваивают завоеванные территории, короче — сидят в акционерных обществах. Их марки длинные, и родовые таблицы нужны им тоже соответственной длины. Агент предупреждает их о трудности исканий: «В тринадцатом ряду вы имеете, уважаемый, восемь тысяч сто девяносто двух прародителей, раскопать их нужно по энному числу городов и сел усилиями энного числа людей!..» Когда такую сделку удастся оформить, капитал бюро расширяется на несколько тысяч марок сразу. Еще одну категорию составляют искатели гербов. Они, по их мнению, имеют обычно род, уходящий корнями к патрициям, к Ромулу и Рему, и потому естественно, что герб

их затерялся в такой дали. И бюро отыскивает им их герб.

Эшке узнал, что в бюро работают профессора, художники, люди десятков специальностей, даже сыщики, ибо в целом ряде случаев выяснение истории семьи является чисто сыскным делом. Немалую категорию клиентов, по словам Рудольфа, составляют люди, с которыми предки сыграли злую шутку, сделав им носы с горбинкой. Им нужно доказывать химическую кристалльность немецкой крови в жилах, и помогать им поручено специальному отделению, которое возглавляет доктор Фридрих Веккен — тот самый, который составил предковую таблицу фюрера и Гинденбурга.

— Я плачу ему двадцать тысяч марок в год и пять процентов с оборота, — подчеркнул Рудольф и добавил: — Но, честное слово, мы оба не в проигрыше.

— Верю. А каков, скажите, примерно оборот?

— Гм. Вот уж и не знаю, доктор, что вам сказать. С одной стороны, в интересах фирмы следовало бы наш оборот всячески рекламировать, но, с другой стороны, в тех же интересах бывает о нем умолчать. Дело в том, что доход от знаменитостей мы проводим не по всем книгам.

— Каких знаменитостей?

— Любых. Всех не перечислить. То есть доход-то мы получаем, наоборот, от совершенно бесславных людей, рядовых, простых и абсолютно безвестных. Но так как безвестность их гнетет, мы даем засиять им отраженным светом знаменитых предков. У меня работают двенадцать сотрудников, специально занятых обнаружением наличного потомства именитых людей, — все равно, философов, царских брাদобреев или музыкантов. Мы приходим затем к бухгалтеру, маклеру по продаже недвижимостей, фабриканту подтяжек или владельцу мебельной мастерской и сообщаем ему, что он нисходящий Моцарта или Менцеля, Клейста или Раабе. Серый и бесцветный человек обалдевает. Он получает от нас таблицу и данные о своем знаменитом родстве, платит нам гонорар, водружает в квартире портреты и бюсты предков, оповещает родных и знакомых, набычивает шепю и уже сам ощущает себя знаменитостью.

— И такие клиенты у вас часты?

— Сколько хотите. Я делаю их счастливыми, буквально счастливыми, доктор. Они подобны морковной ботве, не представляющей собой ничего и имеющей свое ценное только в земле. Я отношу, впрочем, это сравнение ко всем, хвастающим своим происхождением. Да вот только вчера внес мне

две тысячи марок и бесконечно тряс руку некий господин Штраус. Он владеет трикотажной фабрикой в Саксонии, работает сейчас на армию, толст, как свинья, и сер, как поставляемые им свитеры. До сих пор его единственной утехой была еда, а я придал его жизни новый смысл, возвысил его над всеми другими трикотажниками Лимбаха.

— Кого же вы ему отыскиали?

— Придворного попа императрицы Аугусты. После одного обеда этот поп прослыл остроумнейшим человеком. Там сидела вздорная аристократка, которая решила, что ее сосед по столу — тот самый Штраус, который написал «Жизнь Иисуса». Попик, конечно, возмутился, что его приняли за автора богохульной книги. «Но тогда вы, по крайней мере, тот Штраус, который пишет вальсы?» — «Нет, я даже не тот страус¹, — взревел поп, — который кладет яйца». В кругах придворных бездельников об этом говорили потом много лет, а теперь я осчастливил потомка в энном колене, он задерет голову и будет говорить: «Я не тот страус, который кладет яйца, я — тот, который делает панталоны и свитеры. Еще мой прадед на обеде у императрицы Аугусты...»

— Слушайте, Рудольф, вы живительно на меня подействовали. Редко приходится видеть такого предприимчивого человека в таких молодых летах. Но скажите теперь, дорогой, что сделает ваше бюро лично для меня, во что мне его услуги обойдутся и насколько сам я буду избавлен от хлопот?

— Вы правы, доктор, я вас заговорил. Но не без намерения, не без намерения. Я отвечу на каждый из ваших вопросов. Мы заключим, доктор, любовную сделку. От хлопот вы будете избавлены совершенно. Укажите только место вашего рождения, все остальное предоставьте мне. К новогодней ночи вы будете иметь таблицу двенадцати рядов предков, приставку «фон» и, если хотите, герб.

Ганса охватило глубокое волнение. Он постарался его подавить.

— Невозможно, Рудольф. Меня поднимут на смех. Крестьяне нашей деревни знают моих родителей, жива мать...

— Извините, что перебиваю, это абсолютно несущественно. Крестьяне вашей деревни не могут знать архивов других мест и родоначальников вашей семьи. Не вы первый, доктор, и не вы последний. Положитесь на меня и разрешите перейти

¹ «Страус» по-немецки произносится как «Штраус».

к вопросу об оплате. Она не только не потребуется, но, наоборот, вы можете получать от нашего бюро существенный доход...

Он пояснил Эшке суть дела. В рейхе существует очень много государственных генеалогических учреждений. Тут и центральное управление по истории немецких семей, созданное еще в 1934 году, и имперское управление по семейным исследованиям при министерстве внутренних дел, и отдел 11-А министерства пропаганды, самостоятельно собирающий материалы о происхождении лиц интеллектуального труда, и многие другие. Это стоит государству много денег, которые особенно сейчас, в условиях тотальной войны, надо беречь и беречь. Вдобавок существует непомерное число частных генеалогических издательств, которые пожирают столь ценную сейчас для страны бумагу, расходуют топливо, отвлекают рабочую силу. Множество генеалогических обществ есть также неоправданная расточительность.

Из-за таких занятий, по мнению Рудольфа, пропадают в масштабе государства миллионы человеко-часов производительной работы, люди загружают транспорт ненужными разъездами, мысли их, которые должны всецело направляться на победу, блуждают среди гробниц. Это приобрело размеры национального зла, и, таким образом, доктор Эшке имеет немало аргументов для того, чтобы, бывая в высоких учреждениях, направляющих идеологию соплеменников, об этом зле при случае заговорить.

Тут он протянул Гансу список пятнадцати учреждений и обществ, которые следует упразднить в первую очередь.

— За каждое из закрытых,— прямо сказал он,— вы будете получать по одному проценту с оборота в год, а оборот возрастет после этого по меньшей мере вдвое.

Пока Ганс просматривал список, он продолжал:

— Наше государство так разумно построено, что мысли в нем не двигаются без особого на то приказания, и по этому же приказанию они меняют свое течение. Из метафизических далее они устремятся к генеалогическому бюро Рудольфа Пфельша, и самодеятельные изыскания будут заменены получением готовых апробированных справок. Мы задешево купим тогда типографские машины этого жулика Шпора, которые ввел вас в расход, присоединим к ним типографию Штарке в Герлитце, вместо обществ в городках откроем там постепенно свои филиалы...

— То есть покончим, короче говоря, с извращениями в генеалогии,— улыбнулся Ганс.

— Совершенно верно, доктор, совершенно верно.

— Ну что ж. Мне есть кому об этом сказать.

* * *

Ганс был неприятно удивлен, когда в старике, впущенном к нему неотесанной горничной, узнал Зюссмильха. Но что со стариком стало! Он убавился в росте на целую голову, щеки его ввалились, глаза подслеповато моргали.

— Нет, нет, доктор, нам уже не нужно никакой протекции. Мальчика нет...

Зюссмильх заплакал.

Ганс был смущен.

— Ваш сын... осужден?

— Нет... партизаны. Убит в России. Взорвали поезд. Главный цальмейстер сообщает, что геройски погиб.

— Это должно служить вам утешением, господин Зюссмильх. Он отдал жизнь за фюрера. Родители могут быть горды...

— Да, да, господин доктор, я понимаю.

— У вас тем менее оснований, господин Зюссмильх, для отчаяния, что ведь, если не ошибаюсь, вашу старость может утешать другой сын.

— Да, да, он прислал на прошлой неделе из Франции двенадцать зонтиков и шесть баночек сардин. Мы слили из сардин масло и приправляем им картофель.

— Ну вот видите.

— Да, да, он хороший сын, я ничего не говорю.

— Вы, вероятно, пришли получить с меня стоимость продуктов, господин Зюссмильх?

— Нет, нет. Зачем теперь деньги, господин доктор, после того как у нас все разбомбили? Разве я смогу купить такую мебель, какая у меня была?! Я покупал ее в двадцать шестом у Эшенера, это же был кавказский орех. Мы живем теперь в маленьком загородном домике, и туда даже нечего поставить.

— Чем же могу в таком случае служить?

— Жена послала меня молить вас помочь обеспечить нашу старость. У Августа был домик под Ровно. Мальчик приобрел его полтора года назад. Он свез туда мебель, ковры, картины, все, что собрал за это время в Польше и на Украине. С этим связаны были надежды всей семьи...

— Право, я не знаю, господин Зюссмильх...

— Одно только слово, одно только слово господина Пфельша, один только вагон...

— Но ведь из домика, вероятно, уже все растащили.

Глаза старика перестали моргать. Он поднялся со стула, выпрямился, голос его зазвучал неожиданно громко, и никаких просительных ноток в нем уже не было:

— Тогда, господин доктор, я требую, чтобы интендантство оплатило родителям погибшего за фюрера и родину героя стоимость имущества, которое мародеры у него расхитили. Там было шестьдесят четыре ковра. У Августа имелся список вещей. Часть их была им упакована в ящики, на которых стояли печати интендантства. Я могу представить список сервизов. Это старинные русские марки Попов и Кузнецов. Кроме того, в девяти ящиках, находившихся в подвале, сложено было полное оборудование маленького колбасного завода.

— Господин Зюссмильх! — только и нашелся Ганс.

— Я пятьдесят четыре года Зюссмильх, господин доктор! Мой сын Август, цальмейстер пятьдесят третьей особой дивизии фюрера по борьбе с бандами на завоеванных германским оружием территориях, ежесекундно рискуя головой, собирал по зернышку необходимое достояние, которое позволило бы ему по окончании войны осесть на новоприобретенной для немецких людей земле и пустить на ней немецкое семя. Он погиб в борьбе за жизненное пространство для своего народа, и его престарелые родители, оставшись без сына и кормильца, вправе теперь полностью, до последнего пфеннига, получить все, что он забирал у врага!

Ганс никогда так не радовался телефонному звонку. Но, пока он говорил с Мартой, старик и не подумал уйти, наоборот, из услышанного разговора он почерпнул пищу для продолжения монолога.

— Ага, фрейлейн Марта! Простите меня, господин доктор, вы намекаете ее папаше, что мой сын хо-о-ро-шо знал о пакетах с золотыми зубами, которые поступают из Польши под особым секретом. Можно также присовокупить, что для мелочей из ровненского домика не потребуется такого состава, какой гнали из Польши через Германию, пополняли во Франции и доставили в Сан-Себастьян. О, дворец там получился что надо. Я только на картинках видел, господин доктор, этот курорт, но вы, надо полагать, будете в Сан-Себастьяне купаться...

Ганс возмутился:

— Вы позволяете себе, господин Зюссмильх...

— Бросьте, господин доктор, бросьте. Или вас не ввели в курс дела?

После визита Зюссмильха Ганс решил ускорить свою официальную помолвку. Он понял, что активы семьи Пфелыш даже больше, чем он себе представлял. Собственный достаток показался ему нищетой.

По случайности судьба столкнула его через пару месяцев с другой прежней соседкой — фрау Фризе.

— Мы живем теперь в маленькой комнате у одного купца, — сообщила она. — Его семья ненавидит нас за то, что мы ее стеснили.

— У соплеменников должна быть солидарность.

— Ах, господин доктор, я нарочно при открытой двери громко читаю статьи Геббельса о солидарности, чтоб их слышала жена купца, но разве неразбомбленный может разбомбленного понять?! В квартире семь комнат, нас вселили в одну, принадлежавшую прислуге, и, представьте себе, меня, пострадавшую женщину, пытаются превратить в бесплатную горничную. А так как я на это не иду, меня загрызают.

— Жалуйтесь, госпожа Фризе.

— Кому, господин доктор, куда? Германия поделилась на разбомбленных и неразбомбленных, и примирить их нельзя. Жена купца не дает мне даже пользоваться конфоркой на кухне. Помните, какие я пекла пончики? Теперь с этим покончено навсегда. Дети отощали, ноги у них стали как палочки.

— А как же, госпожа Фризе, одуванчики?

— Ах, господин доктор, они, конечно, очень-очень полезны, но, чтобы собирать их, надо иметь силы, нужно есть для этого мясо. На варку их необходимо еще и топливо, а где взять уголь? Я получила триста килограммов брикетов и бог знает, получу ли еще. Из Рейнской области поступает все меньше и меньше, говорят, что поставки угля могут прекратиться совсем. Тогда я буду с ребятами замерзать. Мне и так пришлось отдать восемь брикетов сапожнику, да еще тридцать марок. Представьте, господин доктор, туфли были в ремонте ровно год, целый год. Ведь все ремесленники отправлены в Россию. Я свои туфли буквально выстрадала. А починить часы не могу до сих пор. «Пусть ваш муж, — говорят мне в мастерской, — пришлет просьбу от командира части, и тогда мы возьмем часы в ремонт». Слышали вы что-нибудь подобное! Но так как муж мой, слава богу,

не дожил до того, чтобы быть в части, часы смогут быть починены только после того, как русские капитулируют. «Но вы, — говорю я в мастерской, — спросите сначала русских, собираются ли они это делать, про это что-то совсем не слышать». Так они мне предложили очистить помещение, эти господа часовщики.

— Временные заминки на фронтах, госпожа Фризе, не дают никому оснований и права...

— Я прекрасно понимаю, что это временно, прекрасно понимаю. Вопрос в том, господин доктор, как выдержать это время и где взять силы. Вы помните портного Краузе из первого этажа? Так его уже нет. Жена погибла здесь, когда рухнул наш дом, а он — в России, о чем девочка получила извещение. В тринадцать лет она теперь одна на свете, и не знаю, что с нею стало. Ну а семья Керкманов! Год назад убит был у них Фридель, в последнюю зиму умер сам господин Керкман, три недели назад геройски, как писал командир, погиб Отто, а вчера было газетное объявление, что убит и Вольфганг. И нашего бывшего дома, господин доктор, нет уже половины мужчин, целой половины. Жена булочника Чешкеля радовалась, когда ей сообщили, что ему оторвали руку, она говорила, что он сможет сажать хлеб в печь и одной рукой, но потом оказалось, что он только промаялся лишнюю неделю, и она плакала оттого, что он не был убит, как все. А сын хирурга Лауэра? Или он был убит, кажется, еще при вас? Недавно, говорят, получили извещение и Зюссмильхи...

Редкие встречи в людях «из народа», как их называла среда, в которой теперь вращался Ганс, каждый раз оставляли его в некоторой тревоге. Он и сам, конечно, знал о больших потерях на восточном фронте, но для него это были цифры, а не лица и имена. О трудностях с углем и питанием он тоже слышал много, но представлял их себе только в виде проблем, а не холода и голода. Голодной он видел до сих пор только Сюзанну, но это было давно. Сам он не вел счет брикетам, ему доставили и свалили в котельную двести центнеров угля, он даже не знал, кто в хозяйственном отделе министерства об этом позаботился. У него всегда были дома мясо, фрукты, даже сигары, к которым он почувствовал вкус.

Поставщики продуктов появились в таком же множестве, как и источники, из которых текли деньги. Фирма Ляшингер, державшая в городе четыреста закусовых и поставлявшая сосиски еще для семисот, пользовалась покровительством

ряда газет и доставляла на квартиры пайщиков, редакторов и репортеров огромные ящики салами и окорока, на которых Ганс вскармливал даже овчарку. Он терпеть не мог собак, но их держали все приближенные министра, это было модой, стилем, тоном, и Ганс был принужден завести молодого волкодава, которого ласкал на людях, но гнал от себя дома. Марта познакомила Ганса с крупным виноторговцем, и с тех пор в его доме всегда были водка, коньяки, терпкие испанские вина, портвейн, зект, французское шампанское и ликеры из той же страны.

— Тебе надо раз и навсегда обеспечить кухню, чтоб больше об этом не думать,— сказала Марта и прислала ему однажды услужливого и немногословного старичка. Тот сел с Гансом в автомобиль и повез его к рыботорговцу Штюрину.

— Доктору Эшке,— сказал старичок торговцу,— вы будете доставлять копченые угри, сельди, крабов и форель. Торговец сейчас же записал адрес.

— Теперь, господин доктор,— сказал старичок по выходе из рыбного магазина,— надо затратить часок на поездку за город. Мы проедем через Потсдам в село Вердер.

На огромных, раскинувшихся на километры ягодных плантациях шла уборка урожая. Румяные девушки, каких давно уже не было в Берлине, наполняли корзины спелой клубникой, а в окружавших ягодники садах другие девушки снимали с деревьев ранние сливы и абрикосы. В воздухе смешивались ароматы, по дорожкам сновали во все концы тележки с плодами, солнце весело облучало этот маленький уголок земной благодати, и Гансу захотелось подойти к девушкам, куснуть абрикос, услышать смех. Но старичок попросил остановить машину у конторки плантатора, коротко поздоровался, велел записать адрес доктора Эшке, приказал снести в багажник центнер разных плодов, и уже через несколько минут Ганс возвращался в Берлин, чтобы оказаться затем на сыроварне.

Дом Ганса был полной чашей. Но это благополучие не приносило успокоения. Было закрыто двенадцать генеалогических обществ, Рудольф вручил за это Гансу двадцать тысяч марок в качестве аванса, но Ганс счел себя обманутым, и эта мысль не давала ему покоя. Узнав, как разжились Пфельши и другие люди на войне, он досадовал, что не был на востоке, что в его руки не пошло ничего из тех огромных состояний, которые сделали себе тысячи других. Он купил, поддавшись в какой-то из дней соблазну твердых ценностей,

на шесть тысяч столового серебра, о котором бежавшая с запада семья дала газетное объявление, и теперь это серебро, лежавшее упакованным, казалось ему непростительным вложением капитала, не приносящим дохода. О дивидендах, которые должны давать лежавшие в сейфе спальные богемские бумаги, ничего не было известно; Ганс боялся казаться Марте мелочно-назойливым, но неизвестность его раздражала.

Однако самой серьезной тайной мукой Ганса было отсутствие формы и знаков отличия. На его вилле не было недостатка в портретах и бюстах фюрера, в знаках свастики, представленной в фарфоре, на высеченном камне и даже в вышивке, о чем позаботилась Марта; но доктор Эшке был никчемным и бледным в многочисленных собраниях, где он терялся среди блиставших униформ, где чуть ли не все присутствовавшие были обвешаны орденами, даже те, кто никогда не слышал выстрелов, ходили в почетных и внушительных званиях штурмбаннфюреров и хауптбаннфюреров СС. Надежда на «фон» волновала, как возможная улыбка счастья; но форма была необходимостью, без нее обойтись положительно невозможно.

— Вы не участвовали в первой мировой войне? — издевательски спросил Дитрих, когда Ганс, доставивший ему четвертое донесение, разрешил себе намек на то, как полезно было бы для филологов сознание, что их науку возглавляет военный человек.

— Мне было тогда шесть лет, господин шеф.

— Гм, да, такие обстоятельства не от нас зависят, конечно. Ну а в Испании, господин доктор?

Поиронизировав над Гансом еще несколько минут, Дитрих заметил, что трудно дать на подпись фюреру приказ о человеке, не нюхавшем пороха, но услуги, которые еще окажет германской науке доктор, не исключают в дальнейшем такую мысль.

— Мне доложили, — утешил он, — что вы уже можете получить в «Немецкой газете» дивиденд от ваших паев.

Когда Ганс побывал в издательстве, оказалось, что ему выделен пай в пятьдесят тысяч марок. Его стоимость покрывается дивидендом, но с таким расчетом, чтобы акционер доктор Эшке еще до полной выплаты получал и наличный доход. Он выразится приблизительно в пятнадцать — двадцать тысяч в год. Ганс удивился было этой высокой рентабельности, но ему было разъяснено, что доход издатель-

ства складывается не столько от тиража, сколько от взносов фирм и объявлений.

— Вы ученый, господин доктор, и вам вряд ли интересны все скучные подробности наших дел.

Гансу они не были интересны, и он уехал, оставив номер своего текущего счета.

* * *

О министре говорили, что он скуп на похвалы. Тем большее значение имело то, что он с признательностью пожал доктору Эшке руку. Ганс выполнил по его заданию действительно много серьезных дел. Тайные заботы о помещении капиталов не мешали ему просиживать за письменным столом по десять — двенадцать часов в сутки. Были периоды, когда он по нескольку дней не выезжал из дома, не отрывался от словарей, и Марта заставляла его заросшим.

Одна из работ Ганса посвящена была Голландии. Там поднимался ропот по поводу вывозимых в Германию масла и овощей, немецкие чиновники и офицеры ощущали косые взгляды, на заборах кто-то делал надписи «Да здравствует Сталинград!», и Ганс написал для радио и печати инструкцию о том, как филологически доказать голландцам, что дело Германии — их дело, ибо они сами — немцы. Затем он составил на шестидесяти страницах популярную книжку для немецких солдат, которые, как обнаружилось, стали при отрыве от противника все чаще бросать винтовки, пулеметы и даже артиллерийские орудия. Книжка рассказывала, что немецкий предок, любя оружие превыше всего, давал ему имена, как живому существу, и предлагала воскресить эту традицию, приводя сложившиеся в солдатском быту наиболее ласкательные для пушек названия.

Затем для наилучшего закрепления на днепровских рубежах доктор Эшке лингвистическим путем доказал в специальной брошюре, что немецкий народ — храбрейший в мире и никогда не сдает позиций. В то время как представления французов были ограничены только такими понятиями, как «бравур» и «кураж», в немецком языке для выражения храбрости служило неисчерпаемое множество слов. Ганс перечислил и исследовал применительно к днепровским рубежам слова «смелость», «мужество», «решительность», «героизм», «отвага», «неустрасимость», «удаль» «бесстрашие», «дерзость», «упорство», «стойкость», «напо-

ристость», «несгибаемость», «невозмутимость», «несокрушимость», показал богатство оттенков каждого из понятий и вытекающую отсюда невозможность форсирования рек, защищаемых армией с таким словооборотом и такими чувствами.

Потом Ганс написал, вложив максимум старания и изощренности, несколько радиопередач для англичан. Внешне это были лекции о немецкой филологии, но слушатели должны были извлечь из них ту мысль, что они разговаривают на одном с немцами языке и имеют общего врага в лице монголо-славянских орд Востока. Как бы невзначай Ганс цитировал в этих лекциях автора «Мифа двадцатого столетия», который соглашался оставить правительство его величества хозяином Индии и Суэца, с тем чтобы Британия была охраняющим барьером для белых рас Европы против наплыва и нашествия из Азии желтых. Вошедший в немецкий обиход обширный перечень английских слов из области спорта, судоходства и моды приводился в качестве иллюстрации духовной близости обоих нордических народов, как и то обстоятельство, что английский содержит, в свою очередь, тысячи немецких слов. Объяснялось это индоевропейской общностью языка, сходством крови, равной противоположностью монголоидности и славянизму.

Нельзя сказать, что последний цикл лекций дался доктору Эшке легко. Они отнюдь не гармонировали с призывом замены всех языков немецким. Но он успокаивал себя тем, что эти лекции не предназначены для внутреннего употребления, а германству в данный момент полезны.

— Ваши работы,— сказал ему при первой встрече министр,— для сегодняшнего дня несколько прямолинейны. Сейчас не 1939 год. Филология должна маневрировать вместе с войсками. Отложим, доктор, до лучших времен и переименование немецкого населения, и лингвистические доказательства принадлежности земного шара Германии. Не всегда можно показывать врагу зубы, надо уметь и сжимать их. Филология, как и все науки, доктор, должна делаться сегодня с участием генерала Кейтеля и министра иностранных дел. А их соображения мне известны.

Хельзеер тоже смеялся вначале над прямолинейностью Ганса, заставляя его краснеть до корней волос. «Милый мой доктор, в вашем списке еврейских имен, которые вы возбраняете давать соплеменникам, значится Иосиф. Или вы забыли, что это имя нашего министра? Проверьте, до-

рогой мой, этот список перед изданием еще двадцать пять раз. И тогда,— он переходил на доверительный шепот,— от него мало что останется».

Ганс был особенно рад поэтому благодарности министра за хорошее выполнение заданий. За ними следовали новые, которые давались или с глазу на глаз, или на совещаниях ближайших сотрудников. Неоценимая поучительность того, что министр на этих совещаниях говорил, приводила обычно Ганса в восторг.

— Люди ропщут, господа, по поводу продолжающегося отхода наших войск,— медленно, как бы задумчиво, говорил министр.— Потеря родных на фронте, бомбардировки в тылу, затяжка войны расслабили нервы соплеменников. В души проникает ржавчина сомнений. Нам нужно поэтому добиваться, чтобы соплеменники не позволили разгореться войне в своих сердцах, которая всегда не менее опасна, чем происходящая на поле битвы. Может ли стоять вопрос о победе? Нет, мы уже победили и теперь только обороняем завоеванное. Наше торжество оттянулось во времени. Но война — это темные тайники, и, когда кажется, что впереди ничего не видно, происходят события, сменяющие мрачные настроения на радостные. Скажите, господа, нашим соплеменникам, что с быстро несущегося самолета истории даже не видны мелкие продвижения врага, но зато место посадки самолета останется в веках. Скажите им это с такой силой, чтобы внушенное мнение стало их собственным, чтобы в черном ободке траурных объявлений увидели они краску зари, чтобы в душах у них не осталось никаких червоточин и они поняли бы, что фанатизм не может не победить мир.

Особенно восхитили Ганса суждения министра о роли фотопропаганды:

— Давайте больше фото, господа, как можно больше. Они действуют лучше слов. Людей не хуже, чем ночных бабочек, привлекает яркий, обильный свет. Управляя мнениями и взглядами, надо помнить, что складываются они не из доводов рассудка, а под влиянием чувств. Трудно опровергнуть одно суждение другим, зато этого безошибочно можно добиться картинкой. Но фото, господа, должно быть для этого не бесстрастным отображением, а именно картинкой. С готовым фактом воображению делать нечего, а без воображения нет искусства, нет ничего. Будет ли в таком случае фотокартинка правдивой? Да, господа. Вопрос о чистой правде в пропаганде столь же

праздний, как и о том, сколько чертей могут танцевать на острие иглы. Всякий художник знает: правдиво то, что впечатляет, настраивает, влияет на чувства. Будьте же, господа, художниками пропаганды!

И Ганс напрягал для этого все усилия. Его ум приобрел извилистость, которую обещал ему в свое время господин Криче, и бывало, что он сам, не дожидаясь заданий, размышлял над тем, как можно филологически помочь исходу сражения, ускорению поставки военных грузов и новому призыву в армию итальянцев и румын. Еще большее место в его раздумьях занимал вопрос о мерах лингвистической помощи семьям погибших на русском фронте, которые множились катастрофически. «Нам нужно помнить о них,— говаривал министр,— иначе они превратятся в распространителей маловерия. Мы должны стать для них министерством утешения». Ганс стал просматривать траурные объявления, которые давно уже явились для многих газет серьезным источником дохода. Шеф прессы считал, что количество этих объявлений не должно превышать пятидесяти на номер. Печаль в торжествующей от побед стране следует дозировать. «Зачем плакать публично,— говорил он,— это можно делать, не выходя из дома». Тем не менее в любой газете были страница-две черных рамок и типографских крестов, и читатель искал в этих мрачных квадратах имена друзей и знакомых. У Ганса не было друзей, убиты или не убиты находившиеся на фронте знакомые, его не интересовало, но он читал объявления в надежде, что родится мысль, как объявителей утешить.

Однажды такая мысль его осенила. Это произошло сложным путем ассоциаций, которые он не смог бы проследить и сам. Дело шло об утешении одной только семьи, и притом без всякого применения лингвистики. Прочитав грустное оповещение вдовы, узнавшей о гибели в холодной России ее любимого мужа — владельца детективного бюро, снискавшего общую признательность клиентов, — Ганс в тот же вечер направился к скорбевшей.

— Вы хотели бы продолжать вести ваше дело без почившего? — спросил он после выражения соболезнования.

Вдова ответила утвердительно. Как раз теперь бюро имело обширные заказы, ибо солдаты с фронта поручали ему следить и сообщать о поведении жен в тылу. По объяснению вдовы, дело было на редкость рентабельным, и, не будь денежных затруднений, его можно было бы расширить вдесятеро. Но у нее нет средств на хороших агентов, которые берут по пять марок за каждый час слежки, а за установлен-

ный адюльтер — сто. Держит она инвалидов войны, которые часто даже не в состоянии попеть за спешащими на свидания женщинами. Будь у нее денежный компаньон...

Ганс попросил ознакомить его с бухгалтерскими книгами. Основательно просмотрев их, он понял, что помощь бюро госпожи Штинк¹ явится именно тем наивыгоднейшим помещением капитала, которого он искал.

— Меня, как патриота, смущает, дорогая госпожа Штинк, только то обстоятельство, что вынужденные сообщать нашим героическим солдатам на фронт печальные известия об их супругах, мы, так сказать, можем подорвать их боевой дух.

— Но это бывает не часто, — ответила скорбевшая. — В тылу остались преимущественно пожилые люди, с которыми солдаты редко изменяют мужьям. Кроме того, господин Эшке, большинство подозреваемых женщин работает, плохо питается и проводит ночи в бомбоубежищах, не имея для любви ни времени, ни сил. Ревность моих заказчиков, как правило, безосновательна. Из шестисот двенадцати дел за последние три месяца только в тридцати случаях установлена измена. Это были богатые и неработающие женщины.

— Тем лучше, госпожа Штинк, тем лучше. Но и этих тридцати сердец вы не должны были разбивать. Это непатриотично, я не мог бы на это идти.

— Но что же делать? — Вдова была растеряна.

Ганс провел у скорбевшей целый вечер, и способ сбережения фронтовых сердец был ими найден. Для этого следовало требовать с избалованных в неверности жен по пять — десять тысяч марок. Отправка мужьям разоблачительных данных должна была иметь отныне место лишь в тех крайних случаях, когда женщины оказывались не только похотливы, но и скупы.

— Я — ученый, госпожа Штинк, и мое имя не должно фигурировать на вывеске конторы.

— Как вам будет угодно, господин Эшке.

На следующий же день доктор Эшке посетил адвоката и поручил ему оформить вступление его в совладельцы детективного бюро Штинк с капиталом в шестьдесят тысяч марок.

«Вот у меня уже и есть адвокат, — ухмылялся Ганс вечером за коньяком. — Рассказать Марте или не рассказывать?»

Он задумался. Нет, пожалуй, не следовало ей рассказывать. Она ведь о Сан-Себастьяне тоже недоговорила.

¹ В переводе: вонючка.

Багажник «мерседеса» был заполнен продуктами. Тут лежало сало, салями, круги разных сыров, копченые угри, вина, шоколад — деликатесы, которых уже давно не видели старая Гертруда Эшке и ее двадцатилетняя дочь Лизбет. Внутри автомобиля, на сиденье, находились шесть пакетов со столовым серебром.

Почти пятисоткилометровый путь до родной деревни Ганс проделал за пять часов. Он затратил бы на дорогу еще меньше времени, если б не многочисленные тележки с домашней утварью и чемоданами, то и дело выползавшие на середину пути, так как им не хватало уже места на обочинах автострад. Тележки вылезали на асфальтовую ленту неизвестно откуда и съезжали с нее в стороны, на проселочные пути, с которых в свою очередь, въезжали на магистраль другие. Было очевидно, что люди метались из стороны в сторону, и одни стремились искать спасения там, откуда другие бежали.

Хвала фюреру! Он создал благословенные автострады, по которым можно промчаться через всю страну, не увидя ни одного ее города, ничего, кроме бесконечной ленты пути. Города лежали где-то рядом, в стороне, о них говорили только указатели да съезжие пути, по которым двигались тележки. Хвала фюреру, создавшему эти лучшие на континенте дороги, способные вместить столько едущих и бредущих, позволявшие не видеть битый кирпич и разбитую жизнь людских поселений.

И Ганс не увидел разрушенных городов. А его родная деревня была целехонька по-прежнему. Как и раньше, блестела на солнце вывеска пивной и гостиницы «Белый голубь», а мать, как и два года назад, хлопотала в саду, где с шумом падали наземь поздние яблоки.

В семье Эшке никто не был чувствителен. Но в этот приезд мать по нескольку раз в день целовала Ганса в лоб.

— Какое счастье,— говорила она,— что ты ученый и знаменитый! Я б умерла со страха, если б тебя, как всех, послали воевать в Россию. Из твоих школьных товарищей почти никого уже, Гансик, нет. Кого ни вспомнишь — убит или в плену.

— Я делаю, мама, для победы больше, чем целая тысяча солдат. Меня не могут отправить на фронт, будь спокойна.

Лизбет стала здоровой девушкой, полногрудой и довольно милостивой, но, как показалось Гансу, немного грубова-

той. Она клала на хлеб большие ломти привезенных братом колбас, залпом выпивала кружку портвейна, говорила при этом «хоть день, да наш» и громко смеялась.

— Почему день? Перед тобой вся жизнь, — заметил Ганс.

— Как знать. Фреда Зенг, которую ты в детстве называл своей невестой, поехала на день в Кассель и не вернулась.

— Не каждая бомба целит именно в нас с тобой, — пошутил Ганс.

Работала Лизбет так же энергично, как ела. При помощи нанятых ею как-то особенно дешево двух девиц она целые дни укладывала яблоки в штабеля ящиков, варила большие чаны повидла, сама впрягала лошадь в фургон и отвозила фрукты и повидло в Берген.

— Этот Шпаак — владелец фруктового магазина в Бергене — за меня сватается, — сказала она брату. — Он не глуп и не стар, но только у него оторвало на войне руку.

— Зачем же тебе выходить за калеку?

— Так это же только рука. Все остальное у него на месте, — засмеялась Лизбет, и ее грубый смех Ганса покорибил. — Это очень заманчивая мысль — объединить выращивание и сбыт. Он предполагает еще завести машины и консервировать фрукты. Это может разрастись в большое дело.

— Но ведь ты, сестренка, не столь стара и бедна, чтобы превращать женитьбу в гешефт. Подожди еще пару лет...

— Пока он найдет себе другую, да? Я не хочу обманывать себя, Ганс. Живи я в городе, где людей много, можно было бы рассчитывать на другую встречу, но здесь, в деревне, только дети да старики. Сколько еще продлится война — неизвестно, да и сомнительно, чтобы с нее кто-нибудь вернулся вообще.

— У тебя мрачные мысли, Лизбет.

— Просто трезвые, Ганс. Весь вопрос теперь в том, какую часть земли я могу считать своей и что принадлежит тебе. Я все ждала твоего приезда, чтобы переговорить об этом. Адвокат в Касселе сказал мне, что недвижимое в городах ничего теперь, конечно, не стоит, но сельские участки очень поднялись в цене. Я этого от тебя не скрываю. Но если б ты захотел произвести натуральное деление, оценить свой участок и продать его Шпааку на выплату сроком на пять лет, я была бы тебе признательна всю жизнь. Ведь от деревни ты давно оторвался, тебя не тянет сюда, женишься ты, конечно, в Берлине, и вообще у тебя совсем другие дела.

— Нет, Лизбет, мы, национал-социалисты, ценим свой род. Мое будущее, конечно, широко и не связано с этим

жалким местом, но и совсем отрываться от него я тоже не хочу. Что, если я предоставлю тебе хозяйничать на всем участке и просто войду в ваше дело, а?

— О, Ганс, это будет великолепно!

Ночью, когда девушки спали, Лизбет и Ганс закапывали в саду привезенное им серебро. Лизбет работала по-мужски, сильным ударом ноги вгоняла лопату в землю, и по ее настоянию была вырыта двухметровая яма.

— Ни одна бомба не пробьет, — шептала она.

— Один пакет считай своим приданым, — сказал ей Ганс.

— Я уже мысленно считала своими три, — рассмеялась сестра.

На участке то и дело появлялись люди из городов. Одни были на велосипедах, другие прибредали пешком с рюкзаками на плечах. Они приносили ковры, серебряные сахарницы, что-нибудь из носильных вещей и вымаливали яблоки и картофель. Лизбет не соглашалась, оглядывалась, нет ли на участке лишних глаз и ушей, потом уводила людей с сахарницами в дом, быстро совала им в рюкзаки яблоки и ломоть сала и выпускала затем огородами.

— У тебя, вероятно, приданого уже на десять свадеб, — пошутил Ганс.

— Я делаю доброе дело для этих людей. Вещи все равно пропадут у горожан под бомбами, а я даю самое ценное — жратву. Конечно, в разных местах сада у меня уже закопано кое-что. И у наших соседей тоже. В прошлом месяце принесли хороший персидский ковер. Если мы с тобой уцелеем и на меня найдет приступ великодушия, подарю его тебе к свадьбе. Есть у тебя невеста?

Убедившись в том, что сестра и мать никаких материальных выгод от него не ожидали, Ганс решил осторожно рассказать им о Марте и своих доходах и показал фотографию виллы.

— Из-за бомбежек я не решался звать вас погостить.

Лизбет пришла от снимков в восторг.

— Я подарю тебе целых два ковра. Богатым людям надо делать богатые подарки.

Зато рассказанное о Марте не поправилось ни сестре, ни матери. Она, вероятно, слишком избалована и требовательна. С женой-белоручкой их крестьянское представление не мирилось.

— Она и рожать-то тебе не захочет, — резко сказала Лизбет.

— Тебе виднее, сынок, — вздохнула мать.

На третий день к вечеру Ганс решил посетить «Белый голубь». Он надел светло-серый костюм из лодзинской шерсти, сшитый известным берлинским портным Нидерзее за двадцать фунтов сала, рубашку из лионского шелка, купленную у бельевика, привозившего все свои товары из Франции, яркий галстук и бриллиантовую булавку, полученную в придачу к столовому серебру. Он знал, что о его приезде известно уже всей деревне. Односельчане не одобряли Гертруду Эшке, позволившую единственному сыну уехать учиться в Берлин, вместо того чтобы выращивать яблоки, как это делал его отец. Сын Герруды Эшке был в свое время единственным в селе студентом. Когда он приезжал на каникулы, часть сверстников относилась к нему завистливо, другая — недоверчиво.

— Не всякий может это себе позволить, не каждому отец оставляет такой сад, — говорили первые.

— Чудак! Неужели ты считаешь иметь от грамматики больше, чем от яблок? — недоумевали вторые.

И вот теперь и те и другие остались мужиками-байбаками, а Ганс Эшке стал знаменитостью, его именем славно село. Пройдет год-два, и бургомистр еще установит тут мемориальную доску, через пяток лет, глядишь, воздвигнут постамент и школьникам будут объяснять, кем их деревня примечательна.

В «Белом голубе» Ганса ждали действительно с нетерпением, причем даже те, кто не принадлежал к завсегдатаям. Это было тихое место, где старики часами пили пиво, обсуждая вопросы высокой политики и изредка лениво пуская палочкой шарики по покато́й доске. За долгие годы многим наскучили это унылое сочетание бильярда с кегельбаном, политика, голубь на стене, давно превратившийся из белого в черного, как превращаются люди из брюнетов в седых, и они давно уже предпочитали пить пиво дома, но, узнав о приезде Ганса, вот уже третий вечер являлись сюда всей семьей, чтобы, как сказал старый огородник Кетч, услышать достоверные новости, мудрые прогнозы и слово большого человека.

Ганс встречен был одобрительными смешками, похлопыванием по спине, теми проявлениями крестьянской непринужденности, которую не подавляет ни одежда горожан, ни даже их именитость.

— У вас в Берлине еще выдают такие материалчики? — закричал старый Кетч. — Честное слово, я готов дать за твой костюмчик корзинку помидор. Решай немедленно, пока посланцы Дарре и Бакке у меня не все подчистили. Слушай,

кто такие эти господа? Ты с ними в канцелярии фюрера встречаешься?

Хозяин «Голубя» Кретц — толстый, с ненормально красивым лицом человек — подал Гансу двухлитровую кружку пива, поставил за стойку жену, а сам подсел к столу Ганса, пощупал его булавку и объявил:

— Я с тебя за пиво ничего не беру. Ты — знаменитость, и ты мне делаешь оборот. Даже когда сюда приезжает за фруктами помощник повара бергенского бургомистра, эти мои отвратительные сородичи, эти старые дурни, не приходят в «Голубь» в таком количестве, какое собрал ты. Может быть, ты не уедешь вообще, а? Зачем тебе уезжать от бесплатного пива, зачем наносить мне убыток? Слушай, доктор, а закурить у тебя найдется?

Сигары Ганса привели аудиторию в восторг.

— Ты знаешь, что мы получаем здесь в месяц только пачечку табака? — спросил Густав Шлез, когда-то учивший Ганса плавать, попросту бросавший его с этой целью в воду, невзирая на мальчишеский рев. — И эта пачечка такой величины, что я путаю ее с порошками аспирина. За папиросу в Касселе бесстыдно просят марку. Тут приходил как-то один субъект с сотней папирос, так я дал за них две курицы и набил ему живот сливовым повидлом до такой степени, что он не в состоянии был этих куриц нести.

— Это хорошо еще, что у нас есть повидло, — подхватила жена Шлеза, знавшая, как говорили, десять способов домашней консервации, но не раскрывавшая своих секретов никому на селе. — А каково несчастным горожанам! Мне больно смотреть на них, когда они прибредают сюда. «Я бы отдала вам еще две шпильки для волос, — говорит мне вчера одна, — но они у меня последние». Скажи, когда кончится вся эта музыка, Ганс? Моя племянница из Гамбурга пишет, что у них нельзя достать даже гребенки, даже шнурков. Она ездит после работы в лес за боярышником, так весь поезд бывает набит женами рабочих. От этого же можно сойти с ума.

— И понимаешь, Ганс, — заговорил Людвиг Этчер, дальний родственник Гертруды Эшке, неизменно носивший вильгельмовские усы, — эти горожане считают нас скупцами, богатеями, которые пользуются их горем. Но скажи, пожалуйста, как мне быть добрым, когда их приходит ко мне на двор по пятьдесят человек в день! А когда я предпочитаю тех, кто приприсит с собой одеяло или часы, меня считают ростовщиком. Но разве те, кто с часами, имеют более узкие желудки, чем те,

кто без часов? Почему я должен благодетельствовать? Кто на свете благодетельствовал мне?

— А как мы при этом рискуем! — снова заговорила старая Шлез.— Мадам Шратценшталлер забила свинью и не успела еще продать от нее двух ног, как схлопотала два года тюрьмы. Хорошо, что сын ее погиб раньше, чем получил эту весть.

Короткое молчание нарушил хозяин «Белого голубя».

— Писала тебе мать, Ганс, что моего среднего уже нет? Убит в прошлом году. Да... Я вот багровый, уже двадцать лет багровый, даже шея как у рака, все пророчили смерть, а живу и живу. А он, здоровяк, во всю жизнь не имел и насморка, на фронте пробыл всего три дня, и... нет его.

Толстые и худые, мужчины и женщины, только что с блеском в глазах защищавшие свое право на алчность, как-то сразу обмякли, ушли в кресла, понурили головы.

— Они уже никогда не вернуться, Ганс,— тихо сказал сапожник.— Вот Этчер говорил о часах. А зачем они ему, для кого? Алоиз давно уже простился с жизнью. Альфонс тоже. У Шлезов убит Август. Старуха Ремлс получила вчера сообщение, что и ее Антон пропал без вести в России. Мой Пауль под Орлом еле спасся, а племянник убит у кубанского предместья. Его мать — сестра моей жены — умерла от сердечного удара. Теперь Вильгельм пишет мне чуть ли не с берега Днепра и говорит, что у них в новой роте опять не осталось и половины.

Ганс потянулся за пивной кружкой.

— Ну что ты обо всем этом скажешь? — выкрикнул Кетч.

— Да... жертвы тяжелые. Я все хорошо знаю. Но это скоро кончится. Днепр — это маневр. Мы собираем силы на суженном участке, отрываемся от противника, чтобы затем нанести удар.

— Отрываемся? — переспросил Кетч.— Моей дочке муж пишет, что они каждый день переносят свои бункеры назад, а товарищей оставляют мертвыми в старых.

— А мой Густав пишет, что партизанские банды совершенно не дают им спать.

— Ох, Ганс,— вздохнула из-за стойки жена Кратца.— Когда все время слышишь, что «наши войска оторвались от врага», то не знаешь, что обо всем этом и думать. Еще два года назад Алоиз был у Волги, потом шесть месяцев укреплял позиций у Таганрога, писал, что они неприступны, а потом их превратили во взрывную команду, и они пустили на воздух

свои же бетонные укрепления. Теперь он под Киевом, уже под самым Киевом стоит.

— А Вильгельм пишет, что, как оставили Смоленск, — три недели не снимал сапоги, — сообщила тетка Раттеншиллер, у которой уже убиты были муж и старший сын. — Дни и ночи у него были холодные ноги, дни и ночи дождь, снаряды, ледяной ветер и сталинский орган¹. Он просил прислать ему свитер, шерстяную шаль и перчатки, но как только получил мою посылку, русские прорвали позиции, он все побросал и еле унес ноги. Теперь они опять где-то закрепились, он пишет, что снова проклятуший холод и у него кашель, насморк и хрипота. Он лежит в обороне, день и ночь в пулеметной вахте, спит самое большее два-три часа. Из их роты уцелело только пятнадцать человек.

Раттеншиллер расплакалась.

— Верьте мне, — поспешил Ганс, не выносивший слез, — еще несколько месяцев — и...

— Все они будут дома? — выкрикнул Кетч. — Это ты хочешь сказать, да? Они каждый день приближаются к дому, и это единственное утешение для тех, кто уцелеет в этом аду. Да, да, по всем признакам дело идет к тому. Если промерить расстояние, покрытое ими после Сталинграда, можно вычислить дни, которые...

— Которые тебе еще осталось ночевать дома, старый болтун! — воскликнула жена огородника, дернув его за рукав. — Сколько раз говорить тебе, чтоб не давал волю языку. По веревке, что ли, скучаешь, дурень?! Мне с ним покоя нет, — обратилась она к Гансу, и лицо ее искривилось. — Не могу больше выносить этих разговоров, не могу слушать сводок, не знаю, куда уйти от этой политики, от всех этих дел.

Дверь «Голубя» распахнулась, и, кашлянув, чтобы обратить на себя внимание, вошел худощавый человек. Одна бровь у него была выше другой, отчего лицо производило неопределенное впечатление, нельзя было понять, уродлив он или нет, неприятен или только странен.

Сидевшие тотчас поднялись с мест и наклонили головы в знак приветствия. «Хайль фюрер!» — произнес вошедший, подняв руку, и, переждав ответное восклицание, направился к Гансу.

— Рад видеть вас, дорогой доктор Эшке, в родных, так сказать, пенатах, очень рад. Крайзлейтер Бухвиц, — шаркнул он ногой. — Наслышан о вас, начитан, информирован

¹ Так немцы называли «катюшу».

о вашем приезде и, как видите, поспешил из Бергена лично пожать, так сказать, вашу руку, да.

Ганс выразил свое удовольствие. Кратц стал быстро наливать гостю пиво, а старуха Шлез расторопно освободила вошедшему место за столом. Бухвиц передал жене Кратц свою фуражку и, не глядя на присутствующих, как бы даже не замечая, что в помещении много людей, обратился к одному только Гансу, подняв пивную кружку с возгласом «прозит».

— Я надеюсь иметь удовольствие чокнуться с вами у себя в Бергене в ближайший из дней по вашему усмотрению, господин доктор.

И он заговорил о прелестях Бергена, в котором Ганс не был со студенческих лет. О, городок застроился прекрасными домиками. Из него ведут теперь пять дорог. Среди сынов города шесть посетителей Рыцарских крестов. Это бастион фюрера, один из его бесчисленных бастионов. И там нет маловерия. О, там царит величайший энтузиазм. На днях, например, на всех домах вывешены были парадные флаги по поводу освобождения дуче — этого гениального шахматного хода фюрера. Какой это был неожиданный и ловкий успех, какой роскошный сюрприз для немецкого народа! Эта итальянская банда, которую мы снабжали углем и всем прочим, полагала, что ее предательство обескуражит Германию, но Германия выкрала у них дуче прямо из рук, и они остались с носом.

— Я жду вас, господин доктор, как гостя завтра к ужину с ночевкой, затем предложу вам охоту, катанье на яхтах по Мене, словом, отдых и развлечения в родных краях от ученых трудов.

Бухвиц почтительно пожал Гансу руку, опустил на сантиметр подбородок, что означало общий поклон, и вышел, не оглянувшись на посетителей «Голубя». Через минуту на улице фыркнул мотор.

— Ну, видел? — прервал Кетч общее молчание. — Главное, чтобы маловерия не было в походке.

— Его не должно быть и в мыслях! — с неожиданной для себя самого резкостью ответил Ганс.

— У меня все фронты как на ладони, — заговорила тетка Кратценкаммер, прославившаяся тем, что фюрер лично посылал ей поздравительную телеграмму, когда она родила двенадцатого. Тетку Кратценкаммер демонстрировали на экранах кинохроники, снимали для журналов и газет. Если бы Бухвиц заметил ее среди посетителей «Голубя», он, конечно, тоже пожал бы ей руку. — Все как есть. Двое у меня убито, трое ранено, двое у русских в плену, пятеро ногами учат рус-

скую географию. И я без сводок знаю, как где обстоят дела. Знаю, например, от старшего, Адольфа, что на центральном участке за два дня израсходовали больше боеприпасов, чем за всю войну против Польши и Франции. Вальтер написал мне только две строки, я, говорит, ничего не скажу тебе, мама, кроме слова «Орел», и этого должно быть достаточно. Готфрид раньше всех в армии, был артиллеристом, а теперь сделан пехотинцем и пишет с Украины: «Мама, это, может быть, последнее письмо, я попал в простреливаемое кольцо». Ну, что ты мне на это, ученый, скажешь? Никто и ничего не может тут сказать.

— Дядя Готфрид, дядя Готфрид! — с криком влетел в помещение мальчик лет двенадцати. — Под Вупперталем сбито сто двадцать английских самолетов! Сто двадцать! Я сам слышал. Диктор сказал: «Английскому террору в воздухе приходит конец».

— Слава тебе, господи! — выдохнула старуха Шлез.

— И еще он сказал, что револьвер у этих англичан будет стрелять в обратную сторону. Я сам слышал! Только что!

Ганс вспомнил, что и он слышал эту фразу — еще раньше, много раньше, ее произнес на одном из совещаний министр.

— Сейчас проезжал какой-то важный господин, — азартно продолжал мальчишка, — его шофер менял на дороге шину, ему стал помогать Алоиз, и шофер сказал Алоизу, что на север идут экстренные поезда. Зениток видимо-невидимо, пушек тысяч пятьсот, и саперы, саперы, саперы. Алоиз прибежал, говорит, мы будем через месяц штурмовать Англию.

Посетители «Голубя» оживились.

— Это возможно, это очень возможно, — стараясь скрыть волнение и придать голосу мудрую ровность, заговорил Этчер. — Если двинутся на север, значит, дело идет об Англии. Это будет твердый орешек, но если столько саперов... Адольф, значит, собирается его разгрызть.

— У главного командования есть целый ряд замыслов, — уклончиво, как бы зная, но не смея раскрыть тайну, сказал Ганс. — Мой министр писал недавно, что политика и ведение войны — две вещи, не терпящие гласных обсуждений.

— Вот, вот, — оживился хозяин «Голубя». — Я тоже часто говорю им, что не надо вешать носы. У меня убит средний, но это же борьба за то, быть или не быть. Адольф, конечно, знает свои шансы.

— Да, это так, — задумчиво произнес молчавший весь вечер содержатель аптеки Вендт. — Отступление на русском фронте может иметь более глубокий и неизвестный нам

смысл. Не поверю, что сила бесповоротно и окончательно перешла на сторону русских. Ведь это все-таки азиаты, пусть с моторами, по понимать географическую карту, понимать что к чему, они не могут так хорошо, как мы.

— Они берут только количеством, — воодушевился Карл Нетц, который в сорок первом потерял под Смоленском обе ноги и теперь занимался учетом яиц и приплода для заготовок. — Не верю я в их моторы. У них были только деревянные танки...

— Из них и шарахнуло тебе по ногам, — съязвил сапожник Кранц.

— Ты собственные сохрани!

— Были деревянные, а теперь покрашенные американские. И если бы наш подводный флот...

— Рузвельта бы подстрелить! — вмешался Шлез.

— Наметить бы вообще список всяких их главных начальников, политиков, генералов, — воодушевился Этчер, — русских, американских, английских, составить такой список на тысячу человек, послать тысячу, ну, скажем, две тысячи верных людей, и через месяц войне бы конец.

— У племянницы жены, — зашептал фельдшер Ройт, — квартира в Эрфурте не разбомблена, и к ней вселили господина, который работает на одном заводе под землей. Когда племянница приезжала к нам в прошлом месяце за продуктами, она рассказывала, что скоро будет такая пушка, которая сразу уничтожает четыре дивизии. Мы отступаем сейчас, чтобы стянуть русских к Днепру, и, когда все они соберутся в кучу, одним ударом с ними покончим. Одним ударом! Слышал ты что-нибудь об этом, Ганс?

— Да, с русскими пора расправиться, — как бы рассуждая с самим собой, сказал Вендт. — Если б не они, мой зять не лежал бы неизвестно где. Он уже получил пятьдесят гектаров под Харьковом, и кто мог думать, что все пойдет прахом, что эта гидра так многоголова. Не будь русских, мы бы давно сделали из Англии второй Рюген, он был бы безобидным островком, оттуда привозили бы габардин...

— И все мы ходили бы в костюмчиках вроде твоего, Ганс, — подхватил Кетч. — Платили бы за них на втором Рюгене по пятьдесят пфеннигов за штуку.

— И какая была бы в Германии жизнь!... — закончил Вендт.

— Она была бы еще лучше, если бы мы вообще ничего не затевали, — тихо вставил сапожник Кранц.

Поднявшееся было оживление сникло.

— Так что же все-таки, — спросил Шлез, — что, скажи нам, Ганс, обо всем этом думать? Или лучше вообще ничего не думать, а?

— Я объяснил уже, — поднялся Ганс, — что ничего не смею вам сказать. Победа за нами, а остальное вы увидите сами. За нынешние сомнения вам будет через год стыдно, господа.

Мать и сестра уже спали. Гансу оставлены были на столе творожники, жареная курица и компот. Но еда показалась ему безвкусной. Впервые он почувствовал какую-то тревогу. Он налил себе коньяк, налил второй и третий раз. Завтра предстояла веселая поездка в Берген. Эти глупые старики, которые хотят верить, но отчего-то не верят, нагоняют страх сами на себя. На то и война, чтобы людей убивали, а войска двигались взад и вперед. Малoverы, болтуны и неотесанные невежды все эти кетчи и кранцы, эти его милые землячки.

Ганс прошел в свою комнатку и стал медленно раздеваться. Стоило напяливать ради них новый костюм, нечего сказать. И что его потянуло в этот дурацкий «Голубь», что общего у него с этими людьми?

Он налил четвертую рюмку. Французский коньяк действительно хорош. И завтра предстояла веселая поездка в Берген. Этот разнобровый лейтер догадается, вероятно, пригласить для развлечения и соответственных женщин.

Ганс почувствовал приятное возбуждение. Он уже три дня на чистом воздухе, не сидит над словарями... И зачем только существуют люди, которые портят настроение себе и другим?

* * *

До Бергена всего сорок километров. Проселочная дорога была засажена фруктовыми деревьями и плохо освещена. Ганс вел машину не торопясь, следя за дорожными указателями. Но, проехав с половину пути, заметил вдруг, что асфальт становится светлее и приобретает какой-то странный оранжевый оттенок. Высунувшись из автомобиля, Ганс увидел, что горизонт был совершенно красным, а небо над машиной — апельсиновым. До него донесся явственный грохот, которого он за шумом мотора не слышал.

Бомбежка шла в стороне от Бергена, это было ясно. Зачем стали бы томми¹ уничтожать этот тихий городок! Возвращаться назад было досадно, Лизбет еще и высмеет его за трусость.

¹ Так называли в Германии англичан.

И Ганс продолжил путь, замедлив на всякий случай скорость.

Встречная машина дала Гансу сигнал остановиться.

— Разве вы не знаете, что нельзя зажигать фары?... — резко сказал старший лейтенант с Рыцарским крестом на груди.

— Я приезжий.

Офицер потребовал документы. Имя доктора Эшке было ему, вероятно, незнакомо, но удостоверение министерства пропаганды произвело впечатление, и он взял под козырек.

— Где это бомбят? — осведомился Ганс.

— А черт его знает! — откровенно признался офицер. — В ночь на сегодня бомбили Маннгейм, Вупперталь и еще десятков городов. Я выехал днем из Эльберфельда, там тоже ревели сирены.

Ганс заметил, что верх машины лейтенанта уставлен привязанными чемоданами, багажом сплошь обложены сидевшие в автомобиле дама и ребенок.

— Получил отпуск и вывожу из Эльберфельда семью, — объяснил Гансу лейтенант. — Хочу найти деревеньку погуще. Не знаете такой? Чтоб никаких признаков заводов и казарм.

Ганс чуть не отрекомендовал собственную деревню, но успел сообразить, что эта семья, чего доброго, вздумает занять его дом, стеснив мать и сестру.

— Все деревни тут равно глухи, в любой вы подыщете пару подходящих комнат.

— Будь светлее, выбрать было бы легче.

— Вы представить себе не можете, что творится в Эльберфельде, — заговорила вдруг женщина, почувствовав себя, вероятно, в относительной безопасности. — Я неделю спала одетая. Это вышло у нас из моды — раздеваться на ночь. Люди делают как раз обратное. Все надевают свои лучшие платья и ждут воя сирен. Иначе в последний момент не останется времени одеть себя и детей.

Она рассказала, что вчера вечером, не успела она уложить мальчишку, как раздался рев сирены, который пронзает ей душу. Она кое-как одела сына, и они побежали. Было так темно, что человека не видно в двух шагах. На руках у нее был ребенок, да еще вещевая сумка, а потом подбежала ее мать и тоже на ней повисла. Мать держала складной стульчик и одеяло для мальчика, а где-то впереди или сзади семенил отец. У отца в руках всегда большой чемодан с бельем и платьем, а на плечах рюкзак, ему шестьдесят пять лет, и для него это прямо каменные глыбы. Бежать им приходится в штольню, это

метров триста, и, пока они туда добираются, летчики уже прилетают, и начинается, по ее словам, «неописуемый ад». Вчера они пробыли в штольне три часа, выползли было назад, но только отошли шагов сто, как снова сирена, от которой у нее холодеют сердце и руки. Они опять бросились в штольню. И так продолжалось до утра. Сегодня в двенадцать прибыл наконец в отпуск муж, чемоданы лежали у нее приготовленными, и они сейчас же выехали, чтоб избежать ночи.

— А ваши родители? — осведомился Ганс.

— Муж посидит за ними, когда мы подыщем пристанище. Их нельзя было взять с собой, иначе не поместились бы вещи.

— Надо было выбирать между спасением молодых и старых, — смутился офицер.

«Ну ты выбирал, положим, между стариками и чемоданами», — подумал Ганс, но понял, что сам он поступил бы, вероятно, так же.

— Смотрите, что это, что это? — испугалась женщина, и мужчины, повернув головы, застыли в страхе и недоумении.

С одной стороны дороги стелился по земле огонь.

— Это сигналы врагу, это поджоги! — Лейтенант выхватил для чего-то пистолет.

Уже через несколько минут стало ясно, что огонь движется плотной массой, быстро захватывая площадь, катясь по земле, словно расплавленная жидкость. Казалось, будто кто-то льет огненную лаву, чтобы создать страшное и одновременно фантастическое зрелище.

— Это не сигналы, это что-то дикое, — пробормотал Ганс.

Послышались голоса, и с другой стороны на дорогу выбежало несколько человек, оказавшихся крестьянами ближайшей деревни, которую ехавшие не рассмотрели в темноте.

— Надо сейчас же копать канавы, — быстро сообразил один.

— И рубить деревья.

— Беги, Антон, за людьми.

— Через дорогу не покатится, — бросил тот, кого назвали Антоном, но сейчас же убежал.

— Бога ради, что это такое? — обратилась к нему женщина.

— Англичане жгут хлеб. Это фосфор. Сверху.

Через короткое время дорога заполнилась людьми с топорами и лопатами.

Оказалось, что до Бергена всего восемь километров.

— А нам, кажется, ехать некуда, — заплакала женщина.

Ганс тронул машину, включил скорость, и после ближайшего поворота горящее поле исчезло из глаз.

Берген был темен, грохот сюда доносился, но на улице, по которой ехал «мерседес», висели синие лампы, гуляли парочки, одна из них подсела в машину, чтобы показать Гансу дом крейзлейтера.

Дом руководителя округа был темен, как все другие. Окна задрапированы тяжелыми черными жалюзи, вестибюль и другие помещения, через которые вел Ганса дежурный адъютант, освещали только бра с матовыми тюльпанами. В море света, исходившего от двух огромных люстр, Ганс попал, только спустившись винтовой лестницей в подzemелье, глубина которого была, вероятно, большей, чем высота наземной части здания. И если здесь не было анфилад, как в верхних помещениях особняка, то небольшой зал, двери которого распахнул перед Гансом адъютант, не уступал им в роскоши. А вид пиршества за столом, уставленным цветами и хрустальными графинами, сразу заставил Ганса забыть о том, что все это происходит глубоко под землей.

— Хайль Гитлер! — громко произнес Ганс.

— Дорогой доктор! — поднялся из-за стола хозяин дома. — Мы жаждали вас. Я уже хотел послать на дорогу разведку.

Бухвитц усадил Ганса рядом с собой.

— Без церемоний, доктор. Чувствуйте себя как дома. Вообразите, что мы знакомы двадцать лет, лейте в себя что заблагорассудится, спрашивайте и рассказывайте что хотите. Вы мой личный гость и человек, которого я глубоко почитаю. Я позвал сюда сегодня людей, через которых управляю Бергеном. Это все добрые национал-социалисты. Некоторые из них нюхали науку, другие — солдаты, третьи — промышленники. Сам я все эти качества или профессии совмещаю. Думаю, они будут вам интересны и я не ошибся, предложив ученому на первый вечер мужское общество. Зато на яхту, доктор, мы возьмем с собой только женщин.

Бухвитц поднял бокал и обратился к гостям:

— Господа, я представляю вам доктора Эшке, о котором многие слышали, вероятно, и ранее. Он уроженец нашей округи, фанатик германства и ликвидатор многоязычия. Доктор Эшке работает над тем, чтобы немецкий язык стал все-ленским. Поднимем стаканы в честь нашего замечательного соплеменника.

Гансу нравился крейзлейтер, ему показались чрезвычайно приветливыми улыбавшиеся лица, он опрокинул в себя

что-то душистое и приятное, и сразу стало совсем хорошо.

— Хочу объяснить, господа, — продолжал Бухвиц, — почему, не зная еще лично доктора Эшке, я люблю его и уважаю. Потому что он один из тех немногих, кто облегчает нам жизнь. Он вносит ясность в мозги и помогает нашему душевному здоровью.

Ганс с удовлетворением внимал крейзлейтеру, а тот с самодовольством человека, привыкшего, что его слушают, продолжал:

— Я учился, господа, целый год на юридическом и ужаснулся количеству философов и теорий. Я понял, что с этим не может совладать человеческий мозг, он обречен запутаться в дебрях, его должны разъедать сомнения, и тело при таких обстоятельствах будет чахнуть. Я почувствовал тогда, что на место римско-иудейской науки, на место философии, проблем и рассуждений должно прийти одно универсальное мировоззрение, простое, как два скрещенных пальца, разрешающее все проблемы и именуемое Ничто. «Моя борьба» фюрера явилась для меня евангелием. До него все ученые не разрешали вопросов, а заставляли людей задаваться все новыми. Здесь же был поставлен крест на еврейском смятении, на беспокойных исканиях, на книгах и мыслях, накопившихся в количестве, мешавшем жить. В мире набралось слишком много идей, людей заставляли обременять себе существование тем, чтобы в них разбираться. Это разъедало души, породило ипохондриков, которые называли себя интеллигенцией, и делало дряблыми тела. Всю эту так называемую науку, всех этих паразитов, которые именуются мыслителями, все их теории и надуманные понятия о праве, морали, прибавочной стоимости, эстетике, народовластии и прочих вредных здоровому рассудку вещах я возненавидел. И я признаю теперь только мысли, которые, идя по следам книги фюрера, полезны германству тем, что исключают все предыдущие. Почему возрадовались национал-социализму миллионы? — продолжал разнобровый, лицо которого казалось Гансу в этот момент наименее приятным. — Потому что он избавил их от надуманных понятий и блужданий. А с точки зрения практической нашему учению вообще нет цены, ибо оно дает возможность обрести богатство и силу для каждого человека немецкой крови. Для этого надо только победить, уничтожить лишнюю часть людей другой крови и расчистить себе место на земле. Доктор Эшке помогает нам все это делать. Он освобождает нас в своей области от груза мыслей и поисков, ведущих к распаду тел, герма-

пизирует язык земного шара, делает для германства мир легким и удобным.

Бокалы снова поднялись, и Ганс снова опрокинул в себя душистую щекочущую влагу.

— Я приятно поражен, господин крейзлейтер, — искренне сказал он Бухвитцу, — вашими знаниями и пониманием задачи. При первой короткой встрече вы показались мне только солдатом, и хотя это почетнее всего...

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Бухвитц, — я стараюсь в людях печатать шаги, поддерживать выправку. Дистанция нужна, дорогой доктор, дистанция! С людьми надо говорить отрывисто, как в строю, и поддерживать правильность шеренги. Помните, что говорит фюрер о народе и вожде? Увы, доктор, положение обязывает, и, будучи вождем для ваших земляков, я не мог быть самим собой, не имел права пускаться с ними в разговоры. Приказ с одной стороны, повиновение — с другой, вот все мои взаимоотношения с крестьянами.

— Господин крейзлейтер, — обратился к Бухвитцу полный благообразный человек с розоватыми щечками и проседью, — вы совершенно завладели гостем. А я имею для господина доктора предложение...

— Давайте, давайте, господин Ланг, — воодушевился, что-то вспомнив, Бухвитц. — Это наш главный консервный промышленник и председатель объединения предпринимателей округа, — объяснил он Гансу. — Светлый ум и твердый руководитель бергенских рабочих. Больше половины их занято на его заводах, и он является для них истинным наставником и отцом.

— Пощадите мою скромность, господин крейзлейтер, — засмеялся Ланг. — Я хочу, господин доктор, воспользоваться вашим посещением города для осуществления давно назревших мероприятий по переименованию улиц, площадей и достопримечательных мест. Берген отстал в этом смысле от других германских городов, но, может быть, это и к лучшему, ибо теперь новые наименования будут предложены столь высоким авторитетом, как вы, и имеют все шансы остаться в веках. Разумеется, город отпустит для этого соответствующую сумму.

Ганс еле сдержался, чтоб не обнаружить залившей все его существо радости. Ему предлагалось то, что он в свое время по молодости лет проморгал. Он не успел принять участия в общем онемечивании носивших славянские названия населенных пунктов Померании и Мекленбурга, мимо него прошло германизирование названий тысяч силезских сел, и только в

Восточной Пруссии, где менялись литовские и русские наименования, он успел еще в студенческие времена стать новокрестителем для нескольких десятков гумбинненских деревень. Его имя не было связано с важными главами истории германских земель, а теперь представлялся случай, который ласкал самолюбие, пополнял автобиографию и доход.

— Я рад, — ответил он, — господин Ланг, встретить промышленника, которому столь дороги интересы населения, языка и истории. Я мало связан с индустриальными деятелями, но при встречах убеждаюсь, что они абсолютно далеки от своекорыстия, которое приписывали им марксисты, чтобы ссорить немцев между собой.

— О, Альфред Ланг и я покончили здесь, в Бергене, с подобными представлениями уже давно, — подхватил Бухвиц. — наших рабочих теперь на марксистскую удочку не поймашь. Они знают, что классы — злая выдумка, вносившая в народ разобщение. Но давайте, доктор, пить и есть, будем хмелеть, выпейте по моей методе сразу три бокала. Прозит! Вот так.

— Да, классы — понятие исчезнувшее, — сказал Ланг. — Но только я не взялся бы приписывать себе заслугу, которая принадлежит движению в целом. Рабочие просто увидели во мне главу предприятия, точно так же, как каждый из них является главой в своей семье. Я стал председателем их комитета уполномоченных, и они постепенно поняли, что для конфликтов нет резонов и причин. С тех пор как ликвидирована коммунистическая партия и не стало вредных голов, учивших рабочих видеть во мне врага, эта вздорная мысль даже не приходит им на ум.

— И не бывает никаких, так сказать, расхождений по вопросам заработной платы? — поинтересовался Ганс.

— Бывали, но теперь их нет. Я изготавливаю для армии во всевозрастающих количествах искусственный мед, повидло, сухие овощи и десятки других продуктов, что требует, конечно, сверхурочных и воскресных работ, за которые рабочие надеялись получить плату. Расхождение тут произошло, но опекун труда, наш арбитр, разъяснил рабочим непатриотичность их претензий, и вопрос был разрешен.

У Ганса зашумело в голове. Он бездумно посмотрел на Ланга, который неправильно понял этот взгляд и вскинул на Ганса чистые серые глаза.

— Наш опекун труда господин Штрелиц не является участником моего предприятия, — отдельно сказал он. — Я только благодарю его за время и усилия, которые этот

почтенный человек затрачивает подчас из-за моих рабочих. Я вознаграждаю всякий труд, господин доктор.

— Зачем вспоминать о классах! — закричал очень худой человек с густыми свисавшими усами. — Это было время дурного сна. После тридцатого января я собрал этих пророков и говорю им: «Показывайте мне, дьяволы, где эта самая прибавочная стоимость. С чем ее едят? В каком виде-образе? Кто эта блудная незнакомка, о которой вы писали толстые и нетолстые книги? Зачем вы дурманили людям мозги? А не хотите ли полакать за все эти мерзости лагерный суп, поиграть там с некормленными овчарками да поразмыслить на досуге над вопросами, которые я вам поставил, а?»

— Это уездный руководитель трудового фронта, — сказал Гансу Бухвиц. — Очень деятельный человек. Устраивает для рабочих воскресные прогулки, занимает их футболом и лодочными гонками. Очень, очень ценный человек. Прозит, господин доктор!

Ганс слишком много выпил на пустой желудок и теперь усиленно заработал вилкой и ножом. Ему накладывали какие-то маринады, рыбу в белом соусе, куски фаршированного фазана, ломти медвежьего окорока, ростбиф из лося и кушанья, которым он не знал названий.

— А как вы нашли настроения в родной деревне, господин доктор? — спросил его сравнительно молодой военный с черными квадратами на вороте и витыми погонями.

— Майор гестапо Фланк, — шепнул Гансу на ухо Бухвиц.

— У многих крестьян погибли на фронте сыновья, — ответил Ганс. — С другой стороны, их одолевают приезжающие за продуктами горожане. Но патриотические чувства от этого, конечно, не снижаются, а, наоборот, возрастают. Есть, конечно, исключения...

— Они очень интересны мне как исследователю, господин доктор.

— Ну, например, один огородник. И еще сапожник. Утратили веру. Считают, что русских нельзя победить. Разъедают своими сомнениями души других.

— Вы найдете, доктор, несколько минут для подробностей?

Ганс смутился. Ему вспомнилось вдруг, что старик Кранц делал всем деревенским мальчишкам славные сандалики. Хотелось ответить гестаповцу, что, собственно говоря, ничего определенного в высказываниях его земляков не было, но вместо этого он неожиданно для себя сказал:

— Разумеется, господин майор.

— Неверие страшной всего,— заговорил Бухвитц.— Его надо выжигать с корнем. Оно опаснее большевистских войск. Если крестьянин не верит, он будет себялюбцем, утаит от сдачи продукты, возненавидит нас за убитого сына и предаст нас всех. Если же он фанатик, каким и должен быть немец, то пошлет на фронт вместо убитых взрослых сыновей последнего подростка, будет отдавать из-под курицы последнее яйцо, станет из лука стрелять в морду снижающегося летчика. Нам нужен фанатизм, как хлеб, как воздух, он должен стать адской силой, перед которой беспомощно земное оружие врагов. Мне рассказывали, господа, невероятный, а в то же время достовернейший случай, когда солдат-фанатик, получив три пули и осколки в живот, даже не почувствовал боли, дрался целый день, пока русские не были выброшены из окопов, и только тут товарищи заметили, что у него выпали наружу кишки. Я спрашивал медика, и он подтвердил возможность такого самозабвения. Вы сомневаетесь, господа? Ха-ха-ха! — залился Бухвитц.— Вот где оно и есть, неверие!

Дверь распахнулась, и в комнату быстрым шагом вошел лейтенант.

— Крупный налет на Берген, господин крейзлейтер! — отрапортовал он.

Кривая бровь Бухвитца неестественно задрожала, но голос, приказавший соединить его с начальником противовоздушной обороны, ему не изменил.

— Спокойствие, господа! Здесь бетон повышенной плотности. Есть три подземных коридора для выхода. Прошу пить и беседовать дальше, я вынужден вас ненадолго покинуть.

Как только он вышел из комнаты, все повскакали с мест.

— Боже мой! — выдохнул Фланк, побелевший как полотно.

Лицо представителя организации Тодта, строившего из Бергена колею на какой-то завод, скорчилось в растерянную гримасу.

— Доктор, может быть, мне побегать за своими? — бросился он зачем-то к Гансу.— Ведь дома у нас ничего, кроме обычного подвала, нет.

— Вряд ли это может быть серьезный налет,— пробормотал редактор бергенской газеты Шпитц, явно успокаивая себя.

Захмелевший Ганс старался отдать себе отчет в том, проявляет ли он сам признаки растерянности. И он решил, что не проявляет, ибо иначе не мог бы задавать себе этот вопрос. Ему стало легко.

— Это действительно не может быть большой налет, господа. Ни одного разрыва не слышно.

— Здесь на десять метров бетона, тут ничего не услышишь, если весь город взорвется, — сказал тодтовец, словно досадую, что подземелье так защищено.

— Нет, нет, нельзя сидеть тут сложа руки, необходимо действовать, — беспокойно бегал по комнате шеф трудфронта.

— У нас с вами нет ни зенитных пушек, ни пожарных шлангов. — Ганс радовался своему необыкновенному для такой ситуации спокойствию. — Остается, следовательно, не терять головы.

— Не терять головы? — с сарказмом повторил трудовик. — По этому поводу есть хороший анекдот. Муж успокаивает дрожащую при мысли о налете жену, уверяя, что ничего страшного в этом нет и надо только не терять голову. Когда сирены действительно завывли и женщина заметалась в ужасе, муж с видимым спокойствием заставил ее одеться, собрать необходимое в ручной чемодан и не спеша дойти до убежища. «Видишь, я же говорил: ничего страшного, не надо только терять головы». — «Да, — ответила она, — но брюки ты все-таки мог бы надеть, здесь ведь и кроме нас люди».

Гансу бросилась в лицо кровь.

— Я не знаю, как вы могли себе позволить рассказать в связи с моими словами подобный анекдот, но...

— Взрывов, господа, почти нет, — вбежал лейтенант, — англичане бросают какой-то странный огонь, в городе пожары, сбит уже один вражеский самолет.

— Поднимите, пожалуйста, меня наверх, — обратился к нему Ганс, дрожа от возмущения и желая показать долговязому свое мужество.

— Это невозможно, господин доктор.

— Но ведь вы говорите, что просто зажигалки. Я видел в Берлине худшее.

— Нет, пока невозможно, господин доктор. Господин Ланг, господин крейзлейтер просит вас к нему в другое помещение.

* * *

Налет на Берген длился несколько ночных часов подряд. Над городом кружилось по нескольку самолетов, усеивавших улицы станиолевыми лентами, которые, медленно падая, дезориентировали зенитную артиллерию, и сбрасывавших мелкие фугаски и крупные баллоны горящих веществ. От-

бомбившись, летчики делали еще по несколько заходов, чтобы гул моторов длил в городе смятение, а затем уходили, уступая очередь другой пятерке, несшей те же взрывные свечки, сосуды с воспламеняющейся жидкостью, гул, сердцебиение и смерть.

Эта смерть была несказанно ужаснее, чем та, которую видел Ганс в Берлине, где пятисоткилограммовая бомба придавливала пятиэтажный дом и, если в нем находились люди, сразу избавляла их от страхов и от надежд. В Бергене никому не дано было того мгновенного конца, которого хотел себе солдат на фронте, житель Германии 1943 года и который каждому вообще свойственно себе желать. Смерть забирала в эту ночь человека не иначе как через процедуру казни, люто мучая его непереносимой болью, заставляя метаться в безысходном ужасе, чтобы затем он, с лопнувшими глазами и сухожилиями, смирился и затих. Когда Ганс в предрассветные часы увидел еще полыхавший огнем, догоравший и трещавший Берген, в котором дым застилал огонь, а огонь освещал только дым, — ему бросились в глаза прежде всего эти метавшиеся по улицам факелы, которые не могли кричать, катались по земле, бросались в бассейны, где продолжали гореть в воде неистребимым, довершавшим свое огнем.

Ганс подбежал к одному такому свалившемуся на землю человеку. Одежда его пылала, на голове уже не было волос, он был черен, как уголь, но рот не был еще пожран фосфором, и человек кричал по-звериному минуту, две, три, пока не захлебнулся огнем, после чего его подбросило несколько раз кверху, затем сжало, омертвило и превратило в простое горевшее полено.

Пожарным командам и некогда и невозможно было спасти этих людей. Тот, на кого попадал кусочек фосфора, становился против него единоборцем и в борьбе неотвратимо погибал. Только раз Ганс увидел, как срывали одежду с горевшей женщины. Пожарники не могли спасти даже дома, которые на глазах у Ганса обрушивались один за другим, погребая тушителей.

По пылавшим улицам носились в разные стороны грузовые автомобили. Люди с нарукавными повязками «преоборителей противонародного вредительства» наполняли грузовики выброшенными из окон чемоданами и мешками, другие подбирали трупы, третьи хватали людей, которым надлежало быть спасенными или же приобщенными к спасению других.

В такой именно роли оказался Ганс, его втолкнули в одну из автомашин, вместе с десятком других пойманных на ули-

цах людей высадили возле сгоревшего дома, под которым погребены были находившиеся в подвальном убежище женщины и дети. Привезенным швырнули лопаты и резиновые перчатки, они начали беспомощно передвигать тлевшие брусья и раскаленные железные балки, засыпанные горами кирпича. Уже через короткое время Ганс почувствовал слабость в груди, перед глазами пошли круги, и, собрав силы, чтобы не впасть в обморочное состояние, он незаметно выскользнул двором на улицу. Но здесь некуда было даже прислониться. «Мерседес»! «Мерседес» нужен ему был сейчас во что бы то ни стало, чтобы как можно скорей выбраться из ада, каким был этот горевший город.

Но уже через несколько минут Ганс схвачен был людьми из другой автомашины. В этой свалено было несколько десятков обугленных трупов, и неслась она из догоравшего города в поле, где уже вырыты были вместительные черные ямы. Ганс и другие выгрузили из автомашины обгоревшие до совершенной неузнаваемости тела и стали зашивать их в мешки. Как ни скоробило трупы, они были все же длиннее бумажных мешков, предназначенных под картофель, приходилось сгибать шеи или колени зашиваемых, а командовавший работами «преоборитель противонародного вредительства» покрикивал:

— Осторожнее, осторожнее, это не конина, а соплеменники.

Ганс с такой силой сжал голенную кость трупа, что нога хрустнула. Вино, майонезы, ростбиф из лося, черный дым, жар битого кирпича и эта голень сдавили ему грудь и кишечник. Ганса вырвало. Он стал после этого брать на каждый труп по два мешка, сшивая их посредине. Зашитые мешки сбрасывались в ямы, и руководитель работ приказал Гансу разравнивать их по дну.

— Это не конина,— повторил он, когда увидел, что один мешок навалился на другой; прыгнул вниз и выправил мешок ногой.

Когда опорожненная машина вернулась в город, было совершенно светло. Тем чернее были улицы, на которых Ганс обнаруживал лишь отдельные уцелевшие дома. Но и они были закопченными и зияли оконными впадинами. У какого-то поворота всем приказано было вылезать из машины, и Ганс стал пробираться к дому крейзлейтера. То тут, то там наталкивался он на оцепленные кварталы, где открывали входы в убежища. Бледные женщины с чемоданчиками в руках, где было все, что осталось у них после этой ночи, вели детей к гру-

зовым автомобилям, которые должны были развезти их по селам. Пройдя за ночь весь жизненный путь — от детской шумливости до старческой угрюмости, — девочки и мальчишки садились в машины молча, не глядя друг на друга.

Ганс натолкнулся на раздаточный пункт, где погоревшим отпускалось по шесть сигарет и по чашке кофе из чанов-термосов. Гансу нестерпимо захотелось влить в себя горячую жидкость, но, простояв в очереди, он узнал, что кружки наполняют только тем, кто успел уже запасть удостоверениями погорельцев в доме пастора на евангелическом кладбище, так как здание магистрата выгорело.

Блуждая среди дымившихся развалин по битому кирпичу, Ганс добрал до дома крейзлейтера. Он стоял невредимым, только окна полопались от жара. На дом упало несколько зажигательных бомб, но специально дежурившая пожарная команда загасила их в самом начале. Никто не знал, где Бухвитц. Один солдат сказал Гансу, что крейзлейтер ездит по городу, налаживая питание населения, по словам другого, он уехал в Кассель за помощью. Не было и знакомого адъютанта, попасть в дом Ганс не смог.

— Это все чепуха, — сказал Гансу гаражник. — Господин крейзлейтер никуда не уезжал. Проберитесь на завод Ланга. Он был там большую часть ночи, руководя тушением, и сейчас еще, наверное, там. — Поймав удивленный взгляд Ганса, гаражник ухмыльнулся: — Вы, вероятно, не знаете, господин приезжий, что это главное предприятие города и крейзлейтер заинтересован в нем... Оно снабжает армию.

«Мерседеса» в гараже не оказалось. Все машины, по словам гаражника, забраны были ночью в разное время разными высокими господами для спасательных работ.

Злой и обессиленный, Ганс опустился на стул.

— Позвольте предложить вам щетку, господин.

Только тут Ганс сообразил, как ужасен должен быть его вид. И в самом деле, костюм от Нидерзее черен от угля и земли, бриллиантовая булавка исчезла, галстук болтался тряпкой.

— Я всю ночь отрывал засыпанных, спас десятки людей, — сказал Ганс.

— Доброе дело делали, — с удовлетворением отметил гаражник. — Если бог есть, вы уже заслужили перед ним свой рай.

Он повел Ганса мыться, вычистил его одежду и налил ему из термоса кофе.

— Да, вот как получается, — занимал он Ганса разго-

вором, — кто выдумал эти фосфорные штуки, не сможет ответить за это перед богом. Когда мы доберемся до Англии, мы...

— Как попасть отсюда в Шенфельде? — спросил Ганс.

Но гаражник не знал его деревни. Он принес атлас автомобильных дорог, нашел Шенфельде, растолковал Гансу путь, подарил атлас и обещал доложить крейзлейтеру об исчезнувшем «мерседесе» с обязательством доставить машину, как только она обнаружится.

Выбравшись по щербю из сожженного города, Ганс медленно побрел по дороге, надеясь на попутную машину, которая бы его подвезла. Но машина попалась, наоборот, встречная.

— Сто марок, если вы повернете и сделаете сорок километров, — предложил Ганс шоферу.

— Невозможно, господин. Везу в Берген одеяла и палатки для догорельцев.

— Сто пятьдесят.

— Не понимаю, как вы можете настаивать, когда я объяснил вам...

— Двести!

— Это очень трудно, господин. Мне надо сделать сегодня шесть рейсов...

— Двести пятьдесят!

— Это займет туда и назад...

— Триста! — зарычал Ганс. — И я сажусь.

— Ох, что с вами делать. Ну садитесь уж скорей, если триста, и давайте спешить.

Грузовик, скрежеща, повернулся, но быстрая езда на груженой пятитонке по узким проселочным дорогам и при частых поворотах была невозможна. Ганса охватила слабость, вызванная страшной бессонной ночью. То обстоятельство, что он не смог найти в себе сожаления о трех сотнях марок, свидетельствовало о полной апатии. Он решил подремать и отдал шоферу атлас.

— Да, — заговорил, однако, шофер, не давая Гансу уснуть. — Вот как скверно повернулось дело. И кто мог только думать, что для нас наступит такая пора неудач! Помните, господин, когда мы разбомбили английский город Ковентри, фюрер обещал ковентризировать на этот лад всю Англию. Мне очень понравилось тогда это слово. А что же получится теперь? И сколько это будет продолжаться?

Он рассказывал, что восемнадцать лет служит шофером по чужим гаражам и все время мечтал завести собственный. Кошил из жалованья, недоседал, а когда появлялись кой-какие

сбережения, заболела жена или дети, а то вдруг лишился работы. Войны он ни с кем, конечно, не желал и даже боялся ее, но, когда она началась, многие радовались, считая, что после нее каждый в Германии получит и поместье и коттедж, он тоже, конечно, был доволен. И люди действительно становились на ноги. Брат привез из Польши разное добро, а племянник стал на Украине уполномоченным по заготовке кож и обещал ему после войны купить сразу четыре автомашины.

— Ну а теперь, — вздохнул он, — племянник уже выехал из Украины, а вместо нового добра я лишился и старого — моя квартира разбомблена под Вупперталем.

— И на этом основании вы уже ни во что не верите? — преодолевая дремоту, спросил Ганс.

— Нет, пожалуй, что верю. Неверующие появились, господин, но я не из их числа. Приходилось уже дважды слышать от своего же брата-шофера, что-де лучше ужасный конец, чем ужасы без конца. А я считаю, что с ужасами надо смириться, чтоб ужасен не был конец. Не может быть, чтобы фюрер заставлял свой народ переживать такие кошмары, не имея твердой уверенности в хорошем конце. Разве дал бы он в противном случае перебить миллионы немцев? Никогда! Я верю в фюрера и потому верю в хороший конец.

— Так что же вы тогда плачетесь?

— Ах, господин, кто не испытывает сейчас смешанных чувств!

Машина стала спускаться на тормозах с горы. Этот отрезок пути был узкой лентой, вившейся вниз со многими поворотами. Едва грузовик миновал несколько из них, как навстречу раздалось дикое завывание, ставшее затем различимым, как сирена. Визг приближался, затем сменился явственным звуком речи, вслушаться в которую мешал мотор. Ганс уловил только слово «вода». Через несколько минут из-за поворота показался грузовой автомобиль с огромным, установленным вверху репродуктором — источником тревожного рева.

Ганс и шофер выскочили из машины.

— В чем дело? — кинулись они к человеку, кричавшему в репродуктор. На рукаве его значилось: «Преоборитель противонародного вредительства».

— Вода! Мене выступила из берегов. Все деревни долины затоплены. Возвращайтесь в Берген.

— Берген сгорел.

— Это неважно. Возвращайтесь немедленно. Мы устанавливаем на проселочных дорогах запретительные знаки.

Человек показал Гансу на карте затопленный район. Он начинался от берега Менэ и охватывал сотни деревень, проходя от Шенфельде лишь в пятнадцати километрах. Чтобы добраться домой, Гансу надо было возвратиться в Берген, выехать к автостраде и подъехать к родному селу с противоположной стороны. Это был крюк в сотню с лишним километров.

Ганс совсем упал духом. Не оставалось ничего другого, как разыскать в городе крейзлейтера и потребовать от него автомобиль.

— Это произошло не по вашей вине,— сказал он шоферу,— но вы не доставили меня до условленного места. Тем не менее я уплачу вам полтора ста марок, если вы поедите со мной по Бергену, пока я не найду себе автомобиль.

— Согласен, но я должен сначала сдать свой груз.

Они сели в автомашину.

— Стой! — закричал человек с репродуктором.

— В чем дело? — недовольно высунулся Ганс.

— Возьмите с собой запретительные знаки и устанавливайте их на перекрестках. Вам это по пути. Я сэкономлю время и поеду на другие дороги.

— Что вам взбрело в голову? Даже не подумаю. Я не транспортная полиция, и вообще...

— Молчать! — загремел человек с репродуктором.— Я застрелю вас, как утку! Не забывайте, что зона на военном положении. Немец вы или не немец?! Если хоть на одном перекрестке не будет поставлен запретительный знак...

В Берген Ганс прибыл только во второй половине дня. Всю дорогу он прибывал неумелыми руками щиты и совершенно измочаленный, голодный и озлобленный приехал в район католического кладбища, где из обгорелых досок сколачивались бараки, крытые фанерой и битой черепицей, оставшейся от разрушенных домов. Здесь шофер сдал по счету свои одеяла. Но когда машина была разгружена, ее, к ужасу Ганса, направили на сборный пункт возить в бараки людей. Рейсы от пункта до кладбища продолжались до сумерек, после чего шоферу и вместе с ним Гансу дали талончики на суп из полевого котла и по ломтю хлеба. Съев свой рацион, Ганс тут же в бараке вытянулся на нарах и заснул.

Проснулся он поздним вечером. Возле него кто-то вел приглушенный разговор.

— Теперь вся моя квартира. Я, может, уже никогда во всю жизнь не увижу человеческих комнат. А Ланг, вот увидишь, уже через полгода выстроит себе новый особняк.

— Если все мы немцы, и различия между нами нет...

— Между нами, конечно, нет, оно только между нашими кошельками.

— Не должны быть у людей одной нации разные взгляды. Ну, чего ты хочешь, скажи, пожалуйста. Чтоб перед лицом врага перессорился немецкий народ? Чтоб русским была открыта дорога в Германию? Чтоб мы, люди высшей расы, оказались на положении рабов?

Год назад, Вилли, все было для меня ясным и правильным. Когда перед нами склонялись все страны, я верил, что немцы — высшая раса. А получив на днях письмо от брата, где он рассказывает, как они под Орлом сваливали в ямы тысячи наших трупов, я подумал, что так зарывают собак, а не сверхчеловеков. И разве я, человек особой расы, не дрожал вчера в подвале, как собачонка на морозе? А эти наши нары?

— Это чепуха, это не повод для сомнений.

— Я хочу сказать другое. Мне кажется теперь, что не немцы — высшая раса, а среди немцев есть высшая и низшая расы. Ланг небось на наших нарах не появится. И даже наш блоклейтер, хоть невелика шишка, сюда тоже не попадет. Они говорят нам, что все немцы уравниены в несчастье, но забывают прибавить, что в счастье-то мы не равны. Нашим трудом Ланг поднимется снова, да еще правительство подбросит ему денег на восстановление пострадавших цехов. А что получаешь в несчастье ты? Похлебку да шесть сигарет

— Поэтому то, дурень, мы и должны твердо переносить несчастья, чтобы выстрадать победу, которая даст хорошую жизнь нам всем

— В этом я и сомневаюсь. За счет кого нам может привалить добро? Нам обещали его за счет евреев, и мы растаскали тысячи ихних квартир, выволокли простыни и подсвечники, от которых тебе не стало ни жарче, ни холодней. Потом нам обещали даровое масло и сало за счет русских. Помнишь в прошлом году Ланг давал нам бесплатно по десять консервов из мяса, которое он без гроша получал с Украины? Если бы мы углублялись в Россию дальше, то этих подарков, которые Лангу ничего не стоили, нам перепало бы все больше. Но русские хотят иметь своих коров для себя, и, с тех пор как они это доказали, Ланг за собственный счет уже не делает нам подарков. Сводки каждый день сообщают об уничтоженных русских танках, а русские все продвигаются и продвигаются вперед. Похоже, что мы выигрываем сражения, а они выигрывают войну

Курт! — испуганно сказал Вилли — Ведь ты говоришь

как красный. Никогда, слышишь ты, никогда не повторяй мне ничего подобного. И я не слышал от тебя ни слова по этому поводу, понял ты меня?!

— Эх, Вилли, ты пугаешься моих слов потому, что они для тебя новы. Кто сейчас работает у Ланга? Разбомбленные беженцы с запада — самый пестрый народ. А я на заводе пятнадцать лет и еще застал в ранней молодости красных...

— Молчи, молчи, я не хочу больше слышать ни звука. Я немец и не потерплю, чтобы меня разлагали. Считай за счастье, что я нем как рыба, и прикуси себе навсегда язык. Я тридцать лет просижу на этой наре, но руку русским против немца Ланга не протяну! Он мне не враг! Я тоже слышал об этом красном учении о классовой солидарности, но это солидарность неудачников против предприимчивых и счастливых. Класс — это сборище низких завистников. Тот же, кто благодаря уму рассчитывает пробиться сам...

— Благодаря уму? — перебил Курт. — Значит, по-твоему, это великий ум — платить нам по четыре марки в день? И разве мое чувство к такому человеку может быть названо завистью?

— Ересь!

— Ну конечно, — иронически сказал Курт, — он глава заводской семьи, и ты должен любить его как сын. Или это я начал войну, которая привела меня на эти доски? Я был превращен в барана, добровольно побежавшего за мясником. И за это именно, за радость, которую во мне посеяли в начале войны, они мне особенно теперь ненавистны. Верь мне, Вилли, недалеко время, когда ты будешь думать, как и я.

— Никогда! Это *моя* война.

Ганс представлялся спящим сколько мог. Он не пропускал ни слова. Вот как далеко зашло, оказывается, растление умов, вызванное поражениями! Но через некоторое время зарычал, передавая военную сводку, установленный в бараке репродуктор, представляться далее спящим было невозможно, Ганс потянулся, открыл глаза, поклонился соседям, внимательно осмотрел их, запоминая внешние признаки, и вышел на улицу.

Даже сейчас, через многие часы после пожара, город был еще дымен, а от руин шло тяжелое зловоние. В битом кирпиче копошились люди, ища уцелевшие вещи. В нескольких местах еще откапывали завалы, хотя засыпанные в убежища давно уже, вероятно, задохнулись. Раскопки вели уже не случайные люди, а прибывшая из Касселя регулярная саперная часть. Ганс пробрался к дому крейзлейтера и застал его

на месте. Бухвитц был бледен, глаза его ввалились, поднятая бровь дергалась.

— Доктор! Доктор! — грустным голосом встретил он Ганса. — Нам нечего уже в Бергене переименовывать. Все пошло прахом. За одну ночь! Скажу вам по секрету: в ответ на мое сообщение о происшедшем я получил сегодня от фюрера телеграмму, в которой он сообщает, что готовится страшное, решающее оружие, которое не оставит от британцев никакого воспоминания. И от их городов не останется камня на камне. Ах, доктор, доктор, как печален вышел ваш визит! Я помнил о вас и ночью, и сегодня днем, но не знал, куда протянуть к вам руку. Что делали вы эти страшные сутки?

— То, что должен был делать немец и национал-социалист. Всего не расскажешь. Налаживал раскопку людей в убежищах и работал лопатой сам, распоряжался уборкой трупов, количество которых могло подорвать дух соплеменников, руководил доставкой палаток и одеял для разбомбленных, организовал правильное движение на дорогах, отвозил оставшихся без крова в бараки...

— Доктор, дорогой, да вас просто забросило сюда в этот час providение! Спасибо, спасибо от лица города!

— Я составлю вам коротенькую записку...

— И я немедленно перешлю ее фюреру. Можете быть уверены. Список представляемых к награждению за подвиги в страшный для города час будет отправлен мной в имперскую канцелярию в ближайшие дни.

В Гансе снова появилось ощущение радости, забытое в эти ужасные сутки. Он с чувством пожал руку Бухвитца.

— Я рад был бы и дальше помогать городу, но беспокоюсь, что мои родные, не зная о моей судьбе, сходят с ума. Тем более что это небывалое наводнение в период, когда ни одна река никогда не выходит из берегов...

— Вы ничего не знаете еще? Англичане сбросили тысячекилограммовую бомбу на плотину. Нас они сожгли, а долину затопили. Сведения оттуда ужасны. Точнее говоря, никто никаких сведений дать уже оттуда не смог. Как вы будете пробираться? Впрочем, я уже приказал гаражнику, сообщившему мне о вашем «мерседесе», чтоб вам дан был «адмирал». Но вы должны предварительно закусить и отоспаться, иначе я вас не отпущу.

— Очень хорошо. Тем более что я собираюсь составить специальную записку майору Фланку. Речь идет о подрывной работе на заводах Ланга.

— Что-о?

Ганс рассказал, сгущая краски, о тайном коммунисте Курте.

— Этот негодяй, конечно, не один. Тут вероятнее всего целая организация.

— Доктор, дорогой доктор! Завод Ланга — опора города. Ваша помощь стоит двух орденов, двух!

В Шенфельде Ганс прибыл ранним утром следующего дня. Он застал в крайнем возбуждении всю деревню. Мать с плачем бросилась ему на шею.

— Жив! Гансик мой, сын!

Ни старый, ни малый не спали вчера в деревне, ожидая гибели, от которой никто не мог бы спастись.

— Это не пожар, — сказал Кетч, — бежать от воды некуда.

Шенфельде спас горный рельеф, а что делается внизу — не поддается описанию. Затоплены многие тысячи людей, с лица земли исчезли целые поселки и деревни. Так как объявлены были воздушные тревоги, население забилося в подвалы и затоплено в них. Некоторые пытались бежать, но вода догнала их и опрокидывала.

Ганс посадил в машину мать и сестру, и они направились к границе затопленного района. Глазам их представилась невероятная картина. Ничего не видно было сверху, кроме воды. Всюду, насколько хватал глаз, была вода. И не несло никаких призывов о помощи, потому что не осталось никаких признаков жизни вообще. Долина представляла собой сплошную бушующую реку. Подобного тому, что они видели, вообще нельзя было выдумать. И они стояли, застыв, не обмениваясь ни словом, не решаясь ничего произнести.

Не было ни людей, ни животных, ни крыш. На воде показывались время от времени тела, мелькнул ботинок, плыла посуда, переброшена была волной овца. Молча передавая друг другу бинокль, трое наверху видели то перевернутую волной детскую коляску, то предметы одежды, минуты две плыл перед глазами Ганса труп разбросавшего руки ребенка лет пяти, потом он скрылся, и на поверхность выбросило предмет, в котором Ганс различил настольную лампу. Поднимались и смывались водой черепицы от кровель, предметы конской упряжи, стулья, мелькнул лошадиный круп. Ганс проследил за долго державшимся на воде стулом, волна все не поглощала его, только относила, и он скрылся из глаз. Долго плыла ненужная теперь алюминиевая детская ванна.

Кому принадлежали эти тела и вещи? Жителям ли бывшего города Бретена, шпиц церковной колокольни которого более или менее устойчиво возвышался над водой словно маяк

на море, и свидетельствовал, что город был и жизнь тоже была, что море не всамделишное и что все происшедшее — явь? Или, может быть, крестьянам деревни Кронен, в тридцати километрах отсюда, куда Ганс ездил иногда в детстве играть с двоюродным братом, жена и дети которого лежат сейчас со вздутыми животами в подвале своего дома или плывут, перебрасываемые волнами, по Рурской долине? Если вернется двоюродный брат Курт с фронта домой, то не застанет ни подруги своей, ни детей, ни коня, на котором пахал, ни соседей, с которыми дружил или враждовал, ни даже пса, который побежал бы ему навстречу. Сколько тел исказится, размоется, прибито будет к чужим местам, осядет, когда схлынет стихия, на полях, крышах, в овчарнях, между ветвями деревьев в лесах, и потом никогда не будет опознано! Впрочем, возможно ли и нужно ли опознание, когда умерло, исчезло, смыто с земли население всех городков и деревень долины одновременно, когда вся она превращена в одно необозримое кладбище, в котором женщины и козы, дети и телята, все люди и все звери захоронены вместе?!

Вот проплывает не трогаемая волной конская дуга. Можно подумать, что это мальчишки, балуясь, пустили ее по течению, следя за ней взглядом, чтобы не уплыла совсем, а то отец надеет уши. Но никто не ловит дугу, никто не вылавливает и самих мальчишек, затопленных самыми изощренными, самыми невероятными баловниками на земле.

Что хотели они своим озорством доказать?

Что умертвить тысячи людей легче, чем разгадать тайну рождения одного из них? Что плоть от тысяч поколений превращается в прах нажатием спусковой пружинки? Что не стоит миру проследивать дали прошлого, когда легче лишиться себя будущего? Что веселые шутейники могут сделать всю землю дном водной пустыни, в которой один только хохот дьявола будет перекликаться с ревом волн?

На минуту Гансу делается страшно. Здесь, перед этой водной пустыней, он почувствовал вдруг, что все происходящее находится где-то посередине между преступлением и безумием. Вот он, страшный ответ англичан на «ковентризацию»! Теперь в подземных глубинах немецкого севера готовится ответ за Гамбург, Берлин и это море, поглотившее жизнь. Будут измыслены еще более хитроумные игрушки, и уже не тысячи, а миллионы детей и телят будут лежать и плыть с раздутыми животами или превратятся в пыль. На какой-то момент Ганса пронизала тревога, мелькнуло сознание какой-то собственной роковой ошибки.

Но это длилось только момент и было, очевидно, малодушием. Ему стало стыдно, что он поддался картине несчастья и в какую-то долю секунды подсознательно говорил сам с собой на языке красного.

— Да будут прокляты наши враги! — сказал он громко и торжественно.

Но мать и сестра по-прежнему молча смотрели на клоко-тавшие воды, на вещи, несшиеся по волнам, на всплывавшие и исчезающие трупы людей и зверей. И, первой отвернувшись наконец от зрелища непоправимой беды, мать сказала тихо и без всякой торжественности, сказала сама себе вслух:

— Кто выдумал эту войну, не сможет ответить за это перед богом.

Сказала не о фосфоре, не о взорванной плотине — о войне.

* * *

После печальной поездки на родину Ганс долго чувствовал себя разбитым и расслабленным. Он принимал хвойные ванны, пригласил к себе массажиста и стал глотать бромистые препараты, чтобы восстановить расстроившийся сон. Это не помешало ему написать по совету рейхсминистра статью о мужестве, проявленном населением под фосфорными бомбами врага. Коварные методы войны англо-американцев не только не ослабляли, по уверению статьи, волю к победе, но, наоборот, усиливали ее.

Ганс не совсем кривил душой, утверждая это. Конечно, превращение в руины жилых кварталов и уничтожение невоющего тылового населения порождало в городах хаос, а в разбомбленных семьях — чувство отчаяния. Но в то же время такие бомбежки, названные в Германии воздушным террором, порождали лютую ненависть к противнику, вели к самосудам над терпевшими аварии летчиками и вызывали доверие к утверждениям официальной пропаганды о задуманном врагами уничтожении немецкого народа. Уверенность в победе — это Ганс понял в родной деревне — подтачивалась неодолимым продвижением красных большевистских войск.

Статьи рейхсминистра в «Рейхе» представляли ход войны так, будто не происходит ничего страшного. Он смеялся по поводу заявлений большевиков, что они будут воевать до полной немецкой капитуляции. «Это подобно тому, — издевался он в блестящей статье, — как если бы игроки проигрывающей футбольной команды предложили признать себя побежденными противнику, имеющему превосходство в девять

голов против двух. Команда, которая пошла бы на такое предложение, по справедливости стоила бы насмешек и плевков. Она *уже* победила и только отстаивает завоеванное».

В другой едкой статье рейхсминистр сравнивал воюющие стороны с боксерами и высмеивал того из них, кто торжествует победу, покрывив противнику нос, в то время как сам он свалился от удара в сердце. Эти статьи, которые еще до появления в печати транслировались по пятницам всеми немецкими радиостанциями, многие слушали с удовольствием, восхищаясь талантом «нашего доктора», они вызывали некоторую бодрость, но никак не могли внести действительное успокоение в сердца.

Ганс особенно убедился в этом во время неожиданной встречи с Сюзанной. Он не видел ее больше полугода, она совершенно не занимала его, тем не менее он ловил себя время от времени на мысли, что его пострадавшее самолюбие торжествовало бы, если б равнодушная девка знала о его почете, его вилле и меню. Увидев ее проходившей по улице, он остановил автомобиль, почти насильно усадил в машину и вопреки протестам привез среди бела дня к себе домой.

Особняк действительно произвел на Сюзанну большое впечатление. Она переходила из комнаты в комнату, любовалась мебелью, восторгалась удобствами, очарованно застывала перед тем, что поражало ее особенной роскошью.

— Боже мой! Да ведь это шикарно. как в сказке! — воскликнула она, все осмотрев.

Ганс торжествовал.

Но плебейская натура девки осталась, как и была, неизменной.

— И неужели ты тут один живешь? Шестнадцать помещений на одного человека, в то время как целую разбомбленную семью вселяют в маленькую чердачную каморку! Какая возмутительная несправедливость! Значит, все это полная правда, что люди говорят о жизни нацистских бонз. И на какие шиши ты все это купил? Неужели ты получаешь столько денег за эти выдумки о немецком языке?

Ганс постарался быть величаво сдержанным. Он изобразил улыбку.

— Очевидно, в более компетентных кругах моя деятельность расценивается иначе. Кроме того, я, милая моя, теперь еще и промышленник. И я участвую еще в нескольких предприятиях.

— Да, все это головокружительно, — выдохнула Сю-

занна.— Но знаешь, что я тебе скажу? Такие доходы вы получаете потому, что недополучаем мы.

— Уж не за твой ли счет создана эта вилла? — спросил Ганс спокойно.

— В какой-то мере, может быть, и за мой. Я получаю сто десять марок при двенадцатичасовой работе и забыла день, когда ела досыта.

— Я уже говорил тебе не раз, что время, когда окупятся жертвы, приносимые ради победы...

— Об этих жертвах я не могу больше слышать. Я сама сплошная жертва, а время, о котором ты говоришь, с каждым днем отдаляется. Только слепому не видно, что мы идем не в гору, а вниз.

— Ты видишь только поверхность событий.

— Но и войска отступают по поверхности.

— Мы отходим намеренно, отходим планомерно...

— Это Украину-то отдаем намеренно? Нет, никто этому не поверит, она слишком для этого важна. Сводки могут говорить что угодно о сокращении фронта, но этого не понимает ни один человек. Моя семья и мои подруги...

— Это довольно плохие стратеги, — перебил Ганс.

Но Сюзанна не дала ему говорить.

— Ну, конечно, — зло рассмеялась она, — лучшие те, кто отдал пол-Украины. Нет, милый мой, в народе хорошо видят, что мы только отступаем, что у нас нет никаких успехов. Но знаешь, если раньше меня все это сильно волновало и хотелось от всех этих дел плакать, то теперь я ко всему отупела. Мне кажется, у нас в перспективе ничего нет, и я жду только конца, все равно какого.

— Этот конец был бы и твоим личным.

— Почему? А может быть, наоборот, он явится началом? Правда, не знаю еще чего. Мне кажется, хуже того, что есть сейчас, все равно ничего не может быть. И зачем русским меня убивать? Я же не проводила в их деревнях карательных экспедиций. Правда, я делаю патроны, но ведь для войны работают сейчас все.

— Всех и убьют.

— Этого не может быть. В это я не верю. Ты писал о них много плохого, и ты богач, так тебе они отрубили бы голову. А мне велели бы, наверное, сделать в твоей вилле приют для разбомбленных детей или склад костюмов.

— Что?

— Склад костюмов. Я слышала, что в России каждый может иметь только два костюма. Меня посылали бы отбирать

по квартирам лишние костюмы, они хранились бы на складе, а я выдавала бы их тем, у кого нормы не хватает.

— И тебя устроила бы такая деятельность?

— Не знаю. Нынешняя не устраивает меня безусловно.

Разговор с Сюзанной оставил в Гансе чувство тревожного раздражения. Оно рассеялось только благодаря усиленной деятельности, которая отвечала новым указаниям министра.

«Наш доктор» собрал своих сотрудников и объявил им об изменениях в пропаганде, с историков снималось отныне тяжкое бремя доказательств основания Русского государства варягами, филологи не должны были тратить усилий на превращение Новгорода в Нейгардт, географам не следовало уже издавать новейших атласов.

— Сейчас, господа, все это было бы пустой тратой времени, — объявил министр. — За два с половиной года войны с большевиками опубликовано около восьми тысяч статей и почти полтысячи книг, посвященных доказательству наших антропологических, исторических и прочих прав на Прибалтику, Украину, Поволжье, Кавказ и другие русские земли. Мы давно в этом немцев убедили. Неубежденными, к сожалению, остались сами русские, впрочем, ничего другого от варварского народа и не следовало ожидать. Против этих монголов занято сейчас четыре пятых наших вооруженных сил. И эта армия не выдерживает давления. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы вся пропаганда, все деятели ее независимо от специальности сосредоточились на одной задаче — вселить в немцев такой ужас перед русскими, чтобы сопротивление удесятерилось и отступление было прекращено.

Рейхсминистр осудил попавшееся ему на глаза новое издание книги Могеля «Право и нордическая раса». Незачем и некогда сейчас заниматься изживанием короткоголовости среди соплеменников. Не для чего доказывать и превосходство немецкого черепа над славянским, ибо это аксиома. Надо в кратчайшее время убедить наш народ в том, что славянские лица вообще только кажутся человеческими. Скулы русских огромны, лбы низки, мочки ушей сращены с шей; эти люди, как учил Ломброзо, являются, таким образом, прирожденными преступниками и, следовательно, убивают тех немцев, которые, попадая в котлы, по малодушию сдаются им в плен.

Филологам надо полностью отказаться сейчас от работ по очистке немецкого языка, что актуально будет лишь после победы; надо доказывать, наоборот, общность всех европейских языков, которые Германия защищает сейчас, как и Евро-

пу в целом, от нашествия азиатских варваров. Инициатива гаулейтера Саксонии Мучмана, увлекшегося учением доктора Эшке и создавшего «Зексисес Шпрахамт»¹ для выкорчевывания саксонского диалекта, несвоевременна. Не немецким языком надо теперь заниматься, а русским. Пусть народы Европы узнают, что в языке этом девять десятых татарских корней, что у большевиков имеется коварный пятилетний план — выкорчевать в Европе все языки, заменив их собственным.

Короче говоря, вся пропаганда должна бить по одной мишени — доказать соплеменникам и Европе, что мы имеем дело со страшными моторизованными ордами степей, с помощью которых нынешние Атиллы пытаются сделать то, чего не достиг Чингисхан.

— Сейте ужасы, господа, — сказал министр. — Сейте их в количестве, которое поразит всякое воображение. Пусть русские сняты немцам в ночных кошмарах. Покажите на тысячах фото обезображенные трупы капитулировавших немецких солдат. Давайте вырезанные языки, отрубленные половые органы, сожженные руки, выколотые глаза. Давайте документы, тайные документы большевиков, раскрывающие план истребления немецкого народа. Напрягайте всю силу своего воображения и покажите такие ужасы, которые заставят людей хвататься за сердца. Мы министерство очумления противника. Это главное и единственное, чем каждый из нас должен сейчас заниматься.

Некоторые стали сомневаться сейчас в мощи пропаганды, — сказал министр в заключение. — Они полагают, что пропаганда бессильна перед танками и рушится вместе с нашими городами. Но это глубочайшая ошибка. Только пропаганда может делать людей счастливыми или несчастными. Только она в состоянии давать им веру. Разве мы не заставили соплеменников есть одуванчики?! Разве не уверили мы их в том, что фюрер общается с провидением? Нет такого, чего пропаганда не могла бы доказать! Она может убедить самых зрячих в том, что видимое ими — обман зрения, и она в силах, наоборот, уверить, что несуществующее — реальность. Фюрер сказал, что искусная пропаганда может дать чудовищные результаты. Добьемся же их, господа! Пусть наша пропаганда превратит немцев в фанатиков и поможет им выиграть эту войну!

Ганс не мог не осознавать правильности этих указаний министра. Пережитое на родине убедило его в том, что чистка немецкого языка действительно не является в данный момент

¹ В переводе: саксонская служба речи.

самым важным делом. Ему пришлось на днях выслушать прямое издевательство по этому поводу. Он встретил гинеколога Пэта — брата своего сокурсника, и тот рассказал Гансу о катастрофическом распространении в Германии женских венерических заболеваний, занесенных солдатами из Франции, Италии и Африки. Прощаясь, Пэт пожал Гансу руку со словами: «До свиданья, коллега!»

— Почему «коллега»? — удивился Ганс.

— А как же! Я делаю чистку в своей области, вы чистите язык. Мы оба, следовательно, очистители.

С рьяностью принялся поэтому Ганс вместе с Хельзеером и Лиферциффером за серию книжек для солдат, раздраженных непрерывными отступлениями и письмами жен о бомбежках на родине. Одна книжка посвящена была захваченному тайному приказу большевистского политбюро (фотография документа была, конечно, приложена).

Приказ извещал, что политбюро приняло решение оставить в живых после русской победы только вендов, живущих в Саксонии и по Одеру, но с тем, чтобы они в годичный срок заговорили по-русски и объединились в колхозы. Приказывалось подготовить пятьсот бригад для обучения вендов русскому языку.

Другая книжка рассказывала, что после бомбежек остаются неразрушенными стены, на которых висели портреты фюрера. Это знак провидения, и он свидетельствует, что с фюрером Германия переживет все трудности. Третья брошюра разъясняла причину разрушения англичанами немецких городов: британцы являются на самом деле еврейским племенем, английский язык содержит 72,6 процента еврейских слов, корни которых скрыло лишь островное произношение. Спасти немецкие города, падающие жертвой вековой ненависти еврейства к германству, можно только уничтожением русской армии, созданной евреями.

Наряду с этим Ганс написал новые радиолекции для англичан, в которых подсчитано было, что в английском и немецком — 91,2 процента общих корней, что оба языка и обе нации противостоят монголизму, олицетворением которого являются Россия и ее народ. Русский язык, как указано было в этом труде, содержит 93,3 процента татарских слов. Германия — форпост, защищающий англо-саксонские страны от вторжения руссо-монголов, и потому британцам следует как можно скорей повернуть фронт и ополчиться против общего врага.

Усиленная творческая деятельность, требовавшая к тому

же спешки, не позволяла на этот раз Гансу обращаться к справочным изданиям. Данные о русском, немецком, английском, еврейском и татарском языках, которые приходилось давать для разных целей в противоположных вариантах, у него путались, но зато практическая полезность писаний наполняла его глубоким удовлетворением. Лиферциффер подбирал для всех положений цифры, настаивая на воспроизведении процентов обязательно с десятиными долями, которые покоряют читателей и слушателей точностью.

Брошюры напечатало массовым тиражом издательство Франца Эра. Они явились гвоздем его знаменитой серии «Зольдатен-Камераден». Доктор Эшке получил за них превосходный гонорар.

Ганс давно уже понял, что наличие ведомств и должностей в империи определялось не столько их особыми задачами, сколько состязанием интересов и личными симпатиями и антипатиями в верхах. Дитрих тайно боролся с рейхсминистром, а глава издательств зорко следил за шефом прессы. Владея наибольшим в немецкой истории издательским концерном, Макс Амман, бывший фактическим руководителем Эра, заплатил Гансу сорок тысяч марок за его книжки с условием, чтобы «дорогой друг» рассказал об интересах, питаемых к разным вопросам шефом прессы.

Мне известно, доктор, поразил его Амман, что вы являетесь акционером одной газеты. Очень скромным, на до сказать.

Ганс не нашел что ответить.

Амман рассмеялся:

— Не удивляйтесь, дорогой друг, моей осведомленности. Ведь это *моя* газета, она входит в мой концерн.

Ганс был обезоружен.

Но шеф прессы проявил о вас мало заботы, явно мало, многозначительно добавил Амман.

Пойдя на сделку с главой издательств, богатству и осведомленности которого нельзя было противостоять, Ганс пару дней чувствовал какое-то опасение. Ему казалось, что переплет отношений с сильными мира получается у него несколько рискованным. Но он успокоился затем, поняв, что его игру играют, вероятно, многие. К тому же люди, вовлекавшие его в игру, делали лично еще более крупные ставки. Нет, информировать своих покровителей не значило быть канатоходцем.

Книжками был доволен и рейхсминистр. Он утер им нос военным, которые создали при главном штабе вооружен-

ных сил собственный отдел пропаганды, не желали подчиняться министерству и умничали на свой лад.

Во главе отдела пропаганды армии стоял генерал Ведель, которого поддерживал генералитет, считавший, что солдат не следует втягивать в политику, наоборот, надо отвлекать от нее самым решительным образом. По мнению генералов, пропагандировать войска надо не статьями, а развлечениями. Отдел выпускал сборники густосоленых анекдотов, над которыми смеялись в окопах между боями, фотографии пышногрудых девушек, занимавшие целые страницы армейских газет, и уголовные романы. В то время как генерал Ведель отправлял во фронтовые газеты зацинкованных на клише голых красавиц, полагая, что любованье ими вносит дозу счастья в безрадостную солдатскую жизнь и отвлекает мысли от поражений, рейхсминистр настаивал на том, чтобы мысль солдата была, наоборот, сосредоточена на положении фронта, ибо оно может быть спасено не формальной дисциплиной, а только диким фанатизмом, даже, добавлял он, дичайшим. По адресу Веделя — любителя тонких блюд и автора поваренной книги — министр отпускал много едких слов, говоря, что сам он помогает русским варить немецких солдат в котлах. Чтобы внедрять фанатизм, пропаганду должны делать фанатики, а не повара и гурманы, место которых — в кухне, а не в военном штабе.

Рейхсминистр показал фюреру книжки Ганса и Хельзеера, которые только и могли заставить солдат биться в безнадежных котлах. Книжки сделаны не поварами! И фюрер одобрил эти страстно и убедительно написанные труды.

— Я слышал об этом Эшке, — заметил он при этом. — Очень дельный, да еще и храбрый человек.

Незадолго до новогоднего вечера Ганс имел орден, таблицу предков в двенадцати восходящих рядах и стал уже доктором Иоганном Фридрихом фон Эшке. Ему стоило труда сдерживать на людях радостное волнение. Довольна была и Марта. Оставалось ждать приезда господина Бернгарда Пфельша, чтобы просить руки его дочери, и можно давать объявление о помолвке. Но отец Марты подолгу находился в тылах фронта, и Ганс вынужден был пока удовлетвориться приглашением, посланным ему Рудольфом на новогодний вечер в дом Пфельшей.

Он впервые переступил порог этого дома, в котором ожидал встретить особую роскошь. Но увидел ту же оголенность, что и во всех берлинских квартирах. В стенах лишь дырки от снятых и спрятанных картин, ковры свернуты,

фарфор забит в ящики и спущен в подвалы, белье и платье закопано в садах или отправлено к родным и знакомым в менее опасные провинциальные углы, и всюду приготовленные чемоданы с самым необходимым, которые при звуках сирены люди брали с собой в убежище. Берлинцы жили, все время запаковываясь и распаковываясь, летая вниз и вверх. Квартира Пфельшей отличалась только тем, что они не позаботились о переправке своей ценной старинной мебели, а вещи, оставленные в обиходе, были дорогими и первосортными.

Рабочая семья имела обычно один чайный баварский сервиз, пару скатертей и несколько дешевых вазочек из богемского хрусталя, составлявших непременную часть незамейливого женского приданого. Эти семейные ценности помещались в одном ящике, который закапывали или отвозили к теще в деревню. Семья довольствовалась случайными чашками и кружками.

Лавочники, средние служащие, агенты по страхованию жизни, держатели гаражей и владельцы портновских мастерских имели еще и обеденные сервизы на двенадцать персон, переходившие по наследству серебряные сахарницы, машинные ковры в столовых, одну-две картины, золоченые рамы которых составляли их главную ценность, фрачные пары, в которых хозяин дома венчался и делал рождественские визиты, радиоприемник Телефункена и китайские разрисованные фарфоровые чайники, сделанные на заводе в полчасе езды от жилья. В этих семьях сбивали уже по несколько ящиков, сбережение которых являлось главным предметом забот.

В богатых же домах было много старинного фарфора, сервизов, носивших зарекомендованные марки Хутченройтера, Мейсена и Розенталя, полы здесь устланы были персидскими и турецкими коврами, которые в отличие от машинных назывались «эхът» (настоящими). Здесь приходилось упаковывать в ящики многие пуды столового серебра, зашивать холстами приобретенные на выставках и аукционах дорогостоящие картины, сносить в подвалы целые галереи сундуков с французским хрусталем «баккара», английскими отрезами, русскими мехами и уникальными книгами средневековых времен. И тем не менее гибель этих вещей, на стоимость которых могло бы безбедно жить несколько поколений иной средней семьи, не означала для их владельцев жизненного краха, ибо наиболее ценное под бомбами вовсе не исчезало и сберегалось легко.

То были бриллианты, иностранная, преимущественно американская, валюта, счета в заграничных банках, акции разных компаний и обществ, закладные на земельные участки, сейфы в банковских кладовых нейтральной Швейцарии и далеких латиноамериканских стран. Человек, у которого обращались под развалинами в прах пятьдесят плотно набитых сундуков, страдал, таким образом, меньше, чем семья, терявшая свой единственный. К тому же у значительной части богатых людей были еще вторые квартиры, хорошо обставленные загородные дома или поместья.

Пфельши, обладавшие, как знал Ганс, большими богатствами, проявили тем не менее и большую заботу о сбережении всего, что можно было вынести, зарыть или увезти.

— Вы представить себе не можете, господин доктор, сколько я перепаковала! — сказала Марта, обращаясь к Гансу в присутствии третьих лиц на «вы». — Я занималась этим целый месяц. Столяры изготовили по моему заказу сорок ящиков, и вся прислуга помогала мне в укладке.

Ганс вполне оценил про себя хозяйственность невесты, умевшей широко жить, но и тщательно упаковывать.

Мать Марты умерла несколько лет назад. Отец не женился и имел связи на стороне. Старшая дочь его, двадцатидвухлетняя Катрин, была недурна собой и склонна к путешествиям. Будучи в Италии, она влюбилась в красивого художника и чичероне по музеям, сошлась с ним, занялась с тех пор живописью и ездила под всякими предлогами то и дело в Италию, где она содержала двух ребят и чудесную жену своего возлюбленного. Рудольф, который достиг уже двадцати восьми и имел самостоятельную контору, не был женат и проводил свои досуги вне дома. Обо всем этом Ганс знал по рассказам Марты. Ничто не связывало, казалось, между собой членов этой семьи, сходящихся за завтраком, реже — за обедом и лишь в торжественные дни — за ужином.

— Когда жива была мама и мы были моложе, — вспоминала Марта, — то чаще садились вместе за стол, хотя, кажется, и тогда не имели большого любопытства к делам друг друга.

Идеологических расхождений в семье, разумеется, не было. Одна только Катрин позволяла себе вольность осуждать мнение фюрера, отрицавшего эстетику и назвавшего ее «культурными духами, выдуманскими евреями». Она смеялась также над невежеством рейхсмаршала Геринга, путавшего, как говорили, голландцев, итальянцев и фламандцев, но

со страстью забиравшего для своих поместий все картины, которые его агенты привозили из других стран. Дальше этого вольнодумство Катрин не шло, к вопросам политики и ходу войны она не проявляла интереса, проводила время в своей мастерской, где было много набросков и ни одного законченного полотна, угощала в своей комнате чаем собственных знакомых, связанных с живописью тоже преимущественно через третьих лиц, затем неожиданно уезжала в Италию, снова возвращалась через пару месяцев к той же берлинской жизни. К Марте Катрин относилась скорее хорошо, чем плохо, иногда привозила ей из поездок косметику, забавные католические иконки и безделушки и не обременяла младшую сестру расспросами о ее знакомых, чтении и образе жизни.

Рудольф, проводивший дома мало времени и часто ночевавший на своей холостой квартире, относился к сестрам ровно, делал им ценные подарки ко дню рождения, но был безучастен к тому, что касалось их образования и времяпрепровождения. Догадывался ли он о действительных отношениях своей младшей сестры и доктора Эшке? Если это и так, то, во всяком случае, Рудольф ничем не выдал своих подозрений, да и не проявлял, вероятно, к этому вопросу внутреннего интереса.

Отец, тоже не мешавший своим детям жить по собственному усмотрению, относился к Марте с нежностью, баловал ее, покупал ей годовой оперный абонемент и, бывая дома, любил слушать ее болтовню, иногда посвящая ее в свои дела и называя хозяйкой. Ему нравилось в Марте сочетание ребячества с коммерческой предприимчивостью, ее интерес к доходам отца, к помещению капитала, нужным связям и устройству житейских дел.

Понятия не имея о деревне и никогда не бывав в ней, смутно слышав что-то о рабочих и путая их с модистками, Марта плохо представляла себе состав населения страны и его занятия, но зато хорошо знала тот круг его, к которому принадлежала сама. Все заботы этого круга сводились к росту капитала. Ганс давно понял, какими путями умножился капитал Пфельшей. Сообщение Зюссмильха о пакетах с золотыми вещами и упоминания Марты о дружбе отца с Полем — сотрудником Гиммлера и руководителем хозяйственного управления СС — проливали свет по крайней мере на часть источников этих богатств. Ганс составил уже себе примерную картину восхождения Бернгарда Пфельша — крупного пятидесятилетнего мужчины, недавний портрет которого висел на стене неубрачным. Шурин человека, являв-

шегося одним из директоров горнопромышленного концерна Флика, членом советов Дрезденского банка и Стального треста, Бернгард Пфельш устроен был зятем на интендантскую службу, протекавшую преимущественно на Востоке, где концерн Флика обрел интересы и дела. Интендантство передавало концерну зачислявшиеся на его баланс предприятия, и оно же покупало затем для военных нужд их продукцию. Оставаясь интендантом, Бернгард Пфельш приобретал постепенно все большую долю участия в различных добывающих и перерабатывающих заводах концерна, делая попутно и другие дела. Судя по портрету, у него должны быть здоровый цвет лица, энергия и неунываемость.

Отец любил наблюдать за живым участием, которое проявляла младшая дочь, когда он поверял ей или делал вид, что поверяет, свои думы и дела. Разговор начинался обычно с того, куда поместить полученные сто или полтораста тысяч марок.

— Рентабельнее всего в «Бурый уголь-бензин», — отвечала Марта, вспоминая слышанное о том, какая компания как выплачивала последние дивиденды.

— Это будет трудно, — говорил отец. — Там все забрали сейчас «ИГ» и Винтерсхалль. Они не переуступят ни на марку. Может быть, купить поместье в Баварии, как ты думаешь, а?

Марта морщила носик:

— Чтобы тебя надувал управляющий, да? Ты же знаешь мое мнение. Поместья хороши, когда сам живешь или бываешь в них. И ведь продукцию надо сейчас сдавать. Это мало что будет приносить.

— Может быть, постараться тогда купить акции АЭГ? У них сейчас большое строительство в Турции.

— В Турции? Это что-то интересное. А что, папа, это может дать?

Подобный разговор длился с полчаса, после чего отец раздражался веселым смехом, трепал дочь по щеке и уезжал, предупреждая, что дела задержат его, вероятно, на ночь.

Ганс не мог скрыть от себя, что не без некоторого волнения рассматривает портрет этого человека, зятем которого хотел стать.

— Надеюсь, летчики оставят нас в новогоднюю ночь в покое, — сказал Рудольф.

Гевандтер, бывший у Пфельшей завсегдатаем, только махнул рукой.

— Я больше надеюсь, дорогой мой, на ваш подвал, чем

на новогодний ужин, — кисло улыбаясь, сказал он Рудольфу.

— Вам, вероятно, приходится особенно тяжело, — обратился к Гевандтеру Ганс. — Как умудряетесь вы сберегать вашу мебель? Ее ведь ни зарыть, ни спрятать в подвалах невозможно.

— Ах, лучше не спрашивайте. Я вывез самое ценное в Швейцарию, но если б вы знали, во что обошелся мне транспорт! Кое-что развез по деревням. А мои реставрационные мастерские предоставлены воле судьбы.

Об этих мастерских Гансу рассказывала недавно Марта. По ее словам, проникнуть на предприятие Гевандтера было трудно, и его подозревали в том, что часть антикварной мебели он не реставрирует, а подделывает.

— У вас сейчас, надо полагать, мало покупателей? — сочувственно осведомился Ганс.

— Зато после войны уцелевшая мебель будет цениться на вес золота, господин доктор. Если бы люди были дальновидны, они рисковали бы сейчас тысячей марок, ибо потом не получают настоящей мебели и за сто тысяч. Будет выпускаться только казарменная стандартная дрянь, а о дубе, олеандре, красном и черном дереве, кавказском орехе и розе придется забыть. Бронзированную мебель с арматурой можно будет найти только в музеях. Нет, я не огорчаюсь отсутствием покупателей. Когда я привез в прошлом месяце обстановку одного польского замка, домашние назвали меня безумцем, а я только посмеивался, господин доктор. Мебель этого замка будет стоить после войны полмиллиона марок. Счастье, что мои домашние уехали от бомбежек в провинцию и не мешают мне для их же блага действовать по разуму мужа и отца. Повторяю: полмиллиона будет стоить эта обстановка.

— Да, если у вас ее не отберут, — заметила Катрин. — Мне говорили, что по Берлину забирают шкафы и стулья для разбомбленных.

— Мне это распоряжение известно. Оно же относится, Катрин, к обычной мебели обычных, так сказать, людей. Но когда мебель является не предметом пользования, а товаром, ее отобрать не могут. Я получил соответственные свидетельства.

— Столяр, делавший мне ящики, — вмешалась Марта, — рассказал, что у него забрали из мастерской два шкафа, обеденный стол, стулья, все, что было им сделано. И закрыли мастерскую.

— Ах, это совсем другое дело, фрейлейн Марта. В Германии было двести тысяч столярных мастерских, в которых

два или три человека ковырялись с рубанками. Кому это нужно? Фюрер мудро решил составить из этих людей дивизию. А большие предприятия вроде моего оставлены, конечно, в неприкосновенности. Восемьсот фирм оставлено, к вашему сведению.

— Это совершенно разумная мера, — согласился Рудольф. — Я знаю по собственной конторе, как плохо, когда в ногах у солидной фирмы путаются мелкие предприниматели, они только отвлекают клиентуру, но не могут обслужить ее так, как я. Закрытие ремесленных предприятий было полезнейшим решением фюрера. Благодаря этому солидные предприятия получили пространственные возможности и новую рабочую силу, а армия, как я слышал, — почти миллион солдат.

— Этот процесс происходит и у нашего противника, — сказал двоюродный брат Марты, высокий и дородный блондин, служивший у Заукеля¹. — Я по долгу службы изучаю положение с рабочей силой в Америке и знаю, что там лопнуло за два года войны семьсот тысяч разных швейных, обувных, мебельных и прочих мастерских и фабричек. Это естественно. Наше время — эра гигантских заводов и широких дел. Маленький человек должен уступить большому, снять вывеску и занять свое место в шеренге или у станка. Разница, правда, есть: фюрер провел этот процесс упорядоченно и открыто, что объясняется превосходством немецкой организации над американской.

— Да, — снова подхватил Гевандтер. — От этих вывесок пестрело в глазах. Я давно чувствовал, что они архаизм. Когда армия смогла получить столько людей...

— Их мало и тысячу раз мало, господа! — перебил Кригер, ставший уже капитаном и гордившийся своей рукой на перевязи. — Если б вы знали, что такое русская лава!.. Ваши двести тысяч столяров — это же всего десять дивизий! — выходят из строя после нескольких сражений. Одна только Курская дуга...

— Господи! О каких скучных вещах вы все разговариваете, — перебила Кригера Марта. — Разве это новогодние темы? Мебель, столяры, война — умереть можно. Без двадцати двенадцать, стол готов, и если вы не перемените тему...

— Она уже, кажется, меняется, — сказал Гевандтер, бледнея.

Все вскочили с мест, застыли, напрягая слух.

¹ Глава ведомства по вывозу рабочей силы из оккупированных стран в фашистскую Германию.

— Ложная тревога! — засмеялся Рудольф.

— Простите, пожалуйста, — извинился Гевандтер. — Когда нервы так напряжены...

Фурором в столовой явилась русская икра.

— Бог мой! Где это вы выловили такую прелесть, — плотоядно поблескивая глазами, воскликнул Гевандтер.

— Да, сейчас трудно найти в Берлине дом, где это подавали бы на стол, — горделиво сказала довольная Марта.

Пробило двенадцать, все подняли бокалы и закричали «прозит».

— Дай бог, чтоб со старым годом сгнули и старые ужасы! — сказал Гевандтер.

— За победу! — поднял стакан Рудольф.

— Хайль Гитлер! — вскочил Ганс.

Каждый тост встречали с одобрением. Пили за удачу в делах, за Бернгарда Пфельша, за сохранность мебели Гевандтера, за открытие филиалов генеалогического бюро Рудольфа, за обогащение немецкой науки доктором фон Эшке, за счастье Евы Кламоттен — объявление о ее помолвке было напечатано в газетах, хотя жених, командовавший корпусом генерал, находился на фронте.

На Еве было длинное вечернее платье из тяжелого фиолетового шелка, опушенное шиншилой и придававшее ей особую элегантность. Белизна ее груди оттенялась глубоким вырезом, под которым переливалась большая бриллиантовая брошь. Бриллианты блистали у ней в волосах, на пальцах, в ушах. Все это были крупные чистые камни сильной игры, слепившие при каждом движении Евы, дававшие ей обаяние шика и женственности.

— Дорогая! — склонился к ней, целуя руку, захмелевший Гевандтер. — Я загипнотизирован вашим блеском. Вы сегодня неподражаемы и заставляете меня жалеть, что я не командую корпусом. Счастливый воин на поле брани! Как ужасно чувствовать себя рядом с такой женщиной сугубо штатским. На вас — миллион марок, и вы дадите жениху десять миллионов счастья. Ах, я готов залезть в окопы, господа, но только бы иметь такую же перспективу!

— За вашего жениха, фрейлейн Ева, за воинов на фронте! — галантно предложил Рудольф.

— Вот в какой только связи их вспомнили! — возмутился захмелевший Кригер. — Знаете ли вы, что в момент, когда мы здесь жрем икру и пьем, моих солдат давят, может быть, русские танки, на всем участке стоит адский грохот, из окопов нельзя высунуть голову...

Марта вскочила, подбежала к Кригеру и закрыла ему рот рукой.

— Ни слова больше. Я запрещаю, Бернгард, портить наш вечер вашей войной. Стыдитесь! Вы получили капитана, а болтаете о страхах да русских танках. Говорите о женщинах!

— За милых женщин, прелестных женщин... — запел Гевандтер, а Ева, смеясь, стала уверять его, что надела камни вовсе не для того, чтобы покорять штатские или военные сердца.

— Это теперь просто необходимо носить на себе. Так сохраннее. Если бы мои кольца уцелели в каком-нибудь сейфе, а я оказалась бы убитой, это ведь было бы величайшей несправедливостью, не правда ли?

— Это все, что Евочка имеет, — заговорил ее отец Фриц Кламоттен. — Я же, господа, не предприниматель, а государственный служащий. Мы живем только на доходы, которые я получаю, как рейхсфюрер по утилю.

— Позвольте, — сказал Рудольф. — Я слышал, что утильное дело передано из рук государства концерну, который в ваших опытных руках...

— Это неверно! — почти закричал Кламоттен. — Такие переговоры велись, но я от этого предложения отказался. Помилуйте, какой же мне резон! Одно дело, когда в частные руки переданы нашим правительством акции Дрезденского банка — я не имею в виду, господин Рудольф, вашего дядюшку, а говорю вообще, — и другое дело — мой утиль. В первом случае люди получили акции за половину стоимости номинала, и государство сделало, так сказать, подарок своим заслуженным сынам. А что выиграл бы от перехода утиля в мои руки я? Сейчас его сбор и сортировка не стоят мне ни пфеннига, а будь это частный концерн, ко мне полезли бы заключать тарифные договоры на зарплату и из моего же кармана оплачивалась бы перевозка. «Нет, господа, — сказал я, — такого подарка мне не надобно. Пусть утильные акции спокойно остаются в государственных руках. Я председатель наблюдательных советов обществ «Металлолом», «Береги отход», «Имперская тряпка» и прочих и буду продолжать, как труженик, жить на свое жалованье».

— Это самый умный человек из здесь находящихся, — зашептала Гансу Марта. — Его оклады больше любых дивидендов, и он устроился лучше всех. Собранный утиль он почти даром поставляет от лица государства своему брату Эриху. Ты знаешь ведь бумагу марки «Эрих Кламоттен»? Ну так вот, бумажные фабрики Эриха работают на бесплатном сырье.

— Господа! — заговорила молчавшая до сих пор Катрин. — А ведь мы проводим сегодня пятый военный Сильвестр. Это все-таки ужасно. Я пью за то, — сделала она неожиданный переход, — чтобы в новом году англичане выброшены были из Италии в море.

— Посылка не соответствует выводу, сестра, — улыбнулся Рудольф. — Ты должна была пожелать, чтобы этот военный Сильвестр был последним.

— Гост стратегически неправилен, фрейлейн Катрин! Выбросить этих томми из Апеннин — безделица, — закричал Кригер. — Что у них за спиной? Сицилия, пара паршивых островов да негритянский берег. Будь у нас развязаны руки, мы в два счета устроили бы им тут второй Дюнкерк. Эти господа, как мыши, лезут в наши щели, пользуясь тем, что мы отбиваемся от страшной гидры на Востоке.

— Да, эта гидра многоголова, — сдержанно согласился Рудольф. — Если представить себе все, что мы в этом году потеряли... Курск, Ростов, Смоленск, Киев... Помните, господа, как веселилось сердце, когда эти названия мы произносили впервые. Сколько было с ними связано славы...

— Крови, — вздохнул Кригер.

— Надежд, — продолжил Гевандтер. — Но они не лопнули, господа, — тут же оживился он. — Если теперь в газетах уже давно не встречается слова «Урал», то через год мы услышим о нем снова. И о Кавказе опять услышим. Я буду еще делать мебель из кавказского ореха — знаете, такую полированную с естественным узором. И уральские леса...

— Сорок третий — год недоразумений. Сорок четвертый поставит все на свои места, — спокойно объявил сотрудник Заукеля.

— Вот именно, — вступил Ганс. — Будучи под впечатлением некоторых текущих неприятностей, мы забываем их незначительность для исхода целого. Ведь война, если не считать, конечно, бомбардировок, сегодня, как и раньше, далека от наших домов, она ведется в Евразии.

— Может быть, хоть вы, доктор, — возмутилась наконец Марта, — не станете поддерживать этот несносный для Сильвестра разговор. Пить и танцевать! — воскликнула она, вскочив из-за стола. — В гостиную, идемте в гостиную!

И все послушно вскочили, но не для того, чтобы танцевать, а потому, что в этот момент явственно и, как всегда хватая за сердце, взревела гнусным шакальим ревом сирена.

— Господин Рудольф! — забормотал, стараясь сохранить

спокойствие, Гевандтер.— Мы потому и собрались в Сильвестр именно к вам...

— Что рассчитывали на непробиваемость нашего подвала. Знаю, знаю. Там припасено вино. За мной, господа, только не будем создавать в дверях пробок. Господин капитан, вы имеете случай показать, как строится шеренга.

В том крыле дома, где квартировали Пфельши, помещалось некогда отделение Немецкого банка, имевшее в подвале свои кладовые. Тут были тяжелые железные двери, калориферы отопления, цементированные полы и, как уверяли, бетонированный потолок, сделанный домовладельцем по требованию предусмотрительных банкиров. Банк еще в прошлом году переместился в более надежное место, а подвалом жильцы пользовались как убежищем. Здесь стояли упакованные ящики, диваны, кресла, детские коляски и даже походные кровати, а кое-кто держал в металлических кофрах и запасы продуктов. После того как из подвала исчезли однажды вещи, принадлежавшие жильцам третьего этажа, домовладелец приплачивал привратнику, ставшему хранителем ключей от железных дверей и комендантом подвала. Он же был блюстителем правил противовоздушной обороны.

— Ну и верзила! — удивился Ганс при виде этого человека.

— Это несчастнейший из инвалидов,— заметил Рудольф.— Я вам о нем расскажу.

Одновременно с Пфельшами и их гостями в убежище один за другим спустились жильцы из других квартир. Оно наполнилось моментально, в несколько минут дети уложены были спать, и обнаружилось, что Пфельши оказались не единственными, кто еще с утра принес сюда вино. Возле некоторых диванов стояли накрытые скатертями столики, кое-кто превратил в столы ящики, среди заполнивших подвал людей было немало друзей и родственников, приглашенных на новогоднее празднование. Тусклый свет слабых угольных лампочек падал на это странное прифранченное общество, разбившееся на кучки вокруг своих диванов и ящиков и не знавшее, продолжать ли ему показную веселость или погрузиться в тяжелую хандру.

— Пить, пить! — закричали Марта и Ева Кламоттен, разрешив неясность, воцарившуюся было в подвале, и все, словно обрадовавшись, что вопрос за них решен, стали с неестественной поспешностью наполнять стаканы, бокалы, фужеры и просто кружки и опрокидывать их в себя, произ-

нося пожелания или обходясь без них. Прислуга Пфельшей приготовила много шипучих вин и коньяков, пили быстро и беспорядочно, казалось, Рудольф решил как можно скорее спить своих гостей, а они поняли его желание и последовали ему, чтобы не слышать грохота, не чувствовать замираний сердца, не вспоминать, что это пятый военный Сильвестр и фронт на востоке трещит.

Марта потащила Ганса танцевать, они лавировали среди ящиков, мебели и чемоданов, Гевандтер подхватил Еву Кламоттен, прижимал ее в танце и шептал, чтоб она не вяла в ожидании генерала, ибо жизнь дается только раз. Отец Евы, тяжело дыша и не обращая внимания на темп фокстрота, вальсировал с беспричинно улыбавшейся Катрин, уверяя ее, что он еще запасется в Италии отходами и, когда кончится война, поедет отдыхать на Средиземное море.

Привратник, стоя у дверей, каменно смотрел на опьяневший подвал, время от времени подходил к столу Пфельшей, останавливался возле Рудольфа, наливавшего ему чашку коньяка, и так же молча возвращался на свою наблюдательную позицию у двери.

Гансу понадобилось выйти в уборную, помещавшуюся при входе в убежище, с наружной стороны двери.

— Нельзя,— мрачно сказал верзила.

— Вы шутите,— оторопел Ганс.

— Нельзя. Ничего нельзя.

Ганс растерянно обратился за помощью к Рудольфу. Тот рассмеялся.

— Вы, доктор, в западне. Переждите, пока комендант подойдет ко мне за коньяком, и улизните.

Рудольф потягивал коньяк, вяло закусывая сыром. Он не был пьян, только, похоже, скучал. Против него на ящике, машинально, как мальчик, болтал ногами капитан Кригер. Он помутневшими глазами смотрел на свой стакан.

— Что вы киснете, полководец? — спросил его Рудольф.

— Так... Я думаю, не последний ли это мой Сильвестр. Через пять дней опять туда, на Восток... Впрочем, я вполне бодр.

Кригер залпом опустошил стакан.

Увидев, что Марта присела в другом конце подвала к столу соседей по дому, Ганс попросил Рудольфа рассказать о верзиле.

— Это трагическая история. Тема не для Сильвестра,— ответил Рудольф.— Тем более что этого человека неделю назад вытащили из петли.

Нелюбопытный обычно Ганс был на этот раз заинтригован.

— Этот парень, будучи в России, затащил к себе однажды местную деревенскую девчонку. Сначала она кусалась, потом, как показалось ему, успокоилась, и он оставил ее у себя на ночь. Когда он уснул, она отыскала на его столе бритву «два близнеца» — золингеновская продукция, как вы знаете, на высоте — и единым махом отхватила ему делатель житейских удовольствий. Как не истек он кровью и остался жив, — одному богу известно. Девицу, разумеется, расстреляли... Вот вам история нашего верзилы и кой-какие данные для характеристики этого народа на Востоке.

— Да... — пробормотал Ганс. — Вот откуда, значит, эта неподвижность в глазах.

— Ну она-то была, вероятно, и раньше. Учтите, что в СС он взят был именно потому, что высокий рост сочетался у него с низким лбом. Я знал его немного и прежде. Он всегда был угрюм, исполнительен и категоричен. Лишившись теперь основного жизненного удовольствия, он стал еще более неразговорчив, смотрит в петлю, апатичен и исполняет указания по противовоздушной обороне с точностью робота. Слов в его обороте мало, но он опустил как-то на голову одного нарушителя кулак, и человека отвезли с сотрясением мозга. Мне кажется, что смерть от его кулака так же легка, как под бомбой. Причем в удар он, надо полагать, не вкладывает ни злобы, ни удовольствия.

— Вы меня просто страшите, Рудольф.

— Ха-ха-ха! Вы, доктор, великий филолог, но в психологии сведущи мало. Посмотрите на лоб нашего коменданта. В нем не больше сантиметров, чем осталось у несчастного в том, что греки называли корнем жизни. Такого человека легко держать ручным, как ягненка. Когда я даю ему коньяк, то улавливаю в его лице оттенок удовлетворенности. В состоянии вы отличать довольную и недовольную лошадь, если она не выражает своих чувств ржанием? Нет? Странно. Если б я родился в деревне, то, вероятно, понимал бы лица лошадей. Лицо начальника нашего убежища я, во всяком случае, понимаю. И уверен, что в нем можно воспитать ассоциативные связи даже более высокого порядка, чем у животных. Вот он уже знает, например, что, когда я в убежище, то можно получать коньяк. И он ценит доброту. Если бы кто-нибудь меня сейчас ударил, он разможил бы голову моего обидчика.

— Вы характеризуете его, как бульдога, заступающегося за хозяина.

— Как бульдога? Нет, нет, вы ошибаетесь, доктор. Я уверен, он выше бульдога. У меня нет сейчас под рукой осязаемых доказательств, но я уверен, твердо уверен.

— Вы говорите странно. Само собой понятно, что выше. Он же все-таки человек.

— Вот именно. Я такого же мнения. Он, бесспорно, все-таки человек. Это даже видно.

Глаза Рудольфа смеялись. Он втянул в себя коньяк, пополоскал его во рту, втянул еще раз.

— Между людьми и животными трудноразличимая грань, — сказал он. — Наиболее убедительный признак — это, по-моему, брюки, воротничок и запонки. Кроме того, звери не додумались еще до таблиц предков. Они, таким образом, кое в чем отстали от нас. Но вот речь у них есть. Не такой большой словарь, которым орудуете вы, филологи, но свой, достаточный для их быта и времяпрепровождения. Мной это установлено еще в детстве. Я часами вслушивался в лай своей собаки и убедился, что он весьма различен по разным поводам. В нем много звуков, много оттенков. Наше нелюбопытное ухо не различает их. В ранней молодости я хотел даже посвятить себя физиологии и языку животных, раскрыть миру глаза на их речь, составить, как это сделали вы, словарь...

Ганс вскинул на Рудольфа глаза. Он не понимал, говорит ли Пфельш серьезно или вздумал почему-то оскорбить его.

— Говорю вам это без тени юмора, доктор, — понял его мысли Рудольф. — Я завертелся в среде, где делают деньги, и это занятие меня увлекло. Но и сейчас я совершенно уверен, что у животных есть свой, не понимаемый людьми язык. Одна англичанка описывала испанских крестьян, которые сочли ее немой, так как она не владела их языком. Что на свете есть другие языки, кроме их родного, беднякам не приходило в голову. Так же наивны и мы, полагая, что человеческий — единственный язык на свете. Отдаю вам безвозмездно мою идею, можете перейти от немецкого к нечеловечьим, и не исключено, что тогда вы действительно поразите мир. Только, доктор, это требует гигантского упорства, работ в физиологических лабораториях, фонографирования...

— Не думаю, что займусь этим, Рудольф.

— Жаль. — Пфельш снова пополоскал во рту коньяк. — Вернемся тогда, доктор, к нашему коменданту. Мы установили его превосходство над бульдогом. Это подтверждает, между прочим, его поведение в России. Он методически сжи-

гал в деревнях избы с людьми, которые отказывались ехать к нам на работы, и в ответ на их вопли удивлялся: «Чудакки; нельзя же выходить из изб; ничего нельзя». Что и доказывать — бульдог на такое спокойствие не способен, он зол только когда обозлен, творить же зло в полном беззлобии может только человек.

— Вы склонны сегодня к философствованию.

— Почему не позволить это себе под Новый год в подвальной обстановке?! — Рудольф продолжал потягивать коньяк. — Ведь умножать клиентуру или ласкать женщину я здесь не могу. Что же еще делать? Напрягать уши, чтобы гадать, какие именно дома разлетаются сейчас на части? Или заниматься по примеру старика Гевандтера самообманом?

— Простите, Рудольф, это ваши старые семейные связи?...

— Почти так. Кламоттен — родственник покойной матери, а мебельщик связан с отцом по части вывоза обстановки из замков. У моего отца, надо вам сказать, разнообразие связей и дел. Но сын пошел дальше. Это ведь не фокус — делать деньги на вещах, которые, как выражаются экономисты, имеют потребительскую стоимость. Сын моего отца делает их на ценностях, так сказать, идеальных.

Ганс внимательно посмотрел на Пфельша. Нет, Рудольф был, вероятно, не совсем трезв.

— Я, пожалуй, сосну, — подошел Гевандтер и, не дожидаясь ответа, откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

Ева танцевала в другом конце подвала с сотрудником Заукеля. Какой-то подросток сопровождал им на губной гармонике.

Послышался сильный грохот.

— Это бомба или зенитка, полководец? — не меняясь в лице, спросил Кригера Рудольф.

— Не знаю. Мой слухач убит. Он определял все звуки. Когда мы выступали, он был левофланговым. Маленький такой.

— Прилягте, капитан, — посоветовал Пфельш, но Кригер его не расслышал.

— Теперь никто не может сказать в точности, какое орудие бьет. — Кригер сокрушенно покачал головой. — Только гадают. И командование тоже... Притупился слух. Это оттого, что никто не высыпается. Где спать, когда с Киевом потеряны зимние квартиры. А маршевые батальоны идут в бой прямо с ходу, тоже все сонные. И что это за люди? Дерьмо!

Ганс положил руку на плечо Кригера.

— Вас могут услышать, капитан.

— Не перебивайте его, — сказал Рудольф. — За критицизм ему может угрожать только отправка на фронт. А этот приговор ему уже вынесен.

— Вот и я говорю, — подхватил Кригер. — При чем тут приговоры! Расстреляйте хоть тысячу чехов и поляков, они все равно будут перебегать. Дерьмо. Кругом дерьмо. Настоящие люди уже перебиты. Остались эти ваши, как их зовут... столяры. И портной. Дурак портной.

— Неясно, полководец, — сказал Рудольф. — Какой портной?

— Из пополнения. Ведь в роте у меня оставалось только двадцать человек. Я говорю портному: «У тебя должен быть меткий глаз для винтовки, ты же привык вдевать нитку в иглу». А он отвечает: «Я ее не боялся, господин капитан, она не стреляла, иголка».

Рудольф захохотал.

Комендант убежища подошел на звук его голоса, молча, не поднимая глаз, устался на коньяк, выпил протянутую ему чашку.

— Возьмите сыр, — предложил ему Рудольф.

На лице верзилы появилось что-то вроде улыбки.

— Сыр бывает, — ответил он, но руки к тарелке не протянул. Затем тем же тяжелым шагом пошел на свое место.

— Дегенерат, — вырвалось у Ганса.

— Ничего подобного, доктор. Просто человек с фундаментальностью в походке. Принадлежит к лучшему защитному отряду империи. У него нет слабых нервов, как у капитана. Идеальный тип охранителя страны. Жаль, что он не сможет теперь воспроизвести свой род.

— Сейчас передавали, — подбежала оживленная Марта, — наши войска оторвались от какого-то Житомира. Полейте мне, доктор, на руки что-нибудь шипучее.

Она стала умываться шампанским.

— Ох, как приятно щиплет.

— Оторвались? — дошло до Кригера. — Как же это им удалось? Обычно отрывается, а там уже сзади, в тылу, русские танки, дороги перерезаны, неразбери-поймешь. Эх! — Кригер замолчал и опустошил свой стакан. Лицо его искривилось.

— Это наконец становится невозможным, слушать то, что говорит капитан, — нервно бросил Ганс.

— Напротив, я нахожу его очень любопытным, доктор, —

с ленивой усмешкой ответил Рудольф. — Живая корреспонденция с фронта. В «Ангриффе» такого не прочитаешь. Полководец не способен только, к сожалению, говорить пленораздельно. Расскажите нам, капитан, — обратился он к Кригеру, наполняя его стакан, — как происходят бои, как врываються на наши позиции большевистские орды, как отражают доблестные наши воины натиск противника.

Ганс решительно встал.

— Господин Рудольф...

— Вам не нравится тематика? Ну хорошо. — Рудольф примирительно рассмеялся. — Мы ее сейчас переменяем. — Он подошел к Кригеру и встряхнул его за плечи. Капитан поднял голову. Молодое лицо его было худым и утомленным, на лбу залегли морщины, рот кривился.

— Сильвестр в подвале — все равно что качка на корабле. Тошнит, а деться некуда, — заметил Рудольф. — Капитан, — мягко обратился он к Кригеру, — Бернгард, будете вы к будущему Сильвестру майором?

Кригер не слышал.

— Разве вы не германский офицер? — продолжал Рудольф. — Не может быть, чтобы вы потеряли вкус к тому, что всего прельстительней на свете. Витые погоны, упоминание в сводке, Рыцарский крест...

Кригер улыбнулся. Его сознание прояснилось.

— Я жду наступления, — сказал он. — Не может быть, чтобы все это свинство продолжалось бесконечно. Фюрер что-то знает. Германия не может проиграть войну. Готовится секретное оружие, и я жду, я уверен, что именно в день рождения фюрера...

— Господа, господа! — закричала волочившая за собой совсем выдохшегося Кламоттена Катрин. — Это будет необыкновенная картина. Я выставлю ее, честное слово, выставлю. Мы едем на Средиземное море. Я буду рисовать господина Кламоттена на берегу. У него вываливается за резинку трусиков животик, он его поглаживает, кругом тряпки, старые подсвечники, дверные ручки, битая посуда, а на море зыбь, легкая-легкая зыбь. Нигде никогда не видели ничего подобного. Я выставлю, поздравляйте же меня, господа, я выставлю.

Раздался сигнал отбоя. Подвал пришел в движение.

— А? Что? — встрепенулся Гевандтер и, успокоенный, вновь опустился на диван. — Я останусь тут до утра, — объявил он, закрыв глаза и вытянув ноги.

— Мы тоже, — сказал сотрудник Заукеля, подойдя с Евой

Кламоттен.— Нет смысла двигаться. Вторая тревога может застать на улице.

— Оставайся и ты,— шепнула Гансу Марта.— Я все незаметно устрою. Я зла, как дьявол, потому что вы все испортили мне Сильвестр, и если ты не сумеешь заглушить во мне беса...

— Интересно, что произошло за эту ночь наверху,— сказал Рудольф, направляясь к дверям.— Вы не знаете новостей? — спросил он у выхода верзилу.

— Нельзя,— мрачно ответил комендант.— Ничего нельзя.

* * *

Дела детективного бюро госпожи Штинк, можно сказать, ничего не стоили до появления у дамы компаньона. Вдова была от него в восхищении. Что значит наличие в предприятии настоящего мужчины! Трехлетнее отсутствие пребывавшего в армии господина Штинка почти не отразилось на клиентуре и обороте, жена нехудо вела дело и без него, но только с приходом господина Эшке она поняла, какой слабой фантазией обладал ее покойный супруг и сколь малому он ее научил.

Фирма существовала с 1905 года, основана была еще отцом Курта Штинка, и четыре десятилетия занималась только собиранием разных справок. К ней обращались женихи, разузнававшие о приданом невест, невесты, интересовавшиеся состоятельностью молодых людей, жены, которые только через сыщиков могли узнавать об образе жизни мужей, коммерсанты, искавшие данные о солидности фирм, с которыми они собирались заключать сделки, рантье, желавшие получить совет, какие именно приобретать ценные бумаги, и люди, дававшие доверительные поручения сходного рода. Это была жалкая, как видела теперь фрау Штинк, деятельность, которой занимались несколько десятков ее агентов, собиравших сведения через прислугу, секретарш и прочий мелкий и невзрачный люд.

Правда, давно уже прошли те времена, когда фамилия Штинк была мало известна в районе Берлин-Митте и основателю фирмы приходилось рассаживать в приемной собственных агентов, дабы впечатлять одиночных клиентов популярностью бюро. Эти времена ушли вместе с молодостью госпожи Штинк, в приемной уже много-много лет было полно народу, сотня конкурировавших берлинских фирм должна была даже смириться с тем, что именно контора Штинка считалась специалистом в такой, например, области,

как установление девственности невест. В 1937 году фирма отпраздновала юбилей, выполнив тридцатитысячное деликатное поручение, но какие это все были мелкие, однообразные и малоходные дела!

Фирма строила свой расчет на массовости клиентуры, покоряла сердца общедоступностью цен, брала всего десять марок за справку о том, не пьяница ли человек, и только сто марок за обоснованные данные о предполагаемых дивидендах акционерных обществ. Основатель фирмы был старомодным человеком, а супруг госпожи Штинк наивно полагал, что если кто-то сделал миллионы на миллионах пар дешевых ботинок, а другой — на полуфунтовых порциях сосисок, то дешевизна обслуживания приведет к богатству и при занятии сыскным делом. В действительности же Штинки имели всего-то двадцать тысяч годового дохода, а хлопот по бесчисленным никчемным делам бывал полон рот. Он, может быть, и не умер бы в полевом госпитале от своих ран, господин Штинк, будь у него более крепкий организм, не подточенный постоянными заботами о выявлении прелюбодеяний в районе Берлин-Митте.

А сколько нервов приходилось тратить, воюя с собственными агентами, всегда недовольными оплатой и грозившими перемертнуть к конкурентам! Эти господа просто шантажировали своих хозяев, а сейчас, во время войны, некоторые уличные наблюдатели госпожи Штинк обнаглели до того, что претендовали на оплату по цене «черного рынка» изнашиваемых во время слезки сапог, а один потребовал даже увеличения тарифа, хотя знает, что повышение заработной платы в стране запрещено. И какие это были малоопытные люди!

Раньше у Штинков работал, например, замечательный специалист по обработке горничных, красивый усатый фронт с такими пронизывающими глазами, что девушки сейчас же выбалтывали все интересовавшие его сведения об их господах. Но красавец взят в 1941-м в СС, ведает сейчас одним из лагерей иностранных рабочих, и на его месте сменилось уже несколько неудачливых молодых людей. Лишилось бюро и специалиста по анонимным письмам, соединявшего способности графолога с нюхом овчарки и выполнявшего сложнейшие поручения в самый короткий срок. Призван был в армию и профессиональный свидетель по бракоразводным процессам, даровитый человек, которым всегда восхищались адвокаты истцов. Он имел такой внушительный вид и с таким достоинством свидетельствовал суду факты неверности жен, что вся хитрость ответчиц блек-

ла перед известными ему сокрушительными подробностями.

Именно такие люди обеспечили бюро многочисленные благодарности клиентов, которые в золотых багетах висели под стеклом в приемном зале и кабинете госпожи Штинк.

«ДОБРЫЙ ГЕНИЙ привел меня в это место, где мне помогли изобличить перед обществом коварную низость конкурента... Владелец гаража Иохим Ашенгабер».

«СЕРДЦЕ — МОТОР ОРГАНИЗМА. Если б не контора Штинк, я бы доселе чувствовал в его работе перебои. Монтер мотоциклетов Альберт Гук».

«ОТ НЕДОСТОЙНОЙ, с которой я собирался связать свою судьбу, предохранило меня бюро, к которому я буду впредь обращаться во всех случаях, когда жизнь поставит меня перед необходимостью решений. Учитель математики Иоганн Дюстертаг».

«ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ лишала меня аппетита и сна, преждевременно пожирая мою молодость. Бюро убедило меня в обоснованности сомнений, вернуло мне жизнерадостность и шесть килограммов веса. Специалист по цветоводству Елизабета Кретч».

«ВОР похищал усовершенствования моей фирмы еще до того, как я выбирал на них патенты. Рука злодея схвачена конторой Штинк. Фабрикант подтяжек Макс Унбештехер».

«НЕУТОМИМЫЕ АГЕНТЫ избавили меня от самообмана, и, хотя их правда оказалась горька, она позволила мне не переоценивать тембра теноров и искать утешения в профессии. Владелица шляпной мастерской Аннемари Деммеру».

Львиной доле этих отзывов фирма обязана была доверенным агентам, на смену которым пришли теперь мелкотравчатые люди, больше заботившиеся о сохранении подметок, чем о чести фирмы и доведении дел до победного конца. Качество агентов за войну сильно пострадало, эрзацы и эрзацы, как вообще теперь во всем. Правда, клиентура выросла, но на то ведь и война, чтобы у немецких людей дела шли в гору.

День фрау Штинк был полностью загружен. Хотя официально прием клиентов продолжался до обеда, но являлись они в любое время, и нельзя быть в претензии к людям, которые не могли пересилить волнений, обуревавших их в тот именно час, когда фрау Штинк намеревалась после обеда вздремнуть. Непрерывно являлись с сообщениями агенты. Вечера владелица бюро должна была проводить за разбором бумаг, проверяя счета и раскладывая по папкам донесения агентов.

Фрау Штинк могла бы помогать в этой работе скучавшая девятнадцатилетняя дочь, но нельзя же раскрывать перед молодой девушкой людские пороки, страсти, тайники коммерций, душ, дел и тел.

Сын Штинков еще зимой сорок первого, когда обнаружилось, что эта Россия такая морозная и неприятная страна, отправлен был в тихий городок на границе Швейцарии, где он проходил военное обучение, но получал воспаление почек или среднего уха каждый раз, когда из городка отправлялся на фронт очередной маршевый батальон. Это стоило фрау Штинк много денег, очень много, но ведь родное дитя дороже.

Госпожа Штинк держала доверенного секретаря, пожилого человека, владевшего некогда брачной конторой, но лишенного по суду права на это занятие, который получал пятнадцать процентов с оборота фирмы, но, честное слово, не стоил и пяти. Ему решительно нельзя было доверить прием клиентов, так как он подмигивал им при разговоре о деликатных делах, норовил притронуться к дамской коленке, взвизгивал, не проявлял никакой внушительности и только ронял достоинство фирмы. Он руководил по этим причинам лишь деятельностью агентов, но не мог, конечно, давать им пронизательные указания, так как не имел ни божьего дара, ни прозорливости, которой требовал сыск. И как только удавалось этому человеку двадцать лет спаривать людей!

— Рутина! — сказал компаньон, когда посмотрел на красный нос, на бегающие глазки доверенного секретаря и полистал досье, переполненные донесениями агентов. — Все это рутина.

Госпожа Штинк сначала было испугалась.

— Мы обслуживаем, господин Эшке, клиентов уже более сорока лет...

— Ах, время ни о чем не свидетельствует. Науки тоже существовали веками и занимались не тем, чем надо, пока их не озарил своим светом национал-социализм.

Ганс внимательно осмотрел рамы с отзывами клиентов.

— И это вы называете чинить сердца? Это делается у вас даже хуже, чем в ремонтных мастерских или врачевальных заведениях. — Компаньон саркастически улыбнулся своему сравнению. — Я еще в первом разговоре обратил ваше внимание на то, что мы не должны губить сердца. Будем, многоуважаемая, заниматься кардиологией.

Компаньон раскрыл фрау Штинк глаза. За пять месяцев доходы бюро выросли во много раз, а издержки производства

стали до невероятия малы, и госпожа Штинк благословляет тот час, когда провидение скрестило пути ее фирмы с путями гения.

Так же быстро, как сориентировался в свое время в филологии, Ганс понял и направление, какое надо было дать детективному делу. Вести его так, как вели сорок лет Штинки, все равно что выращивать яблоки в саду у матери, — доход целиком зависит от урожая, требует вложения больших сил и труда.

А он, Ганс, уже посмотрелся на другой мир и знал, как делаются дела. От пфеннигов, за которые продавались газеты, Амман получал лишь малую часть своих миллионов. Тесть Дитриха разбогател не от подписчиков, а от горнопромышленников, которые платили ему за то, что он писал в своей газете. Львиную долю барыша приносили Рудольфу Пфельшу не люди с горбинками на носах, а те, кого он сам привлекал в свою контору. Ашингер? Да, этот «сделал себя», как принято говорить, на том миллионе ртов, которые ежедневно поедали миллион хлебцев с сосисками, по пятнадцати пфеннигов за штуку. Но ведь надо отличать вид благ, которыми оперируешь. Хеффнер богат, потому что завалил Берлин массовой мебелью, но Гевандтер, вероятно, несколько не беднее, поставляя балдахины, под которыми нет надобности спать. Одни методы и приемы нужны при деланье денег на предметах общего потребления и совсем другие — при поставке индивидуализированным покупателям ценностей, как выразился Рудольф, чисто идеологических.

Доверенный секретарь был выброшен из бюро, получив пятьсот марок выходного пособия. Из шестидесяти пяти агентов Ганс оставил двадцать — тех, кто обладал собственными ресурсами в тысячу-другую марок и не был поглощен проблемой подметок. «Их квалификация мне безразлична, — сказал Ганс вдове, — нам не требуются Шерлоки Холмсы». Двадцать были собраны на совещание.

— Вы снимаетесь с почасовой оплаты, — объявил им Ганс. — Вы не пекари, господа, а творческие деятели. Никакие расходы не будут вам оплачиваться. Вы действуете на свой страх и риск. Вы будете стоять на посту в погоду и непогоду, в дождь и снег, час или двадцать четыре — сколько понадобится. Вы будете преследовать людей пешком, на велосипеде, в автомобиле, поездом — как потребуется, и нести издержки самостоятельно. Зато вы станете получать двадцать пять процентов с каждого дела. Из париев общества, которых бьют в переулках, я превращаю вас в пред-

принимателей, в боковых участников фирмы, и подниму ваш доход со ста марок в месяц до тысячи или больше.— Ганс сделал внушительную паузу и продолжал: — Это произойдет, господа, потому что отныне бюро будет оказывать помощь обеим сторонам в игре. Делать то, что вы делали до сих пор,— антисоциально. Вы доводили дело до бракоразводных процессов, расстраивали помолвки, чернили людей, вносили смятение в умы, вместо того чтобы вносить под семейные кровли мир и покой... Все это нужно изменить. Мы будем отныне не разбивать, а укреплять немецкую семью. Мы не станем ссорить между собой соплеменников, занимающихся производством или торговлей. Преступно делать это в период, когда народ должен быть сплоченным перед лицом общего врага, орды которого наступают на восток. Охлаждать страсти, а не возбуждать их, успокаивать людей, а не волновать их — вот, господа, задача нашего бюро, если оно хочет работать на пользу германству, а не во вред ему.

Не только вдова Штинк и сыщики, но и клиенты расцвели с тех пор, как принципы их обслуживания были изменены. Первые расцвели материально, вторые — душевно.

Госпожа Штинк не считала уже теперь законченным досье, когда получала такое, например, донесение: «...Потом он пошел с нею на шестичасовой сеанс в кино «Капитолий». Заняв место непосредственно за ними, я наблюдал их все время, пока шел фильм. Они перебрасывались изредка фразами, которые не удавалось расслышать. Один раз она так наклонилась к нему, что почти положила голову на его плечо. По окончании сеанса они отправились в кафе «Золотая удочка». Я расположился за соседним столиком. Удалось установить, что наблюдаемые говорят друг другу «ты». До меня долетело: «Сходи туда» и «Не сердись на меня». После получасового пребывания в кафе он проводил ее домой. Поцелуев при прощании не было, но я расслышал: «Значит, в девять?», что свидетельствует о назначении новой встречи».

Прежде фрау Штинк, получив такое донесение, сообщила бы клиенту, поручившему бюро наблюдать за его невестой, что она встречается с другим лицом. Теперь же, когда вдова знала, что германство заинтересовано в наибольшем количестве браков, она изменяла сидячему образу жизни и неожиданно выростала перед девушкой на улице.

Измученной невесте преподносилось донесение агента.

— Боже мой! Боже мой! — бледнела та. — Теперь для меня все потеряно.

— Не скорбите, — успокаивала фрау Штинк. — Вы еще очень молоды, и у вас будет другой жених.

— Нет, нет, все знакомые узнают, почему Макс от меня отказался, я прослышу девушкой легкого поведения...

— И еще могут быть неприятности с отцом, — осторожно напоминала фрау Штинк.

— Да, да, — с еще большим ужасом бормотала девушка. — Отец прибьет меня или выгонит из дома. Боже мой! Боже мой! И все это случилось со мной, которая еще не знала ни одного мужчину... — Девушка начинала плакать с отчаянием, на которое способны девушки. — Я действительно бывала с братом моей подруги в кино и танцзалах, — всхлипывала она. — Я просто веселилась, но... я же люблю Макса, я же не хочу и не могу без него. За что исковеркали эти сыщики мою жизнь? За что!

И тут фрау Штинк сообщала безутешному созданию, что не следует впадать в отчаяние. Дело еще можно поправить. Сыщик наверняка любит деньги, и за определенную сумму она сумеет убедить его написать другое донесение. И вдова называла цифру, назначенную Гансом в соответствии со сведениями об имущественном положении невесты.

Иногда по одному делу платило еще и третье лицо. Это бывало в случаях, когда любовник разоблаченной в неверности жены сам был женатым человеком и имел основания желать, чтобы расположение духа его супруги ни в коем случае не изменялось. Ганс привлек в сотрудники и толкового служащего в Дрезденском банке, который давал сведения о скрытых текущих счетах, после чего фрау Штинк посещала недобросовестных плательщиков по обязательствам и увозила от них иногда тысячу марок, а подчас и две. А когда один инженер поручил бюро разузнать, куда спрятала компания заводов «Ортопед» чертеж искусственной ноги, которая обходилась вдвое дешевле, то фрау Штинк записала дату небывалого в сорокалетней истории фирмы и в ее личной жизни дня, принесшего единовременное поступление в двадцать пять тысяч марок.

— Эти отвратительные капиталисты, — сказал ей о наводчиках Ганс, назначая сумму кары, — пользуются тем, что искусственные ноги теперь нарасхват, и не хотят выпускать более дешевые серии. Типичный случай наживы на войне.

Вдова буквально трепетала перед своим ученым и прозорливым компаньоном. Когда дочь спрашивала, почему так изменилась к лучшему их жизнь, фрау Штинк сначала уклончиво отвечала, что господин Эшке внес новые принци-

пы в работу, а затем, не в силах скрыть своего преклонения, говорила:

— Ах, доченька, это великий человек. Он мог бы быть министром, наш компаньон.

Разумеется, все делалось абсолютно без шума. И те, которые платили, были довольны. Их избавляли от неприятностей — смешно претендовать, чтобы это делалось даром. Если кто-то знает их тайну, пусть знает и то, что ее сохранение выгодно. С фрау Штинк, ездившей по делам в глубокой вуали и черных замшевых перчатках, прощались почтительно и даже заискивающе. Распри в Берлин-Митте заметно уменьшились, и Лиферциффер, пользуясь неопровержимой статистикой района, смог доказать общественности, что в национал-социалистском государстве неуклонно снижается количество разводов, заметно укрепляется семья и оздоравливается мораль.

Ганс в бюро почти никогда не бывал. Его имя оставалось по-прежнему лишь именем ученого, а не предпринимателя. Фрау Штинк в своей дешевенькой, но верной «Олимпии» приезжала на виллу компаньона дважды в неделю и получала руководящие указания. Вдова боялась только одного: как бы доктор не вздумал изменить долю участия компаньонов в прибылях. А Ганс тщательно проверял поступления, опасаясь, как бы вдова его не обделила. Это опасение было беспочвенным. Сердце богобоязненной вдовы так благодарно было компаньону, что обратиться к нему науку против него самого ей не приходило в голову.

На шестом месяце вхождения в дело текущий счет Ганса в Дрезденском банке возрос на сто одиннадцать тысяч марок. Впервые за время знакомства Ганс сделал Марте подарок, преподнес ей бриллиантовое кольцо. Три карата голубой воды, даже через линзу в камне нельзя было обнаружить ни малейшего пятнышка. Настоящий солитер!

— Ну как, ты по-прежнему считаешь, что я не преодолел в себе крестьянскую скупость? — торжествуя, спросил Ганс, надевая кольцо на палец невесты.

Марта вместо ответа потянулась к нему губами.

Деловые визиты фрау Штинк и любовные посещения Марты вносили радость в душу Ганса. И все же зима нового года жестоко обманула его ожидания. Фронт все откатывался и откатывался из сердца России к его границам, оправдывая сомнения малOVERов, которых раньше Ганс совершенно искренне не разделял. Еще недавно его вообще не заботил ход войны, и он только изредка поддавался тревоге, всерьез

угнетавшей других. Теперь же в душе его, не поддаваясь устранению бромом, змеились тайные червоточины. Вести из России становились нарастающе ужасными, временами Гансу казалось, что война подкатывается к нему самому.

Тяжелое настроение началось у него уже в первые новогодние дни. «Ланкастеры», «галифаксы» и «москито» совершали тогда на Берлин налет за налетом, неделями приходилось проводить ночи в убежище. Правда, район, где была его вилла, от налетов почти не пострадал, а в Пайкове, куда он отвез к тетке еще несколько чемоданов, было по-прежнему тихо. Но на центральных улицах города к концу первой январской недели появились кварталы новых руин, кстати, одна бомба разорвалась в непосредственной близости от детективного бюро Штинк и в комнате дочки владелицы выскочила целиком оконная рама. Рабочие и солдаты непрерывно заняты были расчисткой улиц, но эти копошившиеся люди казались пигмеями на фоне гор битого кирпича.

К угнетавшей картине разрушения прибавился мрачный тон сводок верховного командования. С радиоречью выступил генерал Дитмар, который на этот раз не придавал своим слушателям жизнерадостности ни на грош. Ганс видел несколько раз этого человека, имевшего свои кабинеты и в его министерстве, и в штабе у генерала Йодля, и в ведомстве генерала Веделя. Он согласовывал обычно со всеми этими учреждениями свои комментарии, и рейхсминистр считал их очень удачными, так как из них ничего нельзя было понять. Перегруженные военными терминами, они отличались крайней тяжеловесностью фраз, казались учеными и не оставляли поводов для плохих заключений. В военных учреждениях полагали, что витиеватая конструкция фраз объясняется их пропагандистской направленностью, в министерстве же генерал слыл военным специалистом, и здесь думали, что недоступная слушателям ученость придает его словам весомость и авторитет.

Но в выступлении, которое обеспокоило Ганса, проскользнули и совершенно понятные места. Генерал назвал войну драмой и сказал, что отступление от Дона к Днепру произошло вовсе не по воле германской стороны, шаг за шагом уступающей территории, с кровью завоеванные в течение прошлых лет. Русские безостановочно продвигались по Украине, а в двадцатых числах прорвали петербургский фронт.

Даже садовник Ганса, никогда не решавшийся заговаривать с ним о том, что выходило за круг непосредственных обязанностей слуги, растерянно спросил, когда Ганс вы-

шел утром перед кофе на утреннюю гимнастику в сад:

— Как же так, господин доктор, ведь еще на днях объявляли, что идет сжимание фронта на юге, но зато наши позиции на севере неприступны. А теперь такой прорыв...

— Ну, доктор, не помогло вам, филологам, переименование Новгорода в Нейгарт, — грустно заметил при встрече Рудольф Пфельш. — Весь северный фронт, кажется, рухнул. А ведь сколько времени мы держали Ленинград в тисках! Знакомый полковник рассказывал мне, что с наших позиций виден был даже купол собора.

На всех лицах Ганс читал в эти дни удручение. Когда сводка сообщила о разгроме при этой операции десяти русских танковых дивизий, Ганс слышал, как горничная саркастически сказала по этому поводу приходившему к ней жениху:

— Напобеждаемся, кажется, до смерти.

В министерстве Ганс ознакомился с хранившимися под большим секретом русскими военными сводками. Они утверждали, будто разбиты восемнадцать немецких армий и убито девяносто тысяч солдат. Ганс знал цену официальной пропаганде и не поверил цифрам врага, как не верил собственным.

— Будем мы опровергать это сообщение? — спросил он Хельзеера.

Тот не ответил, и Гансу стало совсем не по себе.

Марта, побывавшая в эти дни у племянницы Редера, сообщила, что дядя подруги считает происшедшее виной командования. «Это войдет позором в историю нашей авиации, — сказал он, — что она так и не смогла разрушить Ленинград с воздуха».

Командующий флотом обвинял командующего авиацией. Рейхсмаршал авиации считал виновным командующего северным фронтом, и Хельзеер сказал Гансу, что предвидит его снятие. Ганс с тоской подумал, что все это свидетельствует о растерянности в самих военных верхах.

Январь был удручающим месяцем, но после него события и вести со всех сторон стали еще безрадостнее. Русские окружили в каком-то трудно выговариваемом месте на Украине большую группу немецких войск. Марта узнала об этом еще до того, как Ганс прочитал в министерстве сообщение русского командования, где его уязвили слова «ультиматум» и «капитуляция». Она получила посланное самолетом из котла письмо от Кригера, в котором он прощался с нею, признавался в тайной любви, сообщал, что живым не дастся, и

просил вспоминать его, в последний раз нарушающего ее приказание не говорить о смерти и войне. В письмо вложена была маленькая фотографическая карточка, на которой волосы капитана стояли торчком, отчего лицо его выглядело совсем мальчишеским.

— Все-таки приятно, что он меня любил, — удовлетворенно сказала Марта, забывшая письмо и карточку у Ганса на столе.

Письмо Кригера из котла было, вероятно, не единственным, так как по городу поползли тревожные разговоры, и, хотя сводки ничего не упоминали о сколько-нибудь затруднительном положении какой-либо группы немецких войск, берлинцы глухо зашептали о котле, в котором варились, по слухам, две эсэсовские дивизии. Ганс узнал действительные размеры несчастья, когда рейхсминистр дал Хельзееру приказание писать срочные листовки для заброски самолетом в обреченные войска.

— Вещайте им, — сказал министр. — Один мудрый историк учил, что нельзя ни на минуту допускать, чтобы солдаты осознали безнадежность своего положения. Надо пускать вечером слух, что идет подмога с севера, наутро — о подмоге с юга, через день — про мор в стане врага, еще через некоторое время — о хранимом будто бы тайном вооружении. Гибнущий гарнизон должны окрылять постоянные надежды. Это искусство не меньшее, чем отражение натиска неприятеля.

Хельзеер напрягал весь свой провидческий дар. Вскоре Ганс читал запись английской радиостанции, говорившей о втором Сталинграде.

Успехи русских вызвали брожение умов за границей. Самое интересное — всегда то, о чем не говорят, и потому глухое сообщение о разрыве Аргентиной отношений с империей фюрера, напечатанное на внутренних полосах газет петитом, было всеми замечено.

— Но ведь эта страна, кажется, где-то очень далеко, — успокоенно сказала Марта.

— Мы все равно с начала войны не получаем отсюда пшеницы, — заметил Лиферциффер.

— Обнаглевшие, лягающиеся мулаты, — объявил через неделю комментатор газеты «Ангриф».

— И все-таки они только барышники, а вовсе не враги фюрера, и не будут с ним воевать, — предсказал Хельзеер.

Берлинцы понимали, что позиция Аргентины ничего не меняет в соотношении сил, но они понимали и то, что

это соотношение было угадано пшеничными королями не в их пользу. И потому весть была неприятной, вызвавшей шепот женщин и короткие вздохи мужчин. За ней последовала другая — о бегстве каких-то сотрудников немецкого посольства в Турции.

— Первые ласточки, — усмехаясь, заметил Рудольф. — А может быть, первые крысы. И не случайно, что сбежали именно люди Папена.

Ганс не понял этой закономерности.

— Этот человек, — пояснил Рудольф, — помог фюреру сесть в седло, но он первым отвернется от него, если седок начнет терять равновесие.

Гансу стало от этой фразы страшно. Он никого не останавливал теперь и не призывал к порядку, только уходил в себя.

А томми и бобби продолжали бомбить. В ночь на шестнадцатое февраля они сотнями налетели на Берлин, уничтожили на всем ее протяжении красавицу Фридрихштрассе, превратили в руины Штеглиц, повалили все дома на многокилометровой магистрали от центра города до Лейпцигского шоссе и улетели только перед утром, оставив хаос, оцепенение и черный дым. Мужчин выгнали в эту ночь из бомбоубежищ тушить пожары, и Ганса спасло только удостоверение имперского министерства пропаганды.

Он продрожал в подвале до утра. Ему казалось, что бомбы ложатся рядом с его домом, что он будет погребен нынче под развалинами и это его последняя ночь. Никогда не веривший, точнее, не думавший о боге, он припоминал обрывки молитв, потом усомнился вдруг, угодно ли богу лютеранство, и залепетал «Аве Мария» — единственную католическую молитву, которую знал. Лихорадочной работой воображения он старался вызвать перед собой скорбный лик богоматери, замолив перед нею грех ссылок на Фрию — жену языческого бога Водана, имя которой он рекомендовал новорожденным девочкам. «Это за евреев, — бормотал рядом с Гансом забывший субординацию старый садовник, — за евреев карает нас бог. Они — его народ, через них он Христа нам дал». И в Гансе, который в другое время резко остановил бы обнаглевшего старика, проснулся страх перед еще более непоправимым грехом, ему представился вдруг страшный образ шагавшего по пламени грозного и мстительного еврейского бога, виденный много лет назад на картине голландца в Дрезденском музее. Он стал припомирать еврейские слова и не вспомнил ни одного. Когда горничная,

всегда бравшая с собой для Ганса в подвал коньяк и термос с кофе, дала ему в большой мейсенской чашке черную тепловатую жидкость, Гансу стало нехорошо.

— Вы больны, господин доктор? — спросила девушка, и Гансу послышалось в ее голосе участие.

Он лег на застланный ковром диван, охваченный слабостью. Печальные глаза богоматери и бородатый еврейский бог в развевающихся одеждах исчезли. И вместе с физической слабостью пришло минутное спокойствие. Нет, он не мог умереть вот так, под развалинами, как другие. Невозможно, чтобы он, поднявшийся и стремившийся, превратился вдруг в ничто. Ему в жизни что-то уготовано, исчезнуть просто так он не мог. Уверенность стала овладевать им.

Удар грома был так страшен, словно провалился мир. На какой-то момент гром придавил Ганса к дивану. Потом он вскочил. Ему показалось, что дом разрушен и он погребен в подвале. Ганс бросился наверх. За ним побежали садовник, горничная и кухарка. Где-то поблизости исчезла не то улица, не то квартал. Это чувствовалось. Ночь и деревья скрывали катастрофу, происшедшую, может быть, в двухстах шагах. И после нее наступила тишина. Это была тишина при- таившихся садов, за которой не слышна смерть. Невидимые, гудели самолеты, раскатывались залпы зенитных пушек, горели части неба, а здесь была молчаливая зелень вилл, не откликавшаяся на шум другой части земли. Здесь произошло сейчас что-то ужасное и обязательно опять что-то произойдет, и деревья скроют новую катастрофу.

Внезапно застрочил пулемет. Это был непривычный, нетыловой, вообще неберлинский звук. Где-то начали стрелять из ружей. «Хальт, ост!» — донеслось неизвестно откуда, и горячая струя крови бросилась Гансу в голову. Сумасшедшая мысль мелькнула в мозгу и заставила оцепенеть тело. Смерть нес уже не рокот с неба, она была рядом, за спиной, на угадываемых верхушках деревьев, в воздухе, по которому опускались советские парашютисты, на земле, по которой они сейчас ползли, в желудке, где все сдавилось так, что хотелось крикнуть по-звериному, но не было мочи даже пролепетать слово. Зубы Ганса стучали, он не помнил, как схватил старика садовника, прижался к нему животом, стоя у боковой стены дома и боясь взглянуть в сторону, где из-за угла ползли в тот момент с гранатами и ножами русские. Ганс охватил руками шею старика, которому передался страх господина, они обдавали друг друга горячим дыханием, обоих била лихорадка.

Наутро оказалось, что стреляли в бежавших во время бомбежки из барака шестерых русских рабочих. Ганс, совсем больной, лежал целый день. Горничной он передал для старика сто марок и велел сказать ему, что доктору Эшке не нужен больше садовник.

* * *

С начала 1933-го по конец 1942-го дни в Германии были праздничными. В эти замечательные десять лет не было будней. Праздновались день основания империи, день героев, день национального обновления, просто национальный день, день рождения фюрера, день урожая, день памяти борцов движения, открытие автострад, открытие партейтагов, открытие памятников, посещение фюрером городов, ультиматумы фюрера правительствам, приемы фюрером зарубежных друзей и многое множество других событий, каждое из которых не могло не становиться историческим под знаком парадов и шума фанфар. Когда проходил день немецкого автомобиля, гонки снимали четыре тысячи фотографов и кинооператоров. Когда в Берлин приезжал Муссолини, на флаги и знамена расходовалось сорок тысяч метров тканей. Когда в Нюрнберге открывался партейтаг, маршировали сто сорок тысяч штурмовиков. Угар праздников веселил души блеск парадов радовал глаза, гул самолетов хмелил головы.

И разве не была вся красочная эпопея тех лет полна действительно высокого значения! Разве наступательное шествие новой империи не знаменовалось сплошными победами! В январе 1933-го фюрер взял власть, и уже в том же году Германия громко чихнула на конференцию по разоружению. Да, да, чихнула, так выразился рейхсмаршал, и так началось самоутверждение «самой сильной, самой одаренной, самой чистокровной нации на земле». И едва стоило ей это проделать, как она заполучила Саарскую область и в том же году, чихнув еще раз, ввела всеобщую повинность. Последовала серия сплошных торжеств: восстановление гарнизонов в рейнской зоне, военные союзы, победный марш в одну страну, превращение в провинцию другой, подготовка сил для покорения третьей, четвертой, восьмой, десятой.

«Хайль фюрер!» — звучало тогда победно и радостно. Радовался не только Гевандтер, который готовился ездить за древесиной и мебелью в тридцать три страны, но и владелец гаража Отто Шмидт, у которого был заказ на перевозку, и агент по страхованию имущества в пути, Курт Шмельц, имевший шесть ртов, Хальмар Шик, торговавший бечевою,

Каспар Эльк, поставлявший для багажа мешковину, все, получавшие отныне дивиденд, прибыль, куш, оборот, прибыток, заработок и просто хлеб.

Есть обыкновенный гешефт. Так называется магазин, лавка, бюро по поставке, бюро по посредничеству, контора по перевозке, сделка, договор, дельце большое и дельце маленькое. А есть Вельтгешефт — мировое дело, мировой оборот, мировой куш — и так называется война. В войне всякий может найти, что делать, из чего извлекать и как радоваться. Были люди, партии, идеи, которые не понимали и мешали вселенскому гешефту. Фюрер и его помощники своевременно убивали этих людей. Их убивали, топтали, морили, и обыватель закладывал вату уши, чтобы не слышать мешавших энтузиазму стонов, доносившихся сначала громко, потом все глуше и глуше, из оцепленных проволокой страшных людских вместилищ, расположенных вдали от городов. И когда выпущен был первый «народный автомобиль» ценой всего в тысячу марок, который после войны каждый немец сможет приобрести за сто, ваты уже не требовалось. Вездесущие агенты гестапо, службы безопасности, полиции, нацистского партийного аппарата тщательно следили за благонадежностью соплеменников; в каждом доме, в каждом цехе были осведомители. Все недовольные должны были скрывать свои чувства, несогласные — держать языки за зубами, а загнанные в подполье силы сопротивления режиму, хотя и проявляли часто удивительную стойкость, были слишком малочисленны, чтобы изменить царящий настрой. Ликующие гансы их не замечали. О них удобнее было забыть.

Пришел 1939 год, войска фюрера зашагали по Праге, Флик захапал вожделенные рудники Игнаца Петчека в Лаузитце стоимостью в шестьдесят миллионов марок, а двести тысяч шмидтов и мюллеров бросились за ним в Прагу селиться, приобретать, добывать, наживать. Что военные трофеи, хранившиеся монархами в музее, против их дворца! Что старые картины Менцеля, рисовавшие обвешанных добычей воинов Фридриха Великого! Что вообще давали мюллерам от своих гешефтов прежние правители, бросавшие, как кость собаке, малоходные бумаги военных займов и устраивавшие рождественские базары перед дворцом! Спору нет, и прежде военный гешефт разряжал безработицу и поднимал цену рабочих рук. Но гешефтом общенациональным, огромным, исполинским сделал ее только фюрер!

На рассвете первого сентября 1939 года перевалили моторизованные армии фюрера польскую границу, и уже на

послезавтра заняли Ченстохов, еще через два дня — Катовицы, на следующий день — Краков и еще через три дня — Познань, под которой южной Варшавы перешли Вислу, а двадцать третьего сентября первая партия шмидтов и мюллеров выехала из Бранденбурга, из-под Берлина, и колонизовала первые тысячи моргенов познанской земли.

Заметьте себе, через двадцать три дня! Это не то что ждать четырех процентов на свой капитал в конце года!

Едва продрав глаза, граждане рейха включали приемники, чтобы услышать о новых блестящих победах в воздухе, на море, на земле, о занятых городах, территориях, пространствах, еще и еще раз упивались этими цифрами и названиями в газетах, лихорадочно скупали карты, учебники экономической географии и справочники, которые Амман выбрасывал миллионами, изучали, планировали, мечтали, смаковали. Польша производит почти столько же каменного угля, как Франция! В ней добывается больше железной руды, чем в Швеции! Из нее экспортировались яйца! Лодзь выделяет ткани! Познань поставляет огромное количество свиней!

Гешефт происходил почти без всяких издержек, нечувствительны были затраты, дело давало сто, двести, тысячи процентов дохода. Правда, с Востока, а потом из Норвегии и Франции стали приходить в некоторые семьи печальные известия от командиров частей, и в газетах время от времени появлялись черные квадраты объявлений. Но эта правда скрывала еще и другую, состоявшую в том, что мюллеров было слишком много, происходивший же в походах естественный отбор был полезен тем, что повышал меновую стоимость оставшихся.

Зато семьсот тысяч мюллеров из Померании, из-за Рейна, из Мекленбурга, из Бадена разлились по познанской земле, согнали брахицефалов с раздутыми ноздрями, открыли заводики копченых колбас, завели механические инкубаторы, завладели прядильнями Лодзи, поместьями вокруг Кракова, кораблями Гдыни. «На одной только познанской земле, — возвещал министр продовольствия и сельского хозяйства Дарре, — наши соплеменники получили площадь, равную Фландрии». И это не было лживым пафосом, это было реальностью семисот тысяч семей, как реальностью для пятисот тысяч других стали парниковые хозяйства в Голландии, рыболовные суда в Норвегии, маслобойные заводы в Дании, поля, рудники и заводики в Эльзас-Лотарингии.

Ах, какой это был умопомрачительный мировой гешефт! Никакие алмазные россыпи не могли бы идти с ним в срав-

нение. Радовались не только феодальная голубая кровь, торжествовали не только Флик, Пфельш и Гевандтер. Старые умелые рабочие заводов Круппа заняли выгодные места мастеров на тысячах пущенных в ход военных заводов. Рабочая молодежь срочно кончала всевозможные курсы, чтобы стать высокооплачиваемыми надзирателями, инструкторами и начальниками над пригонявшимся с Востока рабочим скотом. Пуговичные фабриканты имели теперь даровое сырье, как и сапожники, получавшие из завоеванных земель посылки с кожей из расчета по пфеннигу за дециметр шевро. Портные были завалены заказами людей, шивших себе всякие униформы. Не успевали обслуживать покупателей ювелиры — мужчинам требовались сувениры, чтобы оставить их женщинам перед уходом на фронт, а женщины расхватывали медальоны и кольца, делая их амулетами для уезжавших мужчин.

Все пришло в движение, люди были полны энергии, делали дела, становились богаты. Одни процветали, торгуя в обилии появившимся и потому дешевым товаром, другие наживали еще больше, продавая товар, ставший дефицитным и потому дорогим. Наконец, граждане рейха радовались просто в качестве едоков и потребителей, потому что к услугам высшей нации оказались поставщики и с юга и с севера Европы, вынужденные довольствоваться тем, что с одними победитель расплачивался за товар губными гармошками, с другими — аспирином.

Но ликовала больше всех, была хмельнее всех, находилась в сплошном угаре та часть немцев, которая составила самую армию, шествовала по Европе, стреляя и круша, пуская на фантастические рагу птичники Польши, отобрав красивейших парижанок для солдатских борделей во Франции и отправляя домашним из всех покоренных стран несметные посылки со всем, что можно было втискивать и вминать в посылочные ящики и железнодорожные вагоны, в грузовики и легковые автомобили.

Да, это было... А теперь стояла весна тысяча девятьсот сорок четвертого, и почти ничто не радовало сердца граждан рейха. Мало было семейств, в которых кто-нибудь не погиб на фронте. Немецкие города лежали в развалинах. Лиферциффер сообщил Гансу страшную статистику, исходящую от англичан: в 1940 году они сбросили на Германию семь тысяч тонн бомб, а построив за время войны авиационные заводы, скинули в 1943 году на противника сто тридцать семь тысяч тонн. Слово для того, чтобы лучше освещать кладбища, в которые превратились города, солнце весной

сорок четвертого сияло, не заслоненное тучами, но не было на улицах ни оживления, ни бойко торговавших магазинов, ни элегантных женщин, ни нарядных офицерских униформ.

Будто насмехаясь, томми и бобби то и дело летали при полном солнечном свете над Франкфуртом, довершали уничтожение Штуттгарта, Мюнхена, Брауншвейга и всех скольких-нибудь крупных городов, налетели восьмого марта в блеске дня на столицу, играя в небе серебром своих машин, сровняли с землей огромный дом в Шарлоттенбурге, в котором жила семья Пфельшей, и спокойно скрылись на север, не получив урона от одиночных немецких истребителей, основные соединения которых находились по-прежнему там — на роковом, далеком, но уже близком Востоке.

Дела там обстояли непередаваемо печально. Днепр, который рейхсминистр объявлял «генеральной линией завершения отрыва от противника», был русскими давно и на широком фронте перейден. Новое заявление министра о том, что «немецкая армия в состоянии встретить прорвавшегося противника на новой оборонительной линии западнее Днепра», ходом событий оказалось вскоре опровергнутым. Существовала эта линия или нет, но только русские забирали украинские города один за другим, фронт катастрофически откатывался на запад, то, что вчера было немецким тылом, становилось сегодня местом боя, а завтра обращалось уже в русский тыл, Ганс со страхом отмечал на карте чужие по звуку, но страшные близостью к границам города. Винница, Каменец-Подольск, Черновицы, черноморские порты...

В конце марта Ганс читал секретный перевод торжественного извещения русского радио о переходе Днестра и выходе русских войск на румынскую границу. В апреле сообщения стали совершенно ужасными. Пала Одесса, название которой знал каждый немецкий школьник, прижаты к морю немецкие войска в Крыму. Ганс не знал в точности, были ли крымские города курортами или фортами, но шли русские через них, словно гуляли по набережной, и это в то время, как на полуострове было — Ганс знал это от Хельзеера — полтораста тысяч немецких войск. «Они высвободятся для боев в других местах», — писала газета «Ангриф». «Они частью уничтожены, частью пленены», — объявили русские. И Ганс поверил этому сообщению врага, потому что знал о приказе фюрера войскам держаться или умирать, а стремительное наступление русских позволяло выполнить только последнюю часть приказа.

Где был фронт? Этого никто теперь не знал. Прика-

тится он к границам Германии через месяц или через год? Теперь Гансу стало очевидно, что это действительно только вопрос времени. Может быть, произойдет и все изменит чудо? Ганс втайне ждал его, сам обманываясь пропагандой, делателем которой был. Но двадцатое апреля — день рождения фюрера, которого, надеясь и не смея надеяться, ждала Германия, — прошел, ничего не изменив. В этот день русские продвигались за украинским городом Тернополем, пробиваясь к границам.

Залитые солнцем улицы Берлина были от всех этих дел мрачны, как в непогоду. Проходили довольно сытые на вид батальоны солдат, и прохожие останавливались, стараясь разгадать, из Норвегии или Италии их перебрасывают в Россию. Это было военной тайной, прибывших вообще не надо было представлять обозрению берлинцев, но проводили их по улицам по настоянию рейхсминистра, считавшего нужным показать населению, что у фюрера есть еще нетронутые молодые солдаты и Германии есть кого бросать в бой. По тротуарам расхаживали, исследуя лица и одежду мужчин, бесчисленные патрули, и Гансу казалось, что из этих людей можно было действительно составить дивизии. Патрули посылались на улицы штабами эсэсовцев, берлинским комендантом, уголовной полицией. Одни останавливали прохожих, интересуясь их гражданской одеждой и причинами пребывания в столице, другие проверяли документы у солдат-отпускников, третьи вылавливали дезертиров, присвоивших паспорта погибших при бомбежках и пытавшихся под чужой личиной дожидаться конца войны. В какой-то из дней Ганса задержали четыре раза.

Ему приходилось довольно часто ходить пешком, потому что рейхсминистр, бывший одновременно гаулейтером столицы, велел партийным деятелям демонстрировать самоограничения и показывать народу, что страдания они переживают вместе с ним. Жена рейхсмаршала, госпожа Эмми Геринг, известная больше публике как актриса Эмми Зоннеманн, сменила поэтому свои прославленные черные бриллианты на обыкновенные белые. Супруг ее, купивший за миллион гульденов у голландца ван Меегерена, знаменитого тем, что гениально подделывал свои полотна под картины старых мастеров и выдавал их за подлинные, картину «Неверная жена», приказал перевести ее в свое баварское поместье без оглашения событий в печати, в то время как раньше о подобных покупках сообщалось модным журналам и вечерним листкам.

Рейхсминистр специальной статьей известил читателей газеты «Рейх», что его берлинский дом пострадал от бомбежки, как и дома его соплеменников, и он не жалеет об этом брэнном здании, пошедшем в общий жертвенник страны. «Пусть я буду таким же гордым страдальцем, как все», — сказал «наш доктор».

Сотрудники министерства сочли за благо скинуть с себя внешний лоск. Лиферциффер спрятал до лучших времен свой блестящий лаком восьмицилиндровый вместительный автомобиль, пересел в неприглядный «опель-кадет», рассчитал шофера, порадовав его тем, что тот имеет отныне возможность выполнять свой гражданский долг, и сам стал подруливать на Вильгельмштрассе, как подобает скромному профессору, живущему только плодами своих ученых трудов. Хельзеер, и без того не блиставший антуражем, сменил засаленные галстуки и пиджак на мышинового цвета курточку, отчего он стал выглядеть даже опрятнее, так как на одежде теперь не видно было перхоти, и провидец стал походить на честного мастерового.

Одежда берлинцев вообще как-то сильно посерела. У одних хорошее платье было запрягано, другие износили его, третьи потеряли к нему вкус, так как сирены могли застать их в любой момент, и тогда надо было спасаться в грязные подвалы или карабкаться на крыши, чтобы гасить зажигательные бомбы. В последнее время тревоги стали объявлять еще до появления самолетов — сразу после сигнала об их вылете, что порождало среди берлинцев большие споры: одни находили это нововведение правильным, так как немало людей не успевало добежать до убежищ, другие считали его бесчеловечным, люди-де и без того измождены, а теперь приходится проводить в подвалах лишнее время. К хорошему платью не было стимулов и потому, что по предложению гаулейтера столицы зрелищные предприятия и увеселительные заведения были закрыты.

— Нельзя теперь даже раз в месяц зайти в «Скала» или «Палласт», — возмущенно говорила Гансу Сюзанна при последней встрече. — Мне дали одну возможность: не разгибать спины днем и сидеть в подвале ночью.

От многочисленных маленьких кинематографов, которые были раньше на каждой улице, осталась разве десятая часть. Владельцы этих кинематографов были отправлены на русский фронт, как и мешавшие Гевандтеру владельцы столярных мастерских, а их жены, продававшие прежде входные билеты, выделявали теперь патроны. И только те

деятели кинопроката, которые были одновременно блоклейтерами или их доверенными друзьями, продолжали еще улаживать приезжавших в отпуск солдат такими фильмами о расправе немецких воинов со степными ордами Востока, после которых солдаты расходились молча, не решаясь заговорить со своими подругами, и только по возвращении домой оценивали виденное односложным и крутым фронтовым словом.

Улица посерела и оттого, что значительное количество прохожих составляли теперь разбомбленные. У этих людей вообще не было что сменить, и они ходили на Шпрее полоскать свои запотевшие рубашки. Лезли под чугунные мосты, раздевались, стирали, как только можно делать это без мыла, и сушили тут же на выложенном брусчаткой берегу, благо солнце было щедрым. Упаси бог, если они нарывались на полицейского или другого охранителя порядка. Полоскать белье в Шпрее, в окантованной гранитом столичной реке! Или это деревня? Или вместе с имуществом люди теряют и разум?! Уличенные должны были платить штраф, денег у них, разумеется, не было, что вело к составлению протоколов и последующим мытарствам. Однажды Ганс оказался свидетелем внушения, которое делал полицейский человечку, стоявшему перед ним в совершенно мокрой, наскоро натянутой рубашке.

— Мне воды не жалко. Да. Но это Шпрее. Заметьте себе это обстоятельство. А сейчас война, и среди нас находятся шпионы. Знаете ли вы, например, этого господина? — указал шутцманн на Ганса. — Нет, вы не имеете о нем понятия. А господин этот, может быть, шпион. Что в таком случае сделает этот господин, если он шпион? Он, конечно, сообщит своему правительству, что Германия уже не в состоянии одевать своих пострадавших граждан. И это будет неверное сообщение, ибо вы получаете или, во всяком случае, получите что-нибудь из фонда зимней помощи. Если, например, у вас погиб от вражеских бомб ребенок, вам положено получить триста марок. При гибели двух детей вы получаете уже шестьсот. Заметьте, шестьсот. И белье пострадавшим тоже время от времени выдается. Таким образом, сообщение шпиона будет неправильным. А оно возбудит умы. Не в нашу пользу возбудит. Заметьте это. И стирка вашей рубахи превращается, таким образом, в очень серьезный даже, прямо сказать, антигерманский проступок. Кстати, — повернулся убедивший сам себя оратор к Гансу, — предъявите мне, господин, ваш документ.

Подержав в руках удостоверение министерства пропаган-

ды, полицейский возвратил его Гансу с удовлетворением:

— Извините, господин. Я так и думал, что вы не шпион.

Люди богатые и довольные не пускали к себе разбомбленных на квартиры. Неприятно в присутствии нищих хорошо есть, много пить и ничего не делать. Те, кто имел вместительное многокомнатное жилье, обладали связями и деньгами, нужными для того, чтобы инспектор, приводивший на постой какую-нибудь семью, уводил ее в другое место. И как-то само собой оказалось, что пострадавшие расселились в рабочих районах, где было тесно, отсутствовали лишняя мебель, белье и посуда, но хозяева только ворчали, а не протестовали.

— Я сама жертва бомб,— говорила Гансу Марта, переехавшая с братом и сестрой на свою виллу,— но считаю, что разбомбленных действительно не следует селить в хорошие дома. Ну представь себе, что к нам поместили бы какую-нибудь семью. Стены у нас обтянуты бархатом, в спальнях — шелком, постельное белье из Голландии, мебель стильная, посуда сервизная. И вот пришли бы люди, которым я должна от всего этого что-то уделить. Если их ребенок поломает чашку, разрушен будет дорогой сервиз. Повредят в каком-нибудь месте обивку, и я должна покупать три куска нового бархата, чтобы отделять комнату заново. Эта жизнь была бы одинаково невыносимой и для нас, и для них. Нет, пусть говорят что угодно, но разбомбленных надо помещать в такие дома, где вещи некомплектны. Они сами чувствуют себя там лучше.

Марта правильно передала то неловкое ощущение, которое испытывали в эту весну богатые на фоне выпиравшей нищеты. Она делилась чувствами, психологическую точность которых Ганс не мог не оценить.

— У меня четыре меховых манти. Еще прошлой весной, когда я появлялась в одном из них, женщины скользили по мне коротким примеривающим взглядом, а в бедных районах в женских глазах я читала зависть. А теперь я ездила случайно по одному делу в Берлин-Ост, на мне было соболье пальто, так девушки смотрели уже не с завистью, а как-то зло. Мне было не по себе.

Улицы Берлина присмирели. Чтобы вместить в себя ночной грохот стрельбы и взрывов, они стали тихи днем. Поредели прохожие, и даже на Курфюрстендамм не было уже гуляющих, а только люди, спешившие куда-то. «Асфальтовые цветки», как называли берлинцы проституток, уже не фланировали вечерами вдоль тротуаров, женщины, за-

медлявшие на улице шаг, рисковали быть отправленными на расчистку завалов. Из сорокатысячной армии берлинских «цветков» какая-нибудь тысяча оставлена в прежней профессии, но им запрещено расточать силы на случайных прохожих, они должны выполнять оборонную задачу, обслуживая в восемнадцати борделях солдат-отпускников.

Ганс возмущался, что этих мужчин отправляют домой на побывку, в то время как фронт откатывается с ужасающей быстротой. «С армией следует считаться, — отвечал Хельзеер, — у солдат надо поддерживать настроение». Но сами отпускники решительно ухудшали и без того тяжелое настроение берлинцев. С какого бы участка солдаты ни прибывали, оказывалось, что ни на одном из пунктов не было теперь для них передышки. Весь русский фронт был объят пламенем. Взгляды «нашего доктора» одерживали верх над упорством генералов, в частях появились офицеры по национал-социалистскому воспитанию, они не оставляли солдат без внушений, Ганс точно знал, что все отпускавшиеся из частей солдаты получали указания поддерживать во время пребывания дома бодрый дух, но из этого ничего практически не получалось, в кругу семьи эти наставления забывались, и здесь развязывались языки.

В министерстве уже третий год работал отдел, именованный «Бюро учета настроений», в его сводках все чаще мелькали сообщения о рассказах фронтовиков. Один позволял себе болтать о прорывающихся в немецкие тылы русских танков, которые громят резервные батальоны, не успевающие вступать в бой; другой рассказывал о русской артиллерии, которая бьет по позициям несколько часов сряду; третий говорил, что траншеи, колючая проволока, миные заграждения и бетонные укрепления так же бранны, как незащищенные берлинские дома; четвертый делился новостью, что поезд, которым он ехал, стоял лишнее время, пропуская товарняк, вывозивший машины и ценности из Лемберга...

Бог его знает, откуда брало бюро свои сведения — ведь разговоры велись в семьях в отсутствие посторонних лиц, может быть, сотрудники его служили одновременно и в другом ведомстве, но только сведения эти были весьма неутешительны. Ганс состоял в списке шестидесяти сотрудников, которые знакомились с материалами бюро, дабы преодолевать пером и словом неблагоприятные настроения, но эта обязанность становилась все трудней.

Действительность даже опережала сведения бюро. Если в газетах распубликовано было сообщение о казни каких-то

людей за пораженчество, то фрау Штинк сообщала об ушедших из жизни добровольно. В одном случае это был старый клиент конторы — бухгалтер, который, услышав об очередном оставлении какого-то города, неосторожно сказал, что его арифмометр рассчитывает лучше, чем головы сидящих наверху. Узнав о доносе, старик испугался ареста и пыток и выпил раствор, приготовленный женой для чистки унитаза. Другим самоубийцей был сын бывшего владельца брачной конторы, того самого, который гладил клиенток по коленкам и был изгнан Гансом из доверенных секретарей. Парню еще в сороковом отстрелили во Франции руку, и фюрер блестяще расплатился за нее, подарив ему пятьдесят гектаров земли в Тернопольской области. Парень вывез туда из Германии прекрасную девушку, пустил на новой немецкой земле арийское семя, произведя на свет двух ребят, построил вместительный дом, выписал из Германии сельскохозяйственные машины, на которые исхлопотал кредит, создал племенной птичник из конфискованных у «украинских варваров» индюков, вложил, короче говоря, в дело всю энергию и надежды, а потом, когда вынужден был бежать, не имея времени собраться, не чувствуя себя в силах бросить индюков, впал в отчаяние, поставил охотничье ружье между ногами, прислонил дуло обрубком правой руки к виску, а левой спустил собачку. Жена его чудом добралась сюда с детьми, дом ее родителей разбомблен, и она находится почти на улице. Еще раньше горничная рассказала Гансу о своем брате, спешно возвратившемся из Прибалтики, где он получил в сорок втором тридцать гектаров земли. «Теперь потянутся», — горько усмехаясь, заключила она свой рассказ. Из той же Прибалтики прибыл кузен Марты, оставивший громадное поместье и триста гектаров земли.

Ганс узнал об этом от младшего брата несчастливого помещика — того сотрудника Заукеля, с которым встретился у Марты в Сильвестр. Новый знакомый приехал к доктору Эшке проконсультироваться, как лучше размещать иностранных рабочих, чтобы они не могли друг друга понимать.

— Лагери не в наших руках, — сказал он Гансу. — Мы занимаемся только доставкой рабочей силы. Но фюрер накричал на моего шефа, что он ввозит в тыл Германии врагов и не помогает их обезвреживать. Но что можно сделать? С одной стороны, нас ругают, что мы ввозим их слишком мало, с другой — что их здесь слишком много. Действительно, в стране сейчас двенадцать миллионов иностранцев. Это пятая часть нашего населения. Через каждые два

десять километров приходится создавать для них лагеря и бараки. Это страшная опасность, но без этого мы не могли бы послать столько немецких мужчин на фронт, не прерывая бег конвейеров. Конечно, эти люди стараются вредить нам, работают из рук вон плохо и тратят свои усилия на то, чтобы не тратить никаких усилий. Они выпускают гнилую ткань, делают негодные гранаты, а в Тюрингии они подожгли лес. Они пачками бегут из лагерей, портят оборудование, а на прошлой неделе... — Кузен невесты перешел на шепот: — У Сименса оказалась вдруг негодной арматура, и завод простоял два дня.

— Надо расстреливать, — побагровел Ганс, вспомнив ужас, пережитый им из-за шести бежавших русских не-давней ночью.

— Это, конечно, делается, дорогой доктор, но это не выход из положения. Перестреляли мы, к несчастью, и так слишком много, нам не хватает рабочих рук. Мы носимся сейчас по странам за какой-нибудь сотней тысяч человек, а сами попусту сгубили миллионы. Наш генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы доктор Мансфельд уже доказал, что нынешние трудности в рабочей силе не возникли бы, если бы мы правильно использовали русских. Их было в нашем распоряжении четыре миллиона, а осталось сейчас только миллион сто тысяч голов. Это, между нами говоря, вина командования, а не моего ведомства. Русских перевозили в открытых или нетопленных закрытых вагонах, не давали им в дороге кормов и на месте выгружали одни трупы. А русские — прекрасная рабочая сила, они выдерживают высокие трудовые нагрузки.

Ганс внимательно слушал, и гость продолжал:

— А сейчас шеф считает за счастье, что Лаваль обещал ему двенадцатого марта триста тысяч голов. Нет, расстреливать сейчас в больших масштабах нельзя, нужно стараться размещать людей по баракам и отрядам так, чтобы они не могли сговариваться о саботаже. Я хочу прибегнуть к вашей авторитетной консультации для разработки инструкции о типовом рабочем отряде, составленном из людей разных национальностей...

Сейчас, когда Ганс снова стал ходить по городу пешком, он стал примечать то, на что не обращал внимания прежде. Иностранцы действительно переполняли страну. Они расчищали завалы на улицах, строили бараки для разбомбленных, видны были через окна у фабричных станков, грузили вагоны на железных дорогах, ездили шофе-

рами на грузовиках. Если это были голландцы, они двигались без конвоя, за чехами и особенно за поляками шли патрули, русских гнали с работы и на работу отряды солдат, державших наперевес ружья, и, точно так же, как немногим уцелевшим немецким евреям нашиты были для распознавания желтые звезды на правой стороне груди, на одежде каждого русского наклеен был отличительный знак «Ост». После консультации Ганса, заседавшего с этой целью за справочники и словари, людей этих должны были перемешать, но клеймо для русских, требующих особого глаза, должно быть сохранено.

Да, невесело было на родине с этими людьми, которые ненавидели, таили страшные мысли и готовы были на страшные дела. Марта рассказала Гансу, что русский рабочий, которого взял управляющий охотничьим домиком отца в Тюрингии, не хотел ничего делать, а когда управляющий ударил его, схватил вилы. Разбойника, конечно, забрали в гестапо, где его признали «непригодным для человечества», но какой это все ужас, какой ужас! И Ганса от этого рассказа действительно охватил ужас. Может быть, бандиты опять перережут сегодня ночью проволоку, вырвутся, притаятся между деревьями, подстерегут в ночи доктора Эшке, ворвутся в его дом...

Ганс старался возвращаться теперь домой засветло, шел не тротуаром, а мостовой, испросил разрешения на пистолет. Грустно, но факт: представителю высшей расы, преобразователю, деятелю, осиянному звездой, приходилось страшиться опасностей в собственном доме, бояться сброда, плебса, ожидать нападения каких-то мулов, согнанных в его страну. На фронте эти разноплеменные негодяи стреляли только из самосохранения, при удобном случае перебежали к русским, были еще более ненадежными, чем здесь.

А немцы умирали и умирали, и на смену выкачивались уже старики и полудети. Мать писала Гансу, что у тетки Кратценкаммер взяли в арбейтсдинст двенадцатого по счету семнадцатилетнего сына. «Дела, значит, сверхдерьмовые, если им уже такие требуются». Лизбет тоже чуть было не забрали: ее и нескольких девушек хотели послать пожарниками и прожектористами в Кассель и отказались от этой мобилизации только после того, как крестьяне заявили, что не смогут поставлять армии продукты, если у них заберут даже дочерей. Сама Лизбет об этом грозившем ей несчастье ничего не писала, но зато сообщила, что в армию мобилизуются шестидесятилетние. Шлеза взяли во вспомогательную поли-

цию, днем он вправе ухаживать за садом, а вечером должен отправляться в казарму в полутора часах ходьбы от деревни. Здесь старик проходит утреннюю и вечернюю выучку и спит, чтобы закаляться, на нарах. «Бедняжка совсем исхудал,— писала Лизбет,— еле передвигает ноги: он готов теперь отдать своему начальнику в казарме все собранные им серебряные сахарницы, лишь бы тот освободил его от шагистики и обучения стрельбе, но тот оказался таким негодяем, что даже взятки не берет». Старика Кетча обследовали, признали годным и назначили в зенитную часть, но он еще пока не получил пушку. «Англичане могут очень радоваться,— передавала сестра слова старика.— Помните, как рейхсмаршал говорил в начале войны, что он будет не Герингом, а Мейером, если хоть один вражеский летчик перелетит немецкую границу. Я тоже буду не Кетчем, а Мейером, если хоть один «ландкастер» останется в воздухе, когда я, старая перечница, буду вращать зениткой».

После дня рождения фюрера, когда выяснилось, что на фронте не произошло перелома и не появилось секретное оружие, Кетч сидел в «Белом голубе» и говорил односельчанам: «Знаете, какое это было тайное оружие, которое приберегали и о котором не смел рассказывать Ганс? Это я и Кранц, две несочницы, которые пускают теперь в ход. Вот оно, готовившееся оружие!»

Мрачно было на душе у Ганса. Мрачно, как никогда. Беспокойство теперь не проходило, стало постоянным. Оно усиливалось нерадостными известиями из-за границы, где назревало худшее. Русские победы перепугали союзников Германии и грозили вывести их из войны. Стало известно, что финны запрашивали у русских условия мира. В Румынии, к границам которой большевики уже подошли, царила, по всем данным, не обещавшая ничего хорошего паника. Говорили, что Бухарест усиленно эвакуируется, что в его правящих кругах царит после крымского разгрома растерянность, что солдатня не желает дальше воевать, а богачи скупают бриллианты и бегут из страны. Чтобы предотвратить такие злосчастия в Венгрии, на территорию союзницы пришлось ввести немецкие войска, и они встречены населением враждебно. Здесь грозил поднять голову плебс, страна вообще имела плохие традиции, и гестапо пришлось производить среди венгров многие аресты, что еще более усиливало напряженную обстановку в стране.

Все эти слухи были настойчивыми, о событиях узнавали из заграничного радио, слушание которого газета «Ан-

гриф» назвала опасным спортом. Слухи подтверждались тем, что на совещание к фюреру в Берлин спешно вызваны были руководители союзных стран, которые уже не произносили речей на обедах, не давали интервью и имели, судя по снимкам в «Фолькишер Беобахтер», очень озабоченный вид. Люди всматривались в эти снимки, стараясь что-нибудь определить по ним и угадать, но Катрин, как художница, определила лишь, что у Антонеску нефотогеничное лицо, на что Рудольф заметил: «Этот человек свое уже, кажется, отпозировал».

Печальным было и то, что в союзных и покоренных странах появились ловко действовавшие партизаны и против них, словно это была Россия в 1942 году, приходилось направлять отряды эсэсовцев, командировать из Германии новые и новые сотни опытных деятелей гестапо. Во Франции убит был добрый знакомый семьи Пфельш, и сообщивший об этом их общий приятель, вернувшийся из Парижа с той же радостью, с какой раньше уезжал туда, рассказал, что в столице Франции развешивают по ночам игрушечные виселицы, на которых висят слепленные из воска немцы, а надписи под ними гласят, что скоро повиснут всамделишные. В Польше взорван поезд, в котором агент Гевандтера перевозил обстановку из очередного замка, она пошла прахом, старик страшно горевал. Из Венгрии Бенгард Пфельш, находившийся там по каким-то делам, писал сыну, что помещики здесь гадают об условиях капитуляции, которые могут предложить русские, и считают, что продолжать войну возможно только при помощи немецких войск, не желая считаться с тем, что как раз Германия нуждается сейчас, как никогда, в помощи венгерских.

Рейхсминистр был возмущен меркантилизмом и предательством союзников донельзя. «Народы Европы должны бы, стоя на коленях, благодарить нас, — писал он в «Рейхе», — за то, что мы боремся в их защиту. Они вовсе этого, кажется, не заслуживают». Ганс разделял эту точку зрения. Румыны были ворами, венгры — чванливыми глупцами и пьяницами, болгары — славянами, французы — негроеврейями, и самой природой диктовалась та истина, что именно они должны были воевать за высшую расу, а не она за них. Но в мире все перевернулось отвратительнейшим образом, и уже чувствовалось, хотя и не говорилось, что Германии придется встречать орды Востока у собственных стен. Об этом недвусмысленно заявил 1 мая Сталин. В своем праздничном приказе по войскам, тщательно изученном в минис-

терстве и получившем гриф «Особо секретно», он назвал Германию фюрера раненым зверем и призвал свои армии добить его в его берлоге. Да, теперь война безусловно подкатывалась к Гансу.

Он понял, что на карте стоит все: рейхсминистр, контора Штинк, акции концерна Флика, гонорары от Амманна, проценты от оборота генеалогического бюро Рудольфа Пфельша, вилла, в которой он живет, имя, которое он обрел, марки, которые он накапливал, газета, в которой он имел пай, невеста, брак с которой утратит, если карта проиграет, всякий смысл, — звезда, которая его осияла, надежды, которыми он жил.

Ни копченые угри, ни сигары, ни деньги, которые привозила фрау Штинк, уже не доставляли прежней радости. Ганс пил коньяк и часами сидел в кресле, уставившись в пятно на бархате стены под потолком. Горничная, заставлявшая его в этой позе несколько раз, в недоумении и некотором испуге ретировалась. Однажды она проследила, на что так упорно смотрел ее господин.

— У нас появилась сырость, — осторожно заметила она.

— Да, у нас появилась сырость, — повторил Ганс.

* * *

То, что в гостях у тетки оказалась Сюзанна, не было удивительным. Она жила неподалеку и часто забегала прежде к Гансу Крешеру до его отправки на фронт. Именно здесь познакомился с ней Ганс Эшке. В доме Крешеров представителем неизвестного ей дотоле мира ученых Сюзанна увлеклась и затем, уже под его личным кровом, в нем разочаровалась. Необычным было то, что дом Крешеров полон был женщин-сосежек и они, раскрыв рты или, наоборот, плотно сжав губы, слушали рассказ пропавшего было на фронте без вести и неожиданно возвратившегося домой ефрейтора Крешера.

Ганс с подчеркнутой радостью расцеловал двоюродного брата.

— Ну вот, я же говорил вам, тетя, что все будет хо-рошо.

— Это просто случай, — усмехнулся Крешер. — Если б я, как другие, слушался офицеров, то никогда не возвратился бы домой.

— Господин кузен, — крикнула Сюзанна, — вы прервали рассказ фронтовика, который мы здесь слушали! Дайте ему продолжить...

То, что рассказывал Крешер, вовсе не было в этом обществе уместным. Гансу показалось странным, что ефрейтор счел возможным смущать немецких матерей и жен.

— Мы мало разговаривали в последнее время друг с другом, — рассказывал он о фронтовой жизни, — а уж о положении дел у нас вообще не бывало речи. Не думать, ни о чем не думать! — вот был наш девиз. Для дум, впрочем, не было и времени. Мы оберегались только тем, что взрывали мосты да минировали берега, на которых строили линии окопов. Но я не знаю такого окопа или траншеи, которые бы спасали от огня. Если они делались в рост человека, то он там часто навсегда и застревал. — Крешер тяжело вздохнул. — Пройдут годы, — продолжал он, — русские эти поля перепашут, у них будет неплохой перегной. Да, немногие высывали головы после того, как русские кончали артиллерийский обстрел. И эти уцелевшие потом бежали, бежали до линии обороны в глубине, где саперы успевали приготовить из бетона и металла огневой пояс и где «тигры» стояли, ошестинившись и вселяя надежды в сердца. Казалось, здесь наша броня непробиваема, огонь пулеметов не позволит им приблизиться, пушки разметут их в пыль, а танки смешают с землей. Куда там! Едва брезжил рассвет, начинался артиллерийский обстрел. Мы принимали его сначала за обычный утренний. Но уже через полчаса делалось ясно, что это продолжение наступления. Воздух валил нас с ног, у товарищей отрывало руки и головы, начинался ад...

Непонятно ведет себя Сюзанна. Она не только внимательно слушает Крешера, но поглядывает на соседок, следя за впечатлением, которое производят его слова. А Крешер рассказывает о губительном действии русской артиллерии на неумелых новичков, которыми пополняются теперь немецкие войска.

— Страх постоянен и потому притупляется, зубы стучат в лихорадке, они не могут раскрыть рта во время этого ада, и у них лопаются барабанные перепонки. Они утыкаются носами в землю, хотя это совершенно бессмысленно, присасываются к ней, как мухи к мухомору, и гибнут, как те. Они поднимаются вместе с землей на воздух и разлетаются в куски. Они не умеют угадывать направление снарядов, не отличают их по звуку, не знают, свистит ли мина, падает бомба или шипит снаряд... Впрочем... — Крешер только усмехнулся, — их незнание извинительно, потому что этих игрушек летит, ухаает, падает и грохает так много, что и в привычных ушах все сливается в смер-

тельную какофонию. И когда на наших позициях уже достаточно месива из рук, ног, кишков и голов, которые неизвестно кому принадлежали, когда мы, уцелевшие, уже оглушены и обезумели, тогда приходят в движение русские пехотинцы и танки, они с ходу влетают в наше расположение и доделывают то, что их артиллерия не закончила.

— Ты рассказываешь так, — поморщился Ганс, — словно наша сторона только принимает удары. Урон, который наносим русским мы...

— Он, конечно, чувствителен, — подхватил Крешер. — Нам приказывают драться за каждый метр, и он стоит русским немало жизней. И все же «тигры» в конце концов горят или отползают. Тогда мы отступаем тоже. В нас стреляют русские с одной стороны, полевая жандармерия — с другой, в этом аду все перемешиваются, и найти свое подразделение потом невозможно.

— И именно таким образом тебя потеряла твоя часть? — постарался Ганс избавить аудиторию от мрачных крешеровских обобщений.

— Да, — спокойно сказал двоюродный брат. — Я, как выражаются моряки, невольно пришвартовался к другой, и меня сочли пропавшим без вести.

— Но почему ты не писал?

Крешер громко и, как показалось Гансу, нарочито рассмеялся.

— Я-то писал, но почтовые машины плохо, надо полгать, передвигали колесами. Знаешь ты, что представляет собой дорога отступления? Это не только трупы и брошенные раненые, но и оставленные грузовики, пушки, штабные машины, штабеля снарядов, склады, полевые кухни, ну и, конечно, полевая почта.

— Но ведь от тебя не было известий много месяцев.

Крешер посмотрел на брата:

— У нас и дела неизменны много месяцев.

Во взгляде, которым при этих словах окинула соседок Сюзанна, Гансу почудилось скрытое торжество. Девка испортилась, кажется, окончательно.

А Крешер продолжал:

— Мы тщетно ждали каких-нибудь перемен. Офицеры уверяли нас зимой, что русские в летних наступлениях истощились. Мы надеялись на это. Каждый раз, когда после раскатов артиллерийского грома солдат оставался цел, ему хотелось думать, что русское наступление замедляется, замирает. Но назавтра все продолжалось снова. Теперь нас

уже ни в чем не уверяют, а только призывают продолжать борьбу. Но из бескрайних восточных степей по-прежнему течет необозримая масса людей и техники...

Ганс был возмущен словами Крешера. Человек вел явно пораженческие речи, не понимая последствий, которые они могли повлечь. Или, может быть, он делал это намеренно? Двоюродный брат недаром подпевал в ребячестве красным и холодно относился ко всему, что делал и говорил национал-социалистский теоретик доктор Эшке. Как бы то ни было, слушать эти речи становилось опасным, из этого дома следовало уйти.

Крешер как бы угадал его мысли.

— Я заслужил право рассказывать правду, — сказал он и вынес из соседней комнаты свою форменную куртку с четырьмя Железными крестами на груди.

Женщины ахнули. Ганс испытал смешанное чувство зависти и удовлетворения. С носителем стольких наград не вредно бы кое-где показаться.

— Прислать к тебе фотографов из газет? — предложил он.

— Если ты хочешь похвастаться мной перед знакомыми, я к твоим услугам.

Прямолинейность Крешера была неприятной.

— Кстати, твой сокурсник Пэт еще не сложил своих костей? — осведомился двоюродный брат.

— Я редко вижу его, но он в Берлине.

Ганс стал прощаться. Четыре Железных креста располагали к родственным отношениям.

— Гансу нужно в отпуске набраться сил, — сказал он тетке в передней, — я привезу вам завтра немножко продуктов.

Но завтрашний день оказался полным событий. В десять утра Ганс был вызван по телефону в министерство. Оказалось, что несколько часов назад англичане и американцы начали высадку на французском побережье. Первые сообщения свидетельствовали, что Роммель и Рудштед растеряны. Переход десанта морем не был даже замечен. В министерство поступили четыре сумбурные радиogramмы, написанные по-обывательски, сугубо штатским языком, не содержавшие ни цифр, ни оценок. Из них можно было только понять, что между Шербуром и Гавром содрогается от снарядов и бомб воздух, что с канонадой сочетается гул тысяч самолетов, побережье окутано черным дымом и в море обнаружены сотни огромных транспортов.

— Проморгали, — сказал Хельзеер.

— Не имеет значения, — бросил Лиферциффер. — Нам все

равно нечем встретить их в море. Линкоров уже нет, а авиация занята на востоке.

— А на суше? Как будет на суше? — нетерпеливо спросил Ганс знавшего все цифры человека.

— В настоящее время на берегу только десять наших дивизий, — ответил цифровед тоном, в котором было меньше печали, чем спокойствия.

Лиферциффер был, пожалуй, единственным, кто не поддавался панике. Новость явилась зато скандальной для других сотрудников министерства. Еще только третьего дня рейхсминистр утвердил радиобзор, в котором предположение о высадке названо было миражем. Месяц назад он написал в «Рейхе» статью, уверявшую, что «немецкий народ озабочен скорее тем, что попыток вторжения не произойдет, а не тем, что оно состоится; если противник в самом деле имеет намерение предпринять столь безгранично легкомысленный шаг — милости просим!». Сегодня редакторы не знали, демонстрировать торжество или бить по поводу высадки тревогу.

Шесть газет ранним утром получили указание радоваться, и «Фолькишер Беобахтер» успел написать, что это германское командование заставило наконец противника начать наступательные действия. Другой редактор огромными буквами напечатал над сообщением о высадке заголовок «Второй Дьепп». В противовес этому шеф прессы вызвал к себе других редакторов и объявил, что «высадка не есть желанное событие». Эту фразу повторил и Дитмар. Генерал приехал в министерство после обеда и был сейчас же атакован сотрудниками, которые интересовались его мнением. Одним он сказал, что в общем и целом можно быть удовлетворенными ходом вторжения, другие слышали от него, что у противника больше штурмовых войск, чем можно было ожидать.

Из Нормандии каждые несколько минут поступали новые радиogramмы, но содержание их было путаным. К пяти часам дня разных сообщений было уже более сотни. Рейхсминистр приказал составить из этих материалов десяток добрых корреспонденций, быстро передав их в вечернюю печать. Этим занялось много сотрудников, и среди них Ганс. Статьи расхватили посланцы прессы.

В седьмом часу, после выхода вечерних газет, в министерство стали звонить высокопоставленные лица, нашедшие в прессе противоречия. Одни статьи утверждали, что десанникам высадиться не удалось, другие уверяли, что они высадились, но уничтожены, третьи говорили о жарких боях. Рейхсминистр ругал составителей, а шеф прессы, посверки-

вая глазами, приказал своему секретарю созвать редакторов утренних газет и объявить им, что операции на побережье вообще не представляют интереса.

Все это было свидетельством растерянности. Когда Ганс пришел в министерство пропаганды, он попал в четко организованный аппарат. Каждый сотрудник знал свое дело, редакторы понимали рейхсминистра с полуслова, его речи были продуманны, указания тонки, все отделы действовали согласованно, разнобой в информации был чрезвычайным происшествием. Тогда министерство в состоянии было доказывать и доказывало что угодно. Теперь эта стройная система пропаганды вконец подорвана была восточными делами. Уже когда русские перевалили за Днепр, рейхсминистр совершенно дезориентировал свой аппарат. В десять утра он велел своему секретарю передать собравшимся в приемной редакторам, что это событие имеет только местное значение, а вечером передавалась по радио его статья, заклинавшая понять, что размах советских наступлений — угроза Германии, ее существованию. Ганс понимал, что разнобой не вина рейхсминистра, принужденного решать двойственную и неразрешимую задачу: ему надо было внушать одновременно страх перед русскими и презрение к ним, что было несочетаемо. Пропаганда сбилась с тона, линия была потеряна. Вместе с ней утратилась и четкость организации. Феттшедлиху не приходилось больше доказывать преимуществ картофельной шелухи перед молоком, ибо ни для кого уже не оставалось добровольного выбора, и он переведен был в отдел по поднятию настроений инвалидов. Весь огромный запас лиферцифферских цифр не открывал уже сегодня никаких перспектив, и цифры придумывались отделами и сотрудниками самостоятельно, сбивая людей с толку. Оракул, трибун пивных и делатель слухов Хельзеер уже не занимался кольцами Бурбонов и Лавалья, его заставили писать для солдат брошюры, а филолог Ганс и Эшке составлял комментарии о событиях дня.

После очередного прочесывания министерств несколько десятков сотрудников отправлены были на восточный фронт, и это внесло дополнительные затруднения. Теперь Хельзеер или Ганс разрешали по поручению руководителей министерства вопросы, в которых они не ведали ни начала, ни конца. Несколько дней назад Гансу пришлось, например, утверждать к выпуску очередную кинохронику, к которой он прежде не имел никакого отношения. Утверждая, он не знал, правильно ли сегодня, что русские по-прежнему

падали на экране целыми сонмами, а героические немецкие солдаты торжествовали победы, которых вне кинозалов они давно уже не имели.

Да, стройное дело пропаганды развалилось, и это полностью обнаружило себя после высадки англо-американских войск. Ганс не выходил весь этот день из министерства, но по многократным и нетерпеливым телефонным звонкам Марты понимал, какими дикими слухами полон сейчас Берлин и как немощно перед ними его прежде всесильное ведомство.

Раньше рейхсминистр говорил своим сотрудникам: не упоминайте, умолчите, заретушируйте, пустите слух, установите мнение. Этого повелительного наклонения было достаточно, в народе говорилось или не говорилось то, что желал или не желал маленький прихрамывающий человек с большим лбом и безобразным ртом. Он учил, что люди склонны принимать готовые мнения, подчиняя им собственные, а теперь обнаруживалось, что готового мнения у него для них нет. Марта спросила по телефону, правда ли, что в гигантской западне на побережье электричеством уничтожен весь английский десант. Через десять минут она спрашивала, верно ли что на окраинах Берлина высадились парашютисты. Через короткое время сообщала ему очередную нелепость, взвинчивая и без того крайне напряженные нервы.

Поздно вечером Ганс приехал домой, взял в саквояж кусок сала, коньяк, два круга колбасы и направился к Крешерам. Он хотел отвезти на сохранение очередной чемодан, в котором тщательно был запакован массивный серебряный письменный прибор, купленный неделю назад, но решил сделать это в другой раз, чтобы продукты не показались возмещением за назойливость, как оно на деле и было. За этот прибор Ганс заплатил четыре тысячи марок. Стоимость денег падала с ужасающей быстротой. Богатые люди стремились от них избавиться. Они хотели приобретать вещи компактные, транспортабельные и ценные, то есть бриллианты, иностранную валюту, золото и массивное серебро. Цен на эти вещи не существовало, каждый покупал и продавал как удавалось. За доллар платили из-под полы и пять и даже пятнадцать марок. Датская крона, равная по паритету пятидесяти пфеннигам, продавалась за пять марок. Ганс случайно сумел купить через одного из сыщиков фрау Штинк тысячу крон, но они доставляли ему беспокойство — положить иностранную валюту в банк он не решался, а в домашнем сейфе они могли погибнуть вместе со

зданием. После вторжения, если оно удастся, деньги еще более падут, конечно, в цене...

Был одиннадцатый час ночи. Ганс вел машину совершенно спокойно. Летчики прилетали обычно между семью и девятью, никогда позже. Кроме того, по радио объявлено было, что имперская территория свободна от самолетов врага. Но Ганс спешил, боясь, что Крешеры рано лягут. Велико было его удивление, когда в комнате двоюродного брата оказались гости — незнакомый человек и непонятно как попавший сюда Альберт Пэт. Ведь только на днях двоюродный брат о нем спрашивал! Что общего могло быть у этих людей? И они были явно смущены, что Ганс застал их вместе. Пэт преподавал германистику в школе, Крешер был рабочим и солдатом. Что могло их свести? Зачем Крешер Пэта разыскал и зачем Пэт так быстро Крешера посетил? Все эти вопросы пронеслись в голове Ганса, но он постарался не обнаружить удивления.

Сало и коньяк оказались кстати, все сразу опрокинули в себя крепкую жидкость, которая для троих была невиданным лакомством, и разговор сейчас же зашел о событиях сегодняшнего дня. Крешер считал, что ближайшие дни обнаружат крах берегового германского вала.

— Восточный опыт показал, что современного огня не могут выдержать никакие оборонительные линии, — сказал он. — Все валы — мифы. Их штурмуют в лоб, обходят с флангов, поражают с воздуха, и они превращаются потом в гигантские братские усыпальницы для тех, кто их защищал. Служили они для нас всегда надеждами, а оказывались кладбищами. Если хочешь, они явились роковыми, наши валы. Их можно бы назвать линиями самообмана.

— Позволь, нельзя же отрицать значения укрепленных полос...

— Я не отрицаю. Мне известен вал, который опрокинуть оказалось невозможно, — вал под Москвой. И знаю еще один вал, который похоронил нападавших, — вал Сталинграда. Но заметь, в обоих случаях бойницы защитников вовсе не залиты были бетоном. Мы уперлись здесь в человека, споткнулись о валы, расположенные в сердцах.

— Это романтика. И притом неуместная. Ты говоришь о большевиках.

— Я говорю о фактах.

— Факты эти относятся к большевикам.

— Ты связываешь силу русских с большевизмом? Любопытно! — Крешер расхохотался. — Мысль опасная, но мы

тебе се простим. Сейчас все боятся собеседников, потому что они могут оказаться гестаповцами, но я на тебя не донесу, честное слово, не донесу. — Крешер захохотал опять.

Ганс негодовал.

— Что ты себе позволяешь! Я сказал, что мы не должны оперировать мерками большевиков

— Вот, вот! — подхватил Крешер. — А их нельзя измерять по нашим меркам. И это надо было ведать до того, как начинать с ними войну. Это красные черти, азиаты с моторами, сфинксы, варвары, монголы, дьяволы, гидры о ста головах и прочее и прочее, но их скажем прямо, плохо иметь врагом.

— Твои слова, если хочешь знать, теперь уже... мало оригинальны.

Брови Крешера слегка приподнялись, и он спросил серьезно и просто:

— Ты считаешь, что это здесь теперь понято?

— Может быть, — уклончиво ответил Ганс, сообразив, что сказал лишнее. — Но какой отсюда вывод? Нам не остается ничего другого, кроме борьбы до конца.

— Да, конечно, — сказал Крешер, переглянувшись почему-то с Альбертом. — Но именно потому, что большевики оказались большевиками, вторжение западных противников удастся теперь безусловно.

— Как тебя понять?

— Так и понимай. Нам нечем теперь опрокинуть их в море. С востока не будут сняты ни одна дивизия, ни один батальон. А из Франции давно угнано в Россию все, что возможно. Я в дороге столкнулся со 113-й дивизией — молодые парни, стоявшие в Бресте. И все подкрепления идут только в Россию. А пока мы истощались на Востоке, западные понаделали себе столько пушек и кораблей, что мы им теперь даже и пинков-то не нададим.

Гансу хотелось продолжить этот разговор, хотелось знать, к какому логическому выводу приведут его люди, так спокойно рисующие перспективы конца, но ему показалось опасным ставить точки над «и» и мешал посторонний человек. Он заторопился и предложил Пэту подвезти его домой. Гансу показалось, что удовольствие, с каким Альберт принял его предложение, было искусственным.

Ближайшие дни подтвердили скверные и уверенные пророчества двоюродного брата. Из секретных записей радио-сообщений противника видно было, что за три года, в которые силы Германии поглощены были полностью Востоком,

заморский противник создал большую армаду вторжения. В воздухе над двухсоткилометровым участком берега повисло чуть ли не тридцать тысяч летчиков, многотысячный флот из судов и барж вез войска; сонмы стволов корабельных орудий обстреливали берег. И немецкие силы не могли уничтожить ни этот флот, ни высадившиеся на берегу отряды. С каждым днем, с каждым часом противник расширял добытый плацдарм, непрерывно выгружал на берегу людей, танки, орудия, продовольствие и боеприпасы, и делал это почти безнаказанно, неся до смешного малые потери. Его морское командование сообщало, что планировало потерю десятой части десантных судов, «но вследствие слабого сопротивления немцев незначительный урон понесли только легкие суда». На третий день после начала операции Рейтер известил, что «потери в живой силе и в кораблях оказались ниже самых оптимистических предположений». Еще через три дня Монтгомери уже перевел на французский берег свой штаб, и в первом занятом канадцами городке население уже избивало своих сородичей, которые сотрудничали с немцами.

Исход сражения перестал быть гадательным. Все стало столь ясным, что одна из берлинских газет заговорила даже неслыханным языком. «Прежде,— написала она,— мы издевательски призывали противника ко вторжению, теперь оно представляется нам вовсе не смешным». Это был явный выпад шефа прессы против рейхсминистра, но последний только отмахнулся. Хельзеер предложил вызвать редактора и сделать ему памятное внушение, но шеф ответил: «Я занят, оставьте меня». И действительно, министру пропаганды теперь было не до редактора — во Франции министра пропаганды уже успели в эти дни убить.

21 июня тысяча американских летчиков среди бела дня налетела на Берлин. Этот налет показался Гансу страшнейшим с той ночи, когда он судорожно обнимал старика садовника. И это был первый крупный налет со времени вторжения. Две недели берлинцы уже не спускались в подвалы и успокаивались тем, что-де, вероятно, авиация противника занята во Франции и воздушная оборона столицы усилилась. Теперь они осознали обратное: вражеские летчики стали опаснее — они получили аэродромы в самой Франции.

Ганс оказался во время тревоги во Фридрихсгайне — далеко от дома и министерства части города. Он ехал к маклеру по бриллиантам купить два камня в шесть каратов. Это были истинные солитеры, торговец требовал за них шест-

надцать тысяч марок, и Ганс торговался с ним уже неделю. Теперь он решился, боясь упустить случай. При первых звуках сирены он до предела повысил скорость и помчался к огромному круглому зданию — каменной глыбе, в направлении которой ехали и бежали все. Под глыбой оказалось просторное и глубокое бомбоубежище. Ганс предъявил документ, его впустили и занесли в список. Списки давно уже составлялись в берлинских бомбоубежищах и выносились из подвалов наружу. Это делалось на всякий случай, чтобы знать, кто оказался засыпанным. Гансу вручили лопату и лом — откапывать себе обратный путь в случае надобности.

Он провел в подвале часы, которые показались ему бесконечными. Разрывы и пальба сливались в сплошной грохот. Казалось, вся надподвальная бетонная глыба ходит ходуном. Люди молчали, никто из сведенных здесь случаем женщин и мужчин даже не пытался друг с другом заговорить. Каждый гадал про себя, что взлетает сейчас на воздух, останется ли ему сегодня ночлег, какие куски Берлина вырвет этот налет, сколько времени не будет теперь газа, электричества, пойдет ли трамвай. Все слова были за многие, многие ночи давно переговорены. Люди стыдились уже слов.

Бродя потом по городу, Ганс видел разбитые в щепы вагоны трамвая, квартальную ленту очереди за супом, — котлы стояли в дверях какого-то кино; вытащенные из обвалившихся домов и сваленные прямо на дороге кровати, мебель, посуду; груженные трупами наглухо закрытые автобусы; с трудом пробивавшие дорогу санитарные машины. Люди с чемоданчиками брели неизвестно куда и зачем; через многие часы после того как радио объявило, что «воздух над столицей свободен от вражеских самолетов», Ганс оказался свидетелем гибели нескольких прохожих, на которых обрушилась повисшая часть здания. И тут же после того как из-под обломков были извлечены трупы, какие-то люди стали прилаживать и пристукивать к уцелевшей стене фанеру и доски, пытаясь создать себе на ночь кров.

Квартал, в котором жил маклер, был оцеплен. Все здания в нем были разрушены до основания, словно летчики специально целились в эти дома, населенные булочниками, портными, владельцами мелких лавок. Раньше в руинах обвалившихся зданий велись суетливые раскопки, а в этом квартале царила зловещая тишина. Никто не выкапывал людей, не отыскивал скарба, не рыдал над раздавленными. Это не значило, что под битым камнем совсем уже не было

дышавших. Нет, то была капитуляция власти перед горами кирпича. Государство могло еще губить людей, но уже не в состоянии было спасти их. И это окруженное эсэсовцами безмолвие, значение которого каждый хорошо понимал, не решаясь себе в этом признаться, было страшнее другого оцепленного места — вокруг бомбы замедленного действия, оторвавшей еще не подсчитанное количество ног и голов. Здесь распоряжались и двигались, рыдали и командовали, что было утешительным, ибо означало, что Германия не была только царством мертвых, оставались еще живые, чтоб их оплакивать или умерять плач.

Но слез в Берлине сравнительно с горем было мало, очень мало. Их уже не осталось. Ганс поражался спокойной деловитости отца, который укладывал на тележку труп мальчика. Он наблюдал тщательность, с какой люди мелом выводили на камнях своих бывших квартир адреса загородных бараков, где их следовало искать. Он наблюдал одну семью, шедшую с узлами и саквояжами по улице, — мать заходила в подъезды домов, осведомлялась у привратницы, нельзя ли им где-нибудь приткнуться, выходила через минуту назад, дети ни о чем ее не спрашивали, брались за узлы и шагали дальше. Ганс удивился быстрой распорядительности властей, сразу же после налета развесивших объявления, запрещавшие разбирать в разрушенных домах оконные рамы, двери и прочие уцелевшие части. Власти призывали соплеменников делать все нужное собственными руками...

Ганс пробрался к Александрплатц, где удивительным образом уцелели и колосс универмага, и другие здания. Он хотел пройти отсюда в боковую улицу, где оставил в случайном гараже свой автомобиль. Но улочка оказалась запертой густыми отрядами СС, и люди бежали от нее в стороны, как от зачумленной.

— Замедленного действия? — спросил Ганс у одного из спешивших, полагая, что в квартале не разряжена бомба с часовым механизмом.

Ему не ответили, но через минуту Ганс сам увидел «бомбу», которая вызвала такое возбуждение. На повисшем в воздухе балконе пятого этажа разбомбленного дома красовался огромный щит, и Ганс изумился, поняв содержание. На щите стояло: «Вот что принесла нам империалистическая война!»

Кто, каким образом и когда смог установить этот щит, к которому нельзя было теперь подступиться? Он бросал-

ся в глаза, словно маяк, он страшил необычайной дерзостью. Одни от него бежали, боясь оказаться свидетелями происшествия, а других, толпившихся за спинами эсэсовцев, плакат магнетизировал, как удава музыка.

Эсэсовцы замыкали входы и выходы из квартала, стоя, как дубы, плечистыми бессловесными шеренгами, часть их беспомощно суетилась под балконом, на который совершенно невозможно было влезть. Из подъездов соседних домов выводили схваченных людей. Ганс показал одному из эсэсовцев свой документ, и тот объяснил ему трудность положения: взорвать балкон нельзя, приходится ждать доставки пожарных лестниц.

Ганс всматривался в лица глазевших — ни возмущения, ни одобрения, одно холодное любопытство. И никто не подавал реплик.

Разбитый впечатлениями дня, лишенный возможности добраться к своей машине, Ганс устало повернул назад, к подземке.

* * *

Он был дурным сном — месяц июль. События громоздились в неправдоподобном обилии, валились одно за другим на голову Ганса Эшке, истощали остатки его сил.

Он-то мечтал о летнем отпуске! Он никогда не видел южного моря, о котором много рассказывали ему сотрудники министерства, два года подряд ездившие загорать или нежиться в тени пальмовых рощ французской Ривьеры. Толстый Феттшедлих с вожделием вспоминал, как ласкают, массируя живот, волны Средиземного моря, а усыпанный угрями Хельзеер говорил о чудном влиянии морского воздуха на кожу.

— А ароматы! Как проясняют ум тамошние ароматы! Ликерно терпкий запах магнолий мешается с пряной струей, исходящей от лавров, и этот благоуханный воздух обостряет чутье, как ничто другое.

Да, тогда жив был вишийский министр пропаганды Филипп Анрио. Он обеспечивал в Ницце для немецких шефов особый отель, оберегал от опасности их терренкуры среди стройных кипарисов и голубых эвкалиптов. Но он не смог уберечь от соотечественников себя...

Марта купалась одно лето в Сан-Себастьяне и рассказывала о благодати, опускавшейся на нее на берегу бескрайнего синего моря.

— Оно беспредельное, беспредельное. Солнце разливает

по нему серебро. Вода тепленькая, как молочко, ровенькая, как зеркало, чистенькая, как хрусталь. Из нее не хочется вылезать, и вылезает только затем, чтоб получить удовольствие плюхнуться в нее снова. И никакой политики, никаких дел, никаких войн! Все на берегу такие веселые, красивые, богатые, все отдыхают под шелковыми тентами, пьют коктейли с холодным апельсинным соком и опахиваются всерами из страусовых перьев. Не хочется никуда уходить, ничего вспоминать, ни о чем думать. И я была там такой доброй, мне хотелось раздарить разбомбленным все оставшиеся в Берлине платья, только бы не возвращаться туда, где есть эти бедные и где не все смеются. И если бы ты видел меня там! Я была тогда такой нежной, прямо как кошечка!

Ганс знал только купанья на Рюгене и в Герингсдорфе, этих малоприветливых полукурортных-полурыбацких местах, где были разбросаны уютные домики пансионатов, но балтийские штормы заставляли пустовать солярии. А уж кому, как не ему, надо было отдохнуть от трудов и потрясений, забыться на время от неумных стремлений, укрепить развинченные нервы. Только полжизни прожил он на земле, только взобрался на высоты, но ни телу, ни честолюбию не нашел покоя и не мог уже существовать без люминала, веронала... И как раз сейчас, когда мечту о фешенебельном курорте позволяли осуществить средства, Франция стала полем битвы, а Берлин — местом диких треволнений, где одно невероятие сменялось другим с быстротой, возможной только в кинофильмах.

27 июня за физическую связь с поляком арестована была Сюзанна. Ее парень водворен был в концлагерь, ему грозила за попрание чистоты немецкой крови смертная казнь. Чтоб получить свободу действий и принять меры к его спасению, она на первом же допросе на Принц-Альбрехтштрассе призналась в своей связи и раскаялась в ней. Капитан гестапо выпустил ее до суда, приговор которого мог быть один — годичное заключение ей и виселица ему. Спасти его могло только установление элементов немецкой крови у его прародителей и отсутствие славянской патологии в форме черепа. Обо всем этом Сюзанна доложила Гансу, явившись к нему с наглым требованием спасти ее поляка.

Ганс слушал ее потрясенный, не находя слов от возмущения и ужаса. Оправдались его худшие опасения насчет этой девки.

— И ты с этим пришла ко мне, ко мне?! — Он задышался от негодования.

— Да, к тебе... Ему будут измерять череп и исследовать его язык... какой элемент преобладает в речи...

Ганс тщетно призывал себя к сдержанности.

— Но как ты могла прийти с этим ко мне? Ты же знаешь мои взгляды, мою непоколебимую позицию...

— Мне плевать на них! — глаза Сюзанны блестели. — У вас нет взглядов, только страсть к наживе. К тебе я пришла потому, что ты единственный бонза, которого знаю. Учти: если Владислав будет повешен, я оглашу другую свою связь, твое имя будет смешано с моим, твоя карьера лопнет.

Это шантаж. У Ганса не оставалось выхода, кроме помощи этой девке, или уверения в том, что эта помощь последует. Он сказал себе, что надо действовать рассудочно.

— Ты не ошиблась, рассчитывая на мою дружбу. Человек, который производит для гестапо измерения голов, мне немного знаком. Если твой парень из Верхней Силезии, в нем могут, конечно, быть элементы немецкой крови. — Ганс постарался придать разговору дружеский тон: — Ты, наверное, очень полюбила, бедняжка, и сейчас страдаешь, да? Для женщины, говорят, любовь — весь ее внутренний мир.

— Да, я страдаю. Но жить только тем, что внутри, нельзя. Я над этим поднялась. Ваша война была наукой. — Сюзанна горько усмехнулась. — Теперь я многое поняла.

— Что, например?

— Что душой была, когда завидовала бабам, получавшим из Парижа туфли и из Норвегии меха. Я поняла, кто посеял в нас жадность и зависть, заражал болезнью, которой болел сам.

— Неудачный ход войны, моя милая...

— Война была бы еще трагичнее, будь она удачной, — вызывающе перебила Сюзанна. — Конечно, многие поумнели от успехов в войне, увидели, что их обманули, прозрели от личного горя. А я поумнела не от своих только обид.

— От чьих же? — иронически спросил Ганс.

— Ты сказал о внутреннем мире — меня все теперь трогает, все волнует, я обо всем теперь думаю иногда.

Ганс вспомнил злорадство, с каким смотрела Сюзанна на женщин, испуганных рассказом Крешера о силе большевиков... Да, в этой немке текла непонятно какая кровь.

— Ты по-прежнему много работаешь на фабрике? — постарался он переменить тему разговора.

— А разве нам дают передышку! Изнемогая, делаю пат-

роны, вместо того чтобы их истреблять. Работаю на войну, когда хочу действовать против нее.

В эту ночь Гансу не помогли две облатки люминала. У него билось от них сердце, он метался в кровати. Самым правильным было бы пойти в гестапо, все рассказать и упечь девку с места, откуда никогда не донесется ее голос. И ускорить помолвку с Мартой. Навсегда связать свое имя с ней. Будущий тесть должен приехать на днях. Надо делать предложение, объявить о помолвке в гестапо... Но не окажется ли чистосердечие гибельным? Может быть, лучше, найдя предлог, что-нибудь сделать через Могеля. Или водить девку за нос, обещать ей, отсрочивать...

В министерство он пришел не выспавшись. Нервное состояние усилилось, когда Ганс увидел на своем столе ворохи текущей почты. Уже давно чувствовал он, что превращается из специалиста, на дому выполнявшего особые задания, в чиновника, которого загружают чем попало. Филологические доводы никому не были теперь нужны, почтительное отношение к нему сменилось покровительственным, неявка его в министерство вызывала неудовольствие, словно он был мелким служащим, обязанным аккуратно отсиживать свой рабочий день, на столе его росли кипы бумаг, с которыми надо было как-то расправляться, что-то по ним предпринимать. Высказывать недовольство было опасно — филолога могли сейчас же отправить в действующую часть, что уже произошло со многими историками, искусствоведами и правоведами.

Некоторое время назад вошел в немилость замечательный историк, писавший в начале войны вдохновляющие статьи и книги о том, как Водан прошел со своим бушующим войском в бурную зимнюю ночь через поля всей Европы, о потомках германцев, хлынувших во времена Цезаря в Галлию, о готах, после рождества Христова дошедших до Вислы, Дуная и Черного моря. Этот талантливый человек, воскрешавший дух подвижности и воинственности в современных готах, был попросту отчислен из министерства и пропал на фронте без вести.

Не было слухов и об изыскательном этнографе, который в начале наступления на Сталинград доказал неоспоримые права Германии на Дон, где проживали некогда готы, которых обнаружило тут в шестнадцатом веке ехавшее в Персию посольство, а также на Ялту и Гурзуф, ибо, кроме Танаиса, как назывался прежде Дон, был еще и

Кармот — полуостров, населенный германскими предками и обильный диким виноградом.

Получено было и невеселое письмо от знаменитого прежде знатока литератур, воспевавшего все сделанное из железа и доказавшего вредность Шекспира, у которого мавр целует белую женщину. Этот человек добился еще изъятия Гомера из школьных программ. У Ганса лежала в столе книжка с автографом этого вдумчивого критика. «Гомер, — писалось в ней, — ненужное и вредное прошлое, ибо греки в его песнях воспринимают войну как бремя, в них не было отличавшей древних германцев жажды боя как такового. Учиться у Гомера, следовательно, нечему. Если же издавать его для детей, то троянцев надо переделать на индейцев...» Теперь этот бесстрашный литературный воин научился, наверное, как советует Крешер, раскрывать рот при артиллерийском громе, а возможно, уже навсегда его и закрыл...

Нет, теперь не время для утверждения уязвленного самолюбия! Ганс корпел над донесениями о действии нового оружия, готовя ободряющий обзор для газет. Но дело не клеилось. Когда первый самолет-снаряд упал на Лондон, немцы ликовали. Марта радостно говорила тогда Гансу: «Наконец-то! Наконец-то!» Но скоро они поняли, что долгожданное оружие ничего не изменит в ходе войны. Снаряды одолевали полтораста миль и не могли быть направлены против основного противника. Они летели на запад, а война против запада была уже проиграна на востоке. Снаряды падали вслепую, убивая лондонцев, но не трогая дивизий, аэропланов, кораблей.

Рейхсминистр назвал новое оружие «Расплата номер один», заверив, что это лишь начало. Но всем уже стало ясно, что это оружие случайного действия и военного значения не имеет. Ганс нехотя писал, понимая, что обзор получается неубедительным, бледным, когда позвонила Марта и сообщила, что приехал отец. Ганса охватило волнение. Скомкав конец обзора, он понес свое творение на визу к Хаммелю. Тот бегло просмотрел и сказал, не глядя на Ганса:

— Неубедительно, доктор, неубедительно, я бы даже сказал, невразумительно. — Хаммель снова помолчал и добавил: — Не опекайте больше газеты, господин доктор, пусть они составляют это для себя сами.

Ганс растерялся:

— Да разве я по своей инициативе, господин хауптбанн-фюрер... Я вовсе не хотел...

— Тем лучше, господин доктор, тем лучше.

Такой пощечины Ганс никогда не получал в этом здании. Он хотел, чтоб пол в этот момент разверзся и проглотил его. Но надо было пройти еще обратное расстояние от стола Хаммеля до двери его кабинета. И Хаммель смотрел ему вслед.

Через два дня тщательно одетый, но с появившимися под глазами мешочками Ганс сидел перед Бернгардом Пфельшем. Он казался одногодком своего будущего тестя, так румян, гладок и бодр был тот. К тому же ростом, шириной плеч и спокойствием Пфельш подавлял бледного незнакомца, пришедшего просить руки его дочери.

— Я не знаю вас, молодой человек, — говорил Пфельш Гансу, словно у того не было ни фамилии, ни докторского титула, — слышал о вас, но не имел удовольствия быть лично знакомым. Я не имел чести принимать вас в своем доме, знать ваших почтенных родителей. При таких обстоятельствах, согласитесь, ваше предложение, делающее мне, разумеется, честь, является в то же время слишком неожиданным. Я не могу отвергнуть его, поскольку рад иметь зятем человека ваших талантов, но лишен, к сожалению, возможности дать вам и утвердительный ответ, для которого нужно время, время и время.

— Господин Пфельш, в нашу эпоху, когда существуют справочные конторы, все данные о человеке могут быть получены в короткий срок, — пробормотал Ганс, понимая, что говорит не то, что надо.

— Возможно, милейший, возможно. Но у меня нет нужды выдавать свою дочь замуж по справке. Будем немного консервативными и вспомним, что предки наши устраивали свои судьбы без помощи детективов. Зачем поспешность, молодой человек? Дело слишком важно, чтобы решать его сплеча.

— Но что может принести отсрочка? — Ганс чувствовал, что назойливость делает его смешным. — Время лишь подтвердит то, что я уже имел честь рассказать вам. Моя карьера может считаться обеспеченной, мое ученое имя достаточно известно. — Он стал в подробностях говорить о своих литературных трудах, о покровительстве рейхсминистра и шефа прессы, о высоких гонорарах, получаемых от Аммана, о личной дружбе с ним. — Я акционер газеты, имею ценные бумаги, участвую в предприятии, ваша дочь будет жить на собственной вилле, я не растрачиваю доходы, а вкладываю их в ценности, владею еще и небольшим наследственным участком на западе...

— Все это очень приятно, молодой человек, очень

приятно. Но и все эти блага, которые вы перечислили, они тоже подлежат проверке временем. Сейчас период переоценки ценностей. Я бы даже сказал, период переключений. Моя дочь слишком избалована и требовательна, чтобы я позволил себе подвергать вас риску строить расчеты будущей жизни на шатких основах.

— Я не могу вас понять, господин Пфельш...

— Будем откровенны, как мужчины, заинтересованные в счастье женщины, молодой человек. Издание и тиражи книг всецело зависят от ситуаций. Имя, сделанное при помощи покровителей, может исчезнуть вместе с ними. — Пфельш выразительно посмотрел на Ганса и продолжал, словно сказал безобидную вещь: — Разве тот или другой шеф, включаемый вами в расчет, не может заболеть или отойти от дел? Разве модная сегодня идея всегда будет ко двору?! Или, например, газета, приносящая вам доход, не может ли она, скажем, потерять по той или другой причине подписчиков? Я лично — служащий, но мне известны и крушения тех, кто поддавался иллюзии, будто менее зыбкими благами являются ценные бумаги, недвижимость, акции, земли, пай. Все зависит, молодой человек, от того, каких предприятий это пай, как будут котироваться бумаги и где находятся земли. Согласитесь, что на румынскую нефть, например, нельзя ставить сейчас ни пфеннига, владельцы земель на востоке покидают их, как вы понимаете, без всякой компенсации, а миллион марок, вложенный в дома на нашей собственной территории, не стоит, вероятнее всего, ничего, ибо существование дома есть лотерея, аллегри. Взгляд на ценности и самые ценности надо уметь быстро переключать, поспевать за временем, опережать его. Надо иметь мужество отказываться от иллюзий и жертвовать тем, на что вы полагались. Надо, с другой стороны, обладать мужеством, чтобы делать в игре новые ставки.

Ганс понимал и не понимал. Перед ним был человек, который не сказал ни одного опрометчивого слова, но высказался с полной ясностью.

— Не вас, — продолжал Пфельш, — сотрудника рейхсминистра, помогающего направлять умы соплеменников, учить необходимости планировать личную жизнь, учитывая судьбы многострадальной родины. Ведь к этому призывают все статьи нашего доктора. И он глубоко прав. Блага, о которых вы говорили, весомы или никчемны в зависимости от продвижения войск. Или вы забыли о прыжке русских в последние дни? Большевики уже оказались по соседству

со ставкой, и мне сегодня дали понять, что она спешно переводится в глубь Германии, о чем могу вам сообщить, так как это все равно не останется секретом. Рейхсмаршал перебазировал авиацию. Прилетевший утром из Кенигсберга интендант рассказал, что там осаждают банки, выбирают вклады, опустошают сейфы, а вокзалы и дороги уже забиты бегущими. Прошу вас по этому поводу вспомнить, что еще недавно цены на недвижимость в этих местах поднялись вдвое против довоенных, помещение там капиталов считалось прекрасным делом. Как видите, представление о ценностях в наши дни чрезвычайно условно, они останутся у тех, кто поймет всю изменчивость их природы.

Ганс украдкой вытер лоб. Этот богатый и трезвый делец говорил о силе большевиков, словно полукрасный Крешер. Неужели опасность так близка и может неожиданно надвинуться катастрофа? Неужели русским открыт запад, немецкие армии не закрепятся на пути, и он, Ганс, ничего даже не успеет предпринять?

Словно угадав его мысли, Пфельш заговорил о необходимости отдавать себе в происходящем ясный отчет. Человек, который не хочет остаться без будущего, не должен полагаться на волю волн.

— Не приходится рассчитывать, — сказал он, — что войска в этих местах прочно задержатся. Не обратили ли вы внимание на сообщение о том, что в «тылу Советов остались довольно крупные немецкие части»? В переводе на добрый немецкий язык это означает их превращение в беспорядочные группы, отупевшие от канонады и страха; они разбегаются, вероятно, по лесам и попросту сдаются теперь русским. Произошел разгром десятков дивизий, полумиллионной армии, которая развалилась, которой больше не существует, молодой человек...

Ганс с трепетом слушал каждое слово. Но Пфельш замолчал.

— И? Что дальше?.. Что вы хотите сказать, господин Пфельш?

— Не больше того, что сказал. Не больше, но и не меньше.

Пфельш положил сигару в пепельницу и приподнялся, давая понять, что считает разговор законченным.

— Я рад буду видеть вас в моем доме, господин Эшке, — впервые назвал он Ганса по имени, — но сейчас не играют свадьбы.

Итак, это был отказ. Недвусмысленный и определен-

ный. Ганс обдумывал в последующие дни каждое слово Пфельша. Делец дал ему понять, что блага, основанные на связи с режимом, шатки. Переключение ценностей? Но каких, куда и как их переключать? Ганс безоговорочно последовал бы советам этого широкоплечего и ловкого человека, но тот не пожелал их дать, не пожелал приподнять завесу над тем, как переключается сам.

Ближайшие дни несли неожиданность за неожиданностью. Газеты опубликовали короткое и выразительное сообщение о снятии с должности рейхсфюрера по утилю Фрица Кламоттена, обманувшего доверие фюрера и обогащавшегося за государственный счет.

— Ничего не понимаю,— пожал плечами Рудольф, к которому Ганс поехал осведомиться о подробностях.— Мне хорошо известно, что он аккуратно вносил подарки на текущий счет министра, а иногда и очень ощутительные суммы еще более высокому лицу. Снятие с поста имеет какую-то значительную и тайную причину:

Разузнать ее, встретившись с Кламоттеном или позвонив ему по телефону, Рудольф счел лишним.

— Опыт жизни учит,— сказал он усмехаясь,— что интерес к людям, отрешаемым от дел, подрывает основы собственных.

Звонок Марты принес Гансу вторую новость: не только рейхсфюрер по утилю, но, что совсем непонятно и ужасно, его дочь Ева арестована гестапо. Несуразный факт изумил Ганса. Если Кламоттеном стали недовольны какие-нибудь большие люди, то при чем тут его дочь, далекая от финансовых дел отца и объявленная невестой многократно награжденного фюрером именитого генерала? Разгадка ребуса, над которым тщетно было ломать себе голову, неожиданно представилась Гансу через несколько дней.

Он просматривал в министерстве вражеские листовки, которые русские сбрасывали со своих самолетов немецким войскам. Некоторые из листовок написаны были попавшими в русский плен немецкими генералами. Один из них писал особенно подробно и убеждающе. Он сообщал, что командовал корпусом и сдался в плен, поняв бесполезность борьбы с превосходящими силами противника. По его словам, при разгроме центральной группы армий противник пленил 22 немецких генерала. Операция разгрома не имела, по его словам, равных в истории войн. Он объяснял это тем, что силы русских к концу войны не истощались, а возрастали. Когда генерала везли с фронта в русский тыл, навстречу ему

двигался нескончаемый поток танков, орудий, тягачей, мотоциклетных колонн, бронетранспорта, раций, понтонных частей и обозов. Генерал призывал немецких офицеров осознать тщетность борьбы и сдавать свои части в плен, чтобы не проливать впустую немецкую кровь. Автором этой листовки был жених Евы Кламоттен...

Листовка произвела на Ганса самое удручающее впечатление. Изменник этот человек или же поступает действительно по чувству патриотического долга? Не мог он не понимать, на что обрекал своим поступком близких и собственное будущее. Следовательно, он убежден в правильности своих действий и... переключается. В таком случае генерал в военной среде не одинок. Немало других пленных немецких генералов пишут листовки. Их продукцию русские умудряются вкладывать в специальные мины и тысячами выстреливать в расположение немецких войск. В министерстве принимались меры к тому, чтобы обезвреживать эту продукцию.

Вначале рейхсминистр приказал объявить, что офицеры, от лица которых пишутся листовки, мертвы и русские просто используют их имена. Но противник привозил пленных на передний край, и они лично обращались там через репродукторы к немецким частям. Министерство, уже лишенное прежней четкости в линии пропаганды, ведомство Веделя и командующие войсковыми группами стали давать разногласившие приказы. Пленные пропагандисты объявлялись русскими актерами, изменниками, которые продались врагу, жертвами пыток. Некоторое время Ганс тоже полагал, что генеральские листовки — следствие русских угроз. Идея германства, рассуждал он, конечно, велика, но не настолько же, чтоб жертвовать за нее жизнью... В существование идей, которые бы оправдывали такую затрату, он не верил вообще. Позже Ганс понял, что недооценивал силы комиссаров; им не для чего было насиловать пленных, они обладали таким количеством пушек и дивизий, что немецкие генералы попросту убедились в бесплодности дальнейшей борьбы.

Мысль оправдывалась тем, что Ганс знал или слышал о пленных, как представлял себе этих людей. Деятельный, подвижный, честолюбивый, склонный поучать и быть в центре внимания теоретик-артиллерист; высокий, властный, недоступный влияниям, несклонный к беседам командующий группой, потомок Бисмарка; бледный, бесцветный, женоподобный аристократ-летчик; беспощадно истреблявший население занятых районов, стувивший всех своих солдат и

сдавшийся напоследок в одиночку толстый и прожорливый пехотный генерал-карьерист; преподаватель тактики, страстный любитель решать на карте задачи по обходу противника с флангов и оказавшийся в глубоком тылу у русских, которые именно этим путем обошли его армию... Нет, на эту смешанную и враждебную публику русские не тратят, конечно, больших усилий. Они не считают ее своей тяжелой артиллерией, ибо имеют много всамделишной. Ни в какой таинственной школе на Лубянке русские этих людей, конечно, не обучают. Они выучили собственные войска, и именно перед этой выучкой спасовали немецкие генералы. И ряды пасующих множатся... На душе Ганса становилось все более смрадно.

Через пару дней произошло событие, самое потрясающее в роковом июле, обнажившее генеральское безверие перед всей страной. Бернгарда Пфельша не было в это время в Берлине, и Ганс, пользуясь его приглашением бывать на вилле, обедал в этот памятный день у Марты. Рудольфа не было по обыкновению дома, Катрин ушла к себе, и Ганс оставался вдвоем с Мартой, которая уверяла его, что слова отца не отказ, а отсрочка.

— Сейчас действительно не до свадеб. Надо заблаговременно спасать что можно и думать о будущем. Отец, например, улетел в Париж что-то вывозить...

— Но ведь англичане топчутся на месте. Еле взяли какой-то несчастный Канн. До Парижа они эдак не дойдут век.

— Англичане тут ни при чем. Отец боится, что Париж заберут сами французы.

— Ну против них-то у нас наверняка хватит сил.

— Напрасно ты думаешь. Я в последние недели много наслушалась. У отца был в Париже один человек, он рассказывал, что французские большевики разрушают туннели, мосты и дороги, ведущие к фронту, мешают переброске наших частей, и те вынуждены отвлекаться на подавление банд, которые являются по количеству настоящей армией. А войск там у нас совсем совсем немножечко. Появление же в воздухе наших самолетов вообще редкость.

— И тем не менее англичане с американцами, как выразилась одна их газета, хлебают суп войны по кофейной ложечке. На западе мы б всегда могли удержать фронт, если бы не восток...

Так вели они вялый разговор, когда раздался резкий телефонный звонок. Подруга Марты спрашивала, слыша-

ла ли она сейчас ужасное сообщение по радио. Марта бросила трубку и подбежала к приемнику. Но из него лилась обычная послеобеденная музыка. Ганс зашагал по комнате — ему следовало быть в министерстве. Звонить туда, спрашивая о том, что уже сообщено всей стране, было, однако, неудобно. Марта бросилась к Катрин. Та лежала на софе, лениво рассматривая сборник итальянских литографий. Нет, она ничего не слышала.

— Ты же знаешь, я не включаю эту шарманку. Я сыта Лили Марлен, победами и даже Марикой Рокк.

Ганс позвонил Лиферцифферу. Того не оказалось в кабинете. Он соединился с Хельзеером.

— Я болен, потому рано уехал. Не нужно ли прибыть в связи с событием? Есть ли срочные указания министра?

— Нет. Еще все неясно. Министр, может быть, выступит вечером по радио.— Хельзеер вздохнул в трубку.— Я буду сейчас писать статью о том, как охраняет фюрера десница провидения. Так было на войне, при прошлых покушениях и сегодня. Не знаю еще, кто эти негодяи, но уже провижу их. Выздоровливайте, Эшке, и не выключайте сегодня радио. Не исключено, что спасенный будет обращаться к народу сам.

Так перехитрив провидца, узнал Ганс о событии, которое повлекло за собою множество других. Он принялся вместе с Мартой гадать, кто были покушавшиеся на жизнь великого, являвшего собой единственную надежду Германии выплыть из страшной беды. Ганс решил, что нож в спину могли вонзить только англичане. Потом они перебирали французов, евреев, поляков. Марта забралась к нему на колени.

— Ну, хватит политики. Фюрер жив, и все хорошо. Целуй меня теперь.

Поздним вечером Ганс слушал дома выступление спасенного. Он говорил на высоких нотах и так быстро, будто стремился выстрелить в лицо противника, исхлестать словами, утопить в них. Слова кипели, набегали одно на другое, отчего некоторые не доходили до слушателя, опрокидываемые последующими. Голосовые связки не выдерживали напора, который шел из легких оратора, пытавшегося выдохнуть, выпалить, извергнуть максимум возможного, он начинал хрипеть, и тогда Ганс не мог разобрать целых фраз, которые застревали в горле говорившего. И наоборот, через короткое время, когда гортань снова обретала способность лить звук, оратору изменяли легкие, он начинал глотать воздух, казалось, что спасенный задыхается. Вся речь его,

построенная, словно по договоренности с Хельзеером, на уверении в том, что его сохранило на счастье Германии провидение, наполнила уши Ганса хрипом, криком и шипением.

Эшке не сразу смог объяснить себе, почему ощущение от этой речи было неприятным, но затем понял — она не оставляла впечатления силы. В ней металась громы и молнии, что выдавало разгневанного, но не владыку. Она обещала бури и смерчи, что обнаруживало жажду мощи, но не ее наличие.

Рейхсминистр не выступил. Зато рейхсмаршал Геринг и командующий флотом Денитц поздравили войска со спасением фюрера и призвали их к верности ему против предателей и бунтовщиков. Последних предлагалось хватать, арестовывать, убивать.

Ганс взволновался. Речь шла не просто о неудавшемся покушении. Бомба, слегка царапнувшая фюрера и убившая других, была, оказывается, только сигналом, частью попытки совершить государственный переворот. Дело шло о заговоре, имевшем целью поднять против фюрера войска, захватить власть, создать новое правительство, уничтожить национал-социализм. Заговор еще не раскрыт до конца, его участники действуют. И это генералы, возглавляющие войска и штабы...

Коньяк давно уже сделался для Ганса подспорьем, помогая смирять волнение, собираться с мыслями или избавляться от них. Почти залпом он осушил целый стакан. Генералы фюрера пошли против фюрера! Это и есть переключение? Чего хотят они: покинуть тонущий корабль или спасти его? О да. они-то пытались, захватив власть, спастись и выдать на милость победителя таких, как он, Ганс. Эти шкуры хотят остаться у руля и обречь гансов на гибель. Он, доктор Эшке, головой и кишками связан с национал-социализмом, его работы и деятельность пригвоздили его к режиму. Он выплывет или обречен исчезнуть вместе с движением. А эти хотят выплыть одни, выплыть за его, Ганса, счет, хотя сидели в одном челноке. Нет, милостивые государи, тысячу раз нет! Раз вы не берете Ганса с собой... Мы слепо пойдем до победы или конца, у нас нет другого выхода, а вас перестреляем, передушим, перевешаем!

Ганс был возбужден ненавистью. Ей нужен исход — в разговорах, обсуждениях, излияниях. Одиночество нестерпимо. Почему он не может получить Марту? Почему она сейчас не с ним? Он налил себе еще коньяка. Ненавистными стали теперь широкие плечи, лицо, спокойствие Берн-

гарда Пфельша. Погоди, любезный, ты мне ее еще отдашь! Ты собираешься переключаться, а для меня это невозможно. Я попросту войду в твою семью, и ты вынужден будешь взять меня в будущее вместе с собой. Я вырву у тебя твою дочь, и ты будешь купать меня в Сан-Себастьяне. Будешь!

* * *

В последующие дни Берлин производил впечатление города на осадном положении. По улицам то и дело проходили быстрым шагом крупные отряды эсэсовцев, проезжали автомобили гестаповцев, у правительственных зданий стояли пулеметы, в подъездах многих домов расположились неизвестные люди в штатской одежде, плохо скрывавшей маузеры на боках, на вокзалах шли облавы и обыски.

Берлинцы шепотом передавали друг другу новости. Один видел усиленную охрану во дворе имперской канцелярии, другой слышал, что эсэсовцы разоружили какую-то часть, третий уверял, будто солдаты центральной казармы спешно погружены были ночью в вагоны и отправлены на русский фронт, четвертый утверждал, что из гарнизона скрылась часть офицеров. Ходили слухи об арестах и расстрелах, производимых службой безопасности и спешно образованной «внутренней армией» под командованием Гимmlера, о которой никто не знал, из кого она состоит.

В атмосфере таинственности события всегда кажутся больше своих действительных величин. Но видеть их натуральные размеры было в те дни невозможно. Правительство настойчиво призывало расправляться с врагом, который для населения оставался невидимым, да и самому правительству был плохо известен, а с другой стороны, оно уверяло, что в заговоре участвует лишь кучка забывших присягу и ненавидящих национальный режим офицеров. Рейхсминистр писал, что заговорщики — «только одиночки, оставшиеся от давно прошедших времен, растерявшиеся и не понимающие, что именно национал-социализм является для немцев единственным спасительным средством». Но, узнавая о том, кем были эти одиночки, люди ахали.

Так, стало известно, что на квартиру бывшего начальника штаба — популярного по газетам и кинохронике генерал-полковника — пришли представители службы безопасности, вручили ему пистолет, и он молча удалился с ним в соседнюю комнату, откуда через минуту раздался выстрел. Официально объявлено было, что сменивший его начальник штаба снят с поста. Военный суд приговорил к пове-

шению трех других генералов и известного всей стране фельдмаршала. Произошла смена командующих войсковыми группами, отправлены были на фронт старые офицеры штабов, последние заново формировались за счет неизвестных армии, но несомненных по стойкости посланцев рейхсфюрера СС.

В представлении берлинцев заговор так и остался бы генеральским, если бы наряду с этой перетряской армейского руководства не исчезали одновременно сугубо штатские люди, благонамеренность которых была доселе столь же выше всяких подозрений, как поведение жены Цезаря. Из Лейпцига бежал его главный бургомистр, в прошлом глава патриотов и монархист, за голову которого служба безопасности обещала ошутительное вознаграждение. Скрылся за границу руководитель компании воздушного сообщения. Арестованы были крупные чиновники министерства юстиции, финансов, хозяйства, иностранных дел. Водворено в концлагеря несколько проживавших на покое помещиков. Исчезли некоторые сотрудники немецких посольств за границей, в том числе дочь и зять Лиферциффера. Забраны были люди, фамилии которых стояли в матрикулах немецких княжеств первыми.

Глухие слухи полезли об арестах в самой службе безопасности, где будто бы оказались покрывавшие заговорщиков сотрудники. Но совсем поражен был Ганс, когда узнал, что в концлагерь водворен не являвшийся в министерство по болезни Лиферциффер.

Люди мало понимали происходившее. Как доносило бюро учета настроений, последние были в стране безусловно скверными, но большинство жителей первых этажей радуется тому, что фюрер уцелел. В первых этажах проживали, главным образом, владельцы мелких магазинчиков и мастерских. Война обещала превратить этих людей в богачей, дать им даровое сырье, даровую рабочую силу и безграничные рынки сбыта, а принесла мобилизации, траур, закрытые лавки, работу у станка, ужасы, разочарование и, как выразился по другому поводу Роберт Лей, деиллюзионирование, то есть избавление от иллюзий. Если бы теперь отняли у них еще фюрера — того, кто обещал и в кредитоспособность которого они поверили, — это означало бы исчезновение живого векселя и крушение последних надежд...

«ВНИМАНИЕ!

СЛУШАЙТЕ
НАС!

ЧИТАЙТЕ
НАШИ
ЛИСТОВКИ!»»

Азроновские записки

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Великой Отечественной войне против фашистской Германии Коммунистическая партия широко и эффективно использовала военно-политическую пропаганду как острое оружие борьбы с врагом. В ее основу были положены ленинские указания о необходимости активной идеологической борьбы с врагами в боевых условиях. В ней использовался опыт большевистской пропаганды среди вражеских армий в ходе гражданской войны и военной интервенции.

Руководствуясь ленинскими указаниями, Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны придавала огромное значение организации, ведению и совершенствованию политической работы среди войск и населения противника, получившей название «спецпропаганда», рассматривая ее как важное направление идеологической борьбы с врагом, обеспечения победы над ним. Эта работа являлась неотъемлемой составной частью деятельности партии, государства и военных органов. Пропаганда велась с классовых партийных позиций, в духе высокой коммунистической идейности. Она была правдивой, наступательной и бескомпромиссной.

В Советских Вооруженных Силах работу среди войск и населения противника осуществляли Главное политическое управление Советской Армии, военные советы, командиры и политорганы. 24 июня 1941 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было проведено решение о создании и задачах советского информационного бюро. Его рабочим органом стал отдел по работе среди войск и населения противника (седьмой отдел) Главного политического управления. В первые же дни войны Бюро разработало тематику, тезисы и лозунги спецпропаганды для войск и населения гитлеровской Германии и ее сателлитов, определило основные формы и методы печатной и устной пропаганды и агитации в этой области.

Во фронтах и армиях непосредственными организаторами и руководителями спецпропаганды среди противостоящих вражеских войск выступали политические органы, седьмые отделы в политуправлениях фронтов, седьмые отделения в политотделах армий и старшие инструкторы по работе среди войск противника в политотделах дивизий.

Предлагаемая читателю книга В. Померанцева «На войне и после нее» — фронтовые записки седьмоотдельца — в значительной своей части посвящена спецпропагандистской работе этого аппарата политорганов. В ней ярко описываются и анализируются важные стороны работы седьмого отдела и седьмого отделения, в которых работал автор, и свой собственный богатый опыт в ведении политической работы среди войск противника и в разработке спецпропагандистских материалов.

В этом и состоит, наряду с историческим интересом, познавательная ценность записок автора для современного советского читателя.

*Научный редактор,
генерал-майор в отставке
М. И. Бурцев*

ОТ АВТОРА

Среди записей военной поры мне попала такая: «Лонд. радио 28.4.44. Самолеты с англ. опози. знаками. Листовки над Копенгагеном: «Близится час освобождения Дании». Обещают взамен немецкой оккупации русскую или приход негритянских частей, прошедших для этого подготовку в Америке... Грубо все-таки тевтоны работают!»

Эта характеристика не означает, будто советская пропаганда в немецких войсках велась хитрее, искуснее и распознавать ее было трудней. Наоборот. Она вообще почти не использовала окольных путей, делалась предельно просто и ясно. Не скрывая, откуда исходит, она обращалась к солдатам противника всегда напрямую, не утаивала, кто отправитель. Не считалась она и с выведенным зарубежными авторами «законом вуали». Они утверждают, что пропаганда, о которой известно, что она пропаганда, бьет вхолостую, что оставаться она должна неразгаданной и материалы свои ей следует делать на частные темы, как бы мимоходом роняя несколько западающих в сознании слов. Мы не прибегали к такой изощренности. Не затеняли целей своих. А уж второе положение западных социальных психологов было для нас просто запретным, его мы вообще отметали. В формулировке Британской энциклопедии положение это гласило: «Отличительная черта пропаганды — безразличие к правде». За все время войны ни в одной составленной нами листовке, ни в одной нашей звукопередаче к немецким солдатам не было пущено ни одного неверного слуха, как бы он ни казался заманчив и какую бы ни сулил нам пользу.

Эти выводы автор уверенно может сделать теперь, когда свои записи военной поры прочитал по прошествии четверти века. Его военный архив за эти долгие годы менял чердаки, антресоли, желтел, убывал. И вот наконец, когда

уже близится 25-летие нашей Победы¹, автор извлек его, рассмотрел глазом стороннего, состарившегося уже человека и признал за ним право быть изданным. Именно потому, что речь наша с немцами была абсолютно правдивой, для ее публикации не нужно калечить историю, а слова ее не стали мертвы, из вчерашних годятся и в завтрашние.

Автор находился во время войны в 7-м отделении одной из армий Запфронта, а затем — в 7-м отделе политуправления 3-го Белорусского фронта. Это были специализированные учреждения по ведению пропаганды среди войск противника. Предлагаемые читателю записи дадут представление о круге и методах этой деятельности, называемой иностранными авторами «войной иным оружием», «тайной войной» и т. д. Но в этих книжных заголовках — намеренный флёр детектива. В действительности же наша работа не носила никакой печати таинственности, вели к нам не скрытые тропы, и вся Красная Армия знала о том, что мы делали. В этом сборнике — записи автора, тексты для листовок, писавшихся им для немецких солдат, записи показаний пленных, которых ему приходилось допрашивать, обзоры прочитанных им писем из германского тыла на фронт и с фронта на родину, сделанные в то время обзоры германской военной печати, корреспонденции, печатавшиеся им в московских газетах, письма, отправлявшиеся им с фронта домой, ряд бумаг из личной его переписки. Всего этого сохранилась у автора лишь малая часть, и, разумеется, эти материалы разрозненные. Эта книжка, сделанная не задним числом, а из переплетающихся записей и личных бумаг того времени, позволит читателю как бы очутиться среди наших дел.

Дела эти будут ему наверняка интересны. О Великой Отечественной войне издано необозримое количество книг во всех жанрах, в том числе мемуарном, но о нашем роде оружия, о седьмоотдельцах, писалось очень мало.

В этих записях немало личного привкуса. Но все мы, рядовые седьмоотдельцы, отдававшие своей деятельности полную силу души, вносили в нее и те личные страсти, без которых немислимо творчество и наша пропаганда в немецких войсках не приняла бы столь значительный размах.

¹ Автор готовил свои записи к изданию в 1970 году, в это же время было написано «От автора».

Из публикуемых записей видны бедность технических средств, которыми располагали в начале войны седьмоотдельцы поармов¹, и порою различие в требованиях к самой пропаганде.

Одни первое время недооценивали ее вообще, считая, что убеждать немцев могут лишь «Т-34», а другие, наоборот, полагали, что седьмые отделы должны в любых обстоятельствах доставлять штабам перебежчиков. Из дневников той поры вспоминается настойчивость, с которой седьмоотдельцы налаживали производство листовок, восстают их споры со скептиками, не верившими ни в какие призывы, и с нетерпеливыми работниками, требовавшими, наоборот, чтобы любая листовка звала немцев в плен. Планомерно и упорно ведя свое дело, состоявшее в идеологическом просвещении немецких солдат, наша пропаганда в конце концов пришла к своему торжеству. Когда немцы вклинились в глубь Советской страны и Геббельс вещал им, что «мы уже победили и теперь задача лишь в том, чтобы защищать завоеванное», наши листовки могли впечатлять лишь единичных солдат. Но с переломом в ходе войны, когда военное счастье закономерно перешло на советскую сторону, не могло не сказаться и действие всей правды этих листовок, изо дня в день постепенно откладывавшихся в сознании и подсознании... Было обманчиво ждать зажигательного успеха от каждой из них, но во времени и в массе своей они дали результаты немалые. Из документов видно, что это действие нашей пропаганды хорошо сознавалось немецким командованием (оценивавшим ее очень высоко и лестно для нас). Оно вынуждено было противопоставлять ей усиление фашизации и террор, чтобы понуждать солдат «стоять насмерть». О масштабах и характере такого террора, беспрецедентного в истории войн, в записках много сведений.

Отбомбившись над Гамбургом, англичане часто сбрасывали над городом пакетики кофе, чтобы доказывать немцам безуспешность их подводной войны и богатство противника. А седьмоотдельцы брали изобретательной мыслью. Они изумляли немецких солдат своим знанием жизни их полков и дивизий, своей осведомленностью в разных делах, скрывавшихся от солдат их командованием, многотемьем, разнообразием доводов. И хоть внешне наши листовки выглядели порою неказисто, но было их столько и так много оказы-

¹ Политотдел армии.

валось в них неожиданного, что редок бывал на переднем крае солдат, который не читал, не искал бы их.

Но война — не триумфальное шествие. Даже в записях переломного сорок третьего года есть немало горьких страниц.

Великому скачку войск 3-го Белорусского фронта из Смоленщины в Восточную Пруссию предшествовали и долгий период затишья, и ряд неудачных попыток взломать оборону противника. Запечатлевалось это, конечно, и в дневнике. Но вырывать эти страницы, пытаться сейчас ретроспекцией изображать войну иным образом, чем она протекала, значило бы принижать степень наших усилий и цену Победы!

Читатель найдет в записках несколько неверных прогнозов, высказывавшихся автором слишком смелых надежд на окончание войны в 1944 году, расплывчатых рассуждений о послевоенном устройстве Германии, спорных мыслей по разным вопросам пропаганды в противостоящих войсках, неполных характеристик отдельных товарищей... Многое хотелось бы теперь исправлять, переделывать... Но документы войны не принадлежали бы уже к ее документам и не представляли бы сейчас интереса, будь они стилизованы под сегодняшний день...

В ПОЛКУ¹

Леденящий мороз. Немцы откатываются, прикрываясь лишь арьергардами. Не успевают они расположиться на передышку в деревне, как мы уже на подходе. Они поджигают село. Бои ведутся среди гари и пламени. Кто уцелел, плетется дальше, а мы по пятам. Наша задача — не дать закрепиться. Привалы два-три часа. Вваливаемся в несколько уцелевших домов. Падаем друг на друга, как пьяные. Потом — тело еще совершенно мертво — «Выходи!»... Поднимаемся одурелые и снова шагаем, шагаем... Метели. Мы по колено в снегу. Ветер в лицо, как хлыстом. Полковник Андреев на санках обгоняет ряды и кричит: «Живее, живее, сила пехоты — в ногах!» А в ногах-то и нет уже силы... Делаем по сорок километров за сутки.

¹ Автор записок начал свой фронтовой путь с июля 1941 года в составе стрелкового полка одной из стрелковых дивизий Западного фронта, а с мая 1942 года стал седьмоотдельцем.

...Идем и идем. Я не знал раньше, что можно спать на ходу... Спать, когда обжигает дыхание... Но зато телу тепло. Несколько суток назад черной ночью в каком-то овраге мы сбросили холодные сапоги и пилотки, надели валенки, ватники, шлемы. Переобмундирование происходило на марше. И теперь утешаемся, что если у нас шлемы в сосульках, то у немцев ничем не защищенные морды.

Наши тылы затерялись. Питаемся сухарями и сахаром. Так далеко оторвались от обозов, что те не скоро доберутся до нас. На прошлой неделе я видел, как падали лошади. Их выпрягали... Они провожали нас все понимавшими, страдальческими, больными глазами. Через полчаса их уже заметало... И мы опять утешаемся: у немцев застывают в снегах не концентраты из пшенки, а снаряды на многотонках. На пути нашем — многоверстные кладбища окаменевших машин. Они разбиты в тщетных попытках преодолеть мороз и сугробы. Много и неповрежденных, которых не удалось завести. Нагруженные всяким добром и пустые, они стоят занесенные снегом до самых бортов, вмерзшие так, что никакая сила не сдвинет.

Чьи это машины, определить невозможно, то есть невозможно сейчас разобраться, какие части против нас нынче действуют, вернее, бегут от нас. За последние дни я допрашивал пленных из самых разных дивизий и спецбатальонов. Эти люди не лгут, когда уверяют, что не знают, где их штабы, куда отступает их часть, сколько осталось от полка, батальона. Подразделения растеряли друг друга, и не только полки оторвались от дивизий, но и взводы от рот. Все спешат в паническом ужасе на запад, все смешалось и спуталось. Дороги впереди нас забиты бегущими, и когда задних удастся отрезать (увы, это все больше обозники), то выясняется, что отступали они не своими частями, искали, к кому бы прибиться... Хочется выть от досады, что не удастся нам прорваться в обход, опередить сколько-нибудь крупные группы...

Первый раз за многие сутки привал, длящийся уже шесть часов... Но я и часа не спал, все время допрашивал.

Сначала унтера, которого сам захватил. Нет, не захватывал а просто повел. Он уже разрядил весь свой диск, а другой не мог вставить окаменевшими пальцами... Потом «орангутанга», которого взяли под полом. Он был весь в сене... Потом лейтенанта, очень молоденького и в прош-

лом, вероятно, красивого. Как только приобогрелся немного, сорвал с себя форменку, черные тряпки, бывшие когда-то бельем, бросил их в пылавшую печь и начал остервенело скрестись. На лице была радость освобождения...

— Вы сумасшедший,— сказал я.— Неужели вы думаете, что мы вас оденем в другое?

— Не лицемерьте,— ответил он.— После допроса вы меня расстреляете, и я хочу хоть на час, перед смертью, избавиться...

— Ошибаетесь. Вас отправят в штаб армии.

— Вот как? Тогда есть смысл, если разрешите, заняться погой.

Он обнажил ее. Накануне ротный фельдшер отрезал ему обмороженный палец, чтобы не подкатилась гангрена. Остальные так выглядели, что надо бы тоже отрезать...

Но держался по-гитлерюгендовски, как дятел, упрямо. Утверждал, что отходят на заготовленные для них рубежи и отступление на Западном фронте тактическое, чтобы сманеврировать-де затем на других.

— Скажи ему, что мы до Варшавы дойдем,— говорит мне начштаба полка капитан Модзалевский.

— До самой Германии,— поправляет Свиридов.

Пленный молчит, потом отвечает, что «Советы никуда не дойдут». Им помогают сейчас русский мороз, бездорожье, в котором запуталась немецкая армия, да превосходство в числе. Но все это временно. Падение Москвы лишь отсрочивается. Она взята будет летом. Русская человеческая лава огромна, но это лишь лава... Ей не совладать с немецким оружием, немецкой организацией дела...

Говоря это, он подбодрился. Жалел, наверное, что его не слышат свои, что некому оценить его безбоязненность и преданность фюреру... В голосе звучали театральные нотки.

Потом в деревню привели целую группу в 45 человек. Она бродила неделю по лесу, пытаясь прорваться к своим. Во главе капитан. Приземистый, пожилой, из запаса.

Я разговаривал с ним, сидя на обугленной балке.

— Бога ради,— взмолился он,— прикажите отвести нас куда-нибудь в помещение...

— А вы оставили здесь помещение? Оставили хоть что-нибудь несожженным?

Он заплакал. В буквальном смысле слова заплакал.

— Стыдитесь,— сказал я,— вы же все-таки в валенках.

Валенки были на пятерых-шестерых. Стоптаные, отнятые у населения. Недаром оно боялось выходить при нем-

цах на улицу. Они снимали все шерстяное, все меховое, не считаясь ни с чем.

Но на капитане особые валенки: на деревянной подметке. Он объясняет, что их наспех изготовили недавно в Германии и прислали по три пары в роту. Выдавали лишь часовым...

— Но на часах,— говорит он,— приходилось стоять не единицам, а всем! В холодной обуви, без теплых шапок, в легких шинелях... Отмирают ноги, промерзает все тело... Этого невозможно терпеть, невозможно,— плачется он мне на непредусмотрительность Гитлера.— Этого никто и никак не может, не должен терпеть!

Разговор его совсем не такой, как у парня из гитлерюгенда...

— Мы все в фурункулах... Санитары выстраивают целые взводы и в пять минут одному за другим взрезают еще не набухшие чирья... Затем два перевязочных пакета на всех... Этого невозможно терпеть. Никто и никак этого не должен терпеть...

Пока я с ним разговариваю, наши солдаты выворачивают у пленных вещевые мешки, отбирают оружие, бритвы, ножи. У одного ефрейтора в кармане оказываются Железные кресты и медали.

— Почему,— спрашиваю,— не на груди?

— Мне не до безделушек теперь. Я променял бы это на рубаху без вшей...

Капитан ожесточенно, не стесняясь солдат, ругает при них генералов и Гитлера:

— Они обвиняют мороз! Но он ведь для обеих сторон! Почему же ваше командование сумело предвидеть его, а они не сумели?! Почему на ваших солдатах ватники, шлемы, ушанки, а мы в летних пилоточках? Нет, это не мороз тут виной, а стратегия! Глупая стратегия глупых людей. Они думали, что не будет зимней кампании! Думали, что весной у них встанет уже другая задача — Ла-Манш... Судить надо это, судить! Всех руководителей рейхсвера! — Потом он снижает: — Мне все безразлично теперь... Даже загадка, оставите ли вы меня после допроса в живых...

Но когда я велю его увести, он впопыхах, беспорядочно, силится что-то вспомнить, умиловить:

— Вся наша семья всегда была левой... Все голосовали за левых... Вы не слышали фамилии Ледебура? Это был известный социал-демократ. Он бывал у моих родителей в доме. Честное слово, бывал у нас в доме...

...Мы по-прежнему непрерывно в движении. Малодушно хотим остановиться хотя бы на сутки и в то же время ни за что не хотим. Как я не сдох еще почти совершенно без сна? Сегодня свалился прямо на снег, спал лишь часа полтора, и потом хоть бы хны! Ни усталости, ни даже насморка. На привалах мне приносят бумаги, найденные на дорогах в машинах или взятые у убитых и пленных. Я пробегаю глазами, ища только практических сведений. На просмотр личной переписки нет времени, стараюсь лишь не упустить интересного из штабных документов. Вчера, однако, попался аккуратный солдатский дневник с вклеенными в него фотографиями горящих поселков, расстрелов и виселиц.

Когда видишь подобные вещи переведенными в наших газетах, то как-то не верится. Кажется, что тут есть элемент пропаганды, что не могут люди такое сами писать о себе. Но я держал подлинник! Хотелось, чтобы весь белый свет увидел его, чтобы все люди земли услышали и поняли, с кем мы воюем, кто перед нами...

Эти педантичные записи делал ефрейтор 342-й пехотной дивизии. Все они относятся к пребыванию во Франции, Сербии, к тридцать девятому — сорок первому годам, до того, как автор записок был переброшен в Россию, где и нашел — спасибо судьбе — свой конец. Выписываю наугад абзацы:

«21 сент. 41. Очистка местечек Урвце и Брициновиц. Из 220 пленных, взятых в Урвце, расстреляли 152. После этой работы на скорую руку закололи свинью и легли спать. Потом подожгли Брициновиц и жарили на вертелах много птицы непосредственно на огне горевших домов».

«10 окт. 41. Опять строительство мостов, так как противник разрушил их. Получен приказ фюрера о том, что за каждого убитого немца расстреливается сто сербов, за каждого раненого — должны быть расстреляны 50. Но мы не подсчитываем, а просто выжигаем местечки и все мужское население сейчас же расстреливаем, неплохо кормя бескрайние вороны поля».

После этого он записывал, как они стреляли индюшек, чтобы не бегать за ними, и как смешно сопротивляются девушки...

Ефрейтор был очень аккуратен в подсчетах. Его дневник одновременно расчетная книга, в которой он отмечал, сколько им отправлялось посылок, причем каждому своему адресату отвел особый раздел. Я подсчитал, что из Франции он отправил их около ста двадцати...

...Женщины многочисленных рязанских, тульских, калужских деревенок, которые прошла наша часть, единодушны в рассказах о немцах. Те занимали кухни и комнаты, а хозяев держали в сенях. Совсем уходить из избы женщинам не разрешали: им надлежало колоть дрова, носить воду, очищать перья с кур...

— Немцы разные были, — с горькой усмешкой говорила мне старушка под Плавском, — которые вышибали нас в сени, а которые подобру выпроваживали...

В помещение не допускались и дети, норовившие иногда обогреться. Их немцы опасались особенно — не дай бог что-нибудь отопьют, откусят, отломают...

Слушать все это попросту дико. Но не было женщины, которая не характеризовала бы немцев анекдотически жадными. Сегодня, однако, мне попала их фронтовая газета «Штосгрупп», и оказалось, что дело не в жадности, не в какой-либо национальной черте, а в прямом требовании так поступать, в приказе, в строгом внушении, в строе мыслей и воспитании нацистской военщины. Вот что там говорится:

«Почти отовсюду, где в результате германских побед большевики вынуждены были эвакуироваться, они уничтожили или утащили с собой большую часть продовольствия... Русское сельское население должно, ведя дальше хозяйство, удовлетворять не свои, немецкие нужды... Сначала немецкие солдаты должны быть сыты, а лишь потом можно говорить о вражеском населении. Немецкий солдат будет подчас в нелегком положении, глядя на голодающих женщин и детей. Но он должен сказать себе, что каждый кусок, отдаваемый из сожаления, практически отнимается от немецкой армии. Поэтому надо вооружиться решительным жестокосердием».

Сегодня у него день рождения. Исполнилось двадцать. Он сообщает это с жалкой улыбкой.

— Скажи, — говорю, — ведь ты не эсэовец. Зачем ты так делал? Ведь ты сам сын крестьянина. Как же ты мог?..

— Мне приказали... Чего нельзя взять с собой — уничтожить... Наш лейтенант вытаскивал из сундуков холсты, обувь, белье и затапывал. Увидел самодельные кружева и переплел ими хвост у коня...

Он дрожит... А какой-то трясущийся от гнева старик тянет меня к вываленному в кале теленку...

— Смотри, товарищ, смотри... Разрубили живьем пополам и загадили, чтобы мы не могли сварить детям... Нет, ты его не спасай от нас... Я, Иван Силантьев, свидетельствую... Я его теперь своей рукой изрублю...

Сухо пишут наши газеты о народном гневе и ненависти. Их надо видеть на месте. Видеть, как ненависть эта, вселенная вдруг в тихих людей, клокочет в горлах, ищет исхода... Как надо было попить в этих людях людей, чтобы довести их до такого накала!

Как нас встречают — не передашь...

Мы вступили на окраины Плавска. Немцы из собора на центральной площади города строчили из пулеметов, а автоматчики забралась в товарный состав у вокзала и палили оттуда вдоль улиц. И вот, не обращая на все это внимания, бежала нам навстречу старушка.

— Бабушка, очумела ты, что ли? Забегай скорее в избу.

А старушка обнимала бойцов, запихивала нам сало в карманы шинелей и, восторженно плача, шептала: «Свои, свои».

В Березничих истребители с бреющего полета хлестали по улице, а на самой ее середине две девушки набирали воду в колодце.

— Бегите домой! — кричали мы им.

— Белье вам стирать будем! — кричали девчонки в ответ. — К нам, дяденьки, к нам! Десятая изба с левого края...

Не задерживаясь, мы шли по Ивановскому. За нами бежал мальчуган. Мать послала его передать нам в подарок сбереженного от немца барана.

— Сами ешьте, — говорили мы мальчику. — У нас кухня походная, мяса достаточно.

— Нельзя мне, — не отставал мальчуган. — Мать велела отдать обязательно. Мы — дома, а вы на войне.

В Федоровке женщина стала долбить твердую землю и извлекла банку меда. «Ешьте, родимые...»

Я пишу это сейчас в селе Соболевке, недалеко от Сухиничей, в избе Александры Камоликовой. Нас здесь набился десяток. В незатухавшей русской печи нагревала хозяйка для нас воду, которую заготовила еще до прихода полка, принося каждое ведро из колодца, метров за двести... «Плескайтесь, родимые, отмывайтесь в свое удовольствие...»

Теперь все легли спать, а я с хозяйкой сижу у чахлой коптилки. Она пришивает пуговицы к гимнастеркам

и брюкам, проглаживает наши шинели и рассказывает, как зашивали немцы в мешки все съестное, как забрали шубки у девочек, исполосовали их на куски и пришили себе под шинели, как убили соседку, пытавшуюся раздавать картошку пленным бойцам, помещавшимся в вагонах на станции Матчино...

— Да что же ты не ложишься, — спохватывается она время от времени. — И чего тут записывать!.. Разве можно без сна?

— А сами вы чего не ложитесь, — отвечаю я. — Поймите же наконец, что за нашей частью еще много других пройдет, и если вы обо всех будете так хлопотать, то из сил выбьетесь, свалитесь!

— Для своих силы хватит, — отвечает она.

Сегодня хозяйка рассказала мне о немцах еще такой эпизод. Приказали они однажды всем женщинам прийти в Старую Рессу, где находился штаб части, для какой-то особенно грязной работы и предупредили, чтобы одеться похуже. Ждала же их там не работа, а кинокамера. Для кинохроники нужны были кадры о «рвани в полудикой России».

Удивительным оказался этот солдат. Таких из 167-й пехотной дивизии, да и вообще таких немцев, я на фронте еще не встречал. Начитанный, думающий. Не поверишь, что ему двадцать пять и что он обыкновенный ефрейтор. Как мог сложиться и уцелеть такой самостоятельный ум в нацистской Германии!

— Эти парни, — дословно сказал он о молодежи полка, — радовались войне, грезили завоеваниями. Ведь в мирной обстановке они никому не нужны, а теперь они лейтенанты, унтер-офицеры, фельдфебели, то есть нашли себе, по их мнению, место под солнцем. Все их мысли — о наградах, о военной карьере, им даже в голову ни на момент не приходит, что Германия может не победить. Они неучи, умы их испорчены, работать отвыкли, потеряли свои лучшие годы на мечты и дела, о которых после войны всем противно будет и вспоминать...

Почему я считаю войну бесперспективной для нас? Почему не верю в устойчивость нашего пребывания здесь? Потому, что мира русские никогда не попросят. У нас

многие считают, что если весной мы разовьем наступление и зайдем еще ряд городов, то Россия будет всеми путями искать заключения мира. А я вот думаю, что как бы плохо ни сложились у русских дела, мир для них ни к чему. Ведь по мирному договору им пришлось бы отказаться от Украины, оставшись без руды, без угля и продовольствия, от кавказской нефти, от самостоятельности даже на той территории, которую Германия оставила бы им. Эта территория превратилась бы в Африку, из которой вывозилось бы все более или менее ценное. Но в таком случае война не принесет им большой ущерб, чем эдакий мир. Им терять нечего... А в войне затяжной, направленной на истощение, Россия поднимет ресурсы Урала, необъятной Сибири, и тогда конца не видать... Немецкие нервы сдадут раньше, чем русские. Мы нетерпимее к неустройствам, голоду, холоду, к дезорганизации транспорта, ко всему, что уже сильно начинает ощущаться в Германии. Нетерпимее хотя бы потому уже, что все эти лишения не вызывались необходимостью защиты страны. Ведь сражения идут за деревни, названия которых мы не можем и выговорить, а русские дерутся за свое, за насиженное... В общем, как это мне, немцу, ни печально признать и как мои слова ни покажутся странными в момент, когда немецкая армия стоит в глубинных районах России, а все же я склонен думать, что смеяться будет не Гитлер, а Сталин.

— Наполеон, — сказал он, — сильно жалел, что не умер в Москве, тогда крах приписан был бы именно тому, что он умер. Боюсь, что Гитлеру придется пожалеть о другом — о том, что не умер он еще до того, как возникла у него самая мысль о Москве.

Невеселые этот парень рисует и для нас перспективы... Длительная война на истощение...

Впервые за все это время могу сделать записи. Подтянулись все наши тылы, случилось кое-что неожиданное. Во-первых, девчужка. На вид ей не больше шестнадцати, но еще два она привирает. Москвичка. Спряталась в поезде между снарядными ящиками. Наши ездовые забрали ее вместе с ними. Ни в медсанбат, ни в связь не желает, требует винтовку с оптическим. В тире парка культуры и отдыха брала верх над мальчишками. Продемонстрировала нам свое снайперство, оказавшееся впрямь изумительным. Сняла с пальца колечко и с семи шагов из нагана в него.

Во-вторых, в обозе оказались бородачи, считавшиеся у нас дезертирами. Оказывается, отстав на каком-то привале, оба догоняли-догоняли свой батальон, пока их самих обоз не догнал...

Девчушка, сдружившаяся с нами в пути, стала доказывать, что их надо простить. Лейтенант Заяц поставил ее по стойке «смирно!». Она побледнела, подтянулась и замерла. Тогда он скомандовал ей: «Цыц!» — и отправил в медсанбат отсыпаться.

Ночь. При мерцающем свете коптилок пришли комбаты со сводками о потерях убитыми, ранеными. Составляется общеполковая в штадив... Хотя и без этого знаешь, как мы поредели, но в цифрах это особенно... И комбаты это не те, что были в Саранске. И не те, что сменили их. Третье поколение комбатов за месяц...

Роем траншеи, строим землянки. Залегает, и, кажется, прочно.

Это было месяц назад. Белопольский имел московскую карту. Мы сидели, рассматривали, рассуждали о том, что заняли только деревни, а Гжатска не обошли, сообщения с Вязмой не перерезали.

...Предстоит, видимо, позиционная, долгая... Но я был никудышный стратег. Теперь становится ясно, что хоть прошли тогда мало, но сделали главное: спасли Москву, заставили немцев заново создавать оборону, отвлекли на себя крупные силы, которые дополнительно были бы брошены на Волгу и в центр.

Странно, но в обороне ешь больше, чем на марше, в движении. Перед боями пожилые солдаты вообще боялись сытно поесть. Считалось, что при ранении в живот выживают лишь те, у кого пусты кишки. И вообще мирились с переборами в пище. Однажды на привале повстречались с беловцами. Они уходили, а мы занимали деревню. Выманили у нас сухари. «Вам, братишки, здесь горячего сварят, а нам в сапогах скакать на ветру». И тут же, наглецы, прямо у нас на глазах, скормили эти сухари лошадям. Один мошен-

ник, хохоча, даже заставил коня кланяться добрым людям, отдавшим ему свой НЗ. И наши бойцы не возмутились, а тоже развеселились тем, как их облапошили. Теперь же от траншейной тоски им все время хочется грызть что-нибудь, а попадая к котлу, ревниво следят за раздачей...

...Заняли два десятка домов. Людей — никого. Жители — в окрестных лесах, потому что простреливается деревенька насквозь. Изба, в которой мы с рацией, единственная с рамами и стеклами. Но и признаки жилья это тоже единственные. Час назад проезжал комдив с каким-то майором. Проверяли, нет ли кого в деревеньке. Накричал на меня и велел сейчас же убраться. Но в лесу так мокро и отвратно, что мы медлим, откладываем на после обеда, который сейчас варится. Гороховый суп из порошка и каша из концентрата. Меню неизменно, но под крышей терпимей. От гороха пучит живот, но съедаем все без остатка. С мясными консервами такой суп превращается в царский, но мы их давно, без расчета, сожрали.

Нашел письмо, которое адресовалось когда-то хозяевам этого дома. Написано оно А. А. Задонской, живущей сейчас в Москве, на Мало-Татарской улице, 7, квартира 11. Мы с тобой поменялись местами, милая деревенская девушка! Я оказался в избе, где ты жила когда-то с родителями, а ты поселилась неподалеку от дома, в котором жил я! Никого из родных в покинутой тобою избе уже нет, гуляет в ней ветер, да изредка прибредают солдаты, которым в лесу невтерпеж...

«Здравствуйте, дорогие родители, папа, мама, сестра Оля и все остальные. В первых строках моего письма хочу вам сообщить о том, что я жива и здорова и того желаю вам. Живу я пока хорошо. Мне от завода дали участок земли 200 метров. Это за Москвой 25 км и от станции еще 5 км по Павелецкой дороге. Вот я сегодня ездила копать землю и буду сажать картофель. Нам дали от завода по 8 кг. Потом посажу свеклу, репу, которую купила для вас. Ну вот, когда я ехала в поезде, я была очень рада и представляла, что еду в деревню, потом сошла с поезда и услышала, как запели птички, в пруду квакавали лягушки, кругом зелень. Этот день был очень жаркий, мы шли

босиком, и мне казалось, что я иду домой. Потом увидела стадо коров, овец, лошадей, и одна корова так похожа на нашу Малышку, только поменьше рога. Мама, я все шла, шла и вспомнила родную деревню, всех вас, и мне было так тяжело! Но что делать — все нужно пережить, чтобы их выгнать!

Пишите чаще, хоть пару слов, что вы живы... Затем до свидание писала ваша дочь Нюра».

Хорошо, Нюра, что не видишь ты своей деревни, по которой тоскуешь... Стадо коров! Я, Нюра, исходил по дорогам войны много-много километров и не видал ни одной...

— Что же вы сами, до немцев, коров не порезали? — спрашивали мы женщин, которые теперь с ребятами на руках, не знают, что делать.

— Милый, — отвечали они как по уговору, — да разве своя рука на корову поднимется? Слышали, ото всех слышали, что надо зарезать, что немец все равно обязательно съест, а все не верилось, все думалось, авось уцелеет...

Лягушки? Они, вероятно, по-прежнему квакают где-нибудь в сырости, но нет тишины, которая позволяла бы слышать их. Благости нет предвечерней...

Из всего, что ты вспоминаешь, осталась, Нюра, лишь зелень. Она пробилась, несмотря на войну. Я лежал сегодня на траве километров за двадцать от твоей деревеньки, у берега реки, поросшего удивительно сильным кустарником. И неподалеку от меня стоял лес, тоже прежний по виду. Но я знал, что уже в десяти шагах от опушки он изрыт, изрублен, наполнен людьми. Знал, что в глубине леса — штаб дивизии, зарывшийся в землянки, которые я никак не умею отличать друг от друга и до сих пор путаю.

В земляночной жизни, словно в норах, есть звериное, людям противопоказанное... Зато трава, на которой мы нежились после купания, речка и белые облачка, весело догонявшие друг дружку по небу, вселяют уверенность. Они спокойные, ясные. Они убеждают, что Гитлер, война — это наносное, временное, потому что противно природе. Растительной, журчащей, плывущей. И прежде всего — человеческой.

Зелень, Нюра, осталась. Единственная из всего, о чем ты тоскуешь, осталась. Но зелень — залог...

В СЕДЬМОМ ОТДЕЛЕНИИ ПОЛИТОТДЕЛА АРМИИ

У Гали сильный жар, осталась в дивизии, и захватить за ней не сможем. Хорошая девчонка, хоть и балуют ее в частях общим вниманием. Боюсь, как бы самому не свалиться, подметки отваливаются совершенно. Вчера уж как просушился, а стоило встать, только до машины дойти, и опять ноги будто в тазу с водой. А свалиться мне нельзя, тогда весь рейс, вся работа станций¹ — к бабушке. Завтра мы должны здесь кончить и направиться в 19сд². Командир полка обещал мне наполнить фляжки, и даже не только для согревания — я протираю ноги. Хватает ненадолго, а все-таки...

* * *

Днем сделал радиодоклад для наших частей о состоянии немецкой дивизии, действующей на их участке. Запустили пять пластинок, но красноармейцам мало, приходили из леса и все время просили еще. Я велел запускать еще целый час.

Потом поехали на позиции батальона 62-го полка. Командир полка предложил нам жарить прямо с КП батальона. Это уже третий встречаемый мной теперь капитан — комполка. Давно ли капитаны были только комбатами! Страшная убыль... Мы с Труновым даже сами поразились, как он не боится за КП. Он только рукой махнул. «Немцам, — говорит, — никогда в голову не придет, что это возможно. Вы уедете, и КП после этого никогда не будет обстреливаться. Решат, что здесь нет ничего».

Ветра не было, воздух сотрясался только «андрюшами». Так в отличие от «катюш» здесь называют шестиствольные. Отвратный звук. Действительно пронизывает. Но ложилось все время позади нас. Безветрие придало мне настроения. Читал со вкусом, отчетливо. С переднего края все время сообщали, что слышимость идеальная. Немцы прекратили даже разговаривать между собой.

Возвратились в Долгое и нашли нашу избу пустой. Соорудили коптилку из веревки, пузырька и патрона. Но перелили бензина, и вспыхнула. Из-за этого рано легли, но

¹ Звуковещательной станции, через которую передавали обращения к войскам противника с передовой линии фронта (М. Б.).

² Стрелковый дивизион.

это на пользу, так как поднялись в три утра и уже в пять давали передачу со старой позиции 60-го полка. Ветра не было, но передали только раз, так как в машину залетел возбужденный Трунов: «Прекратите!» Начался сумасшедший обстрел.

Потом, когда выходим из-под огня, начинает о стоимости машины, что она-де такая единственная на всем Западном фронте и прочее. Сплонь и рядом мы пересиливаем пальбу, заглушаем ее, и все сходит удачно, а П. погиб от первой же очереди, когда вышел закурить «козью ножку».

В момент передачи в машине находимся я, оператор и механик, а Трунов из блиндажа КП только сообщает о слышимости и огне. Ногин абсолютно не боится, да и вообще наше преимущество в том, что мы не знаем о происходящем вне машины, поэтому в нас страх и не может подниматься. Действительно, когда мы после передачи выскакиваем оглянуться, вокруг нас часто все ходит ходуном, тогда меня тоже страх сжимает, но у меня это только минуты, так как Плешков сейчас же заводит, и мы уже на другое место несемся.

* * *

Едем в лес разыскивать политотдел дивизии, получить продукты, заправиться и перекочевать в 19 сп¹.

* * *

Мы в д. Голышкино того же Гжатского р-на². Добрались с трудом. Все дороги оказались заминированы буквально в последние два-три дня, и наши карты теперь хоть выбрасывай. Минируют с густой прокладкой. Нас случайно вовремя перехватили в двух местах заградители, иначе уже не существовали бы.

Пишу сейчас, а идет отчаянная артиллерийская. Снаряд за снарядом. Все время перелетают. Разрываются с грохотом, который еще полгода назад так пугал меня. Действительно, привыкнуть можно ко всему.

Эта канонада — результат бесконечных разведполетов сегодня утром, и я уже по ним чувствовал, что так будет.

¹ Стрелковый полк.

² Смоленской обл.

Наши зенитки молчали — наверное, чтоб не обнаружить себя.

Сейчас лег совсем рядом с нами. Шлепнулся в болото и не разорвался.

* * *

Не понять мне этой психологии, сложившейся у людей еще до войны и оказывающейся сильнее войны. Сообщение о договоре застало меня в рейсе, а формально имею право передавать только тексты, утвержденные поармом заранее, но что может быть сейчас для передачи важнее, чем договор о втором фронте. Об этом же надо сейчас немцам кричать и кричать. Делаю, конечно, быстренько текст минут на семь, но... Трунов ни за что. Пытаюсь связаться с поармом, но не удается. Бросаюсь к начальнику политотдела дивизии. Мнется, отговаривается тем и другим. Кряхтя, подписал...¹

А он не трус в бою, я видел тут же. Рядом с нами, в 5—7 км, вела бой 109-я дивизия. Немцы двинули против нее восемь танков. Начальник штаба 109-й: «Быть наготове, возможно, хотят перерезать шоссе Гжатск—Можайск». Начподив очень спокойно: «Нет, у них операция отвлекающая. Если бы захотели такими силами отрезать, то сами оказались бы отрезанными».

Потом на участке, с которого мы вели вчера передачу, немцы начинают разминировать свои минные поля (взрывают) и перерезать проволоку, то есть дают понять, что будут атаковать. Начподив опять спокоен: «Если бы собирались атаковать, не показывали бы нам этого». И дает распоряжения, с атакой не связанные.

Уверенный в своих действиях хладнокровный мужчина. Пока дело не идет о бумажке, которую положено подписывать не ему, а поарму...

* * *

Выехали в гвардейскую дивизию, где нас закармливают и поят. Впервые за три недели в условиях издожденного леса помылись в бане, подстриглись, потом выспались в землянке. А до этого две ночи сидели в машине.

¹ Автор напрасно сетует. Он обязан был официальное сообщение Советского правительства передать немцам без всякого согласования (М. В.).

Дали отсюда две передачи и потом опять спали в тепле. А сегодня ночью немцы атаквали силой до батальона. В течение часа вели артподготовку и двинулись. Захватили один наш окоп, утащили людей. К утру их отбросили. Сейчас наши самолеты бомбят их на глубину 3—4 км. Предотвращают, наверное, возобновление атак. Над нами один за другим разыгрались три воздушных боя. Десятки машин с каждой стороны. Воспользовавшись занятостью наших истребителей, над нами на низжайшей высоте пронесся летчик (буквально морда мелькнула) и сбросил листовки. Текст обычный: немцы победили, переходите к ним в плен.

* * *

Наши потери в ночном бою: 18 убитых, 19 раненых, 13 пропавших без вести...

Кто эти немецкие части, действующие против гвардейцев? На трупах — ничего. Ни одной солдатской книжки, никакой бумажки вообще. Приезжал начальник штаба армии, уехал в досаде. Еще бы! Трупов много, а данных никаких. Меня привлекают к поискам. Ничего не обнаруживаю. Ищут Ногин, Трунов. Наконец кто-то из бойцов радостно кричит. Оказались два письма. Вокруг меня все сгрудились. Увы, какая-то двоюродная сестра упрекала кузена в том, что он плохо пишет по-немецки, не избавился от польской конструкции фразы. Итак, это был поляк Стефан Млинек.

На фланге дивизии со стороны противника на днях выбросили белый флаг, который тут же расстрелян был немецким минометчиком. Сегодня мы постараемся пробраться на этот участок и сделать оттуда передачу. Хотя думаю, что после истории с флагом людей здесь сменили.

* * *

Потрясающий опыт первой русской зимы и невиданный размах винтерхильфе¹ в Германии сказались нынче на интендантской работе. Из разных частей противника поступают сведения, что солдатам выдано или намечается к выдаче зимнее обмундирование. Пополненцы, едущие на фронт с маршевыми батальонами, получают дополнительную одежду еще при выезде. Солдат 258-го артполка 258 пд² показал, что

¹ Кампания по сбору теплых вещей для фронта.

² Пехотная дивизия.

маршевой части, с которой он прибыл на фронт, выдали теплое белье, свитеры и шерстяные чулки. Солдаты маршевого батальона, пополнившего на днях 36-ю мотодивизию, были одеты в осенние шинели. На склады 7-й дивизии поступили недавно куртки с капюшонами. Интендант 35-й дивизии отправил на днях на полковые склады ватные брюки, суконные куртки и теплые перчатки.

Но вот я рассматривал это зимнее обмундирование на только что захваченном в плен разведчике 10-й роты 61-го полка 7-й дивизии. Разведывательному подразделению выдали, конечно, все самое лучшее из нового обмундирования. Но сравнительно с нашим бойцом этот обмундированный совершенно беспомощен против зимы. У куртки есть откидной капюшон, но она даже не подбита ватой. На нем суконные бурки вроде тех, что носят у нас на Кавказе, но они не идут ни в какое сравнение с валенками. Притом выданы эти бурки только разведчикам. Но главное, что отсутствует, — это ушанка. Суконная шапочка еле натягивается на уши, оставляет незащищенными лоб, шею, всю нижнюю часть головы. В такой шапочке можно пофланировать полчаса по улице, защищенной от ветра домами, но не стоять на посту долгими ночными часами на открытых местах.

Учтя тяжелые уроки прошлой зимы, гитлеровцы одевают сейчас своих солдат в России. Но по-настоящему экипировать их не смогли.

Зато делается многое другое.

С переднего края спешно убираются сейчас в тыл все лица, получившие обморожения в прошлом году. По словам командиров, это делается для того, чтобы предохранить их от рецидивов, которые обременили бы и без того перегруженные госпитали. Но унтер-офицер 2-й роты 3-го полка 36-й дивизии объяснил нам эту меру иначе:

«Эти люди слишком много видели в прошлом году. Они были в составе бесконечных эшелонов, отвезивших обмороженных солдат в тыловые госпитали. Хотя им и сказано, чтобы не болтали попусту, но все равно от них много страха нагоняется. А дивизия состоит в основном из новых людей, которые с трепетом прислушиваются к рассказам о тридцати градусах холода. Ведь дома им казалось холодно и при шести. Поэтому солдаты уверены, что обмороженных убирают как нежелательный элемент».

Во-вторых, германские фронтовые газеты — какую ни посмотри — неожиданно заговорили о «необычайно теплой

зиме», которая будто бы предстоит в этом году в России. Тут и соображения армейских метеорологов, и высказывания каких-то «русских старожил».

В-третьих, издаются и прямые приказы, предлагающие исключить тему зимы из разговоров солдат. Такой приказ, например, мы видели за подписью командира 36-й мотодивизии. Он велит «принимать меры против солдат, которые возбуждают сейчас своими речами в кругу товарищей страх перед русской зимой». Хотя в конце приказа говорилось, что он «по ознакомлению и прочтении его офицерами рот должен быть уничтожен», экземпляр, с которого мы переводим, целехонек.

И наконец, любопытны две следующие предзимние меры.

В начале лета право на отпуска получили, как известно, солдаты, пробывшие в России с начала войны. Теперь же командиры частей получили предписание объявить солдатам, что отпуска будут предоставляться в первую очередь лицам, «мужественно перенесшим русскую зиму».

Изменены и правила о посылках. Их вес, как известно, не должен был превышать 50 граммов. Это вес шести сигарет или тюбика вазелина. Теперь же отправляемый солдатом домой жетон на посылку дает его родным право сдать на почту целый килограмм, но только чтобы в пакете были теплый шарф, носки, рукавицы...

Командование столь же боится зимы, как ее боится солдат¹.

* * *

Неожиданно оказался сегодня у высокого начальства, и там велся при мне любопытный спор. Полковник из разведки доказывал, что у немцев перед нами большое преимущество: их прифронтовые деревни целы, а наши выжжены. Для того чтобы лишить их этого преимущества, он предлагал бомбить жилые пункты с воздуха, выгоняя противника на мороз. Генерал отвечал, что немцы живут не в домах, а в блиндажах под домами, а полковник сказал, что одно дело блиндаж на ровном месте и другое — в населенном пункте.

— Это так, — сказал генерал, — но мы не только немцев, мы баб и детей на мороз эдак выгоним.

¹ К сожалению, автор не отметил, что все факты являлись острыми темами наших листовок к немцам (М. Б.).

Полковник резонно заметил, что это все равно сделают немцы при отходе из деревень.

— Сделают, — сказал генерал. — Но ведь мы-то с тобою не немцы.

* * *

Был на днях в одной нашей части и случайно узнал, что она формировалась в Саратове. Стал тогда всматриваться: не увижу ли знакомые лица? Но оказалось, что саратовцев здесь вообще очень мало. Часть сколочена из людей разных мест аборигенов надо искать.

Это тот же процесс, что и у немцев. Раньше каждая германская дивизия имела в тылу свой запасный батальон, питавший ее людьми из тех мест, где она формировалась. Батальон носил номер дивизии и отправлял маршевые части на ее пополнение. А теперь в маршевой части и вюртембержцы, и пруссаки, и баварцы. А бывает и так, что однородная часть рассыпает пополнителей по разным дивизиям.

* * *

В разведотделе штаба армии — целая группа пленных из 253 пд. Наши уточнили с ними оборонительные рубежи и систему огня, а потом передали их мне. Я поинтересовался прежде всего, как восприняли солдаты известие о капитуляции в Африке.

Солдат из штабной роты:

— Это было очень неприятной вестью. Африканская кампания ассоциировалась у каждого из нас с именем Ромеля, который был, можно сказать, самым популярным в эту войну генералом. Его имя всегда связывалось с победой. Нам рисовали его «сокрушителем англичан», «покорителем пустынь». Хотя в сводке и сказано, что большая часть войск благополучно эвакуировалась, мы понимали, что поражение велико. Сначала солдаты молчали, а вечером в блиндажах начались разговоры. Они свелись к тому, что хотя все это и плохо, но сотня тысяч солдат — лишь маленькая толика германской армии, утеря которой не отразится на ходе войны. Некоторые солдаты даже говорили: «Черт с ней, с Африкой, она нам и не нужна».

Другой солдат говорит то же самое:

— Англичане, наверное, ликуют сейчас. Но мы этого события не переоцениваем. Что значит несколько дивизий, когда у Германии их еще сотни! И вообще солдату сейчас не до

Африки. Его интересует война в России и бомбежки на родине.

235-я дивизия сформирована из жителей Рейнско-Вестфальской области и частично Вестмарка. Солдаты в вечном беспокойстве о родных. Они называют мне имена товарищей, уже получивших сообщение о гибели близких. Сообщают, что приказ о предоставлении отпусков солдатам, родные которых пострадали от бомбардировок, не выполняется. Поэтому настроение в дивизии крайне подавленное. Пленный из 453-го полка этой дивизии поднимает руку, словно школьник в классе:

— Разрешите добавить, господин офицер, что нас угнетают не только бомбежки, но и действия правительства, которые мы считаем издевкой. Квалифицированных зенитчиков, оберегавших Эссен и Дюссельдорф, посылают сейчас стрелками в Россию, а на их место ставят мальчишек, школьников пятнадцати-шестнадцати лет, которых в массовом порядке обучают сейчас для этого во всей Рурской области. Правительство считает охрану германских городов от бомбежек делом второстепенным сравнительно с предполагаемым наступлением здесь. Для нас же, солдат, дело обстоит наоборот, наши мысли каждый вечер: что там с родными?..

— Правительство действует правильно, — отвечает на это фельдфебель, смотря на меня безбоязненно и с враждебным спокойствием, — бомбежки тыла страшны, но все-таки страха от них больше, чем последствий. Бомбежки усиливаются, а жертв от них делается все меньше, потому что в городах теперь прекрасные убежища. Хорошо организованы также борьба с пожарами и снабжение пострадавших. Будучи в отпуске, я видел, конечно, и разрушенные заводы, но убедился, что это не может иметь решающего значения, так как в Германии нет квартала — да-да, утверждают, что нет такого квартала, — где не производилась бы сейчас какая-нибудь военная продукция! А ведь на нас работают и другие страны. Поэтому с бомбежками можно смириться. А вот с положением в России смириться нельзя. Здесь нужны скорейшие и решающие наступления. Когда мы окончательно здесь утвердимся, то с Англией разделаемся уже быстро. Она ответит нам тогда и за Рур, и за прочие области. Англичане не такие серьезные противники, как вы, с ними мы потом справимся...

Солдаты смущенно смотрят, они ведь еще вовсе не уверены в том, что Германия проиграет войну, и у них мелькает, наверное, боязливая мысль, не расскажет ли он потом, как они держались в плену... Но один из них бросает:

— Вир верден унс тотзиген (Напобеждаемся до смерти)...

Бездорожье — вот горюшко нашей машины. Осенью — сплошное месиво, а сейчас обледенелая грязь и ухабы, ухабы. Только выберешься из одной выбоины, через минуту другая, мотор все время плачет и стонет. Какие-нибудь 8 — 10 км от одного участка до следующего одолеваем только за два-три часа, а вчера вообще застряли бы намертво, если бы случайно не подвернулся тягач. МГУ¹ на этих дорогах беспомощна, словно рыдван. Делали ее на уральском заводе, радиооборудованием оснастили прекрасным, но не подумали, что такая махина не для смоленских лесов. Тут нужны вездеходы или же гусеницы. Там, где проходит полуторка, мы увязаем, а ведь именно нам надо быть, как никому, поворотливыми. Правда, приспособление для быстрого вращения рупоров сделано ловкое, и это мешает противнику засекаать нас по звуку.

Выручки на дорогах ждать не от кого. Проездив несколько суток, редко-редко где встретишь дорожников, утрамбовывающих одну из тысяч впадин. И никогда при них нет командира, который бы мог объяснить, в чьем они ведении. И еще я до сих пор не могу выяснить отношений дорожного батальона с минерами. Мне раз навсегда дали карту минных полей, но они то и дело меняются, и я оказываюсь дурак дураком. Вчера иду впереди машины, чтобы провести ее по рожице, и вижу неразорвавшуюся немецкую мину. Наши не потрудились ее убрать. А приезжаем в полк — там вылупляют глаза: «Как же вы мимо этой балки проехали? Ведь эта дорога к нам заминирована!» А мы спокойно ползли, не знали, что можем взорваться, не видели предупреждений...

МГУ делает очень мало сравнительно с тем, что могла бы при разведанных и сносных дорогах. И при надлежащей распорядительности. Вчера мы выступали с участка полка, командира которого, очень молодого и приветливого майора, застали в землянке за шахматной доской. Поиски позиции для МГУ начались лишь при нас. А ведь он был предупрежден... Да и каждый, к кому приезжаем, гостеприимен. Обязательно напоит, накормит и, конечно, хочет узнать, что передают немцы по радио и что о втором фронте слышать... В результате мы выступаем за ночь с одного-двух участков, а могли бы с трех-четырех.

Но какая радость для меня сейчас эти передачи, какая радость! Впервые чувствую, ощущаю, всем нутром ощущаю,

¹ Мощная говорящая установка.

что весь немецкий передний край, даже второй эшелон, меня слушают, слушают каждое слово и что слово это весомо как никогда.

Сегодня я — большая сила. Сила, заставляющая смолкать все оружие. Потому что тема моя — Сталинград...¹

Сталинград для слушающих меня сейчас немецких солдат — обух по голове.

«Не огорчайся, мамочка, неудачами в Африке, — писал двенадцать дней перед тем один лейтенант, — не на этом континенте решаются судьбы Европы, ее будущее зависит от исхода войны на Востоке. Томми ударяют нас только по заднице, а это, как известно, не очень чувствительно. По лицу же нам не доставалось и не достанется, потому что в России мы крепки, там мы вышли на Волгу, а это решающее».

«Панцерфауст» и «Штосструпп» изо дня в день печатали для солдат стереотипные фразы о том, что «в излучине Волги атаки русских отбиты». Еще 19 января армейская газета сообщала солдатам: «Внутри города происходят бои. Нами захвачено девять вражеских дзотов. Противник понес большие потери в людях и технике».

Это было последнее сообщение немцев о Сталинграде. Больше о нем не писалось... За неделю до выезда моего с МГУ, 1 февраля, пленный ефрейтор из 255-го полка 110-й дивизии показал, что «уже больше недели у нас не вывешивается сводок командования, а офицеры, если к ним заходит солдат, выключают приемники...».

В самом конце января командиры полков 6, 98, 258 и 110-й дивизий собрали у себя офицеров и ознакомили их с сугубо секретным приказом командования. В нем неожиданно говорилось, что «положение на восточном фронте стало крайне тяжелым», и предлагалось офицерству «не показывать солдатам подавленности происходящими ныне событиями».

Одного из офицеров, слушавших этот приказ, мы захватили. Он был из 29-го полка 98-й дивизии. Вот что я записал с его слов и передавал его же солдатам.

«С офицером, ведающим в дивизии пропагандой, мы редко общались. Тут вдруг мы были вызваны к нему на беседу, и он заявил: «Прекратите раздумья и разговоры о том, когда кончится эта война. Ее продолжительность теперь не имеет значения. Сейчас речь идет о том, быть или не быть нашей

¹ 23 ноября 1943 года советские войска завершили окружение 6-й армии Паулюса под Сталинградом; 2 февраля 1943 года группировка была ликвидирована. 91 тыс. солдат во главе с фельдмаршалом Паулюсом и 24 другими генералами взята в плен.

стране вообще». Таких докладов я и другие офицеры еще никогда не слышали. Мы затаили дыхание. Пропагандист же вынул из портфеля телефонограмму и в напряженной тишине прочитал сообщение о том, что наши войска отступили у Сталинграда и очистили Северный Кавказ. Это было для нас пушечным выстрелом под ухом. Ведь до этого все время говорилось, что все русские атаки под Сталинградом наши войска отражали».

1 — 3 февраля офицерам и солдатам названных дивизий было официально объявлено о гибели 6-й армии. От них скрыли, что 91 тысяча солдат и выживший генералитет сдались в плен. Наоборот, торжественно прочитали, что все сражались до последнего дыхания, генерал рядом с солдатом... Германские вожаки вообще заматались. Им надо было и успокаивать немцев, заверяя, будто отступление — стратегическая задумка, и, наоборот, внушать ужас перед «натиском орд», которые хлынут теперь на Германию. Задачи несовместимые.

Я спешно переводил у приемника речь Геббельса о тотальной войне. Крикливо, с пафосом... Но в сути своей — панический призыв против паники...

В приказе по армии не названы оставляемые города, но есть фраза: «Бои переносятся к границам Украины, потеря которой означала бы вторжение русских полчищ в Германию и гибель немецкого народа...» Далее фразы о стойкости...

Все это было для немцев ошеломляющим.

И они не смели не верить теперь МГУ. Она рассказывала им о капитуляции Паулюса, о лживости сводок, о приказах командования, скрывааемых от немецких солдат...

На одном участке мы поставили машину у самых проволочных заграждений второй линии, примерно в 1, 2 км от противника, прикрыв ее деревцами. Фактически она находилась на опушке леса, что запрещалось, но мы решили пренебречь этим: лес редок, почти весь вырублен на землянки, и, если бы мы забрались в него глубже, это все равно не могло бы уберечь от прострела. Зато слышали нас немцы идеально, хотя временами и дул западный ветер. Мы вообще слышны, если не мешает пальба, на 4 — 5 км вглубь, и на расстоянии, с которого шла передача, можно стенографировать буквально каждое слово.

На другом участке машина поставлена была впереди пулеметных гнезд, в которых осенью никто не находился, так как они заливались водой, а теперь парни испытывали двойственное чувство: им и любопытна была МГУ, и боялись, что навлечет на них огонь.

Огонь действительно поднимался страшный, но лишь после передач. А пока они шли, тишина стояла такая, будто все многоверстное пространство вокруг безлюдно вообще. Лишь только раздавались звуки штраусовских «Сказок венского леса» — прекращалась даже обычная стрельба при заступлении ночных смен. Один за другим в разных концах поля замолкали, словно по команде, пулеметы, и во все время передачи се не перебивал ни один выстрел... Зато потом! Потом немцы с отчаяния старались отомстить нам за Сталинград. Из всех видов оружия. А мы вертели рупорами, чтобы дезориентировать их, и скорес заводили наш рыдван...

Пишу это сейчас в великолепной землянке командира одного батальона. Толщина — пять накатов. Пригнуто так, словно клали саперы, и клали на вечность. Внутри не железная, а чугунная печка, какой не найдешь и у командиров полков. Выспались мы здесь великолепно. Утром бродили по лесу, хоть он и изгажен норами, вышли в поля. Какое чудесное утро стояло! Было совершенно безветренно. Легкий-легкий морозец. Чистое-чистое небо. Совершенно по-мирному сверкали поля. Так бело было в них, что глаза ослепляло. После машины и жары землянки хотелось вдыхать и выдыхать этот забытый целительный воздух. Легкие будто расширились, весь организм очищался, душа куда-то рвалась... А может быть, это Сталинград придал мне здоровья?.. Захотелось что-то делать, писать...

В этот агитрейс, рассчитанный на одиннадцать суток, мы должны выступить перед двадцатью пятью частями противника. Это не просто... Но мне сейчас кажется, что, наверное, даже любимый мной Яхонтов получил от оваций восторженной публики меньше утехи, чем мы от растерянной, суматошной пальбы, после рассказов о Сталинграде. Такого душевного подъема у меня на войне еще не бывало.

* * *

Начальник поарма Ряпосов вызвал Шифрина¹ и меня.
— Ну, выговаривайтесь!

Начали мы с авиации. Но жалобы на эскадрилью он от-метал:

— Она сбрасывает все ваши листовки. Что вам еще надо?

¹ Шифрин Моисей Исаакович, друг автора, старый партийный работник, во время войны был начальником 7-го отделения поарма, где служил автор; впоследствии политработник, после демобилизации работник культуры; умер в 1973 году.

Мы объяснили, что именно сбрасывает, а не разбрасывает. Мы сами отвозим их на аэродром, грузим в самолет, иногда даже вместе летим, но... только над передним краем противника, километра на 2 — 3 в глубину. До вторых эшелонов, которые будут потом вводиться в бой, наша пропаганда не доходит. А как раз там находятся люди более старших возрастов, то есть и более восприимчивых к здравому слову. Кроме того, листовка, попавшая в руки тыловика, передается обычно куда большему кругу лиц, чем это возможно в блиндажах и траншеях, где все на глазах.

Ну и, конечно, опять много говорилось о технической базе.

Мы печатаемся в типографии армейской газеты. Отношения с газетчиками самые добрые. Тем не менее наши листовки здесь — «золушки». Каждый раз, как сдаешь их в работу, тебе говорят: «Машина не выдержит», «Движок не рассчитан», «Печатники сутки без сна», «Тираж непосилен»... Перед тем как листовка берется на таллер, час уговариваешь, просишь, вымаливаешь.

И действительно, печатание листовок, их резка на примитивном станке, укладка в пачки по адресам немецких полков и дивизий отнимает у печатников больше половины их рабочего времени.

А начальник поарма не вправе ввести в штат 7-го отделения должность печатника, рядового по званию!

— Ладно, подберите себе человека, а я поговорю с начальником связи, чтобы он его зачислил к себе...

* * *

Формально все немецкие солдаты и офицеры — беспартийные. Никакого официального нацистского аппарата в армии нет, как и особых кадров пропагандистов¹. На целую дивизию есть при штабе одна штатская должность офицера «фюр гейстиге бетрейунг» («для духовного воспитания»). Радиоприемниками пользуются лишь командиры подразделений, а солдатам сообщаются только сводки командования, печатаемые на машинке в 3 — 4 экз. на роту. Беседы о ходе войны проводит строевой командир.

Пропаганда, которая должна вестись как бы невидимо и проникать в солдата исподволь, подсознательно, воздействуя не столько на разум, сколько на чувства, осуществляется

¹ В 1943 году в дивизиях введены «офицеры по национал-социалистскому воспитанию».

больше всего в тылу, который разными нитями связывает с собой находящегося на фронте солдата.

Какую он читает газету? Прежде всего областную, специально для него предназначенную. Передо мной номера «Камерада», которые гитлерюгенд¹ Нордрейн-Вестфалии посылает молодым рейнским солдатам на фронт. Все материалы здесь таковы, что обязательно будут прочитаны, ибо они о близком житейском, а «не о политике». Вот разделы и заголовки: «Кому из жителей Мюльхейма присвоены на фронте офицерские звания», «Наши раненые», «Награждение эссенцев», «Свадьбы отпускников», «Чем заняты сейчас девушки в Обергаузене», «Кто в Эссене чинит обувь детям фронтовиков», «Какие законы ограждают права солдатки», «Как и чем помогается разбомбленным семьям солдата»...

Просмотрел и двенадцать номеров «Мюнхенер Фельдпост». Она делается не только для солдат-горожан, но и для верхнебаварских крестьян. В ней много рассказывается о видах на урожай, облике родных деревень, о лишениях, с которыми мирятся солдатские семьи, обо всем, что где состоялось или стряслось... При этом значительная часть материалов напечатана на баварском наречии.

Масса писем и посылок на фронт от незнакомых женщин и девушек, от организаций ДАФ² и КДФ³, к которым принадлежали солдаты, от предприятий и клубов призвана поддерживать в солдате то же чувство органической связи с родными местами, ощущение того, что на родине пристально следят за его поведением на фронте и поглощены заботой о нем. Даже производство в ефрейторы вызывает поток писем, не говоря уже о таких событиях, как праздники, дни рождения, памятные семейные даты...

Во фронтовой печати сравнительно мало о фронтовой жизни. Зато здесь много роскошных, подчас на целую страницу, женских фигур, в том числе обнаженных («Она в томлении ждет домой победителя»), и писем девиц («Каждую неделю я беру у солдатки, занятой на военном заводе и обремененной детьми, сумку с рваным бельем и носками, а потом возвращаю их ей починенными и, разумеется, выстиранными»).

Действует такая пропаганда неплохо. Солдат мнит, будто все его сослуживцы и земляки впрямь постоянно озабочены

¹ Организация фашистской (гитлеровской) молодежи.

² «Германский трудовой фронт» — массовая фашистская организация, созданная гитлеровцами взамен разогнанных профсоюзов.

³ «Сила через радость» — фашистская спортивно-туристская организация.

мыслью о нем... Он склонен забыть, что жизнь в тылу — жизнь голодная, жизнь под бомбами, что землячкам — не до него, ибо на фронте вся их собственная мужская родня...

Но именно эта видимость и является плодом широкой, разветвленной, хорошо организованной деятельности пропагандистского аппарата, остающегося солдату невидимым. Пропаганда одурманивает его исподволь, и он полагает, что ее нет вообще...

* * *

Все немецкие пленные, побывавшие перед тем в отпуске, единодушно говорят, что настроение у них в тылу куда хуже, чем на фронте.

Немка пишет сыну, что молила булочника дать ей хлеба на день вперед, а он побоялся это сделать. Баварская крестьянка сообщает о радости присланного к ней украинского парня, которого до этого кормили в лагере клевером. Месячная норма жиров в немецком тылу — 62 грамма. Выражение «еле волочим ноги» — в половине писем каждой почты. В газетах я видел уже несколько заметок о судебных процессах и даже казнях крестьян, утаивших продукты от сдачи... А ведь у немцев сейчас Украина, Кубань, транспорты из Франции, от балканских вассалов...

Один немецкий офицер, мой собеседник, был в начале войны летчиком, потерял после боя силу зрения, переведен в мотодивизию, та потеряла зимой 41 машину, была спешена, теперь он стрелок спецроты, назначение которой объясняет очень туманно. Я подозреваю, что каратель. Решительно опровергает и приводит неожиданный довод:

— Я, господин офицер, верующий и суеверный. Клянусь женой и детьми, что в таких операциях наша рота никогда не участвовала. В моих устах такая клятва достаточна.

К концу долгого разговора он опять неожиданное:

— Мой отец голосовал за коммунистов, а теперь делает на заводе снаряды против вас, коммунистов. Мой двоюродный брат еще подросток высечен был за вольнодумие — не хотел ходить на военные занятия и нагисал на них какой-то едкий стишок, а потом его определили из-за высокого роста в эсэсовцы, и он там недавно Железный крест получил. Человек в наше время не принадлежит себе, он действует не по склонности, а так, как не может не действовать. Поэтому и не может ни за что отвечать. Разве мы виноваты в том, что родились в такое

время, а не раньше и не позже, когда этих вопросов не вставало бы.

Я заметил ему, что это очень удобная философия. Оправдывает любые преступления.

Он осмелел и спросил, что такое преступление.

— Если Германию победят, Геринг будет закован в кандалы, отвезен в Ковентри и там публично казнен. Если победит Германия, все летчики английской бомбардировочной авиации будут повешены перед Кельнским собором, в Эссене, Гамбурге... Только бог разберется, где вина и где беда человека.

Рассказывает об «упадке порядочности». Солдаты его роты спешат съесть получаемые из дома посылки, так как было несколько случаев, когда их друг у друга крали.

* * *

«Миттейлунг фюр ди Группе» («Сообщения для войск») — орган верховного командования, издаваемый для офицерства. В нем много материалов о борьбе с нашей пропагандой. Вот один из рекомендуемых приемов.

«Ложь и ложь»

В советской пропагандистской газете «Дас фрэйз Ворт» №2 от 15.1.43 помещено обращение, исходящее якобы попавшего в русский плен немецкого солдата из Бетцсдорфа-на-Зиге. Его подпись совершенно сходится с его действительным почерком.

История с этим листком должна быть объясняема так, что немецкий солдат убит, а его труп и документы попали в руки противника.

Постоянно публикуемые в «Миттейлунген» разоблачения фальшивок должны раскрывать глаза и самым доверчивым, которые есть еще среди немецких солдат. Враг, с которым мы имеем дело, дьявольский враг. Кто поверит его словам — будет предан и продан. Все исходящее от него есть ложь и ложь» (№ 256 от 1. 4. 43.)

Вот другой образчик того же органа.

«Разоблаченный московский обман»

Советское руководство старается представить дело так, будто Советская Россия ведет национальную оборонительную войну. Германия представляется напавшей на миролюбивую

Советскую страну. Это нападение вынудило-де большевистские войска защищаться.

Никто не является таким мастером маскировки, обмана и пропагандистских кунштштюков, как большевик. Поэтому необходимо противопоставлять такому обману то, что говорили большевики до 22 июня 1941 года».

И далее следуют цитаты из речей, которые большевики... никогда не произносили. Так, например, Ворошилову приписывается фраза: «Наша армия — это вооруженная армия Коммунистического Интернационала», Калинин — «Наша победа до тех пор неполноценна, пока другие страны мира не установили у себя большевистский режим», «Красной звезде» — передовая, в которой будто бы писалось, что «Красная Армия не успокоится до тех пор, пока знамя революции не развернется во всем мире», газете «Ленинградская правда» приписываются слова: «Как только время поспеет, мы должны напасть» и т. д.

* * *

Хвалятся изобретательность и содержательность печатной пропаганды поарма. На некоторые наши листовки Москва предлагает равняться.

Довольны член Военсовета Русских, Ряпсов, Банцырев. Мы с Шифриным именинники. И я злорадствую, что наряду с этим Москва ругает бедность и бледность внешнего вида листовок. Ни текстовых шрифтов, ни виньеток, заставок, ни возможности печатать в две краски, ни цинкографии... Как мы изощряемся, чтобы в этих условиях делать поразнообразней, опрятней! Комбинируем расположение заголовочных шрифтов ступеньками и полукругом, вырезаем клише на линолиуме, напечатали одну листовку на случайно доставшихся немецких видовых открытках, выпустили часть тиража двух других на обороте картинок, вырезанных из трофейных журналов... Голь на выдумки хитра. Но самое удачное — изготовленные нами толстые конверты со штампом «Ахтунг!». Они сами по себе привлекают внимание, предохраняют бумагу от промокания в период дождей, позволяют конвертовать одновременно 4—5 различных листовок, что, конечно, усиливает и впечатление.

Подобревший Р-в:

— А ну, немцы, слетайте в Москву, выдерете там в типографиях где что удастся.

Не знаю, убит Гуго Шейхт или попал в русский плен. Адресованные ему письма я нашел среди прочих документов в только что захваченном нами блиндаже. Как показывает номер полевой почты — 10312, Гуго Шейхт — ефрейтор 2-й роты 589-го полка связи 4-й армии. Письма слались его матерью, сестрой Анни и частично отцом из городка Фолькмарзепе под Касселем. С чисто немецкой педантичностью хранил солдат эти письма, которых я просмотрел 36. И хорошо сделал, что сохранил. Много-много писем из Германии проходит через мои руки, но вошли семьи Шейхт столь выразительны, что не должны исчезнуть для будущего, для бытописателя этой войны.

«18. 5. Хуже всяких битв в Африке сатанинская бомбардировка плотин на Эдере и Менэ. В 11 часов ночи упали первые бомбы. Вода опрокинула восьмиметровую стену и хлынула в долину. Гемфорт, Бергхейм, Гифлитц и Ахалдерм полностью затоплены. Дома и вообще все постройки завалились. Вода перевалила даже через горы. Острия церковных колоколен, выглядывавшие из этого моря, были единственными указателями, что некогда на этом месте лежали богатые деревни. Старый город Кассель пришлось сейчас же очистить от людей. Даже часть Футцлара находилась под водой. Паника царила такая, что этого представить себе нельзя. На берега образовавшегося моря все время выплывают теперь трупы лошадей, коров, свиней, баранов, всяческой птицы и домашняя утварь. Кругом мертвецы — мужчины, женщины, дети. Число человеческих жертв достигло тут семи тысяч. Много солдат и саперов, переброшенных сюда на спасательные работы из центральной Германии, сами становятся жертвами все новых и новых разливов Эдерского моря. Менэ в Рурской области прорвалось на столь же большое пространство. Там пришлось эвакуировать население из городов. Все нижние этажи домов стояли под водой. Жертв у них приблизительно 14 тысяч... Бедные парни на фронте получают теперь сообщения, что их жены и дети, отчий дом и родной двор образуют собой дно морское...»

14 июня Анни Шейхт пишет брату: «На днях был страшный палат на Бремен. Бесчисленное количество людей с одними узелками в руках побрело после этого из города в деревни». В письме матери от 16 июня Гуго Шейхт прочитал: «Англичане творят что-то ужасное. Кто затеял эту войну, не сумеет ответить за нее перед богом».

На следующий день, 17 июня, старуха пишет: «Если

нам предстоит такое, как в Рурской области, так лучше сейчас же умереть».

23.6. Мать продолжает: «Бомбежки и бомбежки — вот тема всех разговоров. В Дюссельдорфе 20 000 убитых, в Берлине — 10 000, в Эльберфельде — 18 000... Ты не можешь себе представить, что здесь происходит».

5.7. Анни Шейхт пишет брату: «Из Кельна, Берлина, Бремена массами приходят в деревни люди-страдальцы. В течение дня там бывает по семь воздушных тревог. Ах, что происходит! Мужчины на фронте, а женщины и дети — под развалинами городов... Там вы бьетесь за русские селения, а здесь, в нашей прекрасной Германии, рушатся один за другим города... Так страшно мы никогда не представляли себе войну. Ах, если бы только покончить с Россией, тогда бы англичане, сколько бы ни было у них самолетов, полетели к черту сами собой! А здесь, внутри страны, что можем мы им противопоставить, когда вы находитесь на русских полях. Если бы не этот ужасный русский колосс, все обстояло бы ясно и просто. Все говорят, что Англия помогает русским только тем, что бросает бомбы на наши города. Наше горе здесь неопишимо, но, говорят, что это еще полгоря, что все может еще измениться, если уцелеете вы там».

7.7. Сообщая сыну об отправленной посылке, старуха роняет: «Если война скоро не кончится, англичане все сотрут с лица земли».

11.7. Мать пишет: «После того, что делают англичане, не остается никакого желания воевать. Хочется конца, не задумываясь над тем, какого конца. Но, говорят, что я поддаюсь панике, и разговоры с беженцами заглушают во мне голос разума. Может быть, это и так, но слишком уж тяжело у нас здесь, хотя я вполне понимаю, что решает все война в России».

Да, немцы переживают сейчас то горе, которое ранее германская авиация наносила другим. И утешение им приносит лишь сознание того, что города — это не армия, которая продолжает существовать, все еще сильна, бомбежками тыла мало затрагивается...

* * *

Допрашиваю пленных. Подсел ко мне приехавший из фронтовой газеты писатель-сатирик М. и настойчиво просит выспрашивать, какие известны немецкой солдатне анекдоты. Пленные удивляются направлению, которое принимает наш разговор, начинают подобострастно улыбаться, напрягать свою память...

...Фрау Эссель всегда трепетала перед возможной бомбежкой. Ее супруг, нацистский бециркслейтер¹, призывавший к борьбе с паникерами, заявил ей, что не потерпит их в собственном доме, и поучал, что если англичане действительно налетят на их горюшок, то нужно только сохранить хладнокровие, не потерять голову, спокойно спуститься в убежище. Однажды ночью англичане впрямь налетели. Женщина в ужасе заметалась, но муж прикрикнул на нее, помог ей одеться, натянул теплый жилет, надел шляпу, не забыл даже трость и повел в подземелье, куда сбежалось уже много людей.

— Видишь,— сказал он ей,— все это вовсе не страшно, если не терять головы...

— Да, Вилли,— ответила она, с ужасом глядя на него,— но все-таки брюки ты бы мог надеть. В кальсонах ты тут единственный.

В городе мобилизованы уже все пожилые. Фельдфебель мучается с ними на стрельбище.

— Кем вы были в гражданке? — спрашивает он одного старика.

— Всю жизнь только портным...

— Что значит «только»? Портной должен быть прирожденным, великолепным стрелком. Ведь у вас такие глаза, что продевали нитку в иголку.

— Да, господин фельдфебель, но иголка не стреляла, я не боялся ее...

В обезлюдевший город приезжает солдат-отпускник и звонит одной из своих бывших знакомых:

— Попросите к телефону Рези.

— Я у телефона.

— Рези, милая, я звоню потому, что слишком несмел и не решился бы заговорить об этом иначе... Речь идет о предложении, Рези... Я сквозь годы пронес свое чувство к вам... Выйдете вы за меня замуж, Рези? Скажите...

— Ну, конечно, что за вопрос! Но кто говорит со мной?

Герман² лично ведет самолет, держа курс на Англию. Он хочет показать Адольфу³ разрушительную работу люфтваффе⁴.

¹ Руководитель района.

² Имеется в виду Геринг.

³ Гитлеру.

⁴ Военно-воздушные войска.

— Да, — говорит тот в восторге, увидя внизу сплошные руины, — это ты здорово!

— Нет, — отвечает Герман смущенно, — это мы пролетаем над Гамбургом...

— Я еще вспомню, — угодливо говорит ефрейтор из 105-го полка 72-й дивизии.

Но мне этот солдатский фольклор любопытен лишь тем, что он стал возможен. Привозится с родины отпускниками, возникает на фронте...

* * *

Нарочный от Шифрина с письмом и пакетом:

«Выезжайте. Глюкхихе рэйзе¹. Узнайте хорошенько, каковы претензии начальства к нам по всем областям работы отделения. Их предложения.

Наши новости, которые им можно рассказать:

а) Сегодня перебежчики из 253 пд. Один уже ночью будет выступать перед своими, обещает перетащить десять человек.

б) Провели в двух дивизиях 8-дневные семинары рупористов. Прошли замечательно. Сейчас идут еще в двух дивизиях.

в) За 25 дней мая сделано передач станциями — 388, выступлений рупористов — 4736, заброшено листовок авиацией 72 тыс., наземными — 60 700.

г) 27. 6. мой доклад для комиссаров дивизий и нач. подивов о противостоящих силах противника.

д) Будут ли они награждать рупористов, на которых я послал характеристики? Зачем запрашивали?

е) Ганс² работал с ОГУ полтора месяца. Командир 85 гв. сд наградили его медалью. Командир 88-й див. объявил ему приказом по дивизии благодарность.

ж) Научите людей, как без вас донечатать листовки, что делать, кому посылать и проч. Телеграфируйте мне, сколько листовок собралось для Мардыко. Надо дать ему команду до 1,6, забросить, а с погодой плохо. Листовки для него надо давать обязательно с накладной.

з) Бюллетень о немецкой пропаганде среди их войск у вас, видимо, не готов?

Прошу зайти ко мне домой к жене Зое Васильевне Шифриной и передать посылочку. Адрес при сем.

¹ Счастливого пути.

² Бывший перебежчик антифашист Ганс Б., впоследствии — доктор наук, работник Института марксизма-ленинизма в Берлине.

После бюллетеней о противнике и перебежчиков нашей работой заинтересовался хозяин.

Ну, вот, кажется, все. Еще раз глюклихе рэйзе.

Привет Соколову, Рубинштейну, всем.

М. Шифрин

Это умница и работяга. Привлечение перебежчиков, и в частности Ганса, к передачам — одна из его многих заслуг. Итак, еду на фронт и в Москву!

* * *

7-й отдел ПУРа¹. Брагинский, Константиновский, генерал Бурцев. Знал их прежде лишь по фамилиям. Обо всем подробно расспрашивали. Дали бумажки, с которыми ездил по типографиям и к интендантам, выдирал где что можно.

В этой связи я им откровенно выложил все, что подсказывает опыт работы.

Например, о бесцельности звукопередач с «У-2»! Они длятся три-четыре минуты, глушатся мотором самого самолета, ничего не дают, являются просто забавой. Большинство пленных показывает, что читали наши листовки или слышали звуковики, но о «говорящем самолете» не знает никто. С других фронтов сообщали о хороших результатах агитпередач с самолета «У-2». И они получили распространение на всех фронтах.

Рассказал, что забросить немцам список пленных с адресами родных (доказательство того, что в плену не расстреливают!) нам не позволили, ибо неизвестно, как на это посмотрит начальство... Называть в листовках наши части и нашу вооруженность нельзя, хотя немецкое командование знает их номера точно так же, как мы знаем их... Захваченные перевязочные пакеты, которые можно бы сбросить с убийственно-остроумной листовкой, не дали... Когда я предложил запросить через ПУР из лагерей 200 — 300 пасхальных приветов родным от пленных у Сталинграда (чтобы видели — пленены, а не погибли героями!), то услышал: «Что вы выдумываете!»... И не понимают, что именно выдумка нам и нужна, что изобретательство здесь должно быть непрерывным. Об антирелигиозной пропаганде Ленин говорил, что «нужно подходить к верующему и так и сяк». Нашу спецпропаганду долж-

¹ С августа 1944 года — Управление.

ны возглавлять люди, умеющие и к немцу подходить и так и сяк. Здесь, как нигде, нужна постоянная новизна.

Чтобы дать представление о том, как разнообразна, неожиданна, впечатляюща может быть наша пропаганда и сколько в ней есть возможностей, я оставил в ПУРе проект такой листовки:

Господин генерал!

Нам известно, что в частях Вашей дивизии и по Вашему прямому распоряжению офицеры внушают солдатам, будто русские пленных расстреливают или свозят в «сибирские тундры».

Полагая, что распространение всякой намеренной лжи, в том числе и о противнике, не соответствовало бы Вашей офицерской чести и Вы, таким образом, сами стали лишь жертвой исходящей сверху пропаганды, предлагаю Вам как офицер офицеру направить к нам Ваших представителей, числом не более пяти, которым русское командование представит возможность посетить лагеря для военнопленных в Советском Союзе.

Полагая, что Вашим разведывательным органам местонахождение части таких лагерей известно, мы не учиним препятствий к осмотру именно тех из них, которые названы будут немецкой стороной. С условием жизни и труда военнопленных Ваши офицеры ознакомятся, таким образом, на месте.

Осмотр лагерей и беседы с военнопленными могут происходить в присутствии корреспондентов печати нейтральных стран.

Возвращение Ваших представителей в дивизию гарантирую к... то есть в течение двенадцатидневного срока.

Командующий армией...

Генерал-лейтенант...

ПУРовцы согласились, что такая листовка произвела бы на солдат огромное впечатление, значительно уменьшила страх перед пленом и парализовала бы пропаганду немецкую. Даже требовательный Б. сказал: «Во всяком случае, сильно поразила бы воображение».

Перед отъездом сообщили, что меня хочет видеть М.¹. Это старый работник Коминтерна. Я долго ждал приема, потому он должен был куда-то уехать. И на ходу:

— Мне рассказывали о ваших соображениях. В них кое-что верно. Но сейчас, в разгар войны, давайте улуч-

¹ Член Ук ВКП(б) Дмитрий Захарович Мануильский — член Союза Военно-политической пропаганды при Главпуре (М. Б.).

шать пропаганду в тех организационных формах, что есть.

На вид ему лет шестьдесят. Глаза внимательные, улыбка хорошая.

* * *

Рассказ перебежчика К. П.

— Наконец-то! Наконец-то я у своих! Вы думаете, это было легко — перебраться к вам? Командование вообще запрещает солдатам выходить ночью за проволоку, боится, что их русские разведчики схватят, и все посты перед проволокой на ночь снимает, а уж мне, чеху, оказаться там было вообще мудрено. Нас в боевое охранение не посылают... Я рисковал головой, заявив постовому, будто командир взвода послал меня в смену. Хорошо, что парень спешил скорее смениться и не вздумал проверить... А оказавшись за проволокой, я почти сразу пополз... Залег уже примерно за сто шагов от русских позиций и решил ждать рассвета, потому что ваши вели в это время сильный огонь и он мог в меня угодить. Но как только чуть рассвело, я стал кричать и махать.

Я из Судетской области. Немцы производят переселение народов. В Вене, например, где формировался наш маршевый батальон, чехов полно, они работают там на большинстве предприятий. Немцев на заводах вы встретите мало. Зато в Чехии — засилие немцев. Коренных жителей они из городов и местечек переселяют целыми массами. После убийства Гейдриха из страны вывозились целые заводские поселки. На авиационном заводе в венском Нойдорфе работают 15 тыс, чехов, доставленных сюда буквально в несколько дней. Все чиновники в Чехии — немцы, зато чешских ученых, учителей и чиновников я встречал в венских пригородах с лопатой или киркой в руках...

Жизнь в Чехословакии сейчас просто паршивая. Перед отъездом на фронт мне дали двухдневный отпуск, и я заезжал к своей невесте, проживающей в Моравии. Она страдала оттого, что ей нечем было даже кормить меня. По карточкам люди получают на день 200 г хлеба, а на рынке продаются лишь овощи. В каждом городе есть один-два продовольственных магазина для немцев, куда чехам вход запрещен, а крестьянин не станет рисковать головой, чтобы продать горожанину курицу, тем более что у того нет равной валюты, чтобы оплатить эту ценность. Моя невеста не смогла соорудить мне даже прощального ужина.

Наш маршевый батальон состоял из тысячи человек. В нем

было смешение всех наций и поколений. Немцы, австрийцы, чехи... 42-летний дядя попал сюда со своим 17-летним племянником. Между прочим, эти 17-летние плачут навзрыд, когда их посылают в дозоры, в секреты. И вообще темными ночами на фронте они буквально дрожат. Отправлены мы были в Россию по маршруту: Вена — Брест — Минск — Смоленск — Вязьма — Гжатск. Здесь батальон был распределен по дивизиям. Распределен так, чтобы чехи и поляки оказались разбросанными по разным подразделениям. Нас, чехов, оказалось в одной роте четверо. Мы решили перебежать. Воевать за немцев? Воевать с русскими? Чего ради! Думаю, что с этой тайной мыслью о перебежке отправляются на фронт если не все, то почти все чехи. Меня еще невеста напутствовала: перебеги при первой возможности к русским, пережди там войну, дождись восстановления Чехословакии. За те два дня, что я был у нее, она раз пять этот разговор заводила: боже сохрани тебя воевать за немцев, не будь идиотом.

Но уже решительно укрепились мы в этой мысли, как только попали в Россию. Здесь я своими глазами увидел то, о чем до сих пор только слыхал, — неодолимую для немцев партизанскую войну. Да какую!

Через Брест-Литовск из Смоленска ежедневно проходит несколько составов с ранеными. Это уже само по себе подсказало нам, что творится на фронте. А от Бреста до Смоленска мы насчитали в пути четырнадцать пущенных под откос паровозов. Возле некоторых валялись и вагоны, разбитые орудия, гусеницы... В одном месте мы долго стояли, так как перед нашим проездом подорван был на перегоне состав с ехавшими на фронт итальянцами. Говорили, что они едут из Африки. Расчищавшие путь немцы-саперы не скрывали, что при взрыве 23 итальянца были убиты, 32 ранены... Едва отъехав от Смоленска, мы попали под налет советских самолетов. В соседнем с нами воинском эшелоне были разбиты в щепы два вагона, из которых один был офицерским. Так как все это происходило при нас, результаты налета стали всем тут же известны. Были убиты полковник, восемь офицеров и тридцать три солдата.

— К чертовой матери все это дело! — сразу сказали мы себе, увидев все это. — Жаль, что поезд не везет прямо в плен...

Прибыв в полк, мы узнали, что здесь еще горячее, чем было в пути. На наши расспросы о последних боях старые солдаты отвечали коротко:

— Вот побудете здесь недельку-другую и уцелеете за это время, так сами узнаете.

Но говорилось это только немцам, от нас, чехов, отделялись уклончивыми словами. И все же я узнал от унтер-офицера Херцога, что наш полк потерял в последних боях более 600 человек... Впрочем, и разузнавать ничего не надо было: на первой же перекличке в нашей роте оказалось вместе с нами, пополненцами, 59 человек... И уже на вторые сутки моего прибытия я лично увидел, как погибают люди, которых только что видел рядом с собой. Посланная при мне накануне группа разведчиков попала на минное поле, за которым плюс к тому ждала русская засада. Из двенадцати человек возвратились лишь трое и сообщили, что столько же убито, а остальные тяжело ранены, и их не смогли притащить назад...

— Мы от этого гарантированы, — сказал мне мой товарищ, — нас, чехов, ни на какие захваты и ни в какую разведку не посылают.

И как бы в ответ на его слова просвистела и разорвалась неподалеку от нас русская мина, а потом донесся истошный крик — наш лейтенант был без руки...

Мое решение стало бесповоротным. В тот же вечер нам, пополненцам, раздали теплое белье и перчатки. Я его тут же надел, а ночью бежал в нем...

Пусть немцы воюют за себя сами. Я же могу им пожелать только скорейшей гибели. Да, да, я человек не кровожадный, но ничего другого о нынешних немцах сказать не могу. Если бы вы видели, как ходят надсмотрщики по цехам венских заводов, где работают чехи, какими отбросами кормят там этих свезенных людей, как целыми кварталами гнали чехов после убийства Гейдриха с насиженных мест, как направо и налево расстреливали, то поняли бы, что ничего иного я немцам теперь желать не могу...¹

* * *

Этот бой был необычен — ему не предшествовала арт-подготовка. Штурмовые отряды наших частей подобрались к немецким траншеям, ворвались в них и заняли в рукопашном бою. Уцелевшие немецкие солдаты бежали. Бежали так проворно, как только возможно. Они бросили все: пресловутые новые скорострельные пулеметы «МГ-42», винтовки, автоматы, документы, продукты, белье...

¹ Перечитав теперь эту запись, полагаю, что этот человек был не чехом (их немцы в армию не брали), а судетцем немецкого происхождения. Одни жители этой области были настроены прогитлеровски, другие сроднились с чехами, и гитлеровцы не доверяли им. — *Прим. авт.*

Бой идет уже в километре впереди, когда я нагружаю себя ворохами разных бумаг. Их кипы, и мне тащат из других блиндажей еще новые. Боюсь утратить, пропустить что-нибудь. Кто знает, что может оказаться в каком-нибудь приказе или письме! Хочется скорей приступить к изучению этого моря бумаг. За несколько километров отсюда, в блиндаже, освещенном большой керосиновой лампой, мы разгрузим мешки, разложим, рассортируем, приступим... Но ко мне подбегает боец:

— Товарищ старший лейтенант, в округе собраны пленные. Человек шестьдесят. Приказано передать, чтобы сейчас же допрашивали.

Пленные. Прекрасно. Ведь перед нами новая, только что прибывшая немецкая часть. Нам о ней еще ничего не известно. Документы — потом. Сейчас надо проориентироваться на живом материале.

Лавируя между разрывами мин, бегу с бойцом в какую-то балку, где, увидев меня, вскакивают и вытягивают руки по швам трясущиеся от страха совершенно молодые ребята. Лица бледны, в глазах ужас. Приходится пристыдить их, угостить табаком, объяснить, что теперь их жизнь вне опасности. Тогда постепенно они приходят в себя.

Опрашиваю их долго, без протоколов, без записи. Получается, так сказать, групповая беседа.

Перед нами 113-я пехотная дивизия. Ничего, что дивизия под этим номером была полностью уничтожена зимой у Сталинграда. Немецкое командование наименовало тем же номером новую. Формировалась она в Германии и Чехословакии, а затем направлена во Францию, где несла патрульную службу у побережья. К концу июля дивизия насчитывала 16 тысяч человек, вооружена была полуавтоматическими винтовками и другим новым оружием. Состоит она в основном из 18—19-летних юнцов, преимущественно силезцев, призванных в порядке тотальной мобилизации. Они никогда, конечно, не воевали. 21 июля их отправили вдруг на восточный... Это было как гром. Слово «Россия» вселяло в них ужас. Правда, их уверили, что поставят здесь на спокойный участок фронта, расположат на безоблачном смоленском направлении. И действительно, с фронта нашей армии сняли и перебросили к Орлу обстрелянные 129 и 246 пд., а этих парней дали на смену. Но какой это, к черту, спокойный участок! Они здесь и ночи не спали нормально. Спокойно было только во Франции. Ах, как было там чудно! Командование забирало у окрестного населения продукты, и сол-

даты сли целый день до отвала. Купались в море. Девушек было знай не робей... Теперь на их место прибыли старики из гарнизонных частей внутренней службы. Совсем-совсем старики. Когда они располагались в казармах, то кряхтели от ревматизма, подагры... Настроение в 113-й дивизии, когда она стояла во Франции, было великодушным. Силезию не бомбят, и потому в письмах из дому родные жаловались только на потери в России. Урожай дома хороший. Фруктов — ешь не хочу. Сбор только начался, а родные уже слали им посылки со свежим повидлом. И письма, в которых благодарили судьбу за то, что их сыновья в безопасности...

Потом я просматривал письма этих парней. Те, что они уже законвертовали и не успели отправить. Их несколько сот. В них — первые впечатления о русском фронте. Вот они, эти впечатления:

«Артиллерийский огонь неприятельской артиллерии освещает прямо-таки все небо. Это колдовской огонь. Вчера он угробил моего пулеметного стрелка. Я готов был заплакать. Сам я успел вовремя убраться в укрытие» (ефрейтор — родителям в Гейслинген).

«Я сейчас в остолбенелом состоянии. Вокруг нас гремит день и ночь. Стреляют каждый божий день из тяжелых минометов и артиллерии, которой у русских предостаточно. Ночью это еще усиливается, и все время в ушах стоит пулеметный стрекот, что не остается, конечно, безответным с нашей стороны. Вчера русский стрелял из всех видов труб минут сорок подряд. Можно было подумать, что это ад свалился на землю. Когда немножко утихомирилось, я пошел посмотреть, что с товарищами. Достаточно тебе сказать, что только из моей группы в шесть человек оказались убитыми унтер-офицер и солдат. У обоих осколки в головах» (солдат — родителям в Одерстмюн).

«Наш полк противопоставлен бешеным людям, атакующим нас день и ночь. Они нагрянули вчера в совершенно светлое предобеденное время, крича свое «ура-ура». Этот крик пронизывает до костей. Они напали со всех сторон, и, конечно, некоторые прорвались, а это самое опасное, так как в ближнем бою русские чрезвычайно сильны и проворны. Не буду уж рассказывать подробностей... Угадай, сколько я до сих пор спал? Тебе покажется, что ничего подобного человек вообще не может выдержать. Но, оказывается, он может даже целые сутки торчать в воде и голодать, как фокусник. Как быстро я нагибаю теперь голову, слыша свист! Это происхо-

дит уже автоматически. Стреляют они из своей артиллерии прекрасно. Это самое худшее. Из-за проклятой артиллерии в нашей роте недосчитывается уже почти 40 человек. Они стреляют с удивительной точностью» (сфрейтор — матери в Мюнхен.).

«Я пишу тебе, моя любимая, из блиндажа, врытого в землю. Снаружи — гром орудий. Пауз в этом громе не бывает. Каждую минуту может что-нибудь произойти. Снова приближается злая ночь, и всю ее надо провести не в бункере, а в траншеях и ждать, ждать... Это ожидание прихода Ивана ужасно. Нервы уже скапутились. Мы все надеемся, что нам в ближайшее время должны дать передышку» (фельдфебель в Кенигсхютте).

В таком духе все письма. Не успев прибыть на фронт, они заговорили о нервах и передышке. Я нашел только единственное письмо какого-то хвастуна, пренебрежительно говорившего об опасности. Оно написано типичным гитлеровским молодчиком, приехавшим в Россию за Железным крестом. Это солдат 2-го батальона 261-го полка, адресовавший свое письмо в эсэсовский учебный танковый полк в Вестмарке. Вот язык этого бравирующего позера:

«Русские рассчитывают угробить тут нас, но этот расчет произведен без хозяина. Пусть они только придут! Я горю желанием доказать, что во мне таится, какой я парень... Я — связной во взводе. Мне всегда смешно бывает, когда русские пулеметы стреляют по мне при моих хождениях в роту. Ходить по траншеям мне противно, и, хотя русские хорошо целятся, предпочитаю более короткую и удобную дорогу поверху. Вчера, например, русские здорово по мне стреляли, и когда я возвращался той же дорогой назад, то увидел как раз на дороге четыре воронки. Именно поэтому я всегда буду ходить этой дорогой».

Этот актер и враль, у которого пулеметный обстрел образует воронки, исключение из всей массы солдат, не скрывающей страха перед русским огнем. И страх оказался вполне обоснованным. От чтения писем меня оторвала новая партия пленных. Эти уже знали потери в их ротах за сутки. В 261-м полку было по 140 человек в роте, осталось в среднем по 60, в ротах 260-го полка сегодня по 70 — 80 человек, в разведотряде... Да, наши поработали в эти сутки неплохо.

Иду к трофейникам. Они сортируют немецкое оружие. Чего только нет тут! Одни считают, что можно оснастить два батальона, другие говорят, что у похоронщиков еще больше

трофеев — закопано уже 1200 трупов немецких солдат...
— Разрешите обратиться? — говорит один из бойцов. —
Что это за штуки такие?

Он протягивает мне конверт, в котором насчитываю полсотни так называемых посылочных марок. Конверт взят из кармана убитого немецкого лейтенанта. Марки он приготовил для очередной выдачи счастливым своей роты. Такая марка — предмет вожделений каждого немецкого солдата. Он стремился отправить ее домой, где родные, предъявив ее на почте, могли послать ему по ней посылку. Теперь этот конверт — символическое выражение неоправдавшихся чаяний на домашний мармелад, табак и... жизнь.

Сбросить, что ли, мне эти марки немецким солдатам в конвертах с листовками?

* * *

При мне пленный Рудольф Г. Поставили на довольствие, обмундировали, разрешили под мою ответственность поселиться со мной. Живем мы втроем — я, он и красноармеец Зернов. Домик наш на отшибе, и, хотя мне запретили посылать Рудольфа в деревню, где стоит ряд штабных учреждений, о нем все равно все узнали.

Мой немецкий язык — книжный, негибкий, в нем нет органичности, сочности, я извлекаю ее, насколько могу, у Рудольфа. Это делает листовки доходчивей, но, увы, парню не приходилось иметь дела с бумагой. Слал только письма маме да девушкам.

Рудольф и мечтать, конечно, не мог о такой беструдной и сытной жизни в плену, хорошо понимает, что ему выпал удачливый лотерейный билет, и поэтому очень старателен. Но лучше всего ему удаются варка обеда да брошюровка листовок. Сначала его удивляло, что офицер сидит за общим столом не только с солдатом, но и с ним, пленным немцем, отказывается в его пользу от жирного мяса да еще делит со всеми свой дополнительный офицерский паек, но теперь парень быстро освоился с этим, возмещая свое членство в коммуне наведением лоска на мои сапоги. А я присматриваюсь, присматриваюсь к Рудольфу, изучая, что у него в голове.

Он бесхитростен, прямолинеен, и я верю ему, что ни он, ни друзья его в школе не были пронацистски или антинацистски настроены, не интересовались политикой. «Майн камиф» он читал, статьи Геббельса из «Дас Рейх» иногда по пятницам слушал, сомнению их не подвергал, но и в голове не держал. О «Мифе двадцатого столетия» знает лишь

понаслышке, как об «ученом труде», доказавшем «превосходство» немецкой крови. Газет в руки не брал, влекло его только к девушкам, фильмам и боксу, отличиться в войне не имел даже в помыслах, в «сибирские тундры» для немцев не верит и считает поэтому, что делает честное дело, помогая теперь скорейшему ее окончанию.

Но что творится в его голове! Что в ней осело за десять лет из его восемнадцати!

— Один наш родственник — партейгеноссе. Он занимает хорошую должность, и ему нельзя, чтобы жена в церковь ходила, — ведь Христос был евресм... Если человек не хочет лишиться поста, ему надо порвать с христианством. А жена обманывала его, молилась, ходила на исповедь. Он узнал об этом, ударил ее, она упала, получила перелом ноги и долго в гипсе лежала. Вот что сама с собою наделала.

— Значит, вы, Руди, не его, а ее осуждаете?

— Не знаю... Ведь он все-таки содержит семью, должна же она с ним считаться...

— Да, это, кажется, действительно не немецкое слово. Простите меня. Нам в Силезии так трудно сохранять чистый язык. Ведь кругом поляки, поляки... Уж мы переименовали почти три тысячи местностей, запретили в учреждениях польский язык, но из-за улицы, рынка и польских девчонок наш собственный язык засоряется... Я буду следить за собой, вы простите меня. В листовках это, конечно, скандально...

— Видите ли, наша семья католическая, мы все родились до махтэргрейфунга¹, поэтому среди наших родных еще много библейско-еврейских имен. Иосифы, Лия есть. Потом этого уже исправить нельзя было. Но теперь дети двоюродных братьев получили имена уже чистые, безупречно-нордические. Хорст, Зигфрид, Адольф...

— Если позволите дать вам совет, вычеркнем Гитлера из этой листовки. О нем нельзя в таком тоне... Можно о маршале, о докторе Геббельсе, еще лучше о Гиммлере, но Гитлер все-таки человек гениальный... И солдаты никогда не поверят, что он их обманывает. Не надо трогать того, что для каждого свято. Это только обозлит, возмутит.

— Нет, я ведь не бывал в Нюрнберге и Мюнхене, где же мог слышать его. Только в кино и по радио. Вы говорите, он то истерически кричит, то как пифия... Я не знаю, кто эта пифия, но знаю, что когда видишь и слышишь его, то

¹ Захвата власти.

весь дрожишь, восхищаешься, готов для него в эту минуту прыгнуть с КДВ¹, откуда угодно...

— В школе нам говорили, что эту войну евреи ведут. Англичане вышли из еврейского племени, французы перемешались с евреями, американские редакторы и генералы — евреи, Сталина евреи подучили напасть на Германию.

* * *

Я достал для Рудольфа антифашистскую литературу. Он читает с любопытством, задает много вопросов, неплохо усваивает. Помогает мне с трофейными письмами. На прошлой неделе поступило 260, я дал ему половину, объяснил что отчеркивать, и он за три дня справился с этим. Но у наборной кассы томится и путает. Заставляю перебирать по нескольку раз. Оправдывается тем, что литеры шрифтов слишком де винциг².

Доставляет мне и заботы. В его возрасте и в такую погоду невозможно все время сидеть в помещении, и я на свой риск и страх позволял ему ездить вместе с Зерновым в АХО за продуктами, на ППС и на связь. Но у него не хватает чутья, он не помнит, как ему следует при этом вести себя, стал перемигиваться с какой-то связисткой. О нем пошли разговоры, меня вызывали к начальству, ругали.

Может быть, люди и правы, что он слишком отъелся и распоясался. Я дал ему нагоняй, он спохватился, обещал быть скромнее, держался недельку подтянуто, а третьего дня... его недвусмысленный взгляд заметила на себе Т. Сергунько.

Таня — новый постоянный диктор МГУ. Разумеется, русская, но немецкий язык для нее полуродной, так как окончила немецкую гимназию в Риге, где отец ее был директором русской гимназии. С сорокового — наша гражданка и в армию пошла добровольцем. Очень толковая, стройная, миловидная, бойкая, с норомом. На нее посматривает самое большое начальство, и ее оскорбило, что тут вдруг какой-то пленный, мальчишка... «Ваш денщик не в себе, — резко бросила она мне мимоходом. — Поставьте его на место, пожалуйста».

Пришлось это сделать.

— В германской армии. — сказал я ему, — такой пленный, как вы, был бы моментально пристрелен. А я разговариваю

¹ Кауфхауз дес Вестенс — здание универмага в Берлине.

² Крошечные.

с вами даже без «Штрамм штеен!» и «Штильгенштаден!»¹. Но вы все же военнопленный, о чем слишком быстро забыли... Или умеете держаться, сберечь свое положение, учиться, работать, набираться здесь ума-разума, и тогда вам будет что делать в новой Германии, или отправитесь на казарменное положение в лагерь и будете строить то, что ваши земляки в России разрушили... И помните — второго такого разговора не будет.

Он побледнел, сам вытянул руки по швам.

* * *

Зернов учит Рудольфа русской грамоте, а я обучаю немецкой.

— Как вы понимаете эту фразу в газете о том, что церковный звон беспокоит людей, которым дорого теперь время для сна?

— Хотят, чтобы спали. И без того воздушные тревоги мешают.

— Нет, дело не в этом. Вы вчера читали письмо старушки о том, что ее шестилетнего внука заставляют дверные ручки отвинчивать и таскать из дому сковороды...

— А, понял! Колокола в этом городе нужно снять на металл.

— Вот вам приказ командира полка, обращенный к солдатам, и его же письмо к подполковнику Н. Почему первое кончается словами «Хайль Гитлер!», а второе — «С офицерским приветом!»?

— Не знаю. Я такой формы приветов никогда не встречал.

— И я тоже. Так давайте подумаем. Учтем, что полк дважды разбит был в боях. Полковнику ведомо и положение армии в целом. Под Орлом, как видно из текста, пропал без вести его единственный сын. Пишет он другу... Не значит ли все это, что прославление Гитлера ему теперь претит?

— Но он же полковник!

— Но и отец. Вот четыре экземпляра провинциальных газет. Сорок семь объявлений о гибели. В сорока двух сказано «за отчизну и фюрера», в пяти — фюрер опущен. Разве встречали вы прежде случаи такой безбоязненности? Просмотрите-ка эти траурные рамки внимательней и скажите, что вы еще в них видите нового.

— Прежде всего... Это теперь одна рамка на много фамилий... Очень мелкими буквами... Сокращение слов... Некото-

¹ Команды «Смирно!».

рые даже понять невозможно... По три строчки на каждого... Так раньше объявляли только о поисках няни или продаже швейной машинки... Как такой шрифт называется? Нонпарель? Да... В начале войны объявление о каждом погибшем занимало больше места, чем теперь о четырнадцати. Если бы сохранить сейчас прежний объем, на это уходило бы каждый день полгазеты...

— Правильно. Но вы думаете, что этим путем только экономят бумагу?

— Печатают мелко, чтобы не так бросалось в глаза.

— Это лишь один из моментов. А основной смысл нонпарели, на мой взгляд, в другом. Ею подчеркивается, что смерть людей — это сегодня второстепенное дело, ибо в вопросе стоит о жизни и смерти Германии. Нонпарель, таким образом, — это политика, но делаемая политиками. Проглядите с этой точки зрения еще две-три страницы, присмотритесь к игре шрифтами на других материалах.

Рудольф пробует вчитываться.

— Не надо, — говорю ему, — учитесь пробегать глазами и схватывать смысл. Ну, что и как подано?

— Не очень приметно подано: о выходе Италии из войны... об изъятии комнат для вселения пострадавших от бомбежек семейств... о возложении сторожевой охраны на школьников для высвобождения нужных армии сил... Крупным шрифтом: о необходимости бережно чистить картофель... об осуждении женщины, слушавшей передачи из Лондона... статья «Большевизация Англии»...

— Ну, проясняется вам? Кстати, обратите внимание, что «Большевизация Англии» — это в «Фелькишер Беобахтер», то есть в центральной печати. В провинциальной таких материалов не видно. Почему, как вы думаете?

— Не могу вам сказать.

— Потому что материал этот вообще не для немцев. Болтовня о договоренности Сталина с Криппсом, который-де после войны займется большевизацией Англии, предназначена запугать самих англичан... Ну, чувствуете вы теперь шрифтовую игру?

— Мне это прежде и в голову не приходило...

— В нее вообще, Руди, мало что приходило. И не умели простейшего — газету смотреть. А в ней не только шрифты, но все слова предуказаны. Ну, возьмите вот эту корреспонденцию «Мужество жителей Кельна». Слова в ней распределены, как солдаты по взводам. Летчики люфтваффе — соколы, английские — коршуны, первые поражают строго

военные цели, вторые — больницы и школы, первые борются с империализмом, вторые — с детьми и старухами и тэдэ и тэпэ... Посмотрите, как одинаков словарь корреспонденций с фронтов. Немцы — армия, русские — орды, немцы воюют, русские гонятся в бой; немцы защищают свои очаги, русские идут их разграбить; у немцев успехи, русский успех закавычен... А телеграммы! Ведь во всех, буквально во всех сообщениях постоянная расстановка глаголов. Дипломаты стран, близких к оси, ездят, встречаются, дипломаты противников — совершают вояж и сговариваются; стамбульская газета пишет, мельбурнская газета клеветает; аргентинский корреспондент сообщает, мексиканский — из пальца высасывает; документ о Берлине — фальшивка, о Лондоне — разоблачение; японский министр дает интервью, индийский — науськивает... Весь нехитрый словарь телеграмм разверстан раз навсегда.

— Я никогда не обращал на это внимания, — бормочет Рудольф.

Это просветительство отнимает у меня много времени. Вознаградится ли оно?

* * *

Давно не записывал. Больше месяца бои. В действии все наши девять дивизий. Немцы в свою очередь подбросили к нам 18-ю мотодивизию да еще танки и самоходки из Франции. Новички наших листовок не знали, усиленно пишу их для них и допрашиваю, в большинстве теперь пачками, пленных¹.

Бои тяжелые. Наши потери не меньше немецких. На днях в дивизии при мне отпращивали раненых. Один грузовик за другим. А к медсанбату ползли и ползли с переднего края телеги, из которых не всех уже требовалось перегружать...

На нашем фронте очень долго не было почти никакого движения. За длительный срок немцы крепили и крепили здесь свою оборону. Изо дня в день. Помню, переводил дневник убитого немца. «Это как четырехлетний план, — писал он, — это никогда не будет готово...»

Я не очень понимаю, что делается. Впрочем, общий план ясен — взломать, пробиться, вырваться на автостраду, к

¹ Этими делами занимались и другие работники седьмого отделения, о которых автор, к сожалению, не говорит (М. Б.).

Смоленску. Но у немцев естественные рубежи обороны — Днепр, Вонь, Вонец, Ложня, Царевич и овраги, овраги. Подходы к автостраде Москва — Минск — это сплошные минные поля на многие версты. И по пять линий траншей. Конечно, на разных участках система обороны различна, но, как правило, она глубока, а на главных направлениях каждая балочка — узел сопротивления. У Ярцево, например, за которое все время идут теперь основные бои, круговой, многосложный оборонительный пояс. Один парень с оторванной осколком рукой, который сам доплелся до эшелона, со страдальческой улыбкой сказал мне: «Вот есть про сражения такое слово, что, мол, вода в реке красная от крови была...»

Есть, понятно, на таком широком пространстве места, где нет сплошных валов обороны, а только прерывчатые окопы и пулеметные гнезда. Но это именно только отдельные места. Там топи и атаки почти невозможны. Как правило же, у немцев всюду густые, разветвленные траншеи, соединенные ходами сообщений. Оборудованы они по-немецки — для всех расчетов укрытия и непрерывная подноска боеприпасов. А сколько проволоки, включая спиральную, по всему их фронту намотано! «Не то что человек, — сказал мне другой раненый, — а заяц и тот не проскочит...» И действуют против нас шесть пехотных дивизий. В наших в среднем по 7 тысяч народу, а у них в 18 мд¹, например, 12 500. Они так насыщены автоматами и артиллерией, что, по словам комиссара полка, только что прискочившего с передовой, «вклинились в щель на сто метров — в автоматный мешок попадешь, атакуй на километр по фронту на ту же ширину такой же массиванный артиллерийский огонь».

Потери немцев насчитываются многими тысячами. Сколько у нас — я не знаю. В сводках Совинформбюро мы упоминаемся глухо, потому что основное сейчас — бои на Орловско-Курской дуге.

Среди пленных — поляки, словаки. 18-я мотодивизия формировалась когда-то в Судетской... На допросах они от немцев отрещиваются. Уверяют, что не воевали бы, но на их глазах было расстреляно несколько их земляков, выставлявших из траншей руки под русские пули. Одни говорят по-немецки безукоризненно и вообще, наверное, в свое время хотели, чтобы немцы почитали их за своих, у других озлобление против немцев, видимо, искреннее.

¹ Мотодивизия.

* * *

Взята Ельня. До войны я это слово смутно слышал. Попадалось когда-то не то в мемуарах, не то в каких-то старинных изданиях. А теперь все эти месяцы у нас только и разговоров было, что о Ельне и Ярцево — твердых орехах по обе стороны шоссе Москва — Минск. Никогда не забуду отытые этих названий, как еще и злосчастного Дорогобужа! Сколько здесь людей полегло!.. И вот наконец шоссе перерезано. Железнодорожная линия тоже. Одновременно в тот же день, 1 сентября, наши части заняли чуть ли не сотню дымившихся деревень и местечек. Рассказывают, что в одном из них, у самого Ярцево, сидело за проволокой несколько сот местных жительниц, собранных для отправки на работу в Германию. Целовали наших бойцов, радостно плакали.

* * *

И вот наконец мы в Смоленске¹. Говорю «наконец», так как каждый шаг к нему прорубался. И не только нашей армией, а всем нашим фронтом. Не спавший уже много суток замначальника оперативного отделения штаба устало роняет: «Ведь это только так говорится, что на столько-то километров столько-то полос обороны. А на деле весь путь до Смоленска от рубежей, с которых мы в августе начали, был сплошной полосой обороны». Говорит, что у немцев против нашего фронта действует больше полсотни дивизий.

Города нет. Почти сплошные развалины. И это не следствие артиллерийской работы, а методические действия вражеских подрывных команд. Взрывали и жгли.

Наши успели захватить огромный концлагерь, в котором немцы расстреляли бы иначе сотни наших военнопленных, из которых, говорят, чуть ли не 70 летчиков. Освобождены и 3 тысячи готовившихся к отправке гражданских. Их в городе вообще очень много — уходили во время боев в леса и поля, а теперь возвращаются. Но возвращаться, собственно, некуда. В немногих уцелевших зданиях расположились войска.

Двое парнишек. 15-ти и 16-ти лет. Они не смоленские, а из близлежащей деревни. Спрашиваю, зачем же сюда прибрали. Объясняют, что деревня тоже разрушена, там тоже нет крыш, но уж если отстаивать город, то чтобы получить потом право остаться в нем.

¹ Войска Западного фронта освободили Смоленск 25 сентября 1943 года.

* * *

Здесь валяется много экземпляров книжки «Смоленск», изданной для солдатки в 42-м. Это сборник надуманных нацистских статей. Предисловие написал комендант города генерал-майор Поэль. Смоленск он называет «символом» и «вехой» для немцев. Его прошлое превращено здесь в историю немецкого градостроительства. Все, вплоть до исторических памятников, создавалось-де немцами, а те русские, что известны как строители города, действовали по их указаниям.

Генерал пишет, будто первое каменное здание — знаменитая Мариинская церковь, возникшая при Владимире Мономахе, когда ни одного немца тут не было, «носит на себе многочисленные следы норманнского духа». В древнем искусстве смолян он обнаруживает ни больше ни меньше как свастику. Ее будто б «можно распознать и в городе, и в его окрестностях, в архитектуре зданий и в крестьянских вышивках».

Об эпохе, когда смоляне воевали с балтийскими рыцарями, говорится, что «немцы пользовались тогда в Смоленске огромным уважением». Неведомому немецкому рыцарю приписывается заслуга отражения от города... орд Чингисхана.

Неизвестно, чего в сборнике больше — беззастенчивости или попросту глупости. А в какой мере судьба Смоленска действительно связана с пребыванием немцев, показывают не времена, когда их здесь не бывало, а 1941 — 1943 годы, когда они в нем были и его уничтожили.

Сюда примчались корреспонденты центральных газет. Некоторые знали Смоленск до войны и перечисляют все, что немцы взорвали в нем. А я хочу, наоборот, занести в дневник картинки увиденного в нескольких уцелевших домах.

Мы поселились в прекрасном здании бывшего Дома печати. У немцев была здесь казарма отпускников. Ночью мы обнаружили в одной из коек мину «сюрприз» с часовым механизмом. Очевидно, не зная о ней, другие подрывники выломали из стен и разбили в куски раковины умывальников, порубили водопроводные краны, раскрошили люстры, сорвали электропроводку.

Разминировано многоэтажное здание гостиницы. Выстроенное незадолго до войны, оно отличалось не только внешне, но и внутренней отделкой. Но когда мы пришли сюда и бродили по номерам, трудно было поверить, что здание это покинули психически нормальные люди. Все диваны

вспороты, вата из них расшвыряна, зеркала шифоньеров истолчены, ванны и унитазаы порублены.

В здании жили офицеры. На дверях значились и фамилии тех, что писали в сборнике «Смоленск» статьи о норманских следах в здешнем искусстве...

Здравому рассудку эти действия непонятны.

Я спрашивал трех захваченных немецких саперов, зачем они творили такое.

— Нам приказывают... военные объекты... чтобы русская армия не имела зимних квартир...

— Умывальники — это военные объекты?

Молчали.

— Кем вы были в мирное время? — спрашиваю одного из них, с наиболее интеллигентным лицом.

— Историком. Преподавал в школе историю.

— Зачем вы стараетесь причинить как можно более зла даже там, где оно не может принести вам никакой пользы? Ведь вы, знающий прошлое, должны думать о будущем...

Зная, что поджигатели — вне законов войны и ему терять нечего, он усмехается и отвечает мне столь же цинично, сколько и неожиданно:

— Дело не во вреде или пользе. Если мы, немцы, что-нибудь делаем, то делаем уж основательно.

* * *

Думалось, что Смоленск — это начало, трамплин и после него все пойдет... Но вот уже больше месяца, как закрепились в нескольких верстах западной города, а попробовав прорываться дальше, на Оршу, были отброшены. Потери у нас снова большие. Соответственно скверно и настроение... Оперативники объясняют нам это, кивая то на артиллеристов, то на торфяники...

Теперь ясно, что под Оршей эта оборона не слабее и не реже смоленской. Первые неудачные бои показали, что и здесь такие же подземные лабиринты, непробиваемые блиндажи под землей, такая же непрерывная связь между передним краем и тылом, а значит, способность к маневру. И главное — в их руках все высоты. «Если даже до самой Орши дойдете, — вяло и честно говорил мне изможденный солдат из 78-й штурмовой, — то там все равно надолго застрянете, вокруг города железобетон...»

78-я из отборных солдат. Штурмовой называется потому, что оснащена штурмовыми орудиями. Ее командир генерал

Траут не раз отмечался в приказах. Пленные показывают, что у них даже рационы особые. Большинство листовок пишем сейчас для этой дивизии. На фланге у них — бригады эсэсовцев. Ни одного пленного оттуда еще не было.

* * *

Провел день у разведчиков, забрасывающих наши листовки. Встретился любопытный человек. Северянин, профессиональный охотник, добытчик пушнины. Ловил и живьем. Для зоопарка и заповедников. Хотя ему сорок пять, выносливей большинства молодых. Привыкший выслеживать зверя, он и в разведке хладнокровен, упорен, умеет двигаться совершенно бесшумно, слышит и чует на больших расстояниях, примечает все стежки. Вначале он был снайпером на Северо-Западном, там его ранило, пробыл два месяца в госпитале, откуда отправили на Западный фронт, где, несмотря на свой возраст, он попал в полковую разведку. Лучшего для него и не выдумать. Для разведки он клад. Сразу же совершил здесь необычайное дело — поймал немецкого солдата в капкан.

Рассказал мне все это комвзвода, а сам он, когда я начал расспрашивать его о подробностях, не захотел скрыть усмешки:

— Товарищ лейтенант вам напутал. Капканом только шкуру берут. А если животное надо в натуральном виде словить, то капканом нельзя. Он и прибить может и внутренность всю повредить. А живой зверь против шкуры вдвое дороже.

Применил, оказывается, не капкан, а аркан и потом сразу — кляп в рот.

Он нашел во мне терпеливого слушателя и много рассказывал о зверях, об охоте. Ловил живьем даже волков. В основном же его артель промышляла норку — занятие совсем безопасное. Объяснил, что зверек это махонький, живет только в норе («отсюда ей и прозвание»), рыщет ночью по берегу за лягушонком и рыбой, которую и кладут ей в приманку, расставляя ловушку. Там она вертится, стенки кусает, злобой шипит. Заарканенный немец «такого же колючего характера был».

Артель хорошо зарабатывала. «С землепашеством никакого сравнения». В 38-м ездил с дочкой в Москву, на 25 тысяч одежды, обуви, одеял накупили.

— А теперь дочь вот пишет, последнего из нашей артели

забрали... Лиса так разбаловалась, что каждую ночь по курятникам...

Я спросил, почему же не охотятся подростки, ребята допризывного возраста.

Он только рукой махнул:

— Я на войну уходил — младшему уже четырнадцать было. А хоря от горностая не отличал. Не понимал, кто как петляет.

Перед госпиталем на его счету числились десятки поверженных немцев. Он и на это рукой махнул. По его словам, снайпер не может знать, поражена ли мишень, когда она тоже замаскирована. Можно строить только догадки. «Это ж не кабан, чтобы подойти посмотреть. Шут его знает, попал в него или нет». Считает, что сколько-то вражеских снайперов из строя он вывел, но никаким подсчетам не верит.

Курит одну за другой «козьи ножки». А на охоте мог не курить целые сутки. «Ни боже мой, чтобы табаком несло от тебя. Как я, скажем, слышу, что лисицей воняет, так и она дымок от меня потянула бы. Человек к зверю и зверь к человеку принохиваются».

Ему льстило, что я его долго расспрашивал. Рад был возможности поговорить о былом. Кого еще на войне интересует такое!

Расстались мы очень друг другом довольные.

* * *

В вермахте¹ усиленно борются сейчас с неверием в победу. Все армейские газеты поместили в конце июля статью Геббельса «Война нервов». Англо-американцы, говорит он, развивают среди нашего населения бешеную пропагандистскую деятельность, пытаются восполнить ею то, что не удастся им силой оружия. Они рассчитывают повторить 1918 год, когда воля немецкого народа была сломлена не реальным соотношением сил, а вражеской пропагандой. Бомбардировки немецких городов производятся именно с этой целью — сломить волю и нервы населения. Но точно так же, как осенью и зимой 1940 года англичане выдержали наши бомбардировки, мы выдержим теперь английские. «Это стоит нам жертв и потерь, но не имеет решающего значения для исхода войны. Эта ее фаза минует и торжествовать будет тот, за кем останется последнее слово... Нас не запугать криками о наших неудачах. Мы уже победили и наша задача только в обороне

¹ Вооруженные силы Германии (М. Б.)

завоеванного... Германская армия ничего не потеряла из своей прежней силы. Потоки людей и оружия пополняют ее на всех фронтах. В нашем распоряжении резервы, которых хватит с избытком». Германия готовит значительные мероприятия против ведущейся англичанами воздушной войны. «Если об этом ничего не публикуется, то это не значит, что нам нечего об этом сказать. Не говорим мы об этом лишь с тем, чтобы не давать врагу ориентации. Наше молчание не следует расценивать так, что мы-де и дальше предоставим врагу действовать как сегодня. Нет, для этого слишком многое поставлено на кон...» «Война нервов сопровождает войну оружия, как тень», но мы не дадим противникам беспрепятственно вести ее. «Распространитель слухов в тылу должен рассматриваться как и паникер на фронте, расправа с ним должна быть такой же».

26 августа фронтовыми газетами была опубликована новая статья Геббельса на ту же тему под названием «Реальности войны». «В хорошие дни, — говорит он о маловерах, — они купались в иллюзиях, а сейчас впадают в состояние безнадежности и пессимизм... Они обобщают собственные трудности и судят по ним об общем положении... На самом же деле в испытываемых Германией трудностях нет ничего страшного. Немцы избалованы предыдущими победами, достававшимися очень легко. А теперь появились затруднения, которые неизбежны во всякой войне, ибо не бывает так, чтобы вся она текла гладко. Но наши трудности не таковы, чтобы задаваться вопросом, победим мы или нет...» Что касается воздушного террора, то «многочисленные прилежные руки день и ночь работают сейчас над выпуском нового наступательного вида оружия против воздушной войны врага». Но пессимисты опаснее воздушной войны, ибо «разрушенные дома можно построить заново, а разрушенные сердца — никогда... Пессимисты не могли бы делать свое дело хуже, если бы прямо оплачивались врагом... Пусть каждый запомнит сейчас их гнилые речи, чтобы потом ударить их по головам».

21.8. «Фелькишер Беобахтер» дал большую первополосную шапку — «Воинская моральная сила немцев действует врагу на нервы. Его последняя надежда — усиленная война пропагандой».

31.8. С передовой статьей о распространителях слухов выступил самый распространенный в армии журнал «Унзер Хер». Ее содержание: «Слухи — яд, разъедающий душу че-

ловека... Цель слуха — распространить замешательство и беспокойство, подорвать веру в официальные сообщения своей страны... Враг воюет опасным оружием... Солдаты на фронте должны быть вооружены против слухов... Политика и ведение войны — это вещи, не терпящие гласных обсуждений, о них надо молчать... Неисправимых сажать под замок».

В журнале лестное для нас, седьмоотдельцев, признание: «Мы хорошо знаем, что сегодня, к сожалению, имеется много солдат, которые охотнее слушают передачи врага, чем немецкие сообщения».

23.8. Берлинская «Монтагспост». Статья «Стратегия войны нервов». В ней: «Сообщения с советского фронта разочаровывают тех, которые думали, что на горизонте вырисовывается последняя стадия... Поэтому враг решил усилить войну нервов, призванную сделать то, чего не сумели достичь ни советское оружие, ни британские бомбежки. Начинается грандиозное наступление на наши нервы. Его цель — подорвать доверие немецкого народа к его военному и политическому руководству».

Положение на восточном фронте освещалось печатью так растерянно и противоречиво, что если бы немецкий солдат самостоятельно сопоставил газетные статьи хотя бы за одну неделю, то понял бы цену им всем, вместе взятым.

9.8. «Дер Штосструпп» поместил огромную, занимавшую всю первую и часть второй полосы статью «Белгород — Орел». Как помечено над статьей, писалась она в конце июля, то есть до занятия Орла советскими войсками. Орловская битва рисуется в ней как крупнейшая в истории войн вообще. «Это в истинном смысле слова битва техники». Сражения у Вердена, на Сомме и во Фландрии в прошлую мировую войну ничто сравнительно с орловским, ибо тогда не было такого сосредоточения авиации и артиллерии, не было снарядов реактивного действия. «По своей ожесточенности и массовости эта битва не знает себе равных и на восточном фронте». В статье много картинных рассказов о том, как «земля дрожала», «воздух на далекое расстояние вокруг совершенно потемнел», «все стояло в огне» и проч. «Такие танковые битвы, — говорила газета, —

и так массированно никогда не имели места в этой войне, и прежде потрясавшей неожиданностями». При этом в статье все время, конечно, подчеркивалась стойкость немецких войск, защищавших Орел против «бешено фанатического врага».

Но прошло всего несколько дней, Орел был взят советскими войсками, в Германии наступает общее уныние, и «Фелькишер Беобахтер» дает 12.8 передовую «Очищение Орла», в которой спокойноенько:

«Орел оставлен противнику по совершенно добровольному решению командования, так как город потерял для нас военное значение. Зато очищение города позволило сберечь и сконцентрировать силы там, где они нужней. Все военные хозяйственные объекты были предварительно уничтожены или приведены в негодность в полном спокойствии, без всяких помех со стороны врага... Орел не имел и никакого хозяйственного значения. В нем при большевиках были только фабрика валенок и пивоварня. Это был просто чистенький сельскохозяйственный городок со старинными церквями... Очищение города происходило не под натиском советских войск. Дорожная жандармерия регулировала движение на улицах, пока город не покинул последний солдат...»

Повороты изображения на 180 градусов!

Предвидя дальнейшие отступления, «Вестмарк» от 24.8:

«В дальнейших операциях на Востоке внимание также будет обращаться не на безусловное удержание тех или иных рек и городов, а на решающую цель нынешнего лета: вынудить Советы к наибольшей издержке их человеческих и технических ресурсов, удержав общую линию обороны от Азовского моря до финских бухт. Естественно, что такая оборона должна быть подвижной, и она удастся нам».

О нашем Западном фронте и об участке нашей 3-й армии «Дер Штосструн» 23. 8 на первой полосе:

«Западнее Вязьмы Советы перешли в давно ожидавшемуся нами наступлению. Оно встретило нас в полной готовности и захлебнулось еще в предполье при больших потерях врага в людях и технике. После двухчасового громового артиллерийского огня и массированного применения танков Советам удалось только в двух местах вторгнуться в наше расположение. Но это вторжение остановилось у заранее подготовленной нами второй линии обороны... Одними только убитыми враг потерял более 30 проц. своих людей. Н-ский пехотный полк уничтожил 43 тяжелых танка противника, из них 13 «Т-34».

Так как обе дивизии немцев, действовавшие на нашем участке фронта, силезские, то тыловая силезская «Оберлаузитцер Пост» поместила 26.8 жирно набранную корреспонденцию «Наши силезские гренадеры в танковых боях под Вязьмой». Здесь тон уже совсем шапкозакидательский:

«На вяземском участке большевики пытались прорвать оборону, занимаемую нашими силезскими гренадерами. Атака сопровождалась тяжелым обстрелом из бесчисленных батарей реактивных орудий. Когда они замолкли, перед позициями силезцев появились пятнадцать замаскированных танков. Подошли они невидимо, защищенные дымовой завесой. Начался ожесточенный бой, в результате которого...»

Газета на следующий день сообщила, что силезцы уничтожили под Вязьмой 700 советских танков. Такая же цифра в берлинской «Монтагспост». Это уже не гипербола, а попросту бред. Все шло тогда на Орел, и таких сил у нас попросту не было. Да и какой идиот пустил бы на узком участке двух противостоящих дивизий такой сгусток танков, чтобы делать из него мишень артогня!

«Голод в Советском Союзе» и «Эластичная немецкая оборона», ведущая к невозстановимым советским потерям, — вот сейчас два ведущих тезиса нацистской пропаганды. Используется и широко раздуваемое неумное заявление известного американского летчика Риккербакера, напечатанного в «Дейли Экспресс», что армия в СССР снабжается терпимо, а население и тыловые войска голодают. Медвежьёу услугу оказала нам и английская «Дейли Геральд» подсчетом советских потерь. А подсчеты самих немецких газет — соревнование на наибольшие цифры. Эти газеты стремятся превзойти одна другую прогнозами: на сколько еще хватит Советскому Союзу ресурсов?

Солдат, утешающихся этой арифметикой, должна была разочаровать и огорошить помещенная 31.8 в «Унзер Хеер» статья известного генерала-обозревателя Дитмара. Правда, он и на сей раз, как всегда, пишет крайне уклончиво и невразумительно, но насчет советских резервов сомнений не оставляет:

«...У большевиков превосходство в людях и технике. Их преимущество и в том, что систематически целенаправленным воспитанием они развили в людях коллективный инстинкт. Поэтому советский солдат является идеальным материалом для ведения массовой войны. Постоянно новые тяжелые проблемы ставит перед нами и само это сочетание

в руках большевиков и того и другого — и чудовищного числа людей и чудовищного количества техники. Мы вынуждены все время изыскивать пути и средства, чтобы противопоставить силе силу и не оказаться в положении, при котором оставался бы открытым вопрос: кто же все-таки будет победителем?.. Мы нашли метод ведения этой войны — наша подвижная оборона. Противник несет при этом такие потери, что они не оправдывают его достижений и превышают то, что он может воспроизвести».

Обзор немецкой прессы за август получился нынче больше обычного. 24 страницы. В отличие от обзоров положения тыла и противостоящих частей он подивам не рассылается, для политрабты в наших частях служат лишь выдержки.

Чудесное лицо. Широкое, розовое, и все черты соразмерны. Медовые волосы, смеющиеся большие глаза. Крестьянский паренёк с картинки. При этом лицо лукаво-смышленное. Сочетание доброты, ума, жизнерадостности. На редкость привлекательный тип. От него пышет здоровьем и жизнью.

Он угадал во мне человека, чуждого субординации, подошел на тропинке, попросил закурить, а когда увидел полную пачку, предложил обменять ее на...

— Я вам за нее орден повешу!

И вытащил из кармана Железный крест, снятый с какого-то немца.

Был, оказывается, еще и второй, но тот он отправил в деревню, в подарок братишке.

Ему 22. Две медали. При захвате блиндажа ранен был в левую руку, и комроты взял его к себе из взвода связным. «Почтальоно», — объясняет он мне. Окончил семь классов и курсы механизаторов, был ремонтником на МТС, в пехоте оказался случайно. Уже будучи на фронте, хотел перевестись в танковый корпус и сходил туда, словно в деревню к соседу («он от нас верст двенадцать стоит»), и за эту самовольную отлучку из части чуть не отдан был под трибунал. Теперь, после двух награждений, подал рапорт о переводе, но, как на грех, командир роты привязался к нему, не дает рапорту хода.

Рассказывает все это весело, а я люблюсь им и думаю о роли случайности, могущей определить человека то в герои, то в штрафной батальон. И еще думаю о несуразице, которую легче бывает сделать, чем выправить. Кто-то по малограмотности или рассеянности вписал его в пехотинцы, и вот ходит

моторист-механик полтора года с винтовкой, а в тылу в это время готовят в танкисты какого-нибудь совсем непричастного к технике парня.

Спрашиваю, что он в сумке несет. Оказалось, что там сухой спирт. Идет в штаб полка, где у него во взводе связи земляк, и вот прихватил ему в гостинец немецкий трофей.

— Хотите? Берите пакетик.

— Нет, спасибо тебе, — говорю, — тащи земляку.

Рассказал о нем замначальника подива. Тот обещал доложить командиру дивизии.

* * *

В политуправлении фронта было совещание инструкторов-литераторов поармов. Так как мы на их счету перво-разрядники, то моему докладу дарилось особое внимание. Но говорил я не то, что представил письменно и утверждалось поармом, а напирал на их безучастность в обеспечении нас техникой. Говорил также, что в период наступления надо делать листовки не о мощи антигитлеровской коалиции, а по жгучим вопросам — чтобы не сжигали деревень, не взрывали, не угоняли народ. Адресовать персонально комендантам, начальникам гарнизонов и командирам арьергардных частей. Лично ответят-де за пожары, забираемый скот и др.

Это было поддержано. Но когда я сказал, что надо просить фронтовую разведку обязательно заполучить двух-трех человек из эсэсовских отрядов карателей, раздобыть от них материал для досье о начальниках и направить им листовки — угрозу о расправе с каждым из них, то меня удивило, как могли ответить, будто у меня заметно стремление подчинять пропаганду местным оперативным задачам в ущерб общим целям деморализации вражеской армии.

Предлагал я вообще много конкретных деловых ходов, в частности по связям с партизанами. Начальник 7-го отдела фронта полковник Никифоров — высокий, плотный, образованный и добродушный — сказал, что, читая мои анализы состояния немецких частей, он представлял себе меня академиком, а оказалось, что я не прочь играть в подкидного. Говорил он это смеясь, но листовки и звукопередачи они единодушно расхваливали.

Кормежка у них вроде нашей. Ходили в Военторг. Я ду-

мал, во фронтовом — вино и что-нибудь вкусное. Но, как на грех, в данный момент ничего путного не оказалось.

Перед отъездом — разговор с Соколовым. Это начальник РИО¹. Спокойный, начальственный, подчеркнуто-подтянутый и, видать, волевой. Иногда прорывается тихий смешок, и тогда впечатление сухости сглаживается, приоткрывается что-то симпатичное, но загоняемое из соображений субординации внутрь. В прошлом — директор школы и автор грамматик. Предложил перейти в ПУ² фронта. Он: «Здесь, наоборот, простора для ваших замыслов больше, огромная издательская база, листовки на совсем другом уровне».

Я не выразил большого желания и высказал свои сомнения.

Он слушал молча, иногда усмехался, но мнения своего не изменил.

* * *

Немецкий юноша пишет старшему брату на фронт:

«Я посылал тебе карточки одной девицы. Не понравилась? Ну это понятно, так как она рожа. Это двоюродная сестра моей девчонки. Но, как бы она ни выглядела, советую тебе затеять с ней переписку. Она обязательно вышлет тебе какую-нибудь посылочку, а это в конечном счете главное. Все эти девицы прекрасно понимают, что у них будет очень мало шансов выйти замуж, поэтому они пишут письма и шлют посылки незнакомым солдатам в надежде на то, что если кто из них останется жив, то свяжет свою судьбу с такой бескорыстной подругой. Учти это, ниши письма и шли свои фотографии кому попало, тогда будешь завален посылками и жить припеваючи».

А вот письмо Берты Хейз из Херстфельда, Хомбергштрассе, 119, унтер-офицеру, полевая почта 27662 E:

«Если вам снова удастся попасть в отпуск и побывать у меня, то сумеете от всего сердца посмеяться. Дело в том, что покажу вам письма моего мужа с восточного фронта. Я писала ему о нашем знакомстве (разумеется, без подробностей), и этот наивный парень отвечает, что его радует, что я имею попутчика в кино. Он и не подозревает о партнере

¹ Редакционно-издательское отделение седьмого отдела. (М. Б).

² Политуправление.

в другом занятии... А хорошие, незабываемо хорошие часы провели мы с вами. Сейчас, когда вы на фронте и ощущаете все ужасы войны, то должны еще более проникнуться сознанием необходимости использовать ныне каждую возможность, каждый час. Будьте поэтому паинькой перед начальством и проситесь в отпуск».

Не знаю, убит этот Хейз или в плену, но готов был бы отправить ему это письмо, чтобы он знал, какова его жена-пушка...

* * *

Вот сенсационное, из первоисточника, свидетельство результатов, проведенных именно нашей 31-й на нашем пути. Свидетельство свежее, точное и непосредственное. Это письмо в город Фульду; от 12 окт. 43 г.:

«В наше время радуешься уже тому, если кто-то может сообщить тебе с родины, что твои близкие живы и не погибли под бомбами. Но многозначительные события в Италии и широких масштабов отход на Востоке укрепят на родине ее надежды на мир...

С 14 сентября мы отступаем. Это сопровождалось серьезными боями и паршивейшими для каждого из нас ситуациями. Наш батальон потерял в сентябре 205 человек, плюс 14 пропавших без вести. Три дня назад мы отошли на позиции, которые должны быть во что бы то ни стало удержаны. Здесь батальон наш расформировали, и маленький его остаток влили в 1-й батальон нашего полка. В наших трех стрелковых ротах было 22 человека...

Надо же, чтобы из многих дивизий нашего фронта именно наша призвана была защищать шоссе Москва — Минск!.. Поэтому наша дивизия вчера с похвалой упомянута в сводке...»

Включаем это письмо в материалы для наших бойцов. Пусть порадуются. Много они в эти дни перестрадали...

«Наша рота строит бетонные укрепления. Крепко над ними работаем. Это будет большое дело. Когда произведение будет закончено, вышлю тебе фото. Но кто знает, что случится, пока наступит зима. Тогда, может быть, окажемся подрывной командой, чтобы разрушить собственное сооружение».

Вот с какими орешками приходится нам дело иметь, вот почему такие потери...

* * *

Даже в крупнейших городах Германии почти не осталось ремесленников и починочных мастерских. В газетах объявление: «Кто починит 18 пар детской обуви? Материал будет дан», «Пострадавшим от бомбежек нужно срочно переделать 4 пальто. Кто отзовется?». ... Одна женщина пишет мужу на фронт, что ее туфли находились в работе с начала года до сентября. «Я их буквально выстрадала».

В армию забрано 9/10 ремесленников, в том числе старики, направленные в школы зенитчиков. Труд оставшихся регулируется властями. На право починки юбки или ботинок нужен специальный орден местного комитета нацистской партии или ходатайство воинской части. Алоиз Гейль, п/п 24280, просил свою жену Брунгильду (Саарбрюккен, Раабштр., 1) починить его часы. Она отвечает: «Чтобы отдать их в починку, ты должен выслать мне с фронта официальное удостоверение на это. В противном случае этого сделать невозможно».

Когда-то Геринг заверил: «Я буду не Геринг, а Мейер, если хоть один вражеский самолет перелетит границы Германии». Эта фраза давно стала крылатой. Ремесленник Х. Венцель из Йены, Теодор-Фридрихштр., 11, пишет сыну Курту на фронт:

«Меня снова обследовали и назначили в зенитную часть. Пушку пока еще не получил. Англичане могут по этому поводу радоваться, ибо если я, старая калоша, стану у зенитки, то я не я, а Мейер, если хоть один из них перелетит нашу границу».

* * *

В обзоре листовок за октябрь — похвала по нашему адресу:

«Листовки отделения оригинальны, интересны... Знание жизни противостоящих соединений противника... Печатная продукция этого отделения является одной из лучших на Западном фронте».

Отмечают только «отсутствие иллюстраций к листовкам».

На целой странице анализирует листовку Е-23 «Что нового в области?»

«Известно, что немецкий солдат охотнее читает свою провинциальную газету, чем центральную. Недаром сами фашисты широко используют в своей пропаганде в армии

зектографированные и печатные письма гаулейтеров и ортсгрупп «землякам» на фронте, журналы с местной хроникой, издаваемые в порядке официальной связи тыла с фронтом. Необходимо и нам использовать этот преимущественный интерес немецкого солдата к его «малой» родине.

По издание «областных» листовок — дело трудное. Нужно глубоко и всесторонне изучать для этого те области Германии, в которых комплектовалось данное соединение противника».

Наш опыт такого издания они признают очень удачным, «построенным с учетом психологии немецкого солдата», «составленным на основании различных источников» и др.

Тексты для некоторых из этих листовок решил сохранить. Вот они:

НЕ ГОНИТЕСЬ ЗА ПОБРЯКУШКАМИ!

Некоторые из вас получили недавно «награждения» и повышены в званиях. Это было праздником для недалеких людей. Они не поняли, что этими побрякушками Гитлер пытается расплатиться с ними за все пережитое ими у Ржева и за худшее, что скоро еще предстоит...

«Носитель Жел. креста II и V кл.»,
«Носитель «Медали пехотинца»,
«Носитель «Серебряной медали»,
«Отмечен значком «Боев. ранение»,
«Носитель кр. II кл. с мечами»

Фото крестов
с надписями

Так начертано на березовых крестах, под которыми гниют бывшие носители Железных. В большинстве это были цветущие парни... Сегодня им уже не нужны побрякушки...

Фото немецкого кладбища
в Панино

«Обер-ефрейтор пехоты», «Обер-лейтенант и командир артиллерийской бригады», «Ефрейтор-радист», «Капитан...»

Сегодня эти звания для них уже не имеют значения. Могильные кресты не носят погон и нашивок...

Фото немецких крестов
в Осуге

Ограниченные парни гонятся за Железными крестами. А толковые люди озабочены тем, как убраться подальше от русского фронта. Умный не мечтает о Железном кресте, не желает, чтобы ему переломали крестец, не хочет нести за пропавшего Гитлера свою крестную долю и гнить под крестом из березы. Умный изыщет возможности, чтобы не разделить этих удовольствий с глупцами.

К солдатам 95 и 253 пд

730

Сдавшийся весной в русский плен фельдфебель 278-го полка 95 пд сказал: *«В начале войны мы были упоены успехами, теперь же нам ясно, что мы выигрывали битвы, а Россия выигрывает войну».*

Да, теперь это ясно многим. Пора успехов германского оружия безвозвратно прошла. Сегодня, 22 июня, два года, как вы ведете войну в России, но все ваши успехи относятся только к первым месяцам войны. Вот уже год, как 95-я дивизия не только не продвинулась ни на шаг вперед, но, наоборот, все отступает и отступает. Это год, который должен был вас многому научить. Вспомните только ваш путь от Зубцова и до Сафоново...

А каково положение вашей дивизии, солдаты 253 пд? Впустую оказались те реки крови, что пролила она в Калининской области. Вы бились у Великих Лук — Красная Армия отвоевала город назад. Вы сражались у Селижарово — оно снова в русских руках. Вы обороняли Оленино — вас заставили оттуда бежать... И теперь от 173-го полка остался, по существу, только штаб, а в вашей нынешней обороне не столько солдат, сколько проволоки... И хотя пополнение вы получаете только выходцами из лазаретов, ваше командование, у которого иссякают резервы, не знает, как заткнуть вами дыры — то ли бросить вас под Орел, то ли держать вами здесь оборону.

В итоге двух лет войны вы и вся германская армия, увязшая в просторах России, оказались в порочном кругу.

А как жили вы эти 730 страдальческих дней! Вечно недосыдали, недосыпали, стыли на русском морозе, скреблись от невыводимшихся вшей, мучились бесконечными земляными работами, болели от постоянной сырости в бункерах... Звание гренадера и побрякушки, которыми наградили вас, проведенных два года в России, не возместят ревматизма, больных почек, ранних склерозов. Вы же стариками стали за эти 730 дней...

А когда кончается смена — вы не можете спать: нервы напряжены неотвязчивой мыслью о родных, о бомбежках... Ведь англичане не хотят оставить у вас, в Рейн-Вестфалепе, камня на камне...

А Россия по-прежнему стоит непоколебимая, неиссякаемая, наращивающая силы в своих обширных тылах и готовится вместе с англо-американцами к нанесению вашей армии решающих, страшных ударов.

Не довольно ли вам всего, солдаты?.. Не сыты ли вы уже этими 730-ю ужасными днями?.. Не поняли ли уже наконец, что победить Россию — страну бескрайних пространств, людей и ресурсов — так же немыслимо, как вычерпать океан котелками?..

Вы все знаете старую немецкую сказку о толстяке, утверждавшем, что он выпьет бочку. Но лопнул он до того, как в бочке чуть заметно снизился уровень... Так лопается теперь армия Гитлера, пытающаяся поглотить такую страну, как Россия.

Если вы хотите спасти свои жизни, мы не можем подсказать вам для этого другого пути, кроме индивидуальной и групповой сдачи в плен. Не можем подсказать вам другого требования к вашему начальству, кроме требования отправки домой. Ничто не спасет вас и Германию, если вы не прекратите войны.

Вам говорят, будто уж нужно теперь биться дальше, чтобы не пропали 730 дней... Лживая логика! Нельзя исправить положения путем его ухудшения. Нельзя возместить перенесенные страдания новыми. 730 злых дней лишь в том случае принесут свою пользу, если вы извлечете из них урок и скажете себе:

ДОВОЛЬНО!

ГЕНЕРАЛ ТРАУТ

приказал своим офицерам проводить с вами беседы о вреде «нытья», «слухов» и «пессимизма». Он потребовал от них «невиданной доселе энергии» в борьбе с коварной русской пропагандой.

Этот приказ командира вашей дивизии издан во исполнение приказа командования 4-й армии.

Поговорим же об этих приказах, о коварстве и лжи.

КТО ЛЖЕТ? Мы ли, сообщающие вам, что германская армия, откатываясь под нашими ударами, лишилась уже двух третей захваченной ею раньше территории, или же те, которые уверяют вас, будто «добровольно» покидают территории, на которых преступно заставили погибнуть миллионы немцев?

КТО ЛЖЕТ? Мы ли, сообщающие вам о бомбардировках, которые не в силах больше выносить немецкий народ, или же те, которые уверяют вас, что бомбардировки «поднимают дух немецкого народа в войне»?

КТО ЛЖЕТ? Мы ли, представляющие вам точные цифры о том, что производство самолетов, танков и тяжелого вооружения вашими противниками уже в 4,7 раза превышает производство Германии и потому ваша борьба безнадежна, или же те, кто в приказах по армии и дивизии запрещают «заниматься сравнениями и вычислениями, приводящими к пораженческому выводу»?

КТО ЛЖЕТ? Мы ли, доказывающие, что любой способ ухода из гитлеровской армии — дезертирство, самострел, сдача в плен и др. — является единственной для солдата возможностью уцелеть, или же те, которые требуют, чтобы вы погибали, ибо иначе-де вас потом «стерилизуют», «сошлют в тундры», «сварят на мыло»?

Гитлеровцы не спаслись от превосходящих сил противника. Они пытаются спасти себя теперь от вас, солдаты, и потому хотят зажать вам рты, оглушить вас. Они выдумывают вам небылицы о грозящей будто бы страшной мести русских в случае поражения Германии, а на самом деле они боятся вашей, солдатской мести за все то, что они натворили с вами, вашими семьями, вашими городами, со всею Германией. Но если их оружие не победило нашего, то их ложь не победит нашей правды.

«КАКОВО НАСТРОЕНИЕ НА РОДИНЕ?»

Это вопрос задает посылаемая в вашу часть и всеми вами читаемая газета вашего родного города Гирлитца «Оберлаузитцер Тагеспост» и отвечает, что настроение в тылу спокойное, хорошее, ровное. Мы спросили вашего товарища обер-ефрейтора 30-го полка, почему же он в таком случае, только что возвратившись из отпуска, перебежал в русский плен да еще подговорил к этому двух земляков? Разберите его ответ, лично написанный им в протоколе опроса.

«...В очередях женщины ведут сейчас такие разговоры, на которые они никогда не решились бы раньше. В разговорах между знакомыми можно услышать, что Гитлер виноват в несчастьях Германии. Даже многие национал-социалисты, люди, слепо верившие Гитлеру, сейчас совсем другого мнения о руководстве. Настроение большинства населения сейчас таково, что ему безразлично, какой будет в Германии правительственный строй, лишь бы наступил мир. Народ пугают повторением 1918 года, а люди отвечают: «Пусть лучше наступит 1918-й, чем продолжается 1943-й». В случае чего только эсэсовцы будут защищать нынешнее правительство.

Доверие к Гитлеру явно поколеблено и на родине, и в армии. Солдаты помнят фразу Гитлера о том, что «на место, занятое немецким солдатом, уже не ступит никто другой», а видят они, что немецкую армию выгоняют из одного города за другим. Большинство разумных немцев среднего возраста уже не верят теперь словам Гитлера».

Нам добавить к этому нечего. Побывавший в отпуску немецкий солдат лучше нас знает настроение в тылу и в армии. Его знает и ваша герлитцевская газета. Иначе она не завела бы для вас рубрики «Какое настроение на родине?». Ведь та часть тиража, в которой есть этот раздел, печатается только для вас...

ГЕББЕЛЬС ОБЕЩАЕТ, СТАЛИН ПОБЕЖДАЕТ

17 февр. 43 г.:

«...предстоящей весной и летом заново предпринять наступление и нанести советскому большевизму решающий удар... Враг узнает нас нынешним летом во всей нашей прежней наступательной силе» («Фельк. Беоб.» 20.2.43).

Как видите, между весенней и осенней речами Геббельса целая пропасть. Тогда он обещал покончить с противником, а теперь заговорил о границах собственной страны. Тогда он кричал о своей НАСТУПАТЕЛЬНОЙ СИЛЕ, сегодня бормочет уже только об ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИЛЕ.

Что вышло из первого обещания Геббельса — ведомо всем. А после второго его обещания — сковать Красную Армию — она, наоборот, отрезала в Крыму немецкую армию, форсировала Днепр, освободила Киев и движется неудержимо вперед.

В своей речи 6 ноября 43 г. СТАЛИН сказал:

«Немцы рассчитывали взять курс на затяжную войну, стали строить оборонительные рубежи и валы, объявив во всеуслышание о неприступности их новых позиций. Но Красная Армия и здесь опрокинула расчеты немцев, прорвала их рубежи и валы, продолжает успешно наступать и не дает им сроков для затяжки войны».

Геббельс «сковывает», Сталин побеждает. На одной стороне — пустые застрашивания, на другой — реальная сила и действия.

Нет, Красную Армию гитлеровцы сковать не могут. Но кого они действительно сковывают — это вас, немецкие солдаты.

Если не сбросите вы этих оков, не перебежите или не сдадитесь в подходящих условиях — то жизнь ваша продлится не дольше, чем существование ваших валов.

МЫ НЕ ДАДИМ ВАМ ШАМΠΑНСКОГО

На поле боя найдено неотправленное солдатское письмо от 18.10.43. В нем говорится:

3 окт. 43 г.:

«Немецкая армия обладает более чем достаточной оборонительной силой, чтобы удержать воинствующий большевизм скवानным вдали от наших границ» («Фельк. Беоб.» 4.10.43).

«Нас кормят сейчас как никогда. Котелки наполняются до краев. Дают по такому куску мяса, какого вы не получаете в неделю. Папиросы, водка, шампанское, шоколад, молоко. Это все успокоительные пилюли. Из 70 человек нашей роты осталось 22».

Автор письма хорошо понимает, почему Гитлер, еще круче сократив нормы в тылах, резко улучшил ваше питание. Находясь на переднем крае центрального фронта, вы — обреченные. Понимаете ли вы это, солдаты, так же, как сознавал это безымянный автор письма?! Понимаете ли, что полные котелки и деликатесы — это плата за неизбежно предстоящую смерть. Вам сейчас переполняют желудки, чтобы усыпить ваши головы.

Пути назад вам нет — за отступление Гитлер велел вас расстреливать. Остаться на месте — верная гибель. Переходите же в плен. Мы не дадим вам шампанского. Мы дадим зато жизнь.

ПРИЗНАНИЯ ГЕББЕЛЬСА

Гитлеровская пропаганда уверяла вас, солдаты, что «павшие в этой войне немцы бессмертны», что их «будут помнить века». Но вот что заявляет теперь человек, который так цветисто говорил и писал о бессмертии:

«Кто разговаривает еще сегодня о крови и слезах, пролитых прошлыми поколениями немцев за будущее родины! Кто вспоминает о страданиях народа в Тридцатилетней войне, которые с нынешними вообще несравнимы! Кто помнит об опустошениях целых провинций старой Пруссии в Семилетней войне! Все это из нашей памяти давно улетучилось. Остался лишь тот факт, что после семи суровых лет Фридрих увенчал свои знамена победой» (из речи в Спорт-палласте по поводу «дня урожая» 4.X с.г.).

Это ценное признание означает:

1. Что разговоры о бессмертии служили только для того, чтобы гнать вас на убой.
2. Что гибели миллионов немцев в России и страданиям немецкого народа в тылу гитлеровцы не придают никакого значения, ибо-де из памяти правнуков они улетучатся.
3. Что люди, плюющие на ваши страдания, готовы воевать и семь лет и тридцать лет.

При этом Геббельс намеренно замалчивает самое главное: Фридрих свою войну ВЫИГРАЛ, Гитлер же свою уже

ПРОИГРАЛ. Забытые всеми солдаты Фридриха обеспечили, по крайней мере, своими жизнями победу Пруссии. А вы, солдаты Гитлера, погибаете лишь для того, чтобы отсрочить на короткое время гибель его режима.

Мы можем успокоить вас тем, что Красная Армия не даст Гитлеру воевать ни 30, ни 7 лет. Но смерть ваша останется самой БЕССЛАВНОЙ в германской истории.

Ищите пути избежать ее. Перестаньте быть солдатами Гитлера.

* * *

Ш.¹ возбужденно:

— Вас забирают! Звонили Р-ву².

Бежим к нему. Он:

— Я уже сказал им, что не отпустим. Это штуки Никифорова, а есть начальство повыше. Идите работайте.

* * *

Начальник отделения предлагает начать готовить для немцев материал к Сильвестру. Перебираю в связи с этим радиозаписи и вырезки из газет с прогнозами на 43-й... Хорошо, что сумел сохранить.

«Фелькишер Беобахтер», 31 декабря: «Операции нынешнего года подвергаются критике, так как развернулись не в стиле 41 года. Но это критика профанов. Операции на востоке были ныне ограниченнее по масштабам, но имели глубокий стратегический смысл. Они воспрепятствовали врагу взять где-либо инициативу в свои руки. Только в ноябре Советы решились на контрнаступление, но оно лишь показывает, что законы большевистскому командованию диктует воля германских полководцев. А самоограничение наших операций объясняется необходимостью найти в этих необозримых просторах естественные границы. Ведь завоевание огромных территорий оправдано лишь там, где служит укреплению военного потенциала. Наша сдержанность обоснована командными позициями, завоеванными победами на континенте в течение трех лет. Европа превращена нами в неприступную стратегическую и политическую крепость».

¹ Имеется в виду Шифрин — нач. 7-го отделения политотдела армии, в котором служил автор.

² Ряпсов — нач. политотдела армии.

Геббельс, в новогодний вечер: «В этом году оказалось возможным еще более обеспечить победу... Он был одним из труднейших, но войдет в историю как один из величайших, решающих... В этом году проблема восточного пространства разрешена... На дальнейший ход войны германский народ может взирать с чувством спокойной уверенности... Тупое упорство большевиков ничего не сможет изменить... Время стало нашим союзником... Мы вступаем в новый год с твердой решимостью добиться, чтобы он полностью сделался нашим».

Дитмар, 11 января: «Противнику удалось добиться прорывов на Волге, у Сталинграда, и хотя они были в некоторых местах глубоки, наша оборона не поколеблена. На Кавказе мы также остались господами положения. Не преуменьшая достигнутых Советами успехов, нельзя не видеть, что... условия этого года для нас лучше прошлогодних»¹.

* * *

Все отпало, и все решено. Приказ начальника политуправления фронта. И тут же прислан на мое место другой, некий З. Какой-то угловатый, нервный, недобрый.

Сдаю дела. 20 папок секретной документации. Принимает их придирчиво, педантично, словно бухгалтер. Требуется, чтобы я вносил исправления в изданную разведуправлением РККА нумерацию немецких частей, указал все изменения в нумерации немецких полевых почтовых станций и проч. Терплю, стараюсь сделать для него что могу. С таким человеком здесь все теперь будет аккуратно и точно, точнее, чем при мне, но боюсь, что скучнее...

Б. обещал отпустить меня перед отъездом на фронт на неделю в Москву. Но его теперь нет, а Р. заявляет, что не вправе уже отдавать обо мне какой-либо приказ... Ткаченко и Афанасьев, чтоб сгладить, поздравляют с назначением и уверяют, что фронт сам предоставит мне эту неделю. Но это не выйдет. Не такой человек, чтобы сразу откликнуться.

Седьмоотдельцы жалеют о моем отъезде от души, но рады, что оценка их деятельности будет теперь исходить от товарища, друга. Но я прямо сказал Ш-ну², что З., возможно,

¹ В наших новогодних листовках к немцам разоблачалась эта замаскированная пропаганда неудач немецких армий в 1942 году (М. Б.).

² Шифрину.

неплохой преподаватель языка и будет старательным обозревателем, но...

Рудольф очень встревожен. Тон З. будет с ним явно иным. Парень снялся, чтобы подарить мне на память свою фотографию.

* * *

Из эскадрильи идет самолет на Москву. Мардыко берется свезти. Но как ехать без документов, без аттестата! Задержит первый же комендантский патруль, и тогда... А что будем жрать? Валя сама голодает... Г. говорит, что за час соберет для меня, что каждый охотно пожертвует банкой консервов, а в столовой можно через девицу такую-то раздобыть две буханки... Но хорош будет работник политуправления фронта, занимающийся такими вещами!... И я к Мардыко не еду...

* * *

«...Ну, что тебе, родная, сказать? Нахожусь в обстановке, совершенно непохожей на прежнюю. Здесь все иначе, все не так. Вот уже 16 дней, а не только пулеметов, но и артиллерийского гула не слышал. А шинели у всех здесь, будто только что выданы. Тебя, вероятно, обрадует, что я теперь «по-человечьи» живу, но я еще с этой жизнью не свыкся, и чего-то в ней не хватает мне. Вероятно, войны. Хорошо понимаю, что штабные учреждения фронта, головной его мозг, обязательно и должны быть расположены так, чтобы не подвергаться обстрелу, и скучно здесь оттого только, что затишье на фронте, но чувствую себя тут чужевато и связано.

Ты сейчас же решишь, что мне не по себе оттого, что я не умею жить как нормальные люди, непривычен к порядку, не ценю уюта и тэдэ и тэпэ, и еще потому, что я по натуре диктатор, не желающий подчиняться другим и стремящийся подчинить их собственным нравам. Может быть, это и так. Я действительно не умею работать и спать по команде, впрямь трудно с людьми схожусь.

Политуправление вместе с его 7-м отделом — в деревне. А мы, РИО, в поезде. Один вагон — наборный цех, второй — печатный, в третьем — бойцы, четвертый — наш офицерский, в пятом — всякая всячина. Живу в купе, деля его с художником Гордсевым. Он саратовец, знал Степана Дальнего, Хитро-

ва, Смирнова-Ульяновского. Здоровяк. За стенкой у меня — Лена К. Единственная женщина, и потому в отдельном купе. Выросла в Германии, где отец работал в полпредстве, числится переводчицей, так как переводила на немецкий романы. Затем есть майор Г., рассказывавший некогда минским студентам о Вертере, Лорелее, воззрениях кота Мурра и собственных. Спокойный, педантичный, каждое утро брестся и одеколонит лицо¹. Затем есть капитан Р. — полиграфист, ведающий бумагой, цехами, кухней, автохозяином. Это важные отрасли — как только поезд вслед за фронтом передвигается. По торжественным дням поездному составу раздается по куску сала 2—3 кг, которое все отправляют домой.

Человек это своеобразный. Не лжив, но скрытен, интеллектуал, но службист. Мне пришлось однажды слышать его разговор с одним высоким штабистом. Тот далек был от дела, на которое нужна была его санкция, не разбирался в вопросе, старался скрыть это общими фразами, а Соколов вместо «Я предлагаю» — «Я понял, товарищ генерал, вашу мысль. Вы хотите, очевидно, чтоб мы...» И тогда генерал: «Вот, вот! Именно так! Вы меня поняли. Действуйте!»

От собственных подчиненных он такой лукавой дипломатии, правда, не требует, толковых людей рядом с собой не боится и в то же время ведет себя с нами как солдафон. Из купе своего редко выходит, но вдруг начинает осматривать наши, и тогда, словно надзиратель кадетского корпуса: «Почему подушка не убрана?», «Почему у вас ворот расстегнут?»... Разговаривать в коридоре нам тоже нельзя — только в купе своих. В общем, целый день живем, словно в навловской Гатчине, и атмосфера меняется только с 8 часов вечера.

Иногда из стоящего на соседнем пути поезда редакции фронтовой газеты к нам приходят побалакать, понабрать материалы для зарисовок о немцах художники Верейский, Горяев, юморист Слободской, а часто и автор так восхищавшей меня своим чистым, звучным стихом «Страны Муравии» Твардовский. При гостях в миски с вечной пшёнкой кладется по ложке консервной приправы, появляется и другая (но в норме!), начальник спецпоезда превращается в

¹ Это была очень односторонняя характеристика. Майор Г. не только одеколонился, но во многом поддерживал высокий уровень работы РИО. На нем лежали верстка и корректура листовок, всегда безукоризненные. Его личная аккуратность способствовала и культуре труда.

Михаила Петровича и становится человеком как все. Но лишь до 11-ти.

Оживляемся мы среди дня, только когда Соколов уезжает или приходят Никифоров с Солюсом. И тот и другой весельчаки, а Солюс еще и шумлив, много хохочет. У него всегда новости, передает их всегда возбужденно, и всегда они радостны. В то же время знающий экономист. Он чистокровный русак, но голубоглаз и розов, как немец. Любимец Никифорова, всюду сопровождает его, и потому Соколов вынужден тихо мириться с вторжениями этого нарушителя тишины и порядка¹.

К другим своим сослуживцам пока еще не присмотрелся. Это Паша Лозневой, тоже экономист, но в противоположность Солюсу тишайший, длинный, худой и больше приглядывающийся к другим, чем дающий разгадать себя самого². Затем Тер-Григорьян — уже пожилой, долго живший в довоенной Германии, считающийся поэтом ее знатоком, человек это очень неглупый, приятный, товарищеский, и возражений против него не имею. Затем некий Люлька — молчаливый великан с голым черепом, составляющий данные о передвижениях немецких частей. Далее, некий Гольдберг, тоже почти бессловесный. Он совсем молодой, в лейтенантских погонах, но его подпись стоит под рядом весьма дельных обзоров. Далее... Но тебе уже становится скучно, и ты, наверное, думаешь, что я намеренно перечисляю только мужчин. Но женщин — не вру — здесь и нет. Есть, правда, секретарши Паша и Зоя, но те заняты.

Работа моя здесь та же, что и прежде, и немного иная. Бюллетеней, которые писал по разным вопросам в поарме (о немецком тыле, о прессе и проч.), я теперь не пишу, это делают инструктора 7-го отдела. А я инструктор-литератор и занимаюсь только листовками. Пишу те, что печатаем в поезде. Издательская база у нас здесь что надо, выпуск идет почти каждый день, эскадрилья своя.

Писать листовки здесь приходится строгие. Каждая проходит через нескольких лиц и утверждается затем высоким начальством. Оно, увы не подмахивает, а имеет привычку прочитывать. И от авторских своеволий кривится...

Ну, так расписался, что ты уже устала, наверное. Сочиняю

¹ Организационные способности этого человека сказались впоследствии при ликвидации так называемого витебского котла. Ныне — профессор по кафедре политической экономии.

² Ныне отв. редактор журнала «Социалистический труд». Примечания сделаны автором в 1970 году.

это письмо целую неделю и говорю Гордееву, что это газетная корреспонденция. Передает это тебе вместе с 2 баночками консервов и баночкой топленого масла (успокойся, другие в поезде тоже перетапливают допоек) работник фронтовой газеты. Делает мне это *большое* одолжение потому, что рассчитывает на твою консультацию. Вместе с эвакуировавшейся семьей хочет приехать в Москву и его мать, которая здесь не жила, и ему надо узнать о возможностях ее прописки. Присоветуй что можешь.

Звонка больше не жди. Он был случайным, благодаря Никифорову. Тот договорился с начальником связи, который дал нам Москву на целых 30 минут. Говорил Никифоров, потом нас еще четверо. Я понял, как ты обомлела, услышав мой голос, как у тебя сжалось горло. То же самое было со мной. Будем надеяться, что этот первый за время войны междугородный не станет последним, что Н. (у него всюду друзья) подготовит когда-нибудь еще такой же сюрприз.

Солдатам 4-й армии

«БОЛЬШЕВИКИ ХОТЯТ ИСТРЕБИТЬ НЕМЕЦКИЙ НАРОД»

Такое утверждение командующий вашей армией в своем приказе от 28.10.43 велел распространять среди вас. И это делают сейчас на введенных занятиях ротные.

Германские города гибнут под бомбами, а германские войска, проиграв все сражения, второй год отступают. Дела безнадежны... Поэтому-то и решили вам вспрыснуть очередную дозу геббельсовского наркоза — если, мол, не сдержите натиска русских, они истребят немецкий народ. Но по этому поводу Сталин давно уж сказал:

«Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с немецким народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».

Несмотря на это, солдаты, вам снова стали усиленно повторять старые глупости, пуская в ход на ротных занятиях следующие бредовые фразы:

«Американцы хотят стерилизовать немцев» (Гитлер).

«Немцев сошлют в сибирские тундры» (он же).

«Из жира немцев русские будут варить мыло» (Геббельс).

«Русские установили для пленных 18-часовой рабочий день» (Лей).

«Всех немцев русские готовятся перебить» (Гиммлер).

Поразительно, что вы, взрослые люди, позволяете внушать себе всю эту чушь. Ведь на нее и отвечать-то серьезно нельзя. Скажем вам коротко.

Стерилизовать следовало бы одного только немца — зачинщика стерилизации Гитлера.

Правильно из всех утверждений ваших начальников только одно — что немцев всех перебьют. Но только не после войны, а на фронте, если вы его не покинете.

Солдатам группы «Миттэ»

О ВАШЕМ МОГИЛЬЩИКЕ

В День памяти героев в 1941 году Гитлер сказал, что «возложил на себя заботу по сооружению достойных военных кладбищ», и назначил архитектора проф. Крейза «генеральным советником» по художественному их оформлению. Газеты печатали предложения д-ра Крейза: «Места, где покоятся наши герои, будут украшены огромными памятниками огромной впечатляющей силы. Каждый памятник будет выполнен по особому архитектурному замыслу... Каждый покойник будет лежать в отдельной могиле с Железным крестом на ней».

Так проектировалось в 1941-м. В 1942-м индивидуальные могилы копались уже не для всех, но вера в победу была еще твердой, и Гитлер лично заказал шведам гранит для памятников победы в Берлине и Нюрнберге.

И вот заказ на гранит, как официально объявили в Стокгольме, Германией давно аннулирован. Что же касается индивидуальных могил, то вот свидетельство похоронщика Людвиг Штауфера из 197-й пехотной дивизии:

«Похоронные команды не справляются с делом. Однажды за сутки захоронено было 1800 человек. Хоронили без формы, без белья, в бумажных трусах. Так же зарыты 3 тыс. солдат на высоте между двумя церквями г. Витебска. На другом конце Витебска еще большее кладбище. Убитые лежали там перед захоронением штабелями, и все они были только в трусах из бумаги, которая размокла от снега... Раздетыми трупы привозят уже из рот или госпиталей, а если кого находят в одежде, то ее снимают на кладбище. Имена хоронимых записываются наспех и путаются. Зарывают, конечно, без гробов. Трупы сбрасываются в ямы навалом. В форме и сапогах хоронятся лишь офицеры».

Сегодня Гитлер заботится уже не о художественном оформлении кладбищ, а о том, чтобы сдирать с убитых кальсоны...

Еще больше года назад, у Сталинграда, русским похоронным командам пришлось зарыть около 150 000 трупов немецких солдат. А что сейчас творится на юге, где немецкие войска в паническом бегстве бросают всю технику, забывая об убитых вообще!

После уничтожения в феврале южнее Киева десяти немецких дивизий русские похоронные команды зарыли 55 000 трупов немецких солдат, под городом Умань в начале марта — 20 000, у реки Южный Буг — 36 700, у реки Днестр в районе Чертковка — 20 000, возле города Каменец-Подольска — 8 000...

Сейчас, в начале апреля, советские похоронные команды заняты зарыванием немецких трупов северо-западнее Каменец-Подольска, где окружены и добиваются остатки 15-ти немецких дивизий, и под Одессой, где пути отступления немецкой армии также отрезаны. Лишь жалкие группки бежали в Румынию.

Немецкая армия в России не отступает — уничтожается. Немецкие солдаты остаются в русской земле. Домой вернутся лишь около 40 000 немцев, сдавшихся в марте на Украине. Это все, что останется живого от некогда огромной группы «Зюйд». Да, все, ибо бежавшие в Румынию будут добыты советскими войсками и там.

Гитлер не зря «возложил на себя заботу» о кладбищах. Он — первый могильщик германской армии, народа германского.

Не мечтайте, солдаты группы «Миттэ», избежать его жутких забот. Вам так же не удастся отступить, как не удалось это вашим солдатам на юге. Чтобы отсрочить час своей гибели, он и вас заставит «удерживаться во что бы то ни стало», «стоять насмерть» и проч. И, подобно группе «Зюйд», ваша истреблена будет так же повально. Предотвратить свою гибель вы можете только сдаваясь. Группами, в одиночку, как удастся, как выйдет...

Спасайтесь же в плен!

Тут несколько пленных. Сдались, даже не пытаясь противиться. Словак, два поляка. Немцев они терпеть не могут и воевать не хотят.

Один уверяет, что знает и немцев, которые сдавались бы, прорви мы первую линию.

— Большинство знает ваши листовки. Может быть, в

победу они и не верят, но в инженерной крепости своей обороны уверены. Разубеди вы их делом, они в критической ситуации не пошли бы на смерть. У них нет к вам ненависти, они вас сильно боятся как азиатов, и только. Им ничего не нужно здесь, они стремятся домой.

Высказывает верную мысль:

— Русская армия сейчас лучшая в мире не потому, что лучше всех вооружена и сильна, а оттого, что отчаянно ненавидит противника. Для войны нужна *огненная ненависть*, а без нее воюет только оружие, которое всегда ненадежно. А этой ненавистью охвачены только вы, русские, и она приведет вас к победе...

* * *

В прошлом году меня вызвали на фронт на совещание инструкторов-литераторов армий. Теперь — вновь совещание, и мой доклад. Его мысли:

политуправление созывает инструкторов-литераторов, так как они непосредственные делатели пропаганды, поставщики тем, мыслей и доводов. Их задача — постоянно изыскивать способы убеждения солдат противника.

Как добывать эти впечатляющие доводы и свежие мысли?

Источники материалов для изучения противника — пленные, почта, документы, печать, радио. Инструктор-литератор, использующий эти материалы лишь с тем, чтобы извлекать из них для листовок и звукопередач только факты, пропагандист посредственный, а иногда приносящий и вред¹.

Командир немецкого полка сам зачитал солдатам одну нашу листовку, подтвердил приведенные в ней цифры потерь, рассказал, что полк и в 42-м был обескровлен, а потом: «Русские хотят заугать нас этими погибшими немецкими жизнями. Но наш вывод, солдаты, должен быть отсюда иным. Мы не должны допускать, чтобы эта кровь оказалась пролитой даром».

Таким образом, факты важны не сами по себе, а как аргумент для мысли, которую они иллюстрируют. О потерях немецкие солдаты, как правило, знают. На то, говорят они, и война. Перечень фактов, даже самых кричащих, — это еще не листовка, а допрос пленного для выявления фактов — не самоцель. Как бы ни был подробен этот допрос, протокол его плох, если перед пленным не ставился главный вопрос:

¹ Автор не совсем прав. Информация о потерях противника была важной темой спецпропаганды и приносила немалый успех (М. Б.).

что предпринимать для доведения правды до его роты, полка? От пленного нужно добиваться *подсказов*, и это главное, над чем инструктор-литератор должен ломать себе голову.

Почему хороши листовки 39-й и 5-й армий? Потому что их мысли зарождались в результате такого целенаправленного, отвечавшего этой мысли допроса.

Разбор протоколов. У одних это запись справочных данных, у других — часть творческого процесса по составлению листовок.

Использование немецкой документации. Листовка, построенная на переписке НОФО 549-й дивизии. Ее достоинства в отличие от листовки 231-го отделения Шелехова.

Использование нашей советской печати. Разумеется, у нее и у листовок читатели разные. Но «Война и рабочий класс», «Большевик» и др. могут подсказать для листовок важные мысли.

Радиопередачи союзников. Что и как должно быть использовано?

Процесс прохождения листовки. Обязательно обсуждать всем отделением. Даже в редакциях и в мирных условиях летучки. Будь такое обсуждение правилом, 7-му отделу фронта не приходилось бы давать каждый месяц столько указаний. Наши замечания — следствие того, что листовки мало подвергались проверке сторонним глазом до их издания.

Вопрос о единстве пропаганды. Да, мы за максимальную самостоятельность, изобретательность. Но без консультации с 7-м отделом фронта нельзя пускать в оборот обещания, которые не нам дано выполнять. Нельзя допускать уверенний, брать на себя обязательства, идущие столь далеко... Это самочинство, могущее привести к самым скверным последствиям. Во всей нашей пропаганде должно быть единство, ни одна листовка не может расходиться с другой. Разнобой в пропаганде подорвал бы веру в нее.

Ленин называл листовки труднейшим видом литературы. Листовки для солдат противника — еще и ответственнейший вид литературы. Как все запретное, они вызывают к себе у немцев крайнее любопытство, и в этом смысле у нас благоприятнейшее поле работы. Но надо помнить, что листовка для солдата как бы официальный документ, исходящий от советской стороны. Надо помнить также, что солдат заранее предубежден против листовки, ищет в ней доказательств не «за», а «против» нас. Он читает ее, как говорится, во все глаза, и если обнаружит в ней малейшее расхождение с

предыдущей, да и вообще что-либо недостоверное, то листовка сработала против нас. Вот почему к листовкам — особая требовательность.

Проверка действительности. Показания немцев.

Звукопередачи. Отличие от листовок. Что хорошо для печатного слова, часто не годится для звуковок, и наоборот.

Специфика пропаганды на слух. Слушатель не может регулировать звук. Его лимитирует погода. Лимитирует местность — лес или поле. Лимитирует расстояние, с которого идет передача. На высоту или с высоты. Обстреливает противник звуковку, заглушает ее или нет. Таким образом, много моментов. Нужно также учитывать, что чаще всего солдаты могут нас слушать только урывками. Короче говоря, наш слушатель не сидит у приемника.

Вот почему мы так резки, когда программы передач подменяются зачитанием печатных листовок. Считаю ленью и безобразием, когда в некоторых отделениях заклеивают заголовок листовки, надписывают вместо него «Ахтунг!» и присчитывают этот текст к звуковому. Как может солдат прослушивать через линию фронта всякие логические построения, многозначные цифры и прочее! В его ушах остается лишь ералаш. Тут нужны совершенно особые, краткие, состоящие из разных сообщений программы. Тут нужно, чтобы инструктор-литератор, составляя вечером такую программу, начисто позабыл о написанной утром листовке. Вот почему мы и хвалим № 225 отделения Гладкова, 196 — отделения Винокурова и др. Они дают за 12—15 минут 3—4 далеких друг от друга законченных сообщения.

Франц самостоятельно как уполномоченный Нац. к-та «Свободная Германия» (НКСГ)¹ ездил в пересыльный лагерь под Смоленском и прислал мне вчера подробное письмо с изложением вопросов, которые ему там задавали, и своих ответов на них. Спрашивали его, конечно, о Сибири, о репарациях (придется ли их отрабатывать пленным), о сроках возвращения на родину после войны и т.д. Все ответы его были очень толковыми, за исключением одного, крайне наивного. Какой-то чудак из 299 пд спросил, получают ли немцы после войны свои вклады в сберкассах, и Франц ответил, что у разжиревших на войне капиталистов собственность будет конфискована, а трудовым

¹ НКСГ — Национальный комитет Свободная Германия — антифашистская организация немецких политэмигрантов и пленных, образованная в СССР в июле 1943 года (М. Б.).

людям возвратят по их книжкам все до последнего пфеннига...

Есть еще, оказывается, среди немцев такие, которых не просветили война, миллионные смерти, руины страны, даже плен... Они не спрашивают себя, уцелеют ли сами шпаркассен¹, не хотят представлять себе послевоенного хаоса и чего будут стоять сами германские деньги. Им подавай их эйнлаген²!.. А Франц шпарит по манифесту НКСГ, где говорится, что «законно приобретенная собственность гарантируется», и берет на себя обязательство произвести со Шмидтом расчет. Может быть, и страховку выплатить Шмидту по полису за разрушенный артиллерией дом?!

Но очень неплохи его ответы о гарантиях первоочередной отправки домой перебежчиков. Сослался на только что опубликованные наши условия перемирия с финнами, где обмен военнопленными упоминается прежде всего.

Отдельный документ прислал он с описанием лагеря, режима и питания в нем и большую листовку, написанную старостой этого лагеря. Листовка просто прекрасная. В общем, Франц молодец, и жаль, что по званию был только обер-ефрейтором, не имел офицерского, это для немцев было не важно. Может быть, именно потому он и с нами в разговорах и переписке не обращается по званию, а только «геноссе»³ и заключает: «Мит коммунистischem грасс»⁴. Но возможно, что это должно оттенять его независимость как уполномоченного Национального комитета... Он ощущает себя таковым, ходил к начальнику лагеря хлопотать о 14-ти перебежчиках, которые не включены были в список на допитание, записывал людей, способных писать, и т.д.

Франц бодр, энергичен, но многое его угнетает. Не может он не испытывать двойственности чувств. Он безусловный, решительный и деятельный враг гитлеризма, но он в то же время и немец. Сводки о немецких потерях и радуют его и гнетут. Мы откровенно говорили об этом, я сказал, что вполне понимаю его, восхищаюсь его духовной крепостью, позволяющей переживать эти противоречия, которые не могут устраняться иначе как только той деятельностью, которой он занимается, — призывать немцев спасти свои жизни, сдавать-

¹ Сберкассы.

² Вклады.

³ Товарищ.

⁴ С коммунистическим приветом.

ся в плен. А в общем-то этот парень — образец того, как надо уметь подавлять национальные чувства ради конечного торжества национального дела¹.

Он ненавидит рьяно англичан за бомбежки. Вчитываясь в сообщения о жертвах, готов, кажется, своими руками церфетцен². Сдерживая себя, говорит, что для победы над Гитлером вовсе не нужно этой вютенде бестиалитет...³

* * *

Фельдфебель, командир взвода 256 пд, об отчаянном страхе при мысли о возможности прихода русских в Германию. Будут морд-унд тотшлаг⁴, наступит хаос. Все очень измождены войной, ждут не дождутся конца, но при мысли о нас: «Нет, лучше война, чем они».

Нам надо снимать этот страх, что-то писать о завтрашнем дне. Хотя бы в связи «а народ германский, а государство германское остаются». Объяснять, что будет как после всех войн.

Я думал, что знаю о немецких солдатах если не все, то во всяком случае многое — по каким учебникам в школе учились, как представляли себе мир и дела в нем, какие прокручивали или записывали в свои блокнотики шлягеры⁵, чего хотели от жизни. Все это за годы войны само собою усвоилось, потому что в головах этих парней отложились одни и те же шлагцейлен⁶, а их внутренняя жизнь сливалась с солдатской. Но вот я встретил немца иного, который в армии был сам по себе... Я не допрашивал его и не расспрашивал, я с ним разговаривал, причем весь долгий вечер, и подчас забывал о том, что он пленный. А он не только немец, он член нацистской учительской организации, что к нему так же не шло, как воюющая форма, вывалянная в окопах, в лесу, месяц вообще не снимавшаяся и издавшая сейчас в духоту

¹ Тов. Франц Гольд — судетский немец, бывший чешский коммунист, перешедший из германской армии на советскую сторону, совершил здесь героический поступок, ставивший на карту не только его жизнь, но и жизнь его родных, — под видом немецкого офицера повел одетых в немецкую форму советских разведчиков и захваченные немцами Великие Луки. Он — один из двух военнопленных, награжденных советскими боевыми орденами. В настоящее время — на ответственной работе в ГДР. — *Прим. авт.*

² Разодрать на части.

³ Неистовые зверства.

⁴ Убийства.

⁵ Модные мотивчики, песенки.

⁶ Лозунги, газетные шапки.

просто убийственный запах. Я терпел, потому что встретить такого собеседника — редкость, хотя у собеседника этого ералаш в голове, он отчаянный путаник и в нем уживается неуживаемое.

Ему 42 года, был когда-то теологом, потом время заставило сменить это шаткое дело, но остался философом по характеру, романтиком и христианином в душе, а свою учительскую деятельность использовал с тем, чтобы что-то смягчать в нацистских учебниках, привносить какие-то общие начала добра. В армию попал рядовым, дотянул только до обер-ефрейтора, и все время по тылам.

— Не пойму,— удивляюсь я,— как же вы, столько лет проучившийся, слушавший стольких именитых ученых (в веймарские времена он ездил для этого на семестр — два по разным университетам страны), учивший других, и... на черной работе в обозе?

— В Германии все интеллектуалы в обозе,— грустно и метко отвечает он мне.— И не полтора года, а вот уже одиннадцать лет... Они слишком много рассуждают, читают и потому бесполезны, даже вредны...

Он рассказал мне анекдотический случай. Библиотекарша однажды предупредила его, что проверяются абонементные карточки и составляется список всех лиц, копающихся в том, что не надо. Пошел слух, будто гаулейтер решил отправить всех этих умников в крестьянские хозяйства ходить за скотом. Испуганные люди спрашивали друг друга, что именно может показаться советникам гаулейтера заслуживающим отправки в свиарник. Французский XVIII век? Но хотя он был вольнодумным, но одновременно атеистическим, то есть в известной мере союзным. История церкви? Но, может быть, она изучается с добрыми антипапистскими целями... На всякий случай, однако, читатели подозрительных книг сразу переключились на Ницше, Гобино, Розенберга, на детективы, любовные романы и проч.

— Пребывание в обозе меня не смущало,— говорит он,— а радовало. Пайнлих¹ было другое — командиром колонны оказался фельдфебель, учившийся когда-то в моем классе и получавший от меня плохие отметки. И он вымещал это на мне как только мог... Он сейчас тоже здесь, в лагере. Могу показать вам его, но только чтобы это, боже упаси, не повлекло за собой для него каких-нибудь строгостей... Они

¹ Мучительно.

все ни в чем не виноваты, эти недалекие парни (борниртэ). Прошли дикую школу. Все немцы прошли дикую школу. Мне много раз приходилось читать, что войны полезны для побежденных, но эта школа все равно долго не выветрится. От нее, как после ротной стоянки, будет годами запах аммиака нестись.

Я говорю, что он слишком мрачно смотрит на будущее, что многие пленные охотно идут в антифашистскую школу¹.

— Чтобы аусроттен² нацизм, как нам здесь лектор сказал? Простите меня, но я позволю заметить, что это слово нам, немцам, знакомо. Гитлер грозился стереть с лица земли Англию. Когда с прошлого года их летчики обратили Германию в щебень, эта угроза всегда вспоминалась у нас, и люди горько шутили, что фюрер в свое время забыл дать с собой Гессу резинку... Нет, изменить вам удастся режим, учреждения, политический строй, но не души. Для этого надо бы то, чего у вас нет и что вообще теперь в мире иссякло.

Он уклоняется сказать, что имеет в виду, а потом выясняется, что это — религиозное чувство. Я говорю ему, что сам интересовался когда-то религиями и убедился в их бессилии справиться с каким-нибудь серьезным злом на земле. Он этого не отрицает, но говорит, что поэтому-то зло никогда и не будет изжито, потому что у нравственности не может быть другой штютце, кроме религии. У меня всплыла на память книжка Гюйо, отвергавшего связь между верой и честностью. Он поразился, сказал, что не мыслил себе в плену такой разговор, не ожидал вести с русским офицером философского спора, назвал мне теологов, возражавших Гюйо, потом сам оборвал себя:

— Я имею в виду не бога, который не вмешивается в людские дела, потому что иначе не допустил бы этой войны. Под религией я понимаю ди эмпифиндунг дес цузамменхангс (ощущение связи) между людьми, между нынешним и последующим временем... Это для меня чувство совести и чувство истории. Если не прививать их, в мире никогда ничего не изменится, потому что никакие, даже самые высокие цели не могут быть поставлены над совестью, выше ее.

Эти фразы звучали идеалистической аморфной словесностью, но на вопрос, что понимать под чувством истории, он дал ответ интересный:

¹ В лагерях военнопленных создавались антифашистские школы, в которых получали антифашистское образование и воспитание пленные активисты (М. Б.).

² Искоренить, стереть с лица земли.

— Когда генералы идут за чужой нефтью и пашнями — у них чувства истории нет, так как высчитывают они только затраты крови, нужные для того, чтоб отнять. А людям с чувством истории ясно, что нужно присчитать еще кровь, которую сыновьям придется проливать, чтоб удерживать... В данной войне все это случилось еще в одном поколении и стало наглядно как никогда до сих пор.

Он стал говорить, что в руках Гитлера был капитал, каким не обладал ни один политический деятель и пользовался разве лишь Магомет, — доходившая до экстаза вера народа. Он мог сделать с таким капиталом чудеса на земле. И сам потом понял это, оправдываясь после начала войны и уверяя, что у него были проекты и планы, которые на века вписали бы его имя в историю. Но вместо всех этих планов он сделал четыре роковые ошибки...

— Какие?

— Первая — это, конечно, Россия. Мой дядя-психиатр часто посещал своего сослуживца, известного в ученых кругах психиатра и философа Яшпера, знакомство с которым было рискованным, так как он был уволен из клиники за отказ приветствовать словами «Хайль Гитлер!». Но однажды, возвратившись от Яшпера, дядя сказал, что действительно никогда больше не поедет к нему. Это было в начале русской кампании. Группа врачей оживленно обсуждала события, и кто-то заметил, что русских покорить будет просто. Яшпер ответил на это, что поход на Россию — совсем не кампания и последствия его непредвидимы. Дядя испугался вести тогда такой разговор, а нынче, оставшись без дела (его больных умертвили), сказал мне, когда я был у него весной в отпуске, что фюреру следовало перед началом войны консультироваться не с генералами, а с психиатром, и притом не только по вопросам стратегии...¹ Воюя с державами Запада, затевать еще и войну с державой, неодолимой пространственно, было чистым безумием, сказал теперь дядя, уже ничего не боясь.

— А какая вторая ошибка?

— Евреи... Мы пошли по стопам фараонов, умерщвляв-

¹ Думаю, что фамилия философа и психиатра была услышана мною неправильно. Ознакомившись впоследствии с книгами главы экзистенциализма К. Яспера, в прошлом психопатолога, и случайно побывав на одной его лекции, я спросил его, не он ли был тем философом, что без энтузиазма отнесся к началу германо-советской войны. Яспер подтвердил это, но свою опалу во времена гитлеризма объяснил не теми причинами, что я слышал от пленного. — *Прим. авт.*

ших иудейских младенцев. Но добро бы еще только польских евреев. Это были простые ремесленники. Но немецких ни в каком случае трогать нельзя было. Эти головы надо было иметь на своей стороне. Говорят, их свезли в какие-то лагеря, а будь они в лабораториях, на подземных заводах, секретного оружия, может быть, не приходилось бы ждать...

Меня ошеломило это разграничение, это сочетание христианства с утилитарным расчетом (в идеалисте прорвался практический немец), это осуждение Гитлера и сожаление о его поражении, но я ничего не сказал и только спросил, какие он видит еще роковые ошибки.

— Ковентри¹, — однословно сказал он.

— Так, а четвертая?

— Идея тысячелетней империи... Эта идея не могла воодушевить никого, кроме немцев, и, значит, осуждена была шейтерн...² Да и вообще не существовало в мире империи, которая в конце концов не распалась бы... Чтобы утвердиться в наше время в истории, государство должно олицетворять не одну только мощь, а еще справедливость. Она даже важнее всякой мощи. А правительство к ней безразлично. Фюрер всегда находил время для Шпеера, но никогда для людей, которые подсказали бы ему что-нибудь о народных характерах.

— А вы не понимаете, — без обиняков сказал я, — что философ путается в ваших рассуждениях с немцем, отравленным тем же ядом, что прочие... Если бы Гитлер не совершил ваши четыре ошибки, он не был бы Гитлером. В них суть его звериных идей и звериного дела, а вы, видимо, думаете, что он мог избежать их. Но, кроме стремления к немецкому господству над миром, он ничего за душой не имел, и смешно слышать ваши вздохи о том, что все могло бы сложиться иначе, неси он с собой справедливость.

Мы замолчали.

— Разрешите спросить, — заговорил он после довольно длительной паузы, — как представляется вам, господин офицер, что будет после войны? Сталин и Черчилль говорили об этом? Или для решения этих вопросов они опять созовут Лигу Наций?

— Не знаю. Лига Наций, по-моему, прошлое.

— По-моему, тоже. Какой тут смысл, что в Женеве

¹ Город в Англии, варварски разрушенный, превращенный в руины фашистской авиацией. (После войны отстроен заново.)

² Рухнуть, потерпеть неудачу.

станут изливаться раздоры, которыми мир будет кипеть, как и раньше. А вот какой-нибудь арбитраж будет создан. Но и он оправдывает себя только в случае, если будет состоять не из представителей стран — ведь они представляют свои эгоизмы, — а из людей, которые по своим личным качествам во всем мире ин анзеен штеен¹. Из выбранных бескорыстных философов. Вам приходилось что-нибудь слышать о Ганди? Если бы англичане оставили в покое эту страну, она, не имея никакого оружия, достигла бы, вероятно, того, что нам, немцам, не добиться было ни армадами люфтваффе, ни подводной войной, — привлекла бы к себе все сердца. Там люди отличаются терпимостью, спокойствием, мудростью, и, если бы эта страна встала на ноги, она давала бы уют всем верам и мыслям, ее людей избирали бы в международные судьи, весь мир стремился бы заговорить по-индусски...

Я мало знаю об Индии, но его сведения тоже почерпнуты были, вероятно, из книжек, украшенных виньетками лотоса.

— Вы забываете, — напомнил я, — что это страна не вылезает из голода и что там худшая из несправедливостей — касты...

— Да, — согласился он, — касты там большая помеха...

— Подумайте, — предложил я ему, — может быть, все-таки вы пошли бы в антифашистскую школу? У вас такая хорошая чеканная речь, вы столько читали, могли бы принести в послевоенной Германии так много пользы, занять, может быть, видный пост в области просвещения или какой-нибудь смежной...

— Я не политик, — ответил он. — И я очень больной человек. Не могу надеяться долго прожить. Тем паче в плену. У меня диабет. Но если вы так любезны ко мне, то я попросил бы вас о другом...

Я пошел в огороженный угол, где лежал буквально навал всевозможнейших бритв, карманных фонарей, перочинных ножей. Потом раздобыл ему полбуханки белого хлеба, две пачки махорки и несколько номеров «Фрейэс Дейтчланд». Он чувствительно благодарил и сказал, что был в своей колонне обоза единственным, смотревшим газеты.

— Какие же именно?

— Все поступавшие. Хотя это было ненужным, так как в Германии они все одинаковы. Достаточно было бы издавать только одну.

¹ Пользуются уважением.

Он остолбенел и растрогался, когда я на прощание пожимал ему руку.

— Вы не представляете себе, господин офицер, как я признателен вам за ваше внимание...

— А знаете, — объяснил я, — чем оно вызвано? Я впервые встретил солдата, у которого осталось немножко бога в душе. Я несколько не верующий, но в сегодняшнем немце уже и это ценю. Ценю ваши слова о том, что нет целей, которые можно бы поставить над совестью. Ценю ваш хороший язык, ваше внутреннее одиночество в армии...

* * *

Пленный австриец, 32 года, много ездил, бывал в Индии, Китае, жил по нескольку месяцев в Англии, вращался в купеческих домах, относившихся к нацизму нейтрально или критически. Удивил самохарактеристикой — «Я немножко вельтбюргер»¹. Непринужденно говорит это о себе, хотя знает, что в Германии это давно уже бранное слово. Держится без всякого подобострастия. Рассказывает ряд любопытных моментов из виденного во время февральского пребывания в отпуске.

Часть этого отпуска провел в Дрездене, в богатой купеческой семье. Здесь открыто говорилось, что война затеяна была не против большевизма, а за русскую сырьевую базу, за пшеницу и нефть, что предприятие это сорвалось и должно было осуществляться не военным, а коммерческим путем. «Надо было сделать Россию долгосрочным поставщиком, всячески связать ее, держать под угрозой, заинтересовать территориями, отдать лимитрофы, так переплести ее интересы с германскими, чтобы на многие годы втянуть. И уж во всяком случае до поры, пока новые виды оружия не обесценили бы значения русских пространств, перевеса в живой силе и в мобилизационных возможностях».

Едучи из Дрездена в Лейпциг, он был свидетелем такого же разговора между пассажирами его купе. Один из них, в форме офицера автомобильного корпуса, говорил о поражениях на юге России, несколько не скрывая своего возмущения: «Где были глаза нашего посла и нашего военного атташе в Москве! Это они виноваты в том, что Германия не знала, как Россия сильна. И те наверху, что доверились им. Гитлер просчитался, это ясно теперь. Наша армия оказалась

¹ Гражданин мира, космополит.

словно заманенной в глубь этой страшной страны». Оба собеседника этого офицера, из которых один был тоже нацистом, столь же открыто во всем соглашались с ним.

Бывал пленный и во врачебных кругах. Здесь тоже не видят шансов на выигрыш войны. Считают, что нужно всяческими путями искать компромиссного мира.

О компромиссе мечтают все, ибо мысль о возможности прихода русских в Германию вселяет ужас. Им охвачены даже люди, враждебные нацизму. «Только бы не это, только не это!» — говорила женщина, муж которой уже несколько лет находится в концлагере за поношение Гитлера. Этот страх во всех слоях населения, независимо от степени их достатка и мыслей. Если недоверчиво относятся сейчас к сводкам и военным прогнозам, то полностью верят статьям и речам, утверждающим, что русские за все отомстят, что Германия будет полностью лишена независимости, ее мужское население вывезут, женщин сделают подстилками озверелых солдат, в домах все разграбят...

Правда, не раз слышал от разных людей: «Либер эйн энде мит шреккен, альс шреккен онэ энде» («Лучше ужасный конец, чем ужас без конца»), но эта распространившаяся сейчас поговорка перебивается фразами вроде: «Нет, я лучше сама все в доме побую и пожгу, чем видеть, как это будут делать они!..»

Читал много наших листовок и считает, что этот страх они мало рассеивают. На его взгляд, наша листовка о военном превосходстве союзников, поражениях на юге, германских потерях и безысходном конце несколько не убедительна, если она одновременно не ослабляет страха перед этим концом.

* * *

Формуляр 6 апд. Лейтенант. Сдался добровольно. Много сообщает о пропаганде.

В декабре 43-го г. бетрейунгсофицер¹, работавший в составе «1-С» (отдел разведки и контрразведки), заменен «офицером по н.-с.² руководству». В его обязанности входит снабжение частей политическими материалами, инструктирование строевых офицеров по нац.-соц. воспитанию солдат. Введение этой должности встречено строевым офицерством

¹ Доверенный офицер по воспитанию.

² Национал-социалистскому (фашистскому).

отрицательно. Он слышал разговоры: «Мы не СС», «У Фридриха Великого в армии не велось пропаганды».

В Минске мне довелось познакомиться с офицером по н.-с. руководству группы войск «Центр», майором. Он сказал мне, что советская пропаганда в последнем году усилилась и очень улучшилась. «Она доставляет нам много забот и работ. Превосходит по убедительности нашу собственную пропаганду в своих войсках. В ее руках много фактов, и она может оперировать сейчас такими событиями...»

Он утверждает, что есть приказ верх. командования, разрешающий опровергать утверждения советской пропаганды лишь в случаях острейшей необходимости, ибо опровержения русских листовок лишь привлекают к ним внимание и вызывают разговоры.

Его личное мнение о наших листовках:

— Значительным успехом пользуются остроумные и сатирические. Они гораздо действеннее, чем листовки с угрозами, перечнями немецких потерь и русских резервов.

Крайне любопытно и наводит на многие мысли сообщение унтер-офицера из 6 апд. В начале марта он находился в деревне Старое Село. Пошел с товарищами в баню. Около нее стоял унтер-офицер в летной форме и рассказывал группе солдат, что пережил в русском плену, из которого ему удалось убежать. Говорил, что его много раз допрашивали, били, держали впроголодь, потом отправили на земляные работы недалеко от переднего края, обстреливавшегося немецкой артиллерией. Но и во время работы давали на день только кусочек хлеба, и все. Не давали никакой дополнительной пищи и тем, кто на вопросах рассказывал о своей части подробности... Раненых русские в плен не берут, пристреливают на месте. Но потом расстреливают и тех, которые уже не нужны после постройки укреплений.

Помывшись, с товарищами вышли из бани и увидели унтер-офицера все еще стоявшим возле нее. Его окружили другие пришедшие мыться солдаты, и он рассказывал им то же самое.

На другой день в баню ушли другие солдаты взвода и, вернувшись, сообщили, что случайно видели человека, бежавшего из русского плена, и он рассказал им такие ужасы, такие ужасы...

Через несколько дней унтер-офицер снова стоял возле бани, сам останавливая проходивших солдат: «Товарищи, слушайте, что я вам расскажу».

В правдивости рассказа этого человека все солдаты каж-

дый раз бывали убеждены, а унтер-офицер понял, что его специально послали рассказывать...

Вместо «вызывающих разговоры» опровержений наших листовок, прибегают, значит, к агентуре, к «живым свидетелям».

По словам унтер-офицера, полемика с русскими листовками в немецких газетах была бы безуспешной и потому, что солдаты почти не читают их. В его отделении получают и центральные и «Панцерфауст», но солдаты просматривают только материал о событиях, связанных с их местностью, областью. Политикой солдаты совершенно не интересуются. Прислали в отделение брошюры «Советский Союз» и «Воздушная война с Англией», но если кто брал их в руки, то только смотрел оглавление и отбрасывал со словами «пропаганда». Читаются только серийные криминальные вещи, сборники анекдотов. Ко всему, что содержит «пропаганду», не прикасаются. Так же относятся и к кино. Когда крутятся любовные или приключенческие фильмы — смотрят с удовольствием, а когда показывается кинохроника, в которой подбиваются только русские танки и топятя лишь английские корабли, солдаты коротко и презрительно говорят: «Бабельсберг!» (центр германской кинопромышленности).

Из всего этого тысячу раз ясно, что наши листовки должны быть разнотемными и, дабы лучше убеждать, должны еще и удивлять, смешить, поражать.

По указанию начальника отдела готовлю рецензии на листовки 7-х отделений поармов. Излагаю свое мнение о них.

ПРОПАГАНДА ПЛЕНА

а) Письма военнопленных

Письма военнопленных к родным и товарищам занимают и должны занимать в пропаганде видное место. Немецкий солдат поверит своему товарищу больше, чем призывам, исходящим от противника. Но нужно, чтобы эти письма не подозревались в неискренности. Надо избегать всего, что может давать поводы думать, будто они написаны под давлением или из страха. В них не должно быть оборотов и слов, которые немецкий солдат встречает в русских лис-

товках и которые военнопленному не могут быть свойственны.

Плен есть плен. Всякое р е к л а м и р о в а н и е его особых благ прозвучит фальшиво и принесет вред вместо пользы. Достаточно, если письмо свидетельствует о самом наличии плена и сносного существования в нем. Расхваливать же прелести плена — значит наверняка вызвать к письму недоверие¹.

Содержание писем должно быть различным, в зависимости от того, адресуются они товарищам по части или родным. Письмо военнопленного к родителям или жене ему следует писать так, чтобы солдаты сочли его вовсе не на них рассчитанными. При чтении такого письма у них даже и мысли не должно возникнуть о том, что на деле оно имеет два адреса. В отпечатанном листовкой письме к родным солдаты должны увидеть именно только весточку, которую их исчезнувший товарищ спешит подать через них своей семье.

Издание листовок-писем требует поэтому много чутья.

б) Доводы в пользу плена

Почти все листовки рассказывают о наших победах на Украине. Но лишь треть листовок рисует положение фронта на юге в целом. Это сугубо неправильно. Надо *во всех случаях* — даже посвящая листовку одному событию или операции только одного из наших фронтов — объяснять значение этих операций для положения советско-германского фронта в целом, для всего хода военных действий. Нам нужно, чтобы немецкий солдат воспринимал каждую нашу победу не как отдельное случайное поражение своей армии на каком-нибудь участке, а как звено в общей цепи поражений.

Не надо рассивать внимание солдата перечнями многочисленных и неизвестных ему географических пунктов, чем грешит большинство листовок. Надо называть только основные, самые крупные из занятых Красной Армией и показывать общие тенденции, перспективы борьбы. Гитлеровская пропаганда внушает солдату, будто немецкие войска отступают на юге по плану и, отрываясь от противника, сохраняют свою живую силу. А нам надо показывать, что эта живая сила уничтожается, что отступить, уйти из России мало кому удастся, что выбравшиеся сейчас с одного ру-

¹ В наших листовках широко освещались не «прелести», а правда о жизни пленных в советском плену. Это было сильным оружием нашей пропаганды (М. Б.).

божа будут добиваться на следующих. Нужно помнить, что, как мы знаем от пленных, территориальные потери в России многих немецких солдат мало трогают, что часть из них даже рада бывает «приближению» к дому. Поэтому нам и надо делать упор на тщете надежд уцелеть и попасть домой. Семью увидит лишь тот, кто покинет гитлеровскую армию. Гибнут сейчас немецкие солдаты на Украине, погибнут и те, кто находятся на недолговременно спокойных участках. Спасаться можно, только сдаваясь, заблаговременно переходя в русский плен. Рассказы о победах, о силе Красной Армии для нас не самоцель, а способ убеждения.

Сдача в плен — это шаг, требующий от немецкого солдата большой решимости. Тем более на нашем участке фронта, где мы призываем к сдаче в условиях обороны, то есть к перебежке. Чтобы решиться на нее, солдату мало знать, что в плену не расстреливают или сносно содержат. Это очень важно, но это только часть дела. Ведь солдату предстоит покинуть свою среду, оборвать на неопределенно долгое время связь с родными и совершить поступок, считающийся позорным и даже предательским. Кроме того, самый переход фронта — большой риск, а за линией фронта ждет неизвестность, какой плен при всех обстоятельствах все-таки безусловно является. Как же можем мы в пропаганде за плен полностью обходить все эти соображения! Задача в том, чтобы внушить солдату мнение о перебежчике как о человеке умном, человеке дела. Надо показывать, что перебежчиками являются, как правило, наиболее развитые и толковые офицеры и солдаты германской армии. Надо объяснять, что в одном небезопасном, но решительном поступке меньше риска, чем в промедлении. Объяснять, как уменьшить этот риск, подсказывая способы перебежки. Объяснять, что в условиях проигранной войны, ведущейся теперь лишь для отсрочки гибели правящей клики, перебежка никак не предательство. Объяснять, что в советском плену уже многие сотни тысяч немцев и, значит, сдача в плен уже и на родине, во всех слоях населения, не рассматривается как что-то постыдное. Короче говоря, наша аргументация за плен должна быть расширена, не ограничиваться лишь тем доказательством, что это спасение жизни.

Выпуск и распространение листовок — наше **ОСНОВНОЕ** дело. Все остальное, все организационные и технические наши дела, делаются для листовок и ради листовок. Не может поэтому подчиненное и второстепенное поглощать то внимание, которое должно уделяться **ГЛАВНОМУ** делу.

Поэтому непростительны скудность аргументации листовок, упущения в доводах, непростительна никакая небрежность в редакции их, сопровождающиеся ссылкой на занятость.

* * *

Пленные не раз говорили мне, что 20 апреля, в день рождения фюрера, многие солдаты ожидают какого-нибудь сюрприза, какой-нибудь акции против русских или в воздушной войне. Но вот эта дата прошла вчера и не ознаменовалась ничем.

О наступлении немцев сейчас не может быть речи. Наоборот, они день и ночь готовятся к отражению нашего. Хотя о подброске новых частей не слышать, но земляные работы идут неустанно. Да и мы со своей стороны укрепляем блиндажи, строим дзоты. Правда, всезнающие умные люди намекают на то, что строим мы их лишь для немецкой разведки, а на деле вот-вот начнем. Но если это маскировка, то дорогостоящая.

Когда-нибудь кем-нибудь будет подсчитано, что могло быть построено десятками миллионов людей, проводивших годы в войне, и как могла бы преобразиться вся жизнь на средства, которые война поглотила. Возможно, что они разрешили бы целый ряд социальных вопросов, что отпало бы много проблем, изменились дела и учения...

* * *

В наших листовках много призывов к перебежкам, дезертирствам, самострелам и проч. Но при расспросах самих перебежчиков лишний раз подтверждается, как сдержанны мы должны быть в подобных советах, как способны они обесценить листовку...

Вот перебежал к нам австриец, инженер-машиностроитель, находившийся в гарнизоне во Франции и прибывший с маршевой ротой на пополнение мотодивизии. Рассказывает, что, как только стало известно об отправке в Россию, начались дезертирства и... расстрелы один за другим. На его глазах был расстрелян ст. фельдфебель, пытавшийся укрыться у французских крестьян. Расстрелы солдат, ловимых при побегах из отбираемых маршевых команд, происходят буквально ежедневно. «Один шофер, мой знакомый по Вене, говорил мне, что он на своей машине уже трижды возил солдат на расстрел».

Перебежчик из 258-й дивизии рассказывает, что после поражения немцев на юге России и в ожидании операций на нашем участке фронта в их 10-й роте 507-го полка ЧП было несколько: один солдат прострелил себе колено и был расстрелян, другой солдат предусмотрительно стрелял себе в плечо через доску, чтобы рана не была опалена, но все равно не спасся, третий солдат прострелил себе правую сторону груди и помещен в госпиталь, где производится экспертиза и следствие...

О том же рассказывает пленный из 293 пд. Его товарищ по 5-й роте, мечтая быть отправленным в тыл, оторвал себе клещами два пальца и заранее обставил это так, будто ему их отдало. Расстреляли...

Правда, ЧП теперь так возросли, что некоторых дезертиров и симулянтов не расстреливают, а направляют в штрафную роту. Но это тоже рота смертников. Из нее нет возврата. Все команды там выполняются только бегом, есть дают только по 250 г хлеба на сутки, чуть что — пристреливают. Тут то и дело самоубийства.

Как выглядят в этих условиях советы некоторых наших армейских листовок?.. На фронте мы, слава богу, уже отказались от них.

Стараюсь показывать всем, кому можно, мемуары Гинденбурга и Людендорфа, утверждавших, как ныне Геббельс, что англичане выиграли войну пропагандой, разложив немецкую армию. Людендорф считает, что руководивший этой пропагандой лорд Нортклифф, которому Ллойд-Джордж выразил после войны благодарность от имени Англии, отравил сознание тыла и армии систематическими, крупными дозами яда, который призван был оказать свое действие к определенному времени, к определенным ситуациям в тылу и на фронте. Объясняю, что и от наших листовок нельзя требовать, чтобы каждая приносила зажигательный успех сама по себе. Они окажут свое действие скопом. И нельзя измерять их достоинства только числом перебежчиков в позиционной войне. Эти достоинства скажутся *в отказе от самой войны*, когда она примет другой оборот. Мне говорят, что в германской армии невозможны бунты, восстания. Не знаю. Да, революционных бунтов пока нет, ибо нет и организаторских сил для них. Но почему невозможны бунты разбитых частей, требующих отправки на родину? Бунты против приказов об удержании укрепленных районов, перестающих быть укрепленными? Бунты поляков и чехов, которых так много в ряде дивизий? Опыт прошлого еще ни о

чем не свидетельствует, усталость от войны достигает предела, и невысказанное вчера может стать завтра действительностью.

* * *

На нашем фронте готовится что-то большое. Приезжая из частей, наши соседи — газетчики пишут заметки о фортификационных работах, а сами рассказывают о происходящих учениях. Построены близко к натуре укрепления немецкого типа, и одни роты обороняются в них, а другие штурмуют их. Одновременно командный состав практикуется во взаимодействии всех родов войск... Ночами стягиваются артиллерия, танки и подходят к фронту не одним лишь шоссе, а выходя с проселочных дорог, из лесов. В армейских тылах расставляются гаубицы, в зелени роц скрыты самоходки нового типа. Подвозится столько снарядов, что штабы занялись расчетом складирования. Все штабисты вообще — и армейские и полковые — забыли про шахматы и спят лишь урывками... А Фоменко напоминает в газете о возможности немецких атак и призывает быть бдительными. Это делается с тем, чтобы немцы, если она попадет к ним, решили, будто мы озабочены лишь обороной.

* * *

31, 39 и 5-й¹ много пленных. Их усиленно добывают сейчас и дивизионные и полковые разведки. Говорю С.², что я больше так не могу. Не умею писать, если не сам расспросил и нащупал что надо. Отпускает. Через три дня быть назад.

* * *

Артиллеристу требуется больше интеллигентности, чем пехотинцу, а в артиллерийской разведке особенно. Руководит ею здесь человек с лицом не только умным, но и породистым, выхоленным. Таких редко встретишь теперь. Обращает на себя внимание, выделяется чем-то. Я никогда с артиллерийской разведкой не сталкивался, и он охотно рассказывает, знакомит с разведчиками.

¹ Номера армий.

² Соколову.

В этой непринужденности тоже, между прочим, сказался подлинный ум. На фронте, где не засекречен лишь воздух, он говорил со мной о разведке, не испросив предварительно разрешения вышестоящих начальников.

— А чего мне бояться вас? Допустим, что ваши документы фальшивы и вы не из политуправления прибыли, а сброшены сюда с парашютом. Что же сможете вы о нас сообщить? Что у нас есть артрязведка? Немцы знают это и сами. Методы нашей работы? Такие же, как и у них. Что делаем? Это мы им сами докладываем, накрывая их пушки... Секретен, по существу, лишь план операций, секретно, когда и куда разведка отправится, а этого я вам не рассказываю.

И улыбается:

— А то, чем черт не шутит, вдруг в самом деле предупредите по радию, и ребят наших схватят. Я тогда пальцы себе буду кусать. Такого парода вы в пехотной разведке не видели.

Народ его действительно — всем бы такими быть. С десятилеткой или каким-нибудь техникумом, разносторонне умелые. Хотя у каждого своя специальность (санер, радист, топограф, расчетчик дистанций и проч.), но в случае надобности каждый может справляться с работой другого. И все, несмотря на их молодость, избавлены от возрастных недостатков — сдержанны, наблюдательны, точны, не курят, неизменны в режиме, в спокойствии. Впрочем, за их нервной системой особо следят, потому что если она не в порядке — ходить в артиллерийскую разведку нельзя.

А идут они в тыл. Группками 5—6 человек. Первая группка прокладывает тропинки среди минных полей, между топами, через овраги... Наносит эту тропинку на карту. Так наносит, что на многокилометровом пути указаны все приметы и нельзя ни на метр отступить... По этой карте идет затем следующая. До населенных пунктов, где на окраинах, а иногда и в центре села дальнобойки стоят. Те самые, что бьют по нашим позициям. Разведчики — пусть у них есть приборы, но расчет требует времени, выдержки — докладывают о местонахождении этих орудий по радию. Ждут, пока наши откроют огонь. Первые снаряды — это всегда недолет. Корректируют. Уползают после накрытия цели.

Сейчас, перед наступлением, огневые точки противника не всегда уничтожаются тут же, но разведываются зато на полосе целой армии. Это позволит потом, в нужный час, подавить их на всем этом пространстве собранным прицель-

ным огнем. Никогда до сих пор такого количества разведанных целей у нашей артиллерии не было. Точность огня будет ошеломляющей и сбережет столько жизней нашей пехоты, как этого тоже еще не бывало при наступлениях.

— Кстати, данные авиационной разведки подтверждают все данные наших разведчиков,— говорит потом начальник при своих молодцах.

Им лестно, что он так гордо о них отзывается.

— Они не дети,— поясняет он свою похвалу.— Ходят на смерть. Понимают, зачем, для чего... Так чего же скрывать от них, что делают великое дело!

Они улыбаются. По-взрослому скромно, по-детски счастливо.

Мы все вместе обедаем. И мне нравится, что начальник всегда ест с ними вместе. Обед много вкусней, чем в пехотных частях. Спрашиваю, другие ли нормы у них. «Старшины другие»,— отвечает он, что-то недоговаривая, и все опять улыбаются.

Мой путь — мимо ППС. Меня просят скинуть там письма. Рассматриваю почерки на треугольничках. Ни одного корявого, неустоявшегося. Что удивительного — эти парни катали когда-то за 45 минут сочинения о Печорине, Чичикове.

Те из рассеянных по стране матерей, чьи сыновья спасутся в предстоящих боях, не подозревают, не ведают, что спасутся они благодаря этим парням, которые останутся им неизвестными.

А дождутся ли своих сыновей матери артиллерийских разведчиков? Кто его знает. «Из операций,— сказали мне,— возвращается у нас большинство...»

Обнимать хотелось этих ребят. Каждого, каждого! Даже того, кого застал ползающим, как дитя, на карачках. Увидя меня, он вскочил. «Товарищ капитан, извините. Это я в шашки проиграл вон тому дураку...» Наплевав на порядки и немало всех удивив, я по-штатски жал им всем руки, стараясь вложить в этот жест все тепло, все уважение, которые переполняли меня. Так расчувствовался, что, если бы мог, низко-низко бы еще поклонился им...

* * *

Второй фронт! Союзники высадились во Франции!

* * *

Не закрепились, но и не сброшены. Обе стороны сообщают о тяжелых боях. Лихорадочно делаем и разбрасываем по всему фронту листовки.

* * *

Плацдарм пока узкий, но все-таки есть.

* * *

Вот-вот ждем начала. Готовим листовки впрок и общие и для отдельных дивизий. Движок теперь работает круглые сутки. Приказано давать такие тиражи, чтобы завалить все участки на всю глубину противника. Команда возможна в любую минуту.

Текст первой листовки:

ШТУРМ С ЗАПАДА! АНГЛО-АМЕРИКАНЦЫ ВЫСАДИЛИСЬ ВО ФРАНЦИИ

6 июня 1944 года английские и американские войска высадились на северном побережье Франции.

Линкоры прикрывали 4000 крупных и несколько тысяч мелких судов, перевозивших артиллерию, танки и войска. Самолетные армады доставили авиадесантные дивизии в тыл немецкой береговой обороны. Более 11 000 самолетов несли через пролив тяжелые бомбы.

Обороняющие гитлеровский вал германские войска уничтожаются с моря и расстреливаются парашютистами с тыла.

Германское радио бормочет о «тяжелых оборонительных боях на побережье». Радиостанции Англии и США передают обращение генерала Эйзенхауэра к населению Западной Европы и сообщения о том, что бои идут уже в Руане и столице Нормандии — Кане. Высадка произведена на широком фронте между Шербуром и Гавром и непосредственно у устья Сены, от которого 150 км до Парижа. Через океан непрерывно доставляется поток новых войск.

Следите, солдаты, за нашими сообщениями. Ловите наши звукопередачи. Ищите наши листовки. В них — правда во всем ее объеме.

Мы предсказывали вам уничтожение гитлеровских армий ост-фронта — они истреблены уже на огромной части пространства России. Мы предсказывали вам удар с запада — он нанесен. Сравните с нашими словами пророчества, которые исходили от наци.

«Англичане,— заявлял Геббельс,— не в состоянии открыть второй фронт. Они нас только запугивают. У них не будет смелости начать второй фронт» (из речи 19.10.42 г. в Мюнхене).

«Все равно,— кричал Гитлер,— какое место противник изберет для высадки. Он может считать себя счастливым, если продержится на этом месте девять часов» (из речи 30.9.42 г. в Берлине).

Так вас, солдаты, заверяли, обманывали, тешили ложью. А как дошло дело до высадки — атлантического вала не стало.

Оправдались н а ш и слова.

* * *

23 июня. Никогда не датировал, по сегодня, наверное, исторический день. В небе волна за волной наши бомбардировщики, штурмовики. Невообразимый гул артиллерии.

Ночь на 24-е. Москва салюует прорыву.

* * *

26.6. Началось на рассвете с зачитки приказа в частях. И сразу же из всех видов орудий. Траут встретил начало атак шестиствольными. Наша артиллерия все разносила. Никифоров: впервые в истории Западного снаряды без норм и лимитов. За сутки прорвали на всю глубину.

* * *

29.7. В Орше¹ захвачены составы со всякою всячиной. Стояли два поезда, набитых людьми для отправки в Германию. В наших руках — оружие, боеприпасы, интендантские склады.

Немцы отходят по всей полосе. Из армий по телефону о множестве пленных. Восстановлена радиосвязь, запрещен-

¹ 27 июля войска 3-го Белорусского фронта освободили Оршу.

ная раньше, чтобы предотвратить перехваты. Мы, наоборот, перехватываем. Все записи — свидетельства паники.

Листовки безостановочно. Так, чтобы 256, 14, 78-я¹ и прочие, откатываясь, уже находили в тылу.

* * *

Опрашивал пленного из полевого запасного батальона пех. дивизии.

Предвар. замечания. Пленный — без погон, отрицал, что он офицер, и, сообщив, что служил в интендантстве по хозяйственной части, пытался уверить, что интендант — это и есть его военное звание. Лишь позже, поняв бесполезность таких утверждений, признал себя капитаном. В начале опроса подчеркивал, что всю жизнь занимался только мирными делами и, будучи австрийцем, жителем Вены, не имел никакого отношения цум милитер (к военщине). Однако, подробный расспрос показал, что в армии он 17 лет (австрийской и позже германской).

Еще больше неискренности проявил он в вопросе о том, чем занимался его батальон до начала последних боевых операций. Лишь прижатый к стене, он признал, что этот отдельный батальон вел борьбу с партизанами, был, другими словами, карательным. Сам опрашиваемый был в батальоне штабс-интендантом.

Показания о боевых операциях. Батальон подчинялся непосредственно командиру дивизии, действуя по его отдельным заданиям. Командир батальона был на положении командира полка. Последние три месяца батальон находился в районе Лепеля. В середине июня спешно вызван был командованием дивизии в Замосточье — у магистрали Витебск — Орша. Эту переброску офицерство батальона расценило как признак готовящегося наступления русских. В районе Замосточья была сосредоточена к этому времени вся дивизия. 25 июня русские взяли Богушевское, и дивизия в тот же день переброшена была по тревоге в Яново. Перемещение это происходило уже беспорядочно. Тут опрашиваемый «впервые увидел признаки паники».

Где наступают русские, офицеры батальона не знали «На каком участке и что именно происходит, у нас буквально никому не было известно». Едва батальон прибыл в Яново, опрашиваемый получил приказание немедленно перебросить

¹ Номера немецких дивизий.

все имущество и весь обоз батальона в Пашково. Как штабс-интендант батальона, опрашиваемый ведал всем вещевым, продовольственным и денежным снабжением. Распоряжение это его удивило, ибо, когда батальон отправлялся в Яново, офицерам передан был приказ о том, что дивизия будет держаться там во что бы то ни стало.

Пленный говорит, что все это явилось для него свидетельством растерянности командования. Яново находится лишь в 14 километрах от взятого русскими Богушевского. Если там предполагалось держаться, то зачем было вывозить оттуда имущественную базу батальона. А если держаться там не рассчитывали, зачем двинули туда всю дивизию!

«Но, получив приказ о вывозе из Яново в Пашково, я, разумеется, не рассуждал, а немедленно организовал обоз, с которым и выехал». Пашково находится у магистрали на Оршу, добираться до него надо было 27 км. Выехав с обозом, опрашиваемый увидел, что по дороге к магистрали движутся и другие обозы, то есть вывозится вся база полков всей дивизии.

«Мы ехали, — говорит пленный, — а кругом шла отчаянная бомбежка. С чудовищным грохотом летели волна за волной русские самолеты и где-то неподалеку от нас опускали свой груз. Что именно бомбилось, было мне неясным, но бомбили и впереди нас, и по сторонам. Было такое впечатление, что мы едем прямо под бомбы. С другой стороны, было ясно, что если русские бомбят объекты впереди нас, то эти места еще в немецких руках и нужно торопиться пробраться в них. На дороге ни у кого нельзя было что-нибудь узнать. Растерянность руководителей обозов была общей. Все они говорили, что получили отрывистые приказания, что, судя по всей обстановке, дивизии нанесен будет страшный удар и обоз вряд ли проскочит.

Мы торопились. Все на дороге ходило ходуном. И вдруг, не помню, на каком километре, мы увидели на ней впереди себя русских. Остолбенели. Я несся впереди обоза, и потому это зрелище предстало мне первому. Русские не стреляли — ждали, наверное, чтобы мы подъехали ближе. Я остановился... Назад ехать было некуда, вперед — тоже... Мы были в западне! Через несколько минут показались русские танки. Тут я понял, почему пехотинцы не считали нужным стрелять в нас. Танков было восемь, и они шли прямо на нас. Мы остановились, и я поднял руки вверх.

Меня взяли в плен, но отвезли не сразу, и я имел возможность наблюдать, как танки и пехотинцы, оказавшиеся

уже и по обочинам дороги (успели, значит, обтечь ее), начали уничтожать и захватывать наши обозы. В самое короткое время большая часть наших людей была перебита, остальные, как и я, сдались в плен.

В руки русских достались буквально все обмундирование и продовольственные запасы всей нашей дивизии.

* * *

Интересные показания пленных из находившихся в окружении у Витебска немецких дивизий.

6-я авиационная дивизия. Унтер-офицеры 53-го полка.

До начала русского наступления мы были уверены в неприступности Витебска и непреодолимости его обороны. Нам говорилось, что Витебск будет удержан любой ценой, ибо он является чуть ли не самым важным немецким плацдармом на всем восточном фронте. «Если падет Витебск, — говорилось офицерам на ротных занятиях, — то русским открыт будет путь в Прибалтику, на Польшу и, следовательно, на Германию». Еще совсем недавно нам всем было указано обязательно прочитать статью о Витебске в газете «Панцерфауст». Это издание 3-й танковой армии, которой командует генерал-полковник Рейнхард. Статья называлась «Витебск — это Рейнхард и Рейнхард — это Витебск». Этими словами подчеркивалось, что Рейнхард и вся армия будут стоять под Витебском насмерть.

Но наступления русских на витебском участке мы и не ожидали. Их атаки на город уже несколько раз кончались неудачей, и мы думали, что если они начнут летом активные действия, то на юге фронта, а не на нашем самом укрепленном участке. Поэтому никакой настороженности не было. Интересы солдат были сосредоточены на другом — военных действиях в Северной Франции. Когда произошло вторжение англичан и американцев, мы, солдаты, обрадовались, так как считали, что на побережье их перебьют и конец войны тогда сразу ускорится. «Наконец-то, — рассуждали мы, — появилась возможность встретиться с англичанами и расправиться с ними. Это их обескуражит, и они заключат с нами компромиссный мир, после чего все немецкие силы будут направлены в Россию и уже быстро разделяются с русскими».

Каждый день мы ждали сообщения о том, что англичане сброшены в море... Однако вместо этого стали сообщать, что на побережье высаживаются все новые и новые войска

противника. Мы начали постепенно разочаровываться. «Но все-таки,— повторяет один из пленных,— все наши разговоры были по-прежнему о боях во Франции, а не о нашем участке. Совершенно неожиданной явилась поэтому для нас урлаубшшперре (запрет отпусков)». Это объявили вдруг 13 июня. До этого дня солдаты более или менее регулярно получали отпуска и на порядок их получения не влияла даже нехватка в личном составе. Все высчитывали календарные сроки и были уверены, что, когда придет время, механически наступит и отпуск. Урлаубшшперре вызвала общее уныние и впервые заставила предположить, что у нас может что-то произойти. Но, с другой стороны, говорилось, что, по данным разведки, у русских за линией фронта не заметно никакого движения. Все было неопределенно, а 22 июня нам всем неожиданно приказано было залечь в траншеи. До этого в траншеях находилась обычно лишь половина личного состава рот.

Весь день 22 июня мы провели в боевой готовности, а вечером узнали, что русские действительно пытались атаковать Витебск, но у них ничего не вышло. Мы находились юго-восточнее города и сами русского натиска не испытали. 23 и 24 июня нам передали сводку германского командования, в которой говорилось, что «у Витебска происходят бои местного значения, в ходе которых все атаки противника отбиты». 24 июня нас вдруг отвели из траншей на 4—5 км в сторону.

25 июня мы уже увидели русские танки, от которых бросились влево, мимо разбитой деревни. Названий этих мест указать не можем. Через короткое время появилась русская авиация, и началась бомбежка. Хотя самолетов пролетело штук 80, потерь у нас не было, так как бомбили на 2—3 км сзади нас. Только несколько человек поранило осколками. Однако, едва прекратилась бомбежка, стали рваться русские снаряды... Мы бросились в сторону Двины и тут в полукилометре от нас, возле какого-то поселка, увидели русских...

«Кажется, в этот именно момент кто-то поднял и сунул мне в руку,— говорит унтер-офицер,— русскую листовку. На ней была карта и указывалась безвыходность нашего положения. Ни о каком окружении мы не знали, я этой листовке не поверил, не решился передать ее другим...»

Увидя русских, мы бросились назад. Было нас две роты — 1-я и 5-я. Первой командовал лейтенант, второй — оберлейтенант. Оба они были явно растеряны. Мы шли, вернее,

бежали беспорядочно. Бежали, наверное, около часа, запыхались и вдруг снова увидели русских. Тогда стало ясно, что мы впрямь в западне.

«Я слышал, — продолжал он, — отрывистый разговор лейтенантов. Они ругали командира полка, командира дивизии».

Русские приближались. Было ясно, что, если начнется бой, все мы погибнем. Тут я поднял вверх русскую листовку и крикнул, что надо сдаваться, что мы окружены и выхода нет. Кто-то возбужденно крикнул в ответ, что сдаваться позорно, что нас две роты, что у нас 20 легких пулеметов и проч., но этот голос был сейчас же заглушен голосами всей массы солдат: «Мы в западне!», «Не стрелять!»...

Если бы офицеры и хотели сопротивляться, то при такой обстановке, когда солдаты их не послушались бы, это стало уже невозможным. Откуда-то сразу появился белый флаг. Все стали кричать русским, чтобы они не стреляли, и демонстративно бросать наземь винтовки. И русские не сделали ни одного выстрела!

Мы сгрудились, сдавали оружие. И тут лейтенант сказал: «Да, мы действительно, значит, были в котле». Очевидно, он, которому сдавались собираемые русские листовки, уже знал об этом из них.

206-я пехотная дивизия. Опрошены пленные 301-го и 312-го полков.

Сначала все приказы командования требовали держаться во что бы то ни стало. «Потом, — говорит Б. — я передавал приказ, чтобы полк держался до поступления нового приказа. А 24 июня пришла шифровка, смысла которой я не знал. Но одновременно с нею поступило срочное обращение к солдатам командира корпуса генерал-лейтенанта Кольвеца, которое помню дословно. Оно гласило: «Южный фланг Витебска под угрозой. Я ожидаю от каждого солдата южного фланга фанатического исполнения долга. Южный фланг решает судьбу всего витебского участка, а значит, и всего центрального участка восточного фронта. Южный фланг решает судьбу наших битв».

Это обращение было сейчас же доведено до каждого солдата. После этого вечером 24 июня все командиры рот нашего полка ушли в штаб полка, сдав командование ротами молодым лейтенантам. Тогда мы, солдаты, поняли, что русские начали серьезное наступление. Дело в том, что нам давно был известен приказ командования во что бы то ни стало

сберечь в случае большого наступления русских старые кадры средних командиров. Ротами в оборонительных боях должны были командовать заранее намеченные молодые лейтенанты — лучшие взводные. И раз теперь командиры рот ушли, то, значит, началось «сбережение». И вскоре действительно начался ураганный русский артиллерийский огонь. Полк стал быстро отступать, оставляя небольшие группы прикрытия. Одной из таких групп оказались и мы.

Наше состояние вы можете понять. На наших глазах отходили основные силы, а мы оставались сидеть под огнем... В это время кто-то шепнул, что видел листовку, в которой говорилось, что русские нас обошли.

«Мы решили ничего больше не прикрывать и бросились бежать. Но не по прямому пути, как полк отступал, а немного левее. Но русский огонь велся теперь не только с той стороны, откуда мы побежали, но и спереди, сбоку...»

«В это время,— говорит М.,— я поднял русскую листовку. Она была очень короткой: сообщала, что наша и соседние дивизии окружены, что выход для нас только плен. Все мы как-то сразу в это поверили — листовку подтверждал перекрестный русский огонь. Но реакция, вызванная этой листовкой, была неожиданной: двое из нас, Ганс Д. и Фриц А., вторично прочтя ее, пустили себе пулю в лоб. Ну, а мы, остальные, предпочли все-таки плен. Побежали по направлению к русским и, завидев их вскоре, продолжали бежать уже с поднятыми руками».

Где все это происходило, сказать не можем. Нам было не до карт, не до названий. Русские названия мы вообще плохо знаем. Но происходило это уже западней Витебска.

197-я пехотная дивизия. Опрошены: двое пленных из 321-го пех. полка.

Наступления русских на витебском участке мы не ждали. На ротных занятиях при штабе 321-го полка нам еще несколько дней назад говорили, что русские хотят пробиться в Хельсинки, чтобы вывести из войны Финляндию, и поэтому витебской группировке ничто пока не угрожает.

Это подтверждалось работами по восстановлению в городе разрушенных зданий. Солдаты считали, что раз это делается, значит, командование убеждено, что Витебск останется в наших руках. Русских листовок, в которых нам угрожало уничтожением по примеру немецкой группировки на юге, мы видели много, но и домов чинилось так много, что это не позволяло верить листовкам.

Особенно часто видели мы листовки, адресованные солда-

там 206 пд — нашему соседу. Участки были плотными, и этих листовок попадало к нам столько же, сколько и к ним. Но мы этим листовкам не верили.

«Большое впечатление на нас, — говорит один из них, — произвело одно ротное занятие, на котором рассказывалось, как двое перебежавших к русским эльзасцев найдены были убитыми, с выколотыми глазами и отрезанными ушами».

Поэтому 24 июня, когда мы поняли, что находимся в кольце, мыслей искать плена все-таки не возникало. А о самом кольце узнали мы не от своих командиров, а из того, что русский огонь велся со всех сторон. И хотя никто ни о чем не извещал нас, сразу поползли какие-то слухи. Разобраться в них нельзя было. По одним версиям, уже был разгромлен наш сосед — 206 пд, по другим — удар будет нанесен именно на нашем участке.

«Я не могу последовательно рассказать о ходе событий. Но когда огонь стал уже близким, а количество жертв уже ясно показывало, что перебитыми мы окажемся все, наступило смятение. Стали быстро отступать неизвестно куда, не оглядываясь на павших и падавших. Часа через три, остановившись на несколько минут отдышаться, увидели, что оторвались друг от друга, что это не отступление, а бегство полка в разные стороны. О командире полка ничего не было слышно. Я был во втором батальоне, а первый куда-то исчез, и сразу пронесся слух, что русские его окружили. Кто-то закричал, что нас всех окружили. Другие на него зашикали. Мы бросились опять бежать и... напоролась на русских. Их было человек тридцать. А в нашем подразделении восемь. Остальные рассыпались по лесу и полю. Мы подошли к русским и сдались».

Теперь, в свете всего происшедшего, о германском командовании мне не хочется и говорить. Если и были у него какая-то система обороны, какие-то планы, расчеты, то все это дрогнуло и развалилось под силой натиска русских».

* * *

Я писал жене:

«...ты знаешь из газет и салютов, но что на самом деле творится, об этом вы не имете в Москве представления, это невообразимо, это я не могу описать, потому что каждый день наши армии проходят 35—40 километров и больше, не дают немцам передохнуть, закрепиться, скинули с машин

все хозяйство, тоже моторизовались и — вслед! Березину, о которой думали, что обязательно будет задержка, перемахнули, как ручеек, Борисов мелькнул как минутка, и — Минск! Наши изучали-изучали все месяцы, какие там дзоты и рвы, а ворвались в него, будто этих дзотов и не было, то есть они были, но так все произошло стремительно, бурно, что просто на ходу раздавили, опрокинули, смяли. Я ничего не узнал, кроме Дома правительства, да вообще все время в движении, и не было даже двух часов на осматривание, но, говорят, многое цело, куча трофеев, склады с тем и другим, потому что все вышло для них неожиданно, им не дали собраться, опомниться. И я тоже не могу опомниться, тоже не могу сообразить, что творилось, творится и сам я творю и что пишу тебе сейчас не откуда-нибудь, а из Вильны.

Пишу — можешь себе представить — из *квартиры*, где уборная, ванная... На подоконнике банки с трофейным кунстхонигом¹, а вокруг офицеры из строевых и саперных частей. Кто спит, кто мечтает об этом, предлагая трофейный маузер за койку. Непрерывно заходит-уходит народ. Какие-то четверо вооруженных поляков партизанили против немцев. Вышедшие из леса партизанские еврейские девушки. Красноармеец со «Славой» и с чемоданом, в котором новенькая немецкая полковничья форма. Обгоревший танкист, которого направили в госпиталь, а он шел-шел и оказался в этой квартире. Лицо перевязано, а чувствую, что улыбается, и то ли разговаривает, то ли бормочет во сне. И я тоже в этой квартире — захожий. Напишу тебе и — дальше допрашивать.

Все это время допрашиваю-допрашиваю или собираю в плен по звуковке и не верю глазам своим, как выходят из леса на звук, собираются вокруг тебя и складывают возле машины оружие. Я просто пьяный от этих дней, от сказок, ставших былью, а еще потому, что все время без сна. Мчишься со случайными подразделениями на случайных машинах, задремлешь в кузове на какие-нибудь 30 минут, так 2 — 3 раза за сутки, и все. Отоспимся теперь уже в Кенигсберге, и это совпадает, может быть, с концом войны вообще.

Все эти июльские дни уже запах конца. Жарища такая, что обмануться нельзя, потому что все запахи — в нос. Немецкий фронт как-то сразу весь лопнул. Наши так далеко

¹ Искусственный мед.

прорвались, что множество немцев оказались в тылу и сейчас добиваются или уже, возможно, добиты. Третьего дня взяли Вильну¹ и одновременно домочлачивали то, что осталось за двести верст сзади. Минск-то² мы взяли, а вокруг него рассыпались по лесам столько частей — пусть разрозненных, потерявших управление, связь, но в сумму образовавших кулак из многих дивизий, — что, соединившись в лесах, они снова пробились в него. В городе, за который уже отсалютовали, снова завязались бои. Вокруг Минска немцами все буквально кишело. Сколько мы тут накидали листовок, сколько навывкликали народу из леса — не передать. Пленных просто колоннами ведут и ведут. Можешь верить всем цифрам о количестве убитых и пленных. Выходят, например, остороженько человек 7 или 8, а мы им: «Идите назад, приводите из леса товарищей». Идут и приводят. Через час собирается 300—400, а нас — несколько, и мы их, как в спектакле, ведем. В общем, это у меня не головокружение от успехов, а можешь мне верить, что весь немецкий фронт перед Восточной Пруссией рухнул и мы через пару недель будем уже на границе. Конечно, там оборонительный вал и все прочее, и, конечно, навстречу нам будут лихорадочно слаться всякие новые части, но они на ходу формируются и с ходу же будут разбиты. По словам осведомленных людей, остановка если она произойдет на какое-то время, то не из-за немцев, а из-за перерасхода бензина, необходимости подтяжки тылов и т. д., но долгой такая задержка не будет. Ты знаешь, что я не очень восторженный, но думаю, сейчас можно рассчитывать, что к Новому году будет и финиш».

* * *

16.07.44 г. допрашивал лейтенант железнодорожных войск. В ж/д войсках на восточном фронте находится с начала войны.

Показал: Я находился в роте ж/д саперов, которая подчинялась командиру железнодорожных саперов («шеф дер пионире») армии.

¹ 13 июля 1944 года войска 3-го Белорусского фронта освободили Вильнюс.

² Минск был освобожден 3 июля 1944 года.

В роте было 130 чел., преимущественно люди со средним техническим образованием. Дел у нас было много. Мы строили дорогу. На нас же лежало разминирование путей и технический осмотр путевых сооружений. Так как минирование путей партизанами было чуть ли не ежедневным явлением, то солдаты постоянно находились в движении.

Постройка дороги велась хорошими темпами. После ее окончания предполагалось строительство еще ряда путей. Партизаны беспокоили нас сильно, но от фронта мы находились далеко, да и положение на фронте было стабильным, и ни о каких признаках надвигающейся бури слухов до нас не доходило. Наоборот, мы слышали, что русские отказались от бесплодных попыток прорыва на центральном фронте. Я лично командовал в роте взводом и потому высокого начальства не видывал, но командир роты всегда говорил, что оживления на фронте не предвидится.

В июне меня пустили в отпуск, и здесь меня застали сообщения о русском наступлении. Когда я увидел, какой размах оно приняло, то счел долгом возвратиться в часть, не ожидая конца срока отпуска. В первых числах июля я прибыл на границу, но здесь всех возвращавшихся из отпусков задерживали и отправляли назад в Германию. Среди офицеров и солдат царило по этому поводу большое возбуждение. Ведь, казалось бы, нам должны были, наоборот, обеспечить скорейшее возвращение в свои части. Происходившее было непонятным. Через некоторое время выяснилось, что направляют всех в Штаблак, 30 км от Кенигсберга, где людей будут быстро распределять по новым частям. Это всех взволновало. Выходило, что командование сомневается в существовании всех тех старых частей, которые находились на центральном участке в России. На вокзалах и в пути было много разговоров о том, что в Штаблаке на скорую руку создаются сейчас формирования, которые сразу же будут бросаться в бой, что линия фронта вообще неясна...

В о п р о с: Значит, Штаблак назывался в этих разговорах как центр таких формирований? Не назывались ли и другие пункты?

О т в е т: Штаблак назывался потому, что туда официально направляли. В разговорах же упоминались еще Летцен и Зенсбург, но нас туда не направляли, и я не знаю, насколько эти разговоры основательны. Меня, как и других офицеров, назначили командиром одной из отправлявшихся в Штаблак

групп солдат. Я быстро доставил их туда и возвратился на границу.

В о п р о с: Много видели вы в Штаблаке солдат? Что там происходило?

О т в е т: Солдат видел много, но никаких подробностей рассказать не могу, так как был там считанные минуты, торопясь назад. Солдат там тысячи, но сколько тысяч, не знаю даже и приблизительно.

Мне удалось проскочить границу, чему я был рад, так как очень хотел попасть в свою часть. Я нашел ее, но уже куда западнее и в сильно потрепанном виде. Капитан успел сообщить мне, что связь с армейским инженером — нашим непосредственным начальником — у него потеряна, что рота, как и другие подразделения на участке отступления, подчиняется теперь некоему генералу Метцу и все эти подразделения называются «боевой группой Метца». Еще через несколько часов капитан сообщил мне, что Метц приказал ему выехать с ротой поездом в Каунас, а мне с десятком солдат велено оставаться.

В о п р о с: Где остаться?

О т в е т: На станции, где стояла и откуда уезжала рота.

В о п р о с: Для чего вам надо было оставаться?

О т в е т: Для наблюдения.

В о п р о с: За кем? Какое наблюдение? С вышки? Какое вы к этому имеете отношение и зачем это нужно было?

О т в е т: Нет... Предполагалось, очевидно, наблюдение за общей обстановкой...

В о п р о с: Эта станция, на которой вы оставались, целая?

О т в е т: Кажется, сожжена. Не знаю точно.

В о п р о с: Ну, а я это узнаю точно. Ваша выдумка о том, что вас оставили для наблюдения, нелепа. Если бы вы чистосердечно признались, зачем вас оставили на станции, то мы поверили бы вашей искренности, сохранили вам жизнь и использовали в плену как техника-строителя. Я оставляю вас и даю вам пятнадцать минут на размышление, в течение которых узнаю, цела ли станция.

О т в е т: Не надо. Скажу всю правду. Меня капитан оставил по приказу генерала Метца, чтобы сжечь станцию.

В о п р о с: И вы это выполнили?

О т в е т: Да, я это сделал. Взорвал каменное здание станции и мост.

В о п р о с : Что вы взорвали еще?

О т в е т : Больше ничего. Горели окрестности поселка, но кто их поджег, я не знаю. Даю в этом честное слово. Я офицер, моему слову можете верить. Я сказал все, что знал и что сделал.

В о п р о с : Неважно, сожгли вы одним зданием больше или меньше. Все равно вы остаетесь поджигателем. Скажите, верили вы в победу германской армии?

О т в е т : Находясь в России, я в победе сомневался, а побывав дома, увидев, что там делается и что люди говорят, я понял, что о нашей победе не может быть и речи.

В о п р о с : Для чего же вы, не веря в победу, взрывали станцию и мост? Чувствуете ли вы, что для неверящего в победу это вдвойне беспринципно, вдвойне преступно.

О т в е т : Я понимаю. Это так. Я действовал слепо. Мне приказали, и я сделал. Это была моя ошибка.

В о п р о с : Что сделали бы с поджигателем в германской армии? Как сами вы поступили бы с пленным, который сделал бы такое зло вашей стране?

О т в е т : Если бы он был крупный специалист, как я, ему дали бы возможность искупить вину работой. Я восстановлю станцию. Я прошу, очень прошу не расстреливать... Дайте мне людей, я построю не одну станцию. Я знаю способ быстрой кладки путей. Я очень-очень много могу принести вам пользы. Я очень хороший техник. Я всегда получал благодарности. Я построю вам в десять раз больше, чем эта несчастная станция.

* * *

В эти дни ничего не записывал — это были самые, может быть, полные дни моей жизни. Весь месяц безостановочно писал, носился, допрашивал. Непрерывно забрасывали и в уютлах и на путях отступления. Поезд передвинут под Вильно. Начальник отдела меня засадил за цикл о походе к границе и за обобщающую докладную записку. Инструктора, да и сам я, допросили столько народа и столько набралось документов, что просто трудно сделать ее короткой и строгой, как хочет Никифоров. Его заказ: «Десять страничек, работу нашу не выпячивать, но дать ощутить». Я говорю, что материалов огромные кипы, все важно, все интересно, и на десяти ничего не уместить, а он: «А на двадцати уже не буду читать. — Смеется: — Начальство любит, чтобы берегли его время».

Ко всем неделанно доброжелателен, никогда не бывает, чтоб унывал, и, хохоча, рассказывает, какие тайные помыслы заподозрил в нем врач: «Нет, с сердцем неплохо, а покальвает оно у вас оттого, что живот генеральский, а папаха полковничья».

* * *

Сегодня нам молодая польская девушка на языке смешанном, но достаточно внятном:

— Немец делал Литцманнштадт, так не будет, будет Лодзь. Все будет польска, польска, польска назад.

* * *

Что знали о партизанах в армии?¹ Очень мало. В соприкосновение с партизанами наши части никогда не входили, те были действующими неведомо где, управляемыми неведомо кем, окруженными тайной.

Пишущему эти строки приходилось узнавать из сообщений газет и слышать о партизанах несколько чаще, чем другим офицерам, но слышать... от немцев. В его обязанности входит допрашивать пленных, просматривать захватываемые документы и почту. Они свидетельствовали, что партизанская деятельность доставляла противнику куда больше тревог, чем об этом можно было получить представление из пятистрочных, отрывистых сведений в сводках. Через его руки прошли сотни писем, в которых солдаты жаловались, что партизаны им житья не дают, что от них нет покоя и на борьбу с ними отвлекаются немалые силы, которые могли бы уплотнять оборону на фронте. То и дело говорилось о минировании путей, налетах на тот или иной гарнизон, взрывах складов и безуспешных боях, которые вели с «неуловимыми бандами» спецбатальоны, целые карательные полки, а подчас и дивизии.

Последний рассказ о такой партизанской акции мне пришлось слышать от немецкого перебежчика из 101-го полка 14-й пехотной дивизии. Перебежал он к нам вскоре после приезда из отпуска. Поезд с отпускниками, которым он возвращался на фронт, подорвался 25 апреля на mine. Из 82 пассажиров четвертого вагона, которым ехал перебежчик, 28 были убиты

¹ Текст заметки для газеты, написанный автором в те дни.

и 37 ранены. Сам он отделался счастливо — под обломками вагона погиб только его чемодан. Незадолго до этой трагедии леса вокруг места происшествия были прочесаны...

Действительно, неуловимые! И вездесущие!

Год назад ваш корреспондент пытался было установить связь с партизанами. Мы пишем для немцев листовки, рассеиваемые с воздуха над передним краем противника, и мне подумалось, что партизаны могли бы разбрасывать их в деревнях и для вторых эшелонов. После долгих переговоров по разным каналам от командира одного партизанского отряда был получен отказ. Он ответил, что, наведываясь тайно к своим людям в деревни, партизанские связные никак не должны оставлять в них свой след. Он добавил, что задача партизан — не просвещать немцев, а бить их¹.

И вот теперь эти творцы множества удивительных дел, таинственные безадресные лесные герои, безымянные и анонимные «бабки», гранатометчики, подрывники, лазутчики и лихие стрелки, эти невидимые и грозные для немецкой армии духи — все они высыпали из нор, из землянок, с неведомых троп на дороги, в деревни, в города, на праздник народный, где наступление армии и ликование жителей опьяняют сейчас самый воздух.

Нет отныне в лесах партизан. Они среди нас. Окруженные солдатами, офицерами, женщинами, детьми, они, эти суровые, заросшие, еще не отвыкшие ходить без лимонок мужчины, сами радостно плачут, как женщины. Их обнимают, и они обнимают...

Никогда я не думал, что их может быть столько. Мне представлялось, что это подвижные отрядики из десятков, ну, скажем, сотни людей, действующих на ногах-вездеходах. А их оказалось не сотни людей, а сотни групп, составляющих тысячи, нет, десятки тысяч людей.

Какого они возраста? Всякого! Тут и юноша, у которого еще мать хоть куда, и атлет лет тридцати, собирающий на себе взоры истосковавшихся по мужскому духу солдаток, и дед, прижимающий внучку... Из кого состоят? Опять-таки

¹ Этот случай не типичен. В действительности партизаны с охотой распространяли в тылах немецких войск наши листовки и сами их печатали на своих базах (М. Б.).

не перескажешь. Вот летчик, спустившийся в лес с подбитого самолета еще в сорок втором, вот солдат, бежавший из немецкого плена, вот колхозный счетовод, вот бывший комбайнер, вот бывший учитель, с ним рядом бывший фабзаяц. А полный пожилой человек, расстегнувший от жары гимнастерку, — армейский политработник, носивший в сорок первом две пиналы, выведший группу бойцов из окружения и три года пробывший с ними в лесах... А мужчина, в которого наши офицеры на радостях вливают уже которую фляжку с трофейным немецким брандвейном, — бывший председатель колхоза. А большинство молодых пареньков — бежавших к партизанам подростки, которых немцы собирались отправить в Германию... А страшно худой и немолодой человек, которого мне называют одним из лучших минеров, — столяр. Приехал с дочкой перед самой войной к родным погостить и... застрял на три года.

Каждый из них сможет потом целые годы рассказывать о бесчисленных операциях, пережитых опасностях, уничтоженных немцах, погибших товарищах... Это станет для их детей эпопеей... А сейчас этим людям не верится, что всей этой лесной жизни, всей партизанской войне вдруг конец... Кто-то наденет погоню и вольется в ряды наступающих, кто-то останется в своих деревнях налаживать жизнь... Кстати, сожженных деревень почти нет. Наступление идет так стремительно, что немцы не успели их выжечь, как сделали это они на Смоленщине. Но нет в деревнях рабочих рук, нет машин, почти нет скота и нет организаторов общей запашки...

Как скоро переключатся они, вчерашние крестьяне, пришедшие в родные деревни, на эту прежнюю, отвычную жизнь? Пока что в их душах еще бушует война. Не может не бушевать...

Я был свидетелем двух потрясающих сцен...

Из хорошего бревенчатого дома вывели семью полицейского. Он служил немцам не за страх, а за совесть и виновен был в смерти многих людей. Теперь он метался, пытался выскочить из обреченного на сожжение дома, но его ударами загнали назад... К дому протянут был бикфордов шнур, и весь народ отбежал... Потом дом загрохотал и взлетел...

Толпа волокла женщину, которую мне не удалось рассмотреть. Ее облик только мелькнул. Ей было лет 25. Ее бросили за деревней наземь и разрядили в нее несколько барабанов нагана. Стольких пуль хватило бы на многих и многих, а они вонзились в одну. Вонзились, давая выход

накопленной боли и ненависти... Эта женщина была не просто подстилкой наезжавших карателей. Она выдавала им партизанские семьи, к которым приходили из леса связные. Все эти семьи были в разное время расстреляны...

Страшен теперь этот короткий суд партизан? Да, страшен, и я слышал о случаях еще более страшных, чем видел. По всей Белоруссии — и тут нечего, на мой взгляд, утаивать — идет сейчас этот суд вышедших из лесов партизан над полицейскими, над предателями, губившими их семьи и односельчан. Но это не расправа, а именно суд. Потому что все это случаи, которые не требуют следствия. Это суд, которого судьи ждали нетерпеливо и долго, выносили в сердцах. Я в прошлом юрист, но не знаю даже, нуждается ли этот суд в оправданиях законами войны. Он представляется сейчас судом человечности... Ведь верная половина людей, вышедших сейчас из лесов, расспрашивает о местах, где были повешены или расстреляны их жены и дети, неуверенно снимает шапки и опускает колени на безмолвной земле, где нет даже холмиков, а только бурьян...

А войска идут вперед и вперед. Интенданты озабочены тем, чтобы приравнять к офицерам и солдатам облик людей, бывших для противника лешими и вливающихся теперь в общий поток...

* * *

ПОЛЯКИ В НЕМЕЦКОЙ УНИФОРМЕ!¹

Красная Армия и действующий совместно с ней польский корпус под командованием генерала Зигмунда Берлинга вплотную приближаются к польской земле. Вместе с Красной Армией польские воины навсегда очистят Польшу от гитлеровских захватчиков и вернут стране украденные немцами западные польские земли. Освобожденный народ создаст демократическую и независимую Польшу, сильную своей дружбой с братским русским народом.

Порукой этому — заявление СТАЛИНА о том, что Советский Союз желает иметь своим соседом сильную и независимую Польшу, заявление ЧЕРЧИЛЛЯ о том, что между союзниками существует в этом вопросе полное согласие.

Вам, насильственно загнанным в германскую армию,

¹ Текст листовки, написанной автором в те дни.

надо теперь безотлагательно действовать, как действуют против немцев польские партизаны в тылу. Вредите немцам чем и как только можете. Старайтесь иметь доступ к их складам оружия и уничтожить эти склады. Пристреливайте в разгар боя их офицеров. Перерезайте проволочные заграждения. Уничтожайте провода связи. Те из вас, кто не чувствуют себя способными на такую активную борьбу, покидайте как можно скорей гитлеровскую армию, чтобы не погибнуть вместе с ней. Перебегайте. Отставайте от своих частей при отступлениях. Дожидайтесь русских, оставаясь во время атак в блиндажах. Помните, что ни один красноармеец не будет стрелять в вас, как только вы крикнете «Мы — поляки» и поднимете руки вверх. Помните, что добровольно перешедшие поляки, чехи и другие насильственно мобилизованные Гитлером люди поработанных им наций *не считаются в России военнопленными*, живут и работают на свободе или отправляются по их желанию на жительство в другие союзные страны.

Польша ждет от вас действий!

* * *

На днях в советский плен попал некий унтер-офицер Пауль Р. Это старый нацист, вступивший в партию еще в 1927 году. В армию добровольно вступил в 1939 году, с началом войны.

При нем оказалась записная книжка. Записи он вносил нерегулярно, отрывочно и лаконично. Относятся они к 1943 году, когда Пауль — командир отделения — находился в районе Витебск — Городок — Полоцк, а к началу 1944 года, когда батальон воевал с партизанами, — западнее Витебска.

Эти записи не нуждаются в комментариях. Из них явно сквозит отчаяние, охватывающее немцев-карателей, видящих тщетность борьбы своей...

10 января 1943 года. В первой половине дня мы сожгли деревню, так как из нее партизаны обстреляли один наш опорный пункт. Больше не было никаких происшествий.

11 января. С 9 до 11 — занятия для унтер-офицеров. В Бараново один наш пьяный жандарм застрелил через стену 15-летнюю девушку, лежавшую в постели. Вторая девушка была ранена в руку. Конечно, много плача. Скучно.

17 февраля. Оттепель. Ничего не делал. В 5 утра подорвался поезд. Трое убитых один раненый.

25 февраля. Последние несколько дней — крупные операции дивизии против партизан. Гул такой, что звенят стекла. Деревни зажигаем путем обстрела, жителей уничтожаем. Бронепоезд ходит туда и сюда и стреляет.

21 марта. Я с 2 часов дежурный. В 5.30 взрыв, в 5.45 второй, страшный, как от авиабомбы. Лопаются оконные стекла. Выбегаю на улицу и вижу над станцией темное облако. Горят резервуары бензина и боеприпасы. Бежим туда со штабс-фельдфебелем. Сквозь дым ничего не видно. Хлопают горящие патроны. Ужасная картина.

23 мая. До сих пор звон в ушах и не могу опомниться. Ночью взорван был поезд с отпускниками. И это после того, как мы тут все, казалось бы, тотально расчистили.

28 мая. Очень жарко. Собрал в деревне 15 яиц.

7 июня. В 20.30 — взрыв. У 26-го опорного пункта поезд наскочил на мину. При этом взлетел на воздух партизан и повис на проводах.

26 июля. В утреннем сообщении объявлено, что дуче вышел в отставку. Это несколько тревожно.

3 августа. Тридцать три пленных жителя окрестных деревень, которые подозревались в том, что помогали партизанам, и использовались пока на работах, разоружили охрану и с оружием бежали.

11 августа. Взрыв в сарае со льном. По-видимому, была заложена магнитная мина.

14 августа. Боюсь за родину и Элен. Все выглядит безутешно. Когда же это кончится.

26 августа. В 0.30 взрыв между опорными пунктами 15 и 16. Взорвалась колея, идущая в тыл, в то время как проходил поезд на фронт. Рельсы изогнулись кверху. Вагоны полетели под откос, груз в значительной степени попорчен.

30 августа. Два эльзасца перебежали от нас к партизанам. Люди явно боятся идти ночью в караул. В 14.30 взрыв на опорном пункте 16 на колее.

31 августа. У гражданского населения найдено множество мин и пистолетов. У городского головы Оболь — оружие, зарытое в саду. Обыски, аресты, расстрелы. Девушка, служившая у нас в городской комендатуре, тоже замешана. Под побоями созналась, что минировала льнозавод.

17 сентября. Судетские немцы делают странные замечания.

28 ноября. После обеда прибывает пополнение. Роты заново разбиваются.

1 декабря. Пополнение — люди, годные лишь к гарнизонной службе в глубоком тылу, со всяческими болезнями. Как можно посылать их на передовую? Они говорят, что во Францию направили из их запасных батальонов еще худший материал. Но разве бывает хуже?

5 декабря. Ожидаемое наступление объединенной партизанской банды не начинается.

6 декабря. Слава богу, русский не наступал. Наша артиллерия обстреливает партизанские логовища. Те не отвечают. Весь день ведут себя спокойно. Там ли они? Может быть, не там, и вдруг неожиданно начнут стрелять в наши спины. Это удивительное и отвратительное чувство — бороться с невидимым врагом. Жизнь в блиндаже несносна. Все нервозны и апатичны.

15 декабря. К вечеру мы были сменены и должны были уходить дальше направо. Эти вечные передвижения ужасны.

18 декабря. Совместная жизнь с солдатами невыносима. Они едят, как поросята, ворчат...

22 декабря. Вечное состояние тревоги, сон в верхней одежде приводит к тому, что все мы завшивлены. Каждый день занимаемся битьем вшей. У меня их теперь мало. Один из нас убил 30 штук. Я не причесывался с октября.

28 декабря. Судетские немцы — вечные ворчуны и кажутся мне ненадежными. Постоянно приходится раздражаться и за всем следить. Впрочем, страшная нервозность характерна для нас всех. Бороться с невидимым врагом, не видеть результатов борьбы и все время убеждаться, что враг не ослаблен, а, может быть, даже окреп, — это может извести любого.

3 января. Отделение Ланге идет в санобработку. Слава богу, что и до нас дойдет очередь.

15 января. Бой был ужасен. Мы остались только в числе одного унтер-офицера и четырех солдат. Что же будет?

28 января. Новый лейтенант Шмидт принимает роту.

4 февраля. Приходится много злиться на некоторых людей. Судетские немцы брюзжат, неохотно несут службу. В случае чего они все будут предателями.

8 февраля. Старых солдат моего отделения осталось только двое. Курт сегодня неожиданно спросил меня, верю ли я в успех. Я посмотрел на него, дав понять неуместность такого разговора. Да, отчаяние охватывает многих. Но немецкий солдат, несмотря на все, дисциплинирован. Иногда солдаты спорят, что лучше: видимый или невидимый враг?

Большинство говорит — видимый, а один иронически: «Например, надвигающийся на тебя танк. Не правда ли?» Я не занимаюсь раздумываниями.

Что такое Пауль Р. — из этих записей ясно. Но все же он не оказался последовательным. В последнюю минуту, когда перед карателями выросли русские, его солдат пустил себе пулю в лоб, а он предпочел поднять руки...

* * *

На оршанском направлении — левом фланге нашего фронта — оборону держали части 27-го германского корпуса, входившего в состав 4-й армии. Здесь находились:

а) 78 шпд¹. Это единственная штурмовая дивизия германской армии, состоявшая из отборных солдат, оснащенная штурмовыми орудиями, зарекомендовавшая себя особым упорством в обороне, многократно отличавшаяся командованием и лично Гитлером. Принадлежностью к этой дивизии ее офицеры и солдаты гордились;

б) 25 мд, также проявившая себя упорной в обороне;

в) охранные, саперные и прочие отдельные батальоны, находившиеся в корпусном подчинении;

г) средства усиления, состоявшие из артиллерийских подразделений, частью приданные дивизиям, частью оставшиеся в распоряжении корпусного командования в качестве РГК.

За этими войсками, занимавшими передний край и непосредственно державшими оборону, находились:

д) 14 пд, выведенная месяца полтора до боев во второй эшелон, подкрепившаяся, пополненная и брошенная после прорыва обороны на усиление;

е) 286-я охранная дивизия, также брошенная уже на второй день боев на поддержку 78 шпд;

ж) 256 пд, находившаяся ранее частью сил на переднем крае, а затем располагавшаяся на Минском шоссе и севернее его, где вела, в частности, борьбу с партизанами.

Эти соединения и части были хорошо известны нам задолго до начала боев и в течение длительного времени обороны подвергались систематическому воздействию нашей пропаганды.

Но контрпропаганда противника добивалась, чтобы солда-

¹ Штурмовая пехотная дивизия.

ты не чувствовали себя запуганными предстоявшим русским наступлением. Этого наступления, как показывали пленные, солдаты в массе своей не боялись. Выстоявшие во время наших предыдущих наступательных действий на этом участке зимой 1943 года и в марте нынешнего, солдаты думали, что выстоят и на этот раз. События на Украине, в Молдавии и в Крыму их мало чему научили.

А о том, что наступление на Оршу предстоит, солдаты, находившиеся на переднем крае, знали. Как показывали пленные, уже в начале второй декады июня среди солдат ходили слухи о том, что Красная Армия в ближайшее время начнет наступление. Его ожидали 17 июня, затем 22-го — в день трехлетия войны.

Эти ожидания основывались на том, что командование резко усилило в июне работы по укреплению оборонительных рубежей. Так, участок обороны 25 мд был вдруг уменьшен на 10 км, боевые порядки дивизии уплотнили, в каждом из мотополков создали резервы за счет третьих рот батальонов, подтянули артиллерийские средства усиления. И наконец, наиболее верным показателем того, что ожидают бои, явилось для солдат запрещение отпусков, последовавшее в середине июня.

Настроение солдат к началу наступления отнюдь не было подавленным, особенно во втором эшелоне. Офицер мотобатальона 256 пд, захваченный в плен 28 июня, показал:

«Настроение моих солдат до начала боев было благоприятным, так как они регулярно пользовались отпусками, аккуратно получали маркитантские товары, включая вино, конфеты и папиросы, пользовались посылками, которые организовало командование, а молодежи от 18 лет до 21 года давалось еще дополнительное питание. Важно и то, что у всех была регулярная почтовая связь с близкими».

Бытовые условия были хорошими, а политический и военный момент играл в формировании солдатских настроений меньшую роль. Да и само военное положение Германии далеко не всеми солдатами рассматривалось мрачно. Вторжение союзников во Францию, как показывали пленные, не вызвало упадка духа солдат. Многие верили пропаганде, предсказывавшей, что в итоге вторжения союзникам нанесен будет смертельный удар и осуществлено долгожданное возмездие англичанам. В победу Германии солдаты не верили, но на компромиссный исход войны рассчитывали и надеялись.

Когда 21 и 22 июня офицеры 78-й и 25-й дивизий официально предупредили личный состав о предстоящем рус-

ском наступлении, солдаты высказывались друг перед другом довольно уверенно. «Пусть русские придут, мы их встретим», «Совались уже, пусть снова попробуют» (показания пленных из 39 мп, 119 мп и др.).

Правда, еще ранее находились трезвые голоса, не переоценивавшие эту видимую боевитость и стойкость. Еще в конце мая пленный из 78-й дивизии, рассказывая об отсутствии нарушений дисциплины в его роте и доверии солдат к офицерам, подчеркнул в то же время, что «все-таки настоящего боевого духа наш солдат уже лишился; на наступление его трудно, а может быть, и невозможно будет поднять; он способен только к обороне, но против сильного огня тоже уже не очень стойкий». Эти слова оправдались. Немецкое командование должно было вскоре убедиться, что благоприятные бытовые условия способны были поддерживать настроение солдат, но не могли сами по себе повести к укреплению стойкости перед массированным и длительным натиском.

Наши предыдущие неудачи перед фронтом этих хваленых немецких дивизий повели к переоценке силы немецкой обороны. Они породили и переоценку стойкости немецких солдат с точки зрения моральной. Мы недооценивали их усталости от войны и длительной деморализации их нашей пропагандой. Мерилами видимой крепости духа служили для нас состояние дисциплины и малое количество перебежчиков. Но перебежка — это шаг, требующий решительности, которой немецкий солдат еще не обладал. Подлинным показателем стойкости должно было стать поведение этих послушных солдат в критическом для них положении. И вот такая проверка показала, что деморализованных солдат оказалось больше, чем стойких, а наша пропаганда — сильнее нацистской, призывавшей к борьбе до последнего.

События развернулись следующим образом.

23 июня наши войска начали наступление и на широком фронте прорвали оборонительную линию 78-й и 25-й дивизий. В течение трех суток продолжались упорные бои внутри глубоко эшелонированной немецкой обороны, и в результате этих боев обе дивизии были выбиты из всех трех траншей первой линии, их дзоты и доты у Орши и на шоссе Москва — Минск уничтожены, фронт прорван на глубину. Траншеи завалены были трупами солдат. Перехваченная нами радиogramма командира 78 шпд генерала Траут ОКВ¹ гласила:

¹ Верховное главнокомандование вооруженными силами фашистской Германии (М. Б.).

«Дивизия понесла 23 и 24 июня большие потери. Противник наступает превосходящими силами, вводит в бой все новые части. Дивизия не в состоянии держать свои позиции. Шлите срочно помощь». Вторая радиограмма Траута гласила, что от удержания его участка фронта зависит судьба Германии, требовала помощи танками, пехотой и авиацией.

Уже к концу первого дня боев немецкое командование ввело в бой все дивизионные резервы. На второй день оно бросило — уже на оборону Орши — 14-ю и 286-ю дивизии. Огневое сопротивление немцев было чрезвычайно сильным. Они пустили в ход артиллерию РКК с тяжелыми полевыми гаубицами, 280-мм мортиры и шестиствольные минометы. 25-й дивизии был придан даже полк метательных аппаратов. Танки и штурмовые орудия 78-й дивизии стремились во что бы то ни стало не допускать прорыва наших сил на автостраду, и вся эта артиллерия мощными огневыми налетами обстреливала боевые порядки наших войск.

Удержать Оршу и автостраду было категорическим приказом для всех соединений и частей. У них и мысли не было об отступлении. Наоборот, к фронту непрерывно, до последнего момента, шли составы с живой силой, танками, орудиями и тягачами. И только после того, как оборона была прорвана, дорога на Лепель перерезана и наши силы подошли к Орше с севера, обескровленные и измотанные части противника начали отход на запад, превратившийся в бегство.

К этому времени отступали уже и тоже влились на автостраду остатки разгромленных под Витебском 299-й и 95-й дивизий. Бросились на запад по автостраде и большаками и остатки различных артчастей, охранных и прочих батальонов, а также 256 и 260 пд, прикрывавшие сзади толочинское направление. Все эти многочисленные части перемешались на дорогах, а наши подвижные части стали заходить им в тыл, перерезая автостраду и большаки в самых различных местах. Пехота стала обтекать дороги с флангов. Авиация бомбила противника не только на пути отступления, но и на подходах к Березине — конечной цели его движения.

Все это совершенно деморализовало противника, бросившегося с дорог в леса. Отступление превратилось в панику, пути его оказались отрезаны. Части рассыпались, офицеры и солдаты помышляли теперь только о собственном спасении.

Некоторое представление о том, как это происходило,

как распалась огромная отступающая армия немцев, дают многочисленные показания пленных.

Офицер артиллерийского полка 256-й дивизии рассказывает:

«Наш полк располагался в двух деревушках у самой магистрали. Командир полка сказал мне, что фронт находится от нас в 60 км. И вдруг я увидел, что с магистрали прямо на нашу деревушку идут четыре русских танка. Три других танка перерезали нам дорогу в деревню, где находился штаб полка. За танками, как из-под земли, выросли русские пехотинцы. Я сам оказался в таком положении, что с двумя лейтенантами оказался отрезанным от собственного дивизиона. Мы бежали в лес...»

Бывший немецкий начальник станции показал:

«Я должен был с бригадой пробраться в Минск. Мой поезд поддерживал радиосвязь с разными городами и станциями. И вдруг из одного места мне сообщают, что приближаются русские. Из другого места панически заявляют, что город берется в кольцо. Из третьего узнаю, что дорога перерезана. У меня было такое впечатление, что все вдруг превратилось в сумасшедший дом. Наконец, связь вообще оборвалась. Проехав еще с час, я услышал стрельбу. Я ничего не мог понять: откуда русские, с чего ради русские, каким образом они одновременно могут оказаться всюду. Но факт оставался фактом. Мы вылезли из поезда, и я отдал приказ всему личному составу сесть на любые попутные автомашины и добираться до Минска. Та машина, на которой ехал я, была обстреляна русскими уже через два часа. Я, шофер и несколько офицеров, бежавших за этой машиной, бросились в лес, где бродили несколько дней и потом сдались».

Полковой штабскальмейстер (интендант) рассказывает:

«Я привел огромный обоз полка в придорожное село, куда неожиданно влетели еще обозы других частей, принеся дикие сообщения о том, что их обстреляли русские танки. Улицы села были забиты грузовиками, и началась паника. Кое-кто начал кричать, чтобы люди успокоились, что не могут в тылу отступающих появиться русские. Но вдруг с разных концов деревни показались танки, и через минуту скопление машин представляло собой мишень их страшной работы. Я и за мной еще штук 40 машин сумели вырваться в ближний лес. Все это оказались машины и люди разных частей. Отды-

шавшись в лесу, мы бросили машины и пошли пробираться пешком на запад. Мы даже не взорвали машины, чтобы не выдать огнем своего присутствия».

Фельдфебель зенитного полка РКК, приданного 78-й дивизии, рассказывает:

«Шесть наших уцелевших машин бросились под руководством обер-лейтенанта Эккерса на запад. Тут началась отчаянная бомбежка большака. Мы бросились на шоссе на Толочин, но через четверть часа перед нами выросли русские танки. Первым же выстрелом были разнесены первые наши машины. Нас успело соскочить только семь человек, и мы бежали в лес».

Унтер-офицер 215-го полка 78-й дивизии говорит о том же:

«Наш батальон еще 26 июня отходил в сравнительном порядке на магистраль. Вдруг с фланга появились четыре русских танка. Колонна батальона рассыпалась. Обер-лейтенанта Микша я уже не увидел и сам собрал человек 35, которые не разбежались. С ними дошел до колонны 278-го полка, не знаю какой дивизии. На перекрестке дорог вдруг опять танковый обстрел, и опять все рассыпалось. Я остался с пятью солдатами. Дошел с ними до придорожного села, где был привал отступавшей пехоты и артиллерии какого-то 101-го полка. Но тут село атаковали танки. Я успел бежать на автомашине. Потом мы ее бросили и скрылись в лесу».

Если приведенные показания характеризуют малодушное поведение офицерства, то о поведении солдат дают представление следующие показания:

«Сначала штаб полка еще владел положением, и его руководство ощущалось солдатами. Но с появлением первых двух русских танков солдаты, не слушая команды, стали беспорядочно бежать, и уже через короткое время мы не знали ни количества людей в ротах, ни их местонахождения» (лейтенант 528-го полка 299 пд).

«Как только русские появились с тыла, моих солдат невозможно было удержать, несмотря на все угрозы и крики «Стой!». Все бросились в разные стороны. Чуть ли не большинство своей роты я нашел позже в русском плену» (лейтенант стр. б-на).

«Во время боев наши потери не превышали нормального уровня. Наш полк потерял в бою не больше 20—25 проц. людей. Но во время беспорядочного отступления мы потеряли почти всех, и все рассыпалось» (лейтенант из 299 пд).

В ночь на 27 июня¹ наши войска заняли Оршу, но к этому времени отступавшие части противника были уже в значительной мере перебиты и разрозненно скрылись в леса. Наши войска, стремительно преследуя бежавшего противника, двинулись к Березине. К действиям наших подвижных частей, заходивших немцам в тыл, присоединилось мощное движение всей массы наших войск с фронта, и это поставило противника в совершенно безысходное положение. Он уже массами бросился с дороги в стороны, в леса, рассчитывая добраться до Березины группами и в пешем порядке. Но наши части опередили его и здесь. В ночь на 1 июля они на широком фронте вышли к Березине, форсировали ее и заняли город и ж/д узел Борисов. Остаткам разгромленных частей противника окончательно закрыты были пути на запад.

Лишь одиночные, незначительные подразделения и группы из стоявших некогда перед нашим фронтом немецких дивизий успели проскочить к Березине до 1 июля. Они отмечались перед нашим фронтом еще несколько дней, чтобы затем исчезнуть уже навсегда.

Но если 78, 25, 286, 256, 14, 299, 95, 260-й и других дивизий уже не было перед фронтом, то десятки тысяч их людей оказались в нашем тылу. Разрозненные, перемешанные, деморализованные, они не были, однако, добыты. Возникла задача уничтожить или пленить их.

Частью это были малые группы, которые, пробродив в лесу голодными несколько дней, сами выходили на дороги, в деревни и сдавались в плен нашим бойцам, партизанам, даже местным жителям. Они приходили с листовками в руках, и количество принесенных ими листовок — хранившихся старых и последнего времени — составляет многие тысячи. Но были и очень крупные группы, сложившиеся из тысяч солдат и многих офицеров разных частей, командование которыми приняли на себя полковники и генералы, оказавшиеся такими же беглецами, как и солдаты. Эти группы, стремясь продвигаться на запад, вели с нашими войсками бои, подчас очень сильные, и отвлекали на себя наши силы.

Однако их сопротивление было в конце концов тоже подавлено, их упорство парализовано. Развернутая среди них пропаганда привела в плен тысячи и тысячи солдат,

¹ 1944 года.

а также множество офицеров, количество которых пока еще не поддается учету.

Вот некоторые примеры того, как отзывчивы оказались эти солдаты на обращенную к ним пропаганду.

Инструктор по работе среди войск противника 83 сд с помощью ОЗС¹, выдвинутой непосредственно на опушку леса, за несколько часов вызвал из леса около 800 солдат, построил их и отвел на приемный пункт военнопленных.

Инструктор 5 сд взял в плен посредством ОГУ² около 500 солдат.

МГУ 7-го отделения политотдела 11-й гв. армии собрала около 500 человек, сдавшихся тоже непосредственно персоналу станции.

Ст. инспектор 7-го отдела ПУ фронта послал к окруженной в лесу группе солдат пленного вахмистра 267-го артполка, который возвратился через несколько часов, приведя с собой 32 солдата.

Инструктора 7-го отдела ПУ фронта заслали к окруженному южнее Логойска немецкому гарнизону пятерых пленных. Четверо из них привели в плен по нескольку солдат, а пятый — 95 человек во главе с командовавшим окруженными полковником.

Инструктора 7-го отдела ПУ фронта заслали к засевающим в лесу в 40 км от Борисова солдатам обер-ефрейтора 31-го артполка, который привел с собой в плен около 150 человек, в том числе одного оберцальмейстера.

Таких фактов еще много. Засылка военнопленных в леса с задачей привести в плен других практиковалась не только работниками 7-го отдела ПУ фронта и 7-х отделений поармов, но также командным и политическим составом частей (в частности, частью генерала Любого, ведущего борьбу с окруженными) и позволила собрать тысячи пленных без пролития крови наших людей. А тысячи других солдат добровольно выходили из лесов с нашими листовками-пропусками в руках.

Ликвидация застрявших в лесах групп в основном закончена.

Перед фронтом появились теперь другие германские части, спешно перебрасываемые противником из своего тыла и с других участков советско-германского фронта. Это дивизии,

¹ Окопная звуковая система (М. Б.).

² Окопная говорящая установка (М. Б.).

отдельные полки и большое количество маршевых, саперных и прочих батальонов. Часть их наскоро формируется сейчас в Германии. Один полк, например, брошенный сейчас, в июле, на каунасское направление, в июле же, то есть несколько дней назад, сформирован. Насколько пестры эти части, показывает тот факт, что взятые 11 июля в г. Вильно 300 пленных принадлежат к 24-м различным частям. На путях действий и подхода этих частей нами разбрасываются многочисленные листовки, рассказывающие этим новым формированиям о разгроме центрального немецкого фронта и призывающие их складывать оружие.

Разгром германского центрального фронта, сопровождавшийся массовым пленением солдат, показал, таким образом, что их боевая стойкость, проверенная не в позиционной войне и не в тех боях, где их силы превосходили бы наши, а в критическом для них положении, оказалась крайне невысока, а наша пропаганда вполне возымевшей теперь свое действие. Боязни расстрела в плену эти десятки тысяч сдавшихся немцев уже совершенно не обнаруживали. Так сказались в этом наступлении плоды длительной, массовой, настойчивой пропаганды.

Во время боев среди прочей документации нами захвачены были и документы, показывающие, что само немецкое командование давно видело возможные результаты этой систематической политической работы среди немецких солдат.

Речь идет о документах отдела разведки штаба 78 шпд. Как известно, генерал Траут похвалялся невосприимчивостью его солдат к нашей пропаганде. Оказалось же, что он деятельно изучал наши листовки и высоко их оценивал (особенно обращенные непосредственно к его дивизии листовки отделения тов. Шифрина).

В настоящее время задачи, стоящие перед 7-м отделом ПУ фронта, усложняются. Самый фронт расширился, состав частей противника полностью обновился и стал крайне пестрым, фронт подходит к германской границе. Но приобретенный в нынешнем наступлении опыт будет облегчать выполнение новых задач.

* * *

Допрашивал командира полка, подполковника.

Пленный происходит из офицерской семьи и получил военное образование. Однако после двухлетнего пребывания в армии был в 1920 году демобилизован и занялся преподавани-

см. Снова попал в армию лишь в 1943 году — после прихода Гитлера к власти. Занимал в течение этих лет должности среднего командира в разных частях. Во время германо-советской войны стал командовать полком. С весны 44-го командовал полком, находившимся в районе Витебска. Снят с этой должности за то, что полк не удержал высоту и потерял при этом 260 чел. убитыми.

В двадцатых числах июня — уже после начала русского наступления — назначен был командиром полка дивизии, находившейся в районе Лепель. Здесь он пробыл лишь несколько дней и попал в окружение, из которого пытался выбраться на запад лесами. С большой группой солдат двигался лесами целый месяц, перебрался через Березину и ряд других рек, вышел в глубь Литвы. За этот месяц у отряда было несколько перестрелок с партизанами и отдельными частями Красной Армии. Часть солдат перебита была в этих перестрелках, часть погибла во время переправ через реки, другие отстали в пути. 30.7 пленный вместе с оставшимися при нем несколькими солдатами был захвачен в плен красноармейцами в лесу в районе Ионава. Он рассказывал:

а) *О настроениях в германском офицерстве.* По происхождению и родственным связям я принадлежу к германской аристократии, но вращался преимущественно в кругах среднего офицерства — среди однополчан. В начале русско-германской войны никаких разноречий в этой среде не чувствовалось. Гитлер был одинаково авторитетным вождем для всех. Но постепенно, по мере поворота в ходе войны и когда стала реальной угрозой полного поражения, стало обнаруживаться, что единство офицерства призрачное. Для молодых офицеров имя Гитлера по-прежнему продолжало олицетворять собой Германию, а старые офицеры — старые по возрасту и образованию — вполне допускают мысль о том, что Германия может обойтись и без Гитлера.

Только здесь, в плену, я узнал о том, что против Гитлера был устроен заговор. Будь я в Германии — примкнул бы, вероятно, к заговорщикам. Но хорошо знаю и то, что они потерпели бы безусловное фиаско, ища себе сторонников среди известных мне молодых офицеров. А у командиров этих дивизий они, вернее всего, нашли бы отклик. В обеих этих дивизиях есть пожилые офицеры, которые примкнули бы к заговору.

На чем я основываю подобные заключения? Конечно, в полковом офицерстве политические проблемы не обсужда-

лись, но разница во взглядах и оценках видна была из многого.

1. Приказы немецкого командования за последний год сводились к требованию держаться на наших позициях. Но как держаться и где взять для этого силы, в приказах, конечно, не говорилось. Молодые офицеры над этим и не задумывались. Выслушав приказ, они отвечали на него: «Есть держаться!» А мой начальник штаба полка или командир дивизии воспринимали каждый такой приказ очень нервно. У них вырывалась краткая, но выразительная ругань по адресу командования.

2. На офицерских вечерах, когда мы собирались друг у друга, молодые офицеры даже в самое последнее время поднимали тосты за «переход в наступление», «за близкую победу», «за генеральное наступление германской армии на всех фронтах» и т. д. Их сотоварищи шумно подхватывали эти тосты. Старые офицеры отвечали на них неловким молчанием и переглядывались между собой.

3. Очень многие приказы сверху кончались угрозами отдачи под суд за невыполнение. Старые офицеры нервно говорили по этому поводу: «До каких пор с нами будут разговаривать в таком тоне!» Молодые офицеры встречали эти угрозы одобрительно, этот тон олицетворялся для них с сознанием силы.

4. Особенно ярко сказывалось различие взглядов при чтении газеты «Фрейэс Дейтчланд»¹. Для нас, старых офицеров, лично знавших возглавляющих движение «Свободная Германия» генералов, было много психологически понятного в их высказываниях. Я лично, например, знаком был еще до войны с генералом Даниэльсом и хотя не считал его безоговорочно правым, но и мысли не допускал, чтобы он мог быть предателем, подкупленным человеком и проч. А молодые офицеры, прочитав газету, высказывались лаконично и злобно: «Предатели!», «Шпионы!», «Большевистские наймиты!»...

5. Резко выявилось различие в оценках и при вести о появлении нового оружия — самолетов-снарядов. Молодые офицеры с лихорадочным интересом ловили все известия о действии этих бомб, страшно преувеличивали в разговорах све-

¹ Газета «Фрейэс Дейтчланд» («Свобода Германии») издавалась Национальным комитетом Свободная Германия в СССР с июля 1943 по август 1945 г. (М. Б.).

дения из газет и радио об их разрушительной силе, ликовало, что «теперь англичанам скоро конец», «теперь эти собаки узнают», «теперь мы им покажем». Старые же офицеры относились к радиошумихе о новом оружии как к навязчивой рекламе. Мой начальник штаба сказал, например, что полезнее было бы дать армии больше танков. Столь же сухи были случайные высказывания других старых офицеров. Вот слышанный мною короткий диалог между представителями двух поколений офицерства. «Слышали вы, сколько было вчера в Лондоне убитых?» — ликовал молодой, назвав огромную цифру. «Да? Это интересно, — сухо ответил другой, — но еще интереснее, как это нам удалось подсчитать их».

Разумеется, никакой демаркационной линии между старыми и молодыми офицерами не проложено, но различие между ними в политических и военных оценках ощущает каждый, кто сколько-нибудь длительное время пробыл в военной среде. Оно видно из реакции на радиосообщения, из прорывающихся замечаний по разным вопросам.

Но я без преувеличения скажу, что даже молодые офицеры отрицательно относятся ко всему, что связано с именем Гимmlера. Обожание Гитлера — это одно, а отношение к Гимmlеру — это другое. Когда он назначен был министром внутренних дел, все офицеры были одинаково неприятно поражены. Я выражусь точно, если скажу, что Гимmlер — самая ненавистная в офицерской среде фигура. Это мясник, и никто не считает его иным. Уверен поэтому, что его новое назначение, о котором я узнал здесь в плену, вызвало одинаково отрицательную реакцию во всем офицерском корпусе.

Что касается высшего офицерства, то его настроения известны мне менее. До войны я знаком был с генералами Хутом фон Бокком и Рейнхардом. Все трое ничего общего с нацистами не имели. Фон Бок — один из приличнейших, вдумчивых и справедливых в суждениях военных сановников из всех известных мне. Он терпеть не мог нацистской демагогии, саморекламы, шумихи и относился к ним с нескрываемым отвращением. Рейнхард — нынешний командующий 3-й танковой армией — известен мне как военный специалист, тоже далекий от нацистской политики. У меня не бывало с ним разговоров на политические темы, но по всему своему складу это генерал старого типа. Он подчеркнул свое хорошее расположение ко мне, когда, после того как я был снят, снова назначил меня командиром полка.

Наконец, хорошо известен мне и Франц фон Папен¹, бывший до последнего времени германским послом в Турции, а ранее крупный политический деятель. Я имею все основания полагать, что он настроен совсем не прогитлеровски. Не следует обманываться тем, что он долгое время занимает высокие посты при нацистском режиме. Он просто ловкий человек. Так, в свое время он женился на женщине, которой принадлежит подавляющее большинство акций фирмы «Вильруа и Бох». Эта фирма владеет самыми большими в Германии заводами керамики. Она является основным поставщиком кафеля, ванн, унитазов, умывальников и керамических облицовок для всей страны. Благодаря этой женитьбе Франц стал одним из богатейших людей Германии. Я его не обвиняю, так как дипломату нужны, конечно, деньги. Его заводы и имения находятся в Саарской области, а жил он в Берлине по Вильгельмштрассе, 68, где я у него был перед самым началом войны. После этого мы уже не виделись долго и лишь время от времени переписывались, а затем случайно повидались, и наш последний разговор мне хорошо памятен. Он сказал, что ему противно работать с нацистами, и он трижды подавал официальные заявления с просьбой об отставке, но Гитлер не отпускает его. Он говорил, что СС и лично Гиммлер терпеть его не могут, что чувствует он себя крайне неуверенно, но на открытый разрыв идти боится, так как гитлеровцы конфискуют тогда его капиталы, и он превратится на старости лет в бедняка.

Не сомневаюсь, что по той же причине работают с Гитлером и так же относятся к нему многие другие представители германской аристократии и буржуазии, бывшие деятели других политических партий. Особенно много недругов должно быть у Гитлера среди бывших деятелей партии католического центра.

б) *О русской пропаганде.* Я буду высказываться о ней совершенно откровенно, как вы это просите. Основным недостатком вашей пропаганды я считаю навязчивый призыв в плен. Это как раз то, чего немецкий офицер и солдат боятся больше всего. Даже те, кто склонен верить в хорошее обращение с пленными, добровольно в русский плен не пойдут². Главное, что страшит в русском плене, — разрыв почтовой связи с родными. Немецкий солдат недоволен, когда почта из

¹ Франц фон Папен был судим Международным военным трибуналом в Нюрнберге как военный преступник, но был оправдан.

² Весь опыт войны опровергает это утверждение (М. Б.)

дома задерживается на день-два. Он привык к регулярной переписке. Я знаю солдат, получающих из дома письма буквально каждый день в течение всего периода пребывания на фронте. Эти письма нумеруются и носят многосотенные номера. А вы предлагаете солдату добровольно перейти в состояние полной неизвестности о семье.

Те, кто находятся в русском плену, буквально изолированы от мира, о них ничего нельзя узнать, и они ничего не знают о своих. Возможно, что это вина германского правительства¹.

Поэтому, на мой взгляд, несмотря на множество ваших листовок, перебежчиков у вас было мало.

Я сам тоже именно по этой причине больше всего боялся быть пленным. Больше месяца я шел по лесу, голодал, посылал солдат грабить у крестьян продовольствие, переоделся в конце концов в крестьянскую рухлядь, пытался выдать себя за литовского крестьянина, и все это для того, чтобы попасть за линию фронта, не попасть в плен.

Думаю, что, если бы у вас была поставлена как следует служба учета и оповещения о пленных, ваша пропаганда оказалась бы значительно действенной.

Мне трудно ответить на ваш вопрос о том: будет ли призыв в плен результативен на территории Германии? Это надо продумать. Но мне кажется, для этого надо поставить сражающихся немецких солдат в известность о том, что лагеря военнопленных находятся на занятой вами германской территории и что списки этих пленных будут ежедневно сбрасываться с самолетов по всей стране. Если же солдат будет думать, что его увезут из Германии в Сибирь, то в плен он не пойдет. Вообще лучшее, что вы можете привезти с собой в Германию из пропагандистской литературы, — это списки пленных.

Второй недостаток ваших листовок в том, что они не датируются. Когда зимой вы наступали на Украине, то в одной листовке приводились одни цифры взятых пленных и причиненных немцам потерь, в другой — другие. Многие солдаты принимали это за противоречия и не верили поэтому обоим листовкам. На самом же деле речь шла о разных числах. Я могу сказать вам даже, что такая неаккуратность дезориентировала не в вашу пользу лично меня и моих солдат. Бредя по

¹ Да, германское правительство запрещало переписку пленных с родными в Германии. Но пленные писали письма-листочки, и они доходили до Германии и их родных (М. Б.).

лесу, мы нашли листовку, в которой говорилось о падении Витебска, Орши и Лепеля. Мы решили на этом основании, что Борисов вами не взят, и двинулись дальше. Ну, а когда мы уже форсировали Березину и стало ясно, что листовка эта устаревшая, то после преодоления такой преграды решили уж продолжать движение. Но не знаю, как обстояло бы дело, если мы нашли бы тогда листовку не о Витебске, а о Борисове и Минске.

Третье, что я позволю себе отметить, это примитив некоторых ваших листовок. На одной, например, изображались рисунки изможденного солдата в окопе и нацистского бонзы, сидящего в кресле с сигарой. Это слишком наивно.

Нет никакого сомнения, что ваша пропаганда дала этим летом свои плоды. Но здесь сказались не призывы в плен, а демонстрация той силы, о которой все время твердили ваши листовки. Они запугали солдата и сделали его недостаточно устойчивым в бою. В плен немецкие солдаты пошли не потому, что вы их туда звали, а потому, что ваша пропаганда лишила их веры в свои силы, в целесообразность сопротивления¹.

в) *О будущем Германии.* Я не верю в победу Германии. Больше того, считаю ее совершенно невозможной, абсолютно исключенной. Не верю ни в какие «V-2» или «V-3», ни в какие новые чудодейственные виды оружия. Не верю и в силу укреплений на границе Восточной Пруссии. Если некоторое время назад я еще допускал возможность компромиссного мира и считал поэтому нужным, чтобы фронт держался, то теперь для меня ясно, что предстоит не компромиссный мир, а диктат самых тяжелых условий мира. Будущее Германии рисуется мне поэтому в самом мрачном свете.

Германия как государство ликвидирована, конечно, не будет. Но ее обкорнают, сделают, вероятно, даже меньше той, какой она была до Гитлера. Армию ликвидируют, оставят лишь полицию из немцев. Будут держать в стране дорогостоящую оккупационную армию. Будут контролировать каждый шаг местной администрации. Вывезут из страны значительную часть людей на восстановление разрушенных городов России. Вывезут много ценностей, промышленного оборудования.

Мне трудно ответить на вопрос о том, справедливы ли бу-

¹ Этому активно помогала пропаганда за переход в советский плен не только для спасения жизни, но и в целях разрыва с преступной гитлеровской армией (М. Б.).

дут такие действия победителей. Справедливость — это такая философская категория, которую каждый расценивает по-своему. Мне кажется лишь, что то, что покажется сегодня победителям справедливым возмещением за причиненное Германией зло, может оказаться завтра неправильным с точки зрения более широкой. Вряд ли полезно будет русским или кому другому иметь в Европе 70 миллионов бедняков. Немецкий народ тоже ведь исстрадался в войне, он лишился своих основных городов. Люди мечтают о постройке хотя бы маленьких коттеджей и каком-то отдыхе после изнурительного многолетнего труда. Для победителей будет в конце концов невыгодно, если они лишат немецкий народ этих минимальных возможностей.

По заданию руководства готовлю обзор листовок, выпущенных в октябре 1944 года. Излагаю свои оценки и рекомендации.

Нужно отметить серьезное качественное улучшение октябрьских листовок сравнительно с изданными в предыдущие месяцы. В значительной степени достигнуто то, чего 7-й отдел ПУ фронта настойчиво требовал в прежних обзорах. Листовки стали теперь куда сдержаннее и убедительнее.

Но с перенесением войны на территорию Германии нужно изучать, что в наших аргументах и лозунгах надо сохранить и что обновить. В октябре — первом месяце войны на немецкой земле — новые моменты в пропаганде только начали намечаться, нащупываться. Те, что правильно найдены, надо использовать всем отделениям, а от ошибочных наметок этого месяца сразу отказываться.

О лозунгах пропаганды

Мысль о плене страшит теперь немецких солдат особенно. Попасть в плен, будучи вдали от родины, скверно, но быть увезенным в плен из самой Германии ужасно. С этим важным психологическим моментом нельзя не считаться, и нельзя теперь механически твердить: «Война проиграна, перебегайте!» Перебегать из Германии в Россию для немца никак не заманчиво. Аргументация для него должна быть обновлена. Надо рекомендовать:

а) указать, что плен является спасением жизни вне зависимости от того, на чьей земле ведется война. Убиваемому не легче от того, что его убивают в Германии. Смертоносное действие снарядов и пуль одинаково всюду;

б) указать, что пленные находятся на работе в пограничных с Германией районах СССР, а не в глубоком тылу. Печатайте письма из лагерей, находящихся сейчас на территории Прибалтики, Польши¹;

в) указать, что немецкое командование никогда не сможет установить, добровольно или недобровольно произошла сдача в плен, и она не может поэтому отразиться на семьях;

г) указать, что угроза расследования после войны обстоятельства пленения каждого пленного смешна и бессильна, ибо после войны не будет ни СС, ни гестапо, ни самого вермахта;

Наряду с этим обратить внимание на то, что ряд пленных указал на действительно известные им случаи репрессирования семей перебежчиков. Нами найден также среди штабных документов 1098 пп, 549 пп² секретный приказ, предлагающий предупредить солдат о подобных репрессиях. Поэтому следует прекратить поименование в листовках добровольно сдавшихся немецких солдат.

О борьбе с немецкой антисоветской пропагандой

Обследовавшая недавно работу по пропаганде среди войск противника на нашем фронте бригада 7-го отдела ГлавПУ РККА справедливо указала, что борьба с «пропагандой ужасов» ведется нами недостаточно. Этот пробел мы должны восполнить.

Фашистская клика ведет среди немцев клеветническую пропаганду, пытаясь запугать и вызвать ненависть их к Советской Армии.

Необходимо:

Разъяснить, для чего ведется нацистами «пропаганда ужасов» о Красной Армии.

На примерах определенных неселенных пунктов показывать, что разрушает их не Красная Армия, а военные действия, которые Гитлер затягивает, несмотря на проигрыш войны.

Объяснять, что никакие условия капитуляции не смогут принести Германии такого ущерба, какой причиняет ей ведение войны на ее территории. Десятки городов уже наполовину уничтожены бомбами. Надо ли довершить их разрушение еще и снарядами?!

¹ Именно такая рекомендация была дана политорганам Главным политическим управлением РККА (М. Б.).

² Пехотный полк.

Объяснять, что капитуляция Румынии, Болгарии и Финляндии спасла эти страны от разрушения. Указывать, чем и как оплачивают они свое поражение.

Указывать, что в распоряжении нацистов нет и не может быть ни одного примера, когда бы советские войска расстреляли население немецкого города или вывезли его в тундры, в сибирскую тайгу и т. д.

Объяснять, что Красной Армии чужда расовая или национальная ненависть, что она и к немцам не питает ненависти, как к таковым.

Подчеркивать, что гитлеровская клика будет отвечать за содеянное, но солдат мы к этой клике не причисляем, что слепо и думать, будто мы собираемся подвергнуть репрессиям миллионы людей, мобилизованных в армию.

Всемерно использовать высказывания пленных немецких генералов, призывающих офицерство и солдат прекратить сопротивление. Подчеркивать, что эти немецкие военачальники желают своему народу добра и не требовали бы капитуляции, если бы не были уверены в том, что приход Красной Армии не грозит немецкому народу и немецкому государству ничем из того, чем запугивает солдат клика Гитлера.

Боеспособность немецких солдат поддерживается, однако, и всякой другой пропагандой, питающей надежды солдат на возможность благополучного исхода войны. Главное место занимают здесь «новое оружие», настойчиво пускаемые слухи о разногласиях между союзниками и шумиха вокруг фольксштурма. Вера в победу у солдат потеряна, но многие еще связывают с этими моментами расчеты на возможность выхода из тупика.

Среди октябрьских листовок выпущена была, однако, только одна, направленная против надежд на новое оружие, и всего пять о фольксштурме. Нужно круто увеличить выпуск листовок по обоим этим темам.

Что касается вопроса о единстве союзников, то не следует полемизировать с нацистской прессой. Лучше просто систематически подчеркивать полную общность и согласованность действий СССР, Англии и США, широко популяризуя слова тов. Сталина о том, что разногласий между союзниками удивительно мало и они готовят объединенный стремительный натиск на жизненные центры Германии.

О ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Издано в этом месяце много хороших, впечатляющих и очень оперативных листовок. Отметим особенно: листовку 256 отделения тов. Винокурова, листовку 245 того же отделения, листовку 227 отделения тов. Шифрина, листовку 210 отделения тов. Шелехова.

Однако с некоторыми листовками произошла и серьезная неприятность. Изданные впрок перед наступлением 16 октября, они ошиблись в своих прогнозах.

Готовить листовки загодя, конечно, нужно, но пророчествовать в них больше не следует. Лучше освещать наши наступательные операции, их результаты. Пусть солдаты поймут, что самое страшное еще впереди, что основные силы Красной Армии еще только введены будут в действие в глубине Германии.

Чувство меры надо соблюдать также при обрисовке немецкой обороны. Надо говорить об этих операциях, ничего не скрывая, но при этом подчеркивать: а) что переход населенных пунктов из рук в руки является обычным и частым явлением во многих боях, б) что отвоевание на несколько дней населенного пункта не может изменить положения на широком пространстве восточнопрусского фронта, в) что никакая высота и никакой городок не возмещают затраченных здесь солдатских жизней и танков, г) что контратаки эти авантюристичны, преступны, ибо только обескровливают и без того обескровленный немецкий народ.

Надо призывать солдат отказываться идти в контратаки, помогать им осознавать себя силой, могущей противостоять приказам командования. Для этого нужно наращивать их возмущение поведением офицерства во время этих контратак. К сожалению, лишь одна листовка (222 отделения тов. Шелехова) рассказывает о поведении в бою комдива 561 генерала Дорн и ряда других офицеров, бежавших из боя. Но таких фактов в показаниях пленных накопилось немало. Солдатам известен еще летний приказ о необходимости беречь комсостав, известны и частные случаи, когда офицеры, используя этот приказ, покидают солдат в наиболее критическом для них положении. Нам надо широко использовать эти факты в пропаганде среди немецких частей...

* * *

Допрашивал переводчика отдела разведки и пропаганды штаба армейского корпуса.

Русский язык знает с детства, хотя был немецким подданным и проживал в Прибалтике. Затем, по его словам, изучил язык в гимназии Герлица, что явно не соответствует действительности, ибо русский язык в немецких гимназиях никогда не преподавался. На самом деле пленный значительно хуже знает бытовой язык, то есть как раз тот, который изучается в школах, а военной терминологией владеет хорошо. Лишь после настойчивых расспросов признал, что окончил краткосрочные курсы военных переводчиков при военной академии в Берлине. Интерес к русскому языку объясняет тем, что собирался работать торговым агентом в России, что не соответствует его последующей деятельности.

На самом деле пленный специально готовился в качестве переводчика-разведчика. Это видно из того, что переводчиком с русского языка работает в штабе корпуса еще до начала советско-германской войны — с 1940 года. В начале 1941 года, когда штаб корпуса переехал из Франции в Восточную Пруссию, занимался обучением штабных офицеров русскому языку. Что пленный специально предназначался для работы в разведывательном аппарате видно и из следующего противоречия в его показаниях: он утверждает, что выпущен был с курсов с плохой аттестацией, как недостаточно владеющий языком для самостоятельной работы; тем не менее он послан был переводчиком не в дивизионный или полковой штаб, а в корпусной — в отдел разведки и пропаганды.

Показания дает с видимой обстоятельностью, но на все вопросы дает уклончивые ответы. На прямые вопросы, относящиеся к его личной деятельности в отделе разведки, во всех случаях отвечает, что он был лишь «помощником переводчика», листовок не переводил, пленных не допрашивал, агентов не засылал и проч. Свою работу характеризует как кабинетную, исследовательскую.

Пленный жалуется на плохое обращение с ним в плену, не соответствующее-де приказу № 1470¹, и утверждает, что он является перебежчиком, приведшим с собой из леса 110 солдат. Однако справки об этом он при себе не имеет, объясняя это тем, что забыл попросить ее в штабе части, взявшей его в плен и производившей допрос.

¹ Это был не приказ, а директива Генерального штаба Красной Армии о дополнительных льготах для перебежчиков (М. Б.).

Данные об отделе «1-С» штаба корпуса. Этот отдел занимается разведкой и пропагандой в русских войсках. Начальнику подчинены были так наз. абвертруппен — специальные учреждения, готовившие и перебрасывавшие шпионов на советскую территорию. Во главе абвертруппен стояли капитаны, фамилии которых пленный, по его словам, не знает. Капитаны эти никогда не имели дела с аппаратом отдела, а приходили непосредственно к начальнику. Как и где готовились этими лицами шпионы, пленный, по его словам, не знает, так как работа эта была засекреченной и от сотрудников отдела. Пленный знает лишь, что шпионы готовились из русских военнопленных. Он видел однажды, как капитан, возглавлявший абвертруппен, вез к линии фронта на грузовой машине красноармейцев, вооруженных винтовками.

Сводки и донесения засланных шпионов поступали в отдел из штабов дивизий и абвертруппен на русском языке. Пленный переводил эти донесения на немецкий язык. Донесения эти содержали самые разнообразные сведения: передвижения войск и транспорта, месторасположение артиллерии и проч. Донесения эти поступали подписанными кличками шпионов, настоящие имена которых известны были только начальникам абвертруппен и отдела. Все эти данные изучались офицерами отдела, сопоставлялись с протоколами допросов пленных и перебежчиков.

Вторым видом разведки являлся радиоперехват, которым занимался специальный офицер, прибывший в штаб корпуса из Берлина. Он занимал отдельную избу, и о его деятельности пленный ничего не знает.

Третьим видом разведки являлся допрос пленных. Пленный утверждает, что в отдел поступали только протоколы допросов, производившихся в дивизионных штабах, что в штабе корпуса пленных не допрашивали. Лишь однажды, по его словам, ему пришлось переводить допрос одного пленного. После настойчивых расспросов пленный изменяет свое показание в том смысле, что в штабе корпуса допрашивались наиболее важные пленные, главным образом офицеры, но переводчиком при допросах служил другой, и потому-де он, пленный, ничего о методах допроса не знает.

Следующим предметом изучения в отделе «1-С» являлись письма из советского тыла и советская печать. Это и являлось, по словам пленного, главным содержанием его работы. Русские газеты считались в отделе секретными документами. Пленный просматривал все попадавшие в отдел газеты и до-

кладывал начальнику отдела о содержании каждого материала. Затем по указанию начальника он переводил интересовавшие его материалы. Он никогда не перепоручал заслушивать доклад о русской прессе другому штабному офицеру и расспрашивал мельчайшие подробности из содержания газет. Интересовали его подчас такие мелочи, которым пленный не придавал значения.

Пленный обязан был прочитывать и все поступавшие в отдел русские письма, докладывая начальнику отдела содержание. Никаких военных сообщений в этих письмах не было, все они представляли собой главным образом жалобы матерей и жен красноармейцев на тяжелое продовольственное положение в тылу. На письмах, которые особо ярко и резко описывали эти трудности, начальник делал пометки переводчику отдела: «Написать листовку» или «Включить в листовку». Некоторые письма пленный переводил полностью, и начальник их куда-то направлял.

Куда направлялись материалы из отдела и откуда они поступали в отдел, можно было догадываться лишь по содержанию бумаг, ибо сотрудники отдела, включая штабных офицеров, в канцелярию не входили и каждый занимался только тем, что ему непосредственно было поручено.

Данные о работе по пропаганде. Особого отделения по пропаганде в отделе не было. Она тесно связана была с добывавшимися отделом разведывательными данными, и занимался ею сам начальник отдела непосредственно. Так, он лично писал все листовки, издававшиеся отделом к русским войскам.

Материалом для листовок служили показания пленных и перебежчиков, письма из советского тыла и иные данные, которыми располагал отдел. В последний год по примеру русских писали листовки к определенным русским частям.

Переводил написанные листовки переводчик отдела. Пленный утверждает, что он лично переводил листовки на русский язык лишь дважды, когда переводчик был в командировке. Начальник доверял переводы листовок только переводчику, так как тот в совершенстве владел русским языком (он много лет до войны был лютеранским пастором в Прибалтике). Если выдержки из русских писем казались недостаточно резко характеризующими тяжелое положение солдатских семей, он самовольно изменял текст, вставлял целые фразы. Кроме того, он использовал эти письма для пропагандистской работы среди русских военнопленных, из которых

готовили шпионов. Он ездил к военнопленным проводить с ними занятия. Пленный полагает, что переводчик был единственным, кроме начальника, офицером отдела, который был в курсе подготовки шпионов.

При отделе был художник, который рисовал к листовкам иллюстрации. Рисунок утверждал начальник. После перевода и иллюстрации листовки она передавалась для печатания в штабную походную типографию. В этой типографии русских шрифтов не было, поэтому листовки не набирались, а фотографировались с текста, который передавали с пишущей машинки. Эта фотография и печаталась потом обычным типографским способом. Тираж листовок определялся в отделе, но не превышал обычно 10 тысяч. Начальник предпочитал печатать меньше тиражи, но больше листовок на разные темы.

Из типографии листовки поступали в канцелярию отдела, откуда и рассылались для распространения. Пленный заявил вначале, что средства распространения листовок ему не были известны. Потом он сообщил, что большая часть тиража передавалась для распространения летчикам самолетов штаба корпуса. Зоны распространения указывал летчикам переводчик. Остальной тираж распространялся через дивизии. Вначале пленный заявил, что листовки в дивизиях распространяла только пешая разведка, и начальник был недоволен этими ограниченными возможностями распространения. Потом при дальнейшем допросе выяснилось, что отдел заботился о снабжении дивизии боеприпасами для распространения листовок, и тогда пленный заявил, что забыл упомянуть о специальных агитснарядах, которые посылались на дивизионные склады для распространения листовок.

Директивы отдела «1-С» штаба 3-й танковой армии предлагали издавать меньше листовок в корпусах, а присылать проекты листовок для редакции и печатания в штаб армии, где были разнообразные русские шрифты и знатоки русского языка. Но отдел продолжал печатать листовки на месте, так как процедура с отсылкой их для печати в штаб армии привела бы к тому, что они быстро устаревали бы. Однажды переводчик написал проект очень хорошей листовки о том, что-де русские части обескровливаются в бесплодных попытках овладеть Витебском, и направил эту листовку вместе с проектом рисунка к ней в штаб армии для утверждения и печати. Когда листовка прибыла оттуда в напечатанном виде, то работники отдела были очень недовольны тем, что почти весь текст и рисунок оказались резко измененными. Переводчик

заявил тогда, что «армия не доверяет нам печатать ответственные тексты, а сама портит их».

Кроме листовок, печатавшихся на месте и присылавшихся из штаба армии, отдел занимался также распространением через дивизии власовских газет «Новый путь», «Доброволец», «Колокол» и газеты на украинском языке. Отдел получал их из роты пропаганды.

Печатная пропаганда была единственной, которую вел отдел. Устная пропаганда считалась второстепенной. Звукостанциями отдел не располагал. Они находились при штабе армии и направлялись прямо в дивизии по усмотрению отдела «1-С» штаба армии. Пленному известно, что штабы дивизий часто сообщали штабу корпуса о том, что-де русские ведут усиленную устную пропаганду на их участках, и требовали присылать к ним звукостанции для контрпропаганды. Однако отдел мог только передавать их заявки штабу армии.

Пропаганда в войсках противника была делом только разведывательных органов, и, по словам пленного, никакие другие военные учреждения в нее не вмешиваются. Пленный утверждает, что никакой связи с офицером по национал-социалистскому руководству отдел не имел. Институт этих офицеров введен в армии лишь в нынешнем году. При штабе корпуса. Этот офицер проживал совершенно отдельно от отдела, никогда не бывал в нем. Занимался он, насколько пленному известно, только распространением газет и брошюр в немецких войсках.

Деятельностью отдела «1-С» корпуса по изданию листовок никто не руководил. Издавались листовки от лица командования немецкой армии, но никто из представителей командования их никогда не утверждал.

Об оценке русских листовок. По директиве отдела «1-С» штаба 3-й танковой армии, все попадавшие в немецкие штабы изданные для немецких войск листовки на немецком языке делились на три группы:

а) листовки от лица Национального комитета «Свободная Германия». Они считались самыми опасными, наиболее вредными. Проходили в штабе корпуса как особо секретные документы. Их сожжение активировалось;

б) листовки, содержащие приказ Сталина или какие-либо ссылки на Сталина, подтверждающие сохранение жизни немецким солдатам в русском плену. Сожжение этих листовок не активировалось, но проходили они так же, как и совершенно секретные документы;

в) все остальные листовки, которые отдел мог уничтожать лишь частично, передавая другие экземпляры для контрпропагандистской работы.

По три экземпляра листовок всех видов посылались в отдел «1-С» штаба армии.

О действенности русских листовок пленный, по его словам, ничего не может сказать, так как отдел занимался разведкой в войсках противника и не был в курсе настроений в германских частях.

Между тем в это время наши листовки были наиболее действенными. Привожу одну из них.

ВАС БРОСЯТ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ

Солдаты! Советскими войсками захвачено много штабных документов 549-й гренадерской дивизии. Среди них обнаружена секретная директива за № 72/44 от 9.10.44 о поведении офицерства во время летнего русского наступления. В ней говорится:

«Во многих офицерских кругах велась изнеженная жизнь, царили роскошь и лень. Такое поведение не рождает подвигов... Офицеры часто первыми усаживались в легковые машины, чтобы двинуться назад. Раненых бросали на произвол судьбы, зато везли с собой женщин. Войска, раздробленные и оставшиеся без руководства, теряли свою боеспособность и обращались в бегство. Даже генералам и штабным офицерам обстановка была часто совсем неизвестна».

Неверно, что отступление гитлеровской армии зависело от поведения ее генералов и офицеров. Они потому и бежали, что армия отступала. Не из-за поведения немецкого офицерства совершили русские в полтора месяца 500-километровый скачок от Витебска до германской границы. Не из-за поведения немецкого офицерства громят сейчас русские немецкую армию в Венгрии и подошли к Будапешту. Не из-за поведения немецкого офицерства вторглись сейчас союзные армии в Рейнланд и Саар. Причина немецких поражений на всех фронтах в том, что русские, английские и американские армии вдесятеро сильнее немецкой и не отступать она просто не может. Но этот документ признает, в каких руках судьба немецких солдат... Они страдали в окопах, а многие офицеры вели скрытую от солдатского глаза изнеженную и слишком удобную жизнь. Даже с женщинами, которых везли за собой. Солдатам они кричали «Держаться до последнего!», а сами при опасности бежали, бросая солдат и спасая любовниц.

Все это многие солдаты наблюдали в собственных частях и во время октябрьского наступления русских. При подлинной опасности в последний момент многие офицеры скрывались...

Когда русские наступали 17 октября, командир 561 пд генерал-майор Дорн с револьвером в руках останавливал бегущих солдат. А как только неподалеку от него разорвался снаряд, он бросился в машину, и та сейчас же дала полный газ. В тот же день на участке 974 пп 367 пд командир 2-го батальона капитан Целинский после прорыва русских сейчас же удрал в тыл на машине, оставив солдат без руководства. 6-я и 7-я роты были окружены, только 80 человек сумело спастись, сдавшись в плен, остальных перебили, и все это происходило уже без командира... То же самое произошло на участке 1097-го полка 549 пд, где командиры рот в отчаянном страхе сразу бежали, не указав даже, кому оставляют командование. Бежал, кстати, и командир 4-й роты, который за час до того угрожал перестрелять всех солдат, которые укроются во время боя в блиндаж.

Офицеры сами вовсе не держатся до последнего. Большинство из них прекрасно понимают, что такая гибель была бы нелепейшей, потому что финала войны этим никак не изменишь. Командиры гонят вас в бой только из-за ложного понимания офицерских обязанностей и потому, что боятся своих вышестоящих начальников. Но сами они стремятся сохранить свои головы. Недаром так высоко количество сдавшихся в плен генералов и офицеров.

Не погибайте же и вы попусту, солдаты! Если вашим полководцам можно сдаваться, так вам это нужно сделать подавно. Иначе в последний момент вы будете ими покинуты...

* * *

НА ГРАНИЦЕ¹

В течение последних дней во всех немецких дивизиях и прибывших на фронт маршевых частях зачитывался приказ Гитлера о «децимировании». По этому приказу расстреливается каждый десятый солдат любой части, отступившей хотя бы на сто метров без прямого приказа вышестоящего начальника. Безоговорочно и без суда расстреливается коман-

¹ Текст статьи, написанной автором в те дни для фронтовой газеты.

дир отступившей части, независимо от его звания и заслуг.

Всем солдатам на западном берегу Немана розданы листовки «Или — или» и «Теперь или никогда». Последняя написана лично Геббельсом и утверждена Гитлером. Так, во всяком случае, сказано солдатам. В листовке говорится, что у границ Восточной Пруссии решается сегодня судьба Германии и каждый солдат, который заколеблется и проявит малодушие, будет расцениваться как отступник и предатель.

Целая команда непосредственных сотрудников Геббельса по министерству пропаганды и уполномоченных Шернера — генерала, ведающего в гитлеровской ставке национал-социалистским руководством в армии, прибыла на фронт, чтобы непосредственно повести пропаганду в частях. Фронтные газеты пестрят паническими шапками вроде: «Ты решаешь судьбу страны», «Глаза народа сосредоточены на тебе», «Решающий час», «Этого требует Германия», «Выстоять!»...

Солдатам внушается, что внутри Германии формируются и в большинстве уже подходят к фронту огромные танковые и пехотные силы и надо выстоять до прихода этих сил, которые наверняка не пустят Красную Армию в Восточную Пруссию. Вот один из последних приказов Моделя, захваченный среди других документов разбитого полка прибывшей из Норвегии 196-й пехотной дивизии:

«Солдаты центральной группы армий!

Сегодня я принял участие в совещании у фюрера. Фюрер выразил удовлетворение последними успешными оборонительными боями группы армий. В ближайшем будущем эти бои достигнут своего кульминационного пункта. Поэтому фюрер требует от всех нас, невзирая ни на что, удерживать позиции до прибытия крупных подкреплений живой силой и техникой.

Хайль Фюреру!

*МОДЕЛЬ,
генерал-фельдмаршал и главнокомандующий
центральной группой армий».*

Силы, собранные немцами на границе, действительно велики. Перед позициями генерала Черняховского сосредоточена масса войск всех видов оружия. Здесь собрано лучшее, что еще есть в германской армии.

Вот, например, танковая дивизия «Великая Германия», прибывшая на днях из Румынии. Она так оснащена, что на ее переезд потребовались 110 эшелонов из 4500 вагонов в 10 тыс. осей. Все ее танки — это «тигры» и «пантеры». В ее артил-

лерийском полку больше орудий, чем положено даже по штату. В ней специальный дивизион самоходных орудий, отдельный дивизион шестиствольных минометов. Она прибыла пополненной людьми до полного штатного состава.

Кроме таких оснащенных дивизий здесь множество спецполков, кампфгруппен и особых батальонов. Эти силы прибывают почти ежедневно. В полном составе оказалась здесь перед нами 196 пд, дислоцировавшаяся еще совсем недавно в Норвегии. Для защиты Восточной Пруссии Гитлер не останавливается и перед тем, чтобы обнажать западный фронт. Он перебросил сюда оттуда 2-ю авиадесантную дивизию, находившуюся прежде в Нормандии, а теперь быстро пополненную, но противопоставленную уже нам, а не союзникам. Он оголяет для восточнопруссского фронта даже гарнизоны городов центральной Германии, составляя из них сводные боевые группы и батальоны. А действия всех этих частей прикрываются сзади такими эсэсовскими соединениями, как «Великая Германия» и «Тотенкопф», расстреливающими в спины из пулеметов целые подразделения, пытающиеся бежать от огня...

Удивителен и страшен этот девиз, под которым собрана тут вся эта масса солдат, — умереть здесь. Да, умереть — это прямое требование каждого вышестоящего начальника к нижестоящему и офицера — к солдату. Никаких надежд не вселяется. Наоборот. Пленные лейтенант и унтер-офицер из разных частей одинаково показали, что начальство не считает нужным рассеивать у солдат чувство обреченности, а хочет, чтобы они свыклись с ним.

Мы говорили с перебежавшими на нашу сторону солдатами 3-й роты 432-го полка 131-й пехотной дивизии. Их было 19 человек. Разговор велся групповой, коллективный. Один дополнял другого. Тут трудно было сказать что-то не то. И вот все эти люди показали, что офицеры, по их собственному почину, говорили солдатам: «Нам всем суждено погибнуть здесь, но не рассчитывайте даже на однодневный отдых», «Если в отделении все перебиты, а ты единственный жив — ты не будешь жив», «Родина прислала нас сюда не уцелеть для нее, а умереть за нее».

2-й батальон «сводной боевой группы» сформирован был из солдат гарнизонов разных восточнопруссских городков буквально за одни сутки. Ему не успели даже присвоить номера полевой почты. Солдаты осмелились обратиться к ротному командиру с вопросом, какой же обратный адрес указать им в письмах домой. «Не знаю, — ответил он им, — это не име-

ет значения. Напишите им, что вам будет теперь не до писем».

В дивизионный штаб вели группу пленных. Я подошел к ним, они оказались из «боевой группы Кнебеля». Я заглянул в данный мне лишь на днях список противостоящих частей, там такой не было. Новые формирования прибывают теперь ежедневно и обнаруживаются вот так, после боев, когда спрашиваешь пленных, откуда они. Я стал расспрашивать, как они взяты. Солдаты оказались прямо из боя и сами не могли объяснить себе, каким путем уцелели. Полковник Кнебель с пистолетом в руках бегал за каждым дрогнувшим солдатом и стрелял ему в спину. Его адъютант бегал за ним и подавал свежие магазины для пистолета... «Мы не знаем, как это произошло, что мы живы». На их глазах ротный командир пристрелил накануне солдата, заползшего в блиндаж от огня. «Умереть страшно, — говорит один из пленных, — и оставаться живым тоже страшно». Другой пленный объясняет, что ротный не мог не пристрелить солдата, так как его обязывал к этому точный приказ...

Подступы к Восточной Пруссии — колыбели германского милитаризма — он собирается защищать массивированным собранием сил, заклинаниями и беспощадностью расправ «с малодушными». Поэтому бои на границе войскам нашего фронта предстоят, конечно, кровавые. Но и в этой корреспонденции мы говорили только о силах, собранных немцами. У наступающих войск их, естественно, больше... И, не предрекая дат, мы рассчитываем, что следующую нашу корреспонденцию будем писать уже откуда-нибудь из логова зверя.

* * *

Подготовил тексты трех контрпропагандистских листовок

ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ!

Германию покинули все ее союзники. Война идет на германской территории. Германия в тисках. Они ежедневно сжимаются. Война проиграна бесповоротно. Но вы продолжаете воевать, погибать... Зачем, почему? Причина ясна: вам наговорили столько ужасов о ваших противниках, так оглупили статьями, приказами, радиокриками, что вы поддались заклинаниям, страхам, лишились способности здраво понимать, рассуждать.

Да, мы, русские, поражаемся вам. Как можете вы до сих

пор верить той галиматье, тому вздору, которые вам внушили о нас?! Неужели не приходит вам в голову, что вся чепуха, которая сейчас ночью и днем, утром и вечером говорится о русских, плод растерянности преступных людей, мечущихся в попытке отдалить час собственной гибели и приближающих вашу!

«Дер политише Зольдат» в сотый раз уверяет, что победители свезут немцев в Сибирь. Рейнгард в приказе от 13 октября повторяет, что русские сначала ограбят, а потом сожгут все дома. Кох¹ в исторической радиоречи 18 октября кричит, что русские будут обходить дом за домом и всех подряд убивать. Геббельс уже которую пятницу закликает вас участью ваших потомков — «будут закрепощены целые поколения немцев». Газета «Фронт унд Хеймат» придумывает какого-то «большевистского генерал-лейтенанта Крюченкина», который приказал-де своим солдатам «овладеть для нашего войска добычей — белокурыми немецкими женщинами». А «Мемельская газета» расписывает, как немцев будут кастрировать.

Боже, сколько еще можно о том же! Вас же ведь, офицеры и солдаты, считают за баранов, за идиотов!

Ну, раскиньте мозгами. Зачем перетранспортировать нам немецких мужчин на Урал и Сибирь? Чтобы они производили там станки и машины? Но разве мы сами с этим плохо справляемся? Разве требовались нам немецкие руки, чтобы производить самолеты, танки и пушки, с помощью которых мы победили вас?!

А зачем нам сжигать ваши дома, города? Нет, мы заинтересованы в их сохранении. Ведь мы собираемся получать с Германии за наш ущерб контрибуцию.

Эта контрибуция будет извлекаться, вернее всего, за счет поставок продукции. Для чего же станем мы убивать тех, кто эту продукцию вырабатывает и будет продолжать вырабатывать!

В пропаганде, которой вас оглупили, концы с концами не связаны. С одной стороны, кастрация, с другой — «план эксплуатации целых рядов поколений». Но разве кастрирование могут давать поколения!.. С одной стороны, работа в Сибири, с другой — поголовное убийство мужчин. Но разве убитые могут работать!.. Как это все неумно, как пошло, как дико!

У нас достаточно своей рабочей силы, своих женщин и

¹ Один из видных фашистских заправил, гаулейтер Восточной Пруссии.

своего мыла, о выработке которого из человеческого жира мог додуматься только извращенный ум урода, заправляющего всей этой бесстыдной пропагандой. И пусть эта пропаганда изображает нашу армию — лучшую армию современности, покончившую с армией Гитлера, — «азиатской ордой», «ордой Атиллы», «ордой Чингисхана», вы-то, солдаты, должны бы по опыту осознавать, что это армия интеллекта, конструктивной мысли, техники и, что важнее всего, интернационалистской идеи, не допускающей угнетения ни одного из народов, в том числе и немецкого.

Сбросьте с глаз пелену!

Не победители уничтожат ваши села и города, а бомбы, снаряды и уличные бои их разрушат. Не солдаты противника покусятся на ваших жен и сестер, а развалины домов погребут их под собой. Вот в чем правда! Вот что вам надо понять!

Понять и сдаваться. Тогда не в Сибирь, а, наоборот, в Германию вас после войны вернут.

КАРУСЕЛЬ

Солдаты группы «Центр»! Знаете ли вы, что первым командующим вашей группировки был генерал-фельдмаршал фон Бок? Где он сейчас? Участвовал в заговоре против Гитлера, намечался в состав нового правительства, и... судьба его неизвестна.

Знаете ли вы, что вторым командующим группой «Миттэ» был генерал-полковник Хеппнер, наступавший в 1941 году на Москву. Он *повешен* за участие в заговоре против Гитлера.

Следующим командующим был Гюнтер фон Клюге — известный вам генерал-фельдмаршал. Он руководил группировкой с 1942-го по лето 1944 года. Где он? По одним сведениям — покончил с собой, по другим — *умер* в ставке Гитлера от разрыва сердца.

Его сменил генерал-фельдмаршал Буш. Где этот? Будучи арестован по приказу Гитлера, *он покончил с собой*.

К руководству группировкой пришел генерал-фельдмаршал Модель. Этот пока еще жив, но с восточного фронта уже переброшен.

Чем объясняется, солдаты, эта карусель? Не думайте, что в судьбе командующих именно вашей группировкой лежит что-то роковое. Нет, судьба командующих другими фронтами такая же. Вицлебен *повешен*, Штюльпнагель *расстрелян*.

Эта судьба всех мыслящих германских полководцев, крупнейших генералов, которых имела Германия.

Почему они кончили пулей или веревкой? Потому, что поняли безнадежность и преступность дальнейшего продолжения войны. Потому, что хотели устранить Гитлера, который воюет уже лишь для того, чтобы отсрочить час своей личной гибели, и закончить войну, спасая от Германии то, что еще остается.

Генералы знают, что дело Гитлера проиграно. Одни сдаются в плен (с начала летнего русского наступления их сдалось 45), другие устраивают против Гитлера заговоры (командующие фронтами и группировками). Вам, солдаты, путь командующих трудеи — вы в гитлеровскую ставку не вхожи. Но путь первых, путь в плен, пока еще доступен, открыт. Это наилучший выход из положения, указываемый вам вашими же генералами.

ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Директива Генштаба Красной Армии от 11.6.43 г. № 1470 устанавливает для добровольно сдающихся немецких офицеров и солдат ряд существенных преимуществ. Среди них «быстрая отправка в Германию или по желанию военнопленного в другую страну сейчас же по окончании войны».

Но почему из общей массы военнопленных в первую очередь и особо быстро будут отправлены на родину добровольно сдавшиеся?

Фактом добровольной сдачи в плен они показали, что являются противниками войны, порывают с гитлеровским режимом, его захватнической политикой, с милитаризмом. Такие люди сразу нужны будут в новой, независимой и демократической Германии. Советский Союз заинтересован в том, чтобы эти люди скорее возвратились на родину. Именно они призваны будут быстрее изживать порожденные гитлеризмом нацистские и милитаристские настроения, именно ими будет налаживаться, организовываться, строиться новая жизнь.

Осуществить быстрейшую отставку добровольно сдавшихся будет легко потому, что эта часть пленных живет в особых лагерях и, следовательно, времени на их отбор не требуется. Обитатели этих лагерей будут организованно посажены на первые же поезда, которые двинутся после войны из России в Германию.

ОСТВАЛЬ¹

...Перед войсками генерала Черняховского — плотная лента новосформированных германских «заградительных народно-гренадерских» дивизий. Эти три прилагательных должны подчеркнуть, что дивизии призваны преграждать Красной Армии путь в Восточную Пруссию и представляют собой, так сказать, вооруженный народ.

Вооружение дивизий впрямь прекрасное, новое, выпуск 1944 года. Огневая оборона немцев сейчас даже куда сильней той, что встретила нас летом под Оршей и Витебском. Нет пехотного полка без нескольких рот артиллерии ближнего боя. В руках многих солдат реактивное противотанковое ружье «офенрор». А сумма залпа тяжелых минометов почти вдвое мощней суммы залпа июньского.

Что касается самих укрепленных рубежей, преодолеваемых войсками нашего фронта, то представление о них может дать выдержка из «Панцерфауста» № 475 — немецкой военной газеты, найденной в одном из блиндажей после боя:

«Уже к середине августа общая длина всех траншей и противотанковых рвов была такова, что ее можно бы протянуть от Восточной Пруссии до Тихого океана. Тут были вынуты миллионы кубометров земли. «Мы копали до тех пор,— заявил ответственный за строительство восточного вала Эрих Кох,— пока не убедились в том, что последний большевистский танк не запутается в тенетах нашего восточного вала».

Автор этой корреспонденции некий Курт Пауль подробно описывает размах и масштабы работ:

«Начальникам участков на строительстве восточного вала запрещено было докладывать о каких-либо трудностях... В Восточной Пруссии не было ни одного мужчины или подростка, который не строил бы вал... В кенигсбергских ресторанах посетители сами получают блюда на кухне, так как обслуживающий персонал — на строительстве вала. В витринах большинства магазинов вывешены объявления о прекращении торговли в связи со строительством вала... Когда настанет час вторжения, можно будет головой поручиться за то, что большевики в тенетах восточного вала действительно безнадежно застрянут».

¹ Из статьи, написанной автором в те дни для фронтовой газеты.

Пророчество Коха оказалось подобным всем прочим нацистским пророчествам, но в описании размаха работ преувеличений не содержалось. Когда самолет «У-2» вашего корреспондента приземлился на восточнопрусской земле, я взял у артиллерийского офицера бинокль, позволяющий обозревать километры, и убедился, что преодоленные нашими войсками прокопы-овраги и земляные хребты тянутся по всему полю зрения. А впереди простирались новые полосы рвов, черные извилистые ленты траншей, угадываемые под прикрытой поверхностью впадины и островки внешне не тронутых, скрывавших безвестность равнинок. И как густо это все пересыпано невидимыми даже при напряжении дотами, сколько здесь минных полей! Мимо меня прошел на обед взвод саперов, только что разминировавший одно такое восьмисотметровое поле. Вот как густа закладка мин на этой сплошь полной ловушек земле!

Но и вооружения, и рвов, и мин, и дивизий — всего этого гитлеровцам для Восточной Пруссии мало. Ведь все виды оружия — кроме, может быть, такого количества реактивных противотанковых ружей — были и у Сталинграда, и у Орла, и на центральном участке... Превосходства русского огня и упорства они все же не выдержали... Не выдержал человеческий материал — солдатня... Поэтому в Восточной Пруссии он подвергся такой обработке, какая беспрецедентна была даже для гитлеровцев, даже в истории войн вообще.

Незадолго до начала нашего наступления, в г. Торн были собраны представители офицерства всех находившихся в Восточной Пруссии полков. На сборе присутствовало 2,5 тысячи офицеров. Они выслушали большую речь Гимmlера. Об этой речи у нас есть показания нескольких офицеров из разных частей. Так как речь была инструктивной, то многие слушатели записывали ее указание, и при двух пленных оказались блокноты, позволившие сверить их показания с записями. Получилась картина столь же ясная, сколько и страшная. Никогда еще ни в одной армии не давалось таких установок, и они должны стать широко известны общественности. Вот что Гимmlер рассказал и потребовал, подчеркнув, что каждое слово его согласовано с фюрером.

Для защиты Восточной Пруссии сформировано 50 новых заградительно-гренадерских дивизий. Сражаться они должны до последнего человека. Ни один солдат не имеет права сдать в плен даже в том случае, если он будет окружен десятью русскими. Слово «плен» исключается. Исключается призна-

ние какого бы то ни было безнадежного положения, при котором сдаются врагу. Исключается и положение, при котором бросают оружие. Оно может выпасть из руки раненого только вместе с самой рукой или при потере сознания. Всякий, кто во время атаки врага будет встречен за артиллерийской позицией, тут же расстреливается. Всякий, кто побежит с поля боя, должен быть сейчас же застрелен любым человеком. Офицер, который не застрелит бегущих солдат, расстреливается сам. Бегущий офицер застреливается любым солдатом. Семьи тех, кто окажутся пленными на восточнопрусской земле, навсегда репрессируются. Тут не будет пощады ни для малого, ни для преклонного возраста, а обстоятельства пленения не станут рассматриваться...

Все эти меры, по словам Гимmlера, безусловно, помогут Германии продержаться до тех пор, пока не введено будет в действие новое оружие, которое изменит весь ход войны, а между союзниками не произойдут раскол и разрыв. Такой раскол — не пустая надежда, а основанный на серьезных данных расчет.

Эти установки доведены были затем до каждого солдата, и ими объясняется то остервенелое упорство противника, с которым столкнулись сейчас наши войска. Поведение немцев даже в самой тяжелой для них обстановке мало напоминает летний белорусский период, когда окруженные, разобщенные осколки частей большими и малыми группами складывали перед нами оружие. Теперь каждый солдат терроризирован и дерется с отчаянием смертника. И лишь в самую последнюю минуту, когда инстинкт жизни берет верх над приказом расстаться с ней, смертники стреляют друг в друга...

Вот два драматических эпизода этой недели.

Пулеметчик из 280-го полка продолжает стрельбу до тех пор, пока красноармейцы не находятся от него уже в 20 — 25 метрах. Тогда он взваливает на себя пулемет и бежит. Какой-то капитан, размахивая пистолетом, истерически кричит ему: «Стой! Назад! Стреляй, пока нас не убьют!» Тот продолжает бежать. Капитан делает выстрел, но не попадает в бегущего. Тогда бегущий выхватывает у капитана его пистолет и в упор разряжает его офицеру в лицо. Подоспевшие красноармейцы схватывают пулеметчика, и на их глазах еще дергается труп капитана...

Командир взвода лейтенант Будвиг стреляет в своих бегущих солдат. Среди них — фельдфебель. Он подбегает к сво-

ему командиру и всаживает ему из автомата пулю в живот...

В траншеях немцы поднимают сейчас руки уже только тогда, когда русский автомат у груди. Траншейные бои на всех линиях изобилуют рукопашными схватками, в то время как в Белоруссии сплошь и рядом бывало, что, овладев первой линией, красноармейцы уже не заставляли немецких солдат во второй...

Для характеристики жесточенности боев показательно, как велись они в Ширвиндте. В центре и в западной части города мы не видели ни одного уцелевшего дома. Все они превращены были в доты и за каждый шел бой. Пулеметы стреляли не только вдоль улиц, но из дворов во дворы на другой стороне. А когда тот или иной пулемет был подавлен, из подвала начинали строчить автоматчики... Расположиться для допроса пленных так, чтобы руки не замерзали при записи их показаний, мы смогли лишь в приречной части города, у реки, где дома деревянные и потому не годились под доты. А все пленные, которых к нам приводили, дрались в уличных схватках. Двое были даже в изодранной верхней одежде, и я подивился выдержке наших солдат...

Естественно, что наши войска и сами несут сейчас немало потерь. Но когда вокруг котла ротной кухни в приречье мертвого города Ширвиндта собралось к вечеру меньше бойцов, чем наварено было порций в котле, я не чувствовал той хватающей за душу невыразимой тоски, что лежала в глазах у людей, ужинавших после боев на Смоленщине... Теперь боль одолевалась сознанием, что и кухня уж въехала в логово фашистского зверя...

* * *

Опрашивал 22.10.44 г. военнопленных из 561-й пех. дивизии — жителей Восточной Пруссии.

О п р о ш е н ы: Герман Э. На Восточном фронте — с января 42 года. После длительного пребывания на родине после ранения направлен был в октябре с. г. в 561 пд. Эрих Ф. На восточном фронте с начала войны (в обозных частях). После длительного пребывания на родине, связанного с заболеванием, направлен в октябре с. г. в 561 пд. Альфред Э. На восточном фронте с начала войны. В 561 пд — с августа с. г., унтер-офицер.

а) О положении в Восточной Пруссии

Альфред Э. Еще в августе, когда я находился в районе Вилковишки, все гражданское население в 20-километровой полосе от границы было эвакуировано в глубь Восточной Пруссии. Но сразу за этой запретной зоной была совершенно нормальная жизнь. В Эйдкуннене не было ни одного человека, а в Эбенродэ все жители оставались на местах. В сентябре, хотя фронт считался стабилизированным, положение изменилось — началась массовая эвакуация женщин и детей из зоны примерно в 50 км от границы. Объясняли это бомбардировками. Вывозили опять-таки только в глубь Восточной Пруссии, но не в центр страны. Так, в полученном мною на днях письме из дома родные писали мне, что наша деревня (а она в 150 км от границы) переполнена эвакуированными из Тильзита и Мемеля, также обстоит дело в соседних деревнях. Эта эвакуация проводилась с большой спешкой, люди успевали брать с собой лишь самое необходимое. Так, хлеб, который к тому времени был уже в основном убран, но не обмолочен, оставался в закромах. На скорую руку — за пару часов до отъезда — люди намолачивали себе лишь по мешку-двум зерна.

Герман Э. Моя деревня — в 30 км от границы. Выехал я из нее в начале этого месяца. Все мужское население копало еще противотанковые рвы и траншеи. Все оставались на своих местах. Наоборот, в соседней — в 8 км от моей — все население эвакуировалось. Я был в этой деревне. Все в ней кажется странным: все дома целы, в домах все в прежнем порядке, в хлевах — скот, во дворах полные меда ульи, а хозяев нет, деревня мертва.

Мне кажется поэтому, что никакого единого и относящегося ко всем приказа об обязательной эвакуации из 50-километровой полосы нет. Кто выезжает, а кто — нет.

Хлеб убран повсеместно. Картофель тоже весь выкопан. Но обмолочено мало.

В моей деревне к эвакуации жителей соседней отнеслись двойко. Одних она очень взволновала, они говорили, что надо сейчас же выезжать всем. Другие заявляли, что они не тронутся, пока не будет прямого приказа властей. В моей собственной семье вопрос об эвакуации вызвал горячий спор. Жена с детьми хотела выезжать немедленно, а старики упорствовали, уверяли, что русские никогда не будут допу-

щены в страну и незачем бросать хозяйство. Большинство крестьян моей деревни говорили, что, если русские придут, все они уйдут, все бросят, но уйдут во что бы то ни стало. Если кто неуверенно говорил, что, может быть, русские уже не так страшны и не стоит все бросать, идя неведомо куда на голодную смерть, то на него набрасывались. Я думаю, что, если русские придут в мою деревню, они там не найдут ни одного жителя.

Один крестьянин говорил, что он взял бы к себе на постой сколько угодно русских, если был бы уверен, что они его не убьют и оставят нетронутым его жилье. На него накинулись другие: «Неужели ты можешь даже думать о том, что русские кого-нибудь пощадят?!»

В деревне, может быть, и есть такие, которые не верят в то, что русские все и всех уничтожают, но широко распространяться об этом они боятся.

Будут ли крестьяне сжигать свои дома и резать скот? Не думаю, даже уверен, что не будут. На эту тему у нас был разговор. Говорили, что вот-де, когда русские отступали в глубь своей страны, они все сжигали, чтобы немецким войскам негде было жить и нечем было питаться, и что, может быть, так же заставят сделать и немецких крестьян. Об этом говорилось с ужасом. «Куда же мы тогда вернемся?» Но большинство считало, что никаких приказов о поджогах не будет, что Гитлер на это не пойдет. Но если такие приказы будут, я думаю, что крестьяне сами ни за что не будут их выполнять. Моя родственница, у которой крупное хозяйство, сказала мне так: «Если русские действительно собираются отдать нас Польше и надежды на выигрыш войны не останется, то я подожгу все собственными руками. Но я, наверное, сделаю это одна, ибо все другие будут все-таки без толку надеяться, что они когда-нибудь вернутся в свои дома».

Эрих Ф. Насколько я знаю, дело обстоит так: никакого приказа о поджогах нет. Наоборот, при эвакуации все оставляется на месте. Я лично слышал от ортсбауэрфюрера¹, что если будет приказ о всеобщей эвакуации, то не надо печалиться о том, что оставляется все имущество, ибо через некоторое время население возвратится. Ортсбауэрфюрер говорил, что будто бы Эрих Кох сказал следующее: если не будет надежды на то, что армия сможет отстоять какой-нибудь населенный пункт, то отстаивать его будут сами мужчины из этого пункта; а если дается приказ на эвакуацию

¹ Нацистский руководитель села.

мужского населения, то это значит, что армия или отстоит его или, по крайней мере, отобьет у врага назад.

При эвакуации можно грузить один воз на семью. Если у крестьянина несколько лошадей, то остальные он обязан предоставить тем эвакуирующимся, которые их не имеют. Скот брать с собой не разрешается. Правда, в Эбендродэ — в 40 км от границы — я видел из окна поезда, который вез нас на фронт, много тянувшихся на запад повозок, к которым привязаны были коровы. Но это исключение. В основном скот оставляется на месте.

Среди солдат разговоров о поджогах или уничтожении на нашей территории тоже не было, ибо рассчитывали держать фронт. Когда 15 октября разнесся слух о предстоящем русском наступлении (это было в день нашего прибытия на фронт), кто-то сказал, что если русские прорвутся на германскую территорию, то надо будет поступить по их примеру: все жечь и начать партизанить. Но солдаты над этим посмеялись. «У русских, — говорили они, — леса и необъятная территория; кроме того, у них тогда еще только начинали создаваться армии, а у нас они уже выдохлись». Солдаты говорили, что у нас партизанская война невозможна и лучше удержать границу, чем делать ставку на такую войну.

б) О возможностях обороны

Герман З. Для того чтобы долго обороняться, нужны прежде всего люди. Их-то я и не вижу у нас. 3 октября я получил предписание прервать предоставленный мне после ранения отпуск и направиться в казарму в Инстербург. Я думал застать здесь какие-то крупные, подготовленные к отправки формирования. У нас говорилось, что в Кенигсберге и Инстербурге — масса войск, что здесь сосредоточены крупные силы, которые по частям ежедневно направляются на фронт. Но то, что я увидел, было почти ничем («фаст гар нихьтс»).

Я поступил в гренадерскую казарму № 1. Здесь находилось человек 50 солдат. По несколько из них ежедневно приходили из лазаретов и отпусков и по несколько же ежедневно отправлялись на фронт. Кроме бывших больных и раненых, в этой казарме никого не было. Когда нас, группу в 17 человек, отправили 14 октября на фронт, в казарме оставалось не больше тех 45—50 человек, которые были и при моем поступлении.

Кроме нашей казармы я знаю в городе еще 11 казарм. Каждая из них — на 50—60 человек. В одной — обучаю-

щиеся, в другой — саперы и т. д. Всего в городе не больше 500—600 военных.

Среди солдат в казарме были разговоры о том, что формируются дивизии по территориальному признаку, что каждый уезд или два должны будут поставить по дивизии из гражданского населения, в которую войдут все мужчины от 15 до 60 лет. Так как фронт на Востоке был тогда стабильным, то эти слухи связывались с тем, что американцы ворвались в Аахен. Солдаты мрачно расценивали это дело. Правда, были такие, которые говорили, что-де если эти люди могли копать рвы в тылу, то они смогут копать и траншеи для себя, и одобряли такое мероприятие. Но другие говорили, что эти дивизии будут разбегаться от танков и большой пользы их формирования не даст.

Эрих Ф. О том, что создаются дивизии по территориальному признаку, я ничего не слышал, но знаю, и это говорят все, что предстоит организация каких-то частей из гражданского населения. Говорили, что американцам придется иметь дело с обороной населения в каждом городе.

Все это свидетельствует о том, что у Германии нет резервов. Да их не видно и в городах. Но мне кажется, что мы не сможем долго сопротивляться еще и потому, что у нас нет и настоящего оборонительного рубежа. На родине все успокаивали себя тем, что-де Эрих Кох создал несокрушимую оборону. Но вот я прибыл 15 октября на фронт и никаких укреплений не увидел. От Инстербурга до Эйдкуннена мы ехали поездом полтора часа, оттуда шли на фронт пешком, никаких бетонных бункеров не видели.

Альфред Э. Я на позициях с августа. На участке нашего полка никаких укреплений, кроме земляных, не было. По слухам, нет их и на позиции других полков 561 пд. Говорят, что бетонные бункеры имелись у наших соседей слева, но их и там мало. Я лично таких бункеров не видел вообще нигде.

Насколько недостаточна немецкая оборона, я сужу по собственному участку. Русские начали наступление без всякой артиллерийской подготовки и прорвали оборону силами одной пехоты. Это произошло для меня и всех нас совершенно неожиданно. Командир соседнего взвода вдруг прислал ко мне связного с сообщением: «Русские наступают». Я был просто поражен. Было совершенно спокойное утро. Вышел из землянки и вижу, что соседний взвод уже бежит, русские за ним, а я со своим взводом оказался в нелепом поло-

жении. Через 10—15 минут русские уже были на командном пункте батальона — метрах 400—500 в моем тылу. Я поневоле стал пробиваться назад. И только когда еще несколько взводных участков обороны обратилось, таким образом, в бегство, русские начали огонь по бегущим. Он был страшен. Я впервые увидел, как вылетали электрические молнии «катюш». Артиллерийские снаряды русских рвались в гуще бегущих. Потери я назвать не могу, скажу лишь, что они были ужасны. Я лично спрятался в одной траншее, в которой пролежал до темна с несколькими солдатами, пока нас не взял в плен один русский солдат.

Если пехота прорвала оборону, то я спрашиваю себя: чего же эта оборона стоила?..

Эрих Ф. У нас в 3-й роте было не так. Сначала русские открыли ураганный артиллерийский огонь. Я не новичок на фронте, но скажу, что это был огонь сверхчеловеческий (юберменшлихес). Это произошло 16-го утром. Самое страшное в этом огне было то, что он был поразительно точен. Такого исключительно прямого попадания мы еще не видели. Меня взяли в плен глубоко зарывшимся в землю среди окружавших меня трупов.

Выходит, что русские на разных участках применяют разную тактику. Тем более трудно будет к ней применитья.

в) О русской пропаганде

Альфред Э. Я был близок со своими солдатами и не сомневаюсь, что подавляющее их большинство русским листовкам вполне верило. Мы находили и читали их много. В начале октября, например, прямо над нашими траншеями сброшено было много листовок — списки пленных, и в этих списках некоторые солдаты обнаружили своих знакомых. Мы слушали и частые русские радиопередачи. То, что в них сообщалось, подтверждалось через короткое время сводками немецкого командования. И к листовкам, и к радиопередачам солдаты проявляли большой интерес. Если кто-нибудь во время передач кашлял, на него шикали.

Но это любопытство солдат относится только к тому фактическому материалу, который содержится в листовках и радиопередачах. Что же касается призывов в плен, то солдаты просто не обращают на них никакого внимания. Русские листовки убеждают солдат в том, что Германия проиграла войну, и солдаты с этим соглашаются. Но пропаганда не указывает солдату, что же ему практически делать.

Неужели русские серьезно думают, что немецкому солдату так просто уйти домой или перебежать в плен. В первом случае расстреляют, во втором — подстрелят. Вы спрашиваете, обсуждают ли солдаты предложение идти в плен. Нет, не обсуждают. Я повторяю, что они с большим вниманием читают листовки, а на призыв идти в плен не обращают никакого внимания.

Их не удовлетворяет тот практический совет, который дают русские, так как они не считают его практическим советом. Вы, вероятно, не знаете о том, что за последнее время расстреляны семьи ряда солдат, о которых стало известно, что они без сопротивления сдались русским. Могут ли после этого солдаты идти в плен? Это закон, и он будет выполняться беспощадно.

Эрих Ф. Разрешите сказать по этому поводу. Я сам такого закона не видел, но майор Лемперт в Инстербурге объявил нам, что такой закон действительно есть и семьи тех, кто добровольно будут сдаваться, будут теперь расстреливаться. Я не могу ответить на ваш вопрос о том, пустая ли это угроза. Конечно, всех семей не расстрелять, но, чтобы угроза произвела впечатление, власти могут расстрелять несколько семейств. Поэтому солдаты как раз и боятся того, что, если им придется оказаться в плену, русские могут объявить их в листовках добровольно сдавшимися.

Герман З. Это правда, что солдаты боятся за свои семьи. Но еще больше боятся они за самих себя. Они боятся, что, попав в плен, они уже никогда потом не вернутся на родину, что до самой смерти придется им работать на строительстве русских городов.

Что же делать солдату? Его положение очень тяжелое. Когда мы узнали, что Финляндия, Румыния и Болгария воюют против нас, все почувствовали себя как на похоронах. Но что было делать? Если бы повторилось и удалось 20 июля, солдаты пошли бы за мятежниками, приветствовали бы переворот. Но сами солдаты ни в плен не пойдут, ни мятежа не устроят. Никакого восстания или даже бунта я себе в немецкой части не представляю. Не знаю, что будет позже, но сейчас солдаты инициативы такого бунта на себя не возьмут. Вот если бы такой бунт начали офицеры, солдаты без малейших колебаний присоединились бы к бунтовщикам. Если в плен предложит пойти офицер и объявит солдатам, что он удостоверился в быстром возвращении после войны домой, солдаты тоже пойдут за ним. Но сам солдат инициативу не проявит. Ну, вот я, например. Я прочитал как-то русскую листовку о том, что-

бы повернуть оружие против Гитлера. Ну, как я смог бы это сделать. Первый же человек, за солидарностью которого я обратился бы, донес бы на меня. И не потому донес бы, что был бы против, а из боязни расстрела за доношительство.

Альфред Э. На ваш вопрос о том, пойдут ли солдаты в плен, если будут уверены в том, что пленные останутся на занятой немецкой территории, не будут отправлены в Россию, я могу ответить положительно. Да, тогда многие солдаты пойдут в плен. Если узнают, что пленные немцы живут, к примеру, в инстербургских казармах, это произведет очень большое впечатление на солдат, положит конец всем разговорам о пожизненной работе в Сибири.

Но есть еще одна хорошая мера. Почему, например, русские не отпустят 5—10 тысяч пленных домой. Пусть объявят, что это сделано за хорошее поведение и что каждый месяц будут отпускать новые партии, а в конце войны всех. Вот это было бы пропагандой!

* * *

Кто-то сказал, что видел в Гольдапе ящик с любопытными будто бы для нашего брата архивами. Я получил указание взять двух бойцов, найти, если цел, этот ящик и захватить с собой что там есть интересного.

Это наибольший город из трех, что наши войска заняли пока на территории Восточной Пруссии. Когда 23 октября они вступили в него, в нем не было жителей, эвакуированных накануне в течение суток, но стоял он совершенно нетронутым. Были целы даже оконные стекла. В зеркальных витринах магазинов, обрамлявших строго квадратную центральную площадь, не было ни единой пробоины. С крыш не свалилось ни одной черепицы.

А сейчас Гольдап стал руиной. Оказавшись здесь с поручением через неделю после взятия города, я уже не застал его. В нем не стоит больше ни одного целого дома. Ни одного! Здесь все методически уничтожается германской артиллерией и минометами.

Зачем, для чего?

Наши брали Гольдап не лобовой атакой. Они обошли его с севера, разбили 131-ю дивизию за много километров от города и получили возможность идти на Гольдап, не делая по нему ни единого выстрела. Бой за него начался и кончился вне городской черты. На четвертый день после того, как наши

части уже находились в нем, немцы подтянули новую танковую дивизию «Фюрер», рассчитывая подойти к городу с юго-востока и захватить его с тыла. Но до уличных боев дело не дошло и на этот раз — танки были разбиты еще на далеких подступах к городу. Затем немцы еще трижды повторяли атаки, на этот раз с севера, но во всех этих случаях снова не были допущены к городу. Преследуя отступавших, наши закрепились на позициях еще дальше от города.

И вот в отместку за свои неудачи немцы принялись бессмысленно уничтожать самый город. День и ночь бьют теперь по Гольдапу крупнокалиберные минометы и пушки. Наши части, конечно, сразу покинули окутавшийся дымом Гольдап. Ни одного человека там сейчас нет. Артиллерия бьет по совершенно безлюдному месту.

Мы оставили машину примерно за километр от Гольдапа и пробрались в город перебежками. Одни здания полыхали, другие догорали, а все остальные были просто разбиты, разнесены... Пусть немцы, мелькало у меня в голове, не знают о приказе командира советской дивизии, запрещающем бойцам вход в Гольдап, но ведь и без этого им должно быть очевидно, что ни одной души в этом аду быть не может, что лупят они по развалу камней... Но лупят! И как! Непрестанно взлетают на воздух камни, земля, куски мебели...

Знай мое начальство, что творится в Гольдапе, оно не только не послало бы меня, но запретило бы показывать нос даже на дороге, ведущей в Гольдап!.. И я тоже запрещаю бойцам сопровождать меня к зданию, где никакие бумаги не могли уцелеть. А если чудом и уцелели, разве можно из-за них людьми рисковать?

Но раз сам я уж здесь... Грешно бежать, даже не попытавшись взглянуть, убедиться...

Добираться мне несколько гудящих кварталов. Если бы они не гудели — это 8—10 минут. А сейчас и меньше и больше. Я не иду, а лечу, но лечу только в интервалах между разрывами, прячась от осколков в стенах расколотых зданий, готовых вот-вот обрушиться.

Валяется голова от старого Фридриха... В других стенах еще держится бронзовый Вильгельм Первый... Разбилась на десятки кусков мраморная зеленая глыба со вделанной в нее массивной доской, на которой выгравирована надпись прихожанок-дарительниц. В квартире жил, видимо, пастор... В следующем доме, над которым начисто срезана крыша, стоят на кухонном столе, прямо под небом, банки варенья. Четыре стеклянные банки, глядящие наружу и с улицы, так как

стена, у которой стоял этот стол, откололась и рухнула...

Наконец я у цели. Еще издали вижу, что пепелище дымится. Дом догорал еще, должно быть, вчера или раньше. Был ли в нем ящик с бумагами? Осенний ветер разнес по улицам много обгоревших листков. Из этого они были дома, из других ли сгоревших? И ни начала в них, ни конца... Какое-то соглашение книготорговцев... Почтительная благодарность крейзлейтеру за разрешение снабжать платную библиотеку изданиями... Чьими изданиями, уже неизвестно... А вот что-то писанное женской рукой:

«...и мы все здесь, милая Омма, молим бога, чтобы он помог фюреру скорее получить новое оружие и разделаться наконец с собаками-томми, доставляющими нам столько страданий, сколько не испытывал еще ни один народ, и которые превосходят все, что может перенести человек. Поторопись, милая Омма, ответом, можем ли мы найти у вас приют. Ваш край теперь единственный спокойный в Германии, и, говорят, ваш вал совершенно несокрушим...»

Успела ли Омма ответить? Прибыла ли та женщина с запада к ней в обетованную землю? Или Омма сама теперь отправилась к ней?

Этот обрывок письма — единственная бумага, что забираю с собой... Если останусь живой, то и она останется памятной.

Машины нашел намеренно заползшей в кювет, а в машине застаю... костыли.

Оказалось, боец отправился все-таки вслед за мной в город, но, увидя, что там творится, не решился, видимо, углубляться в него, а возвращаясь, нашел у какой-то обвалившейся стены туго перевязанные девять пар костылей.

Мастерская их делала здесь? Нет, дерматиновая насадка уже явно примята. Скорей всего, их вынули из-под мышек у раненых, эвакуированных на грузовой, и забыли положить их с собою в машину...

— Зачем ты тащил их? Ты в уме или нет?

— А для вас.

— ?

— Вы же сбрасывали немцам Железные кресты и так далее. А теперь сбросьте эти штуки с листовочкой. Так, мол, и так. Кто не улепетнет — запасайся.

Мысль удивительная. Парень стал тоже пропагандистом. Изобретательнейшим.

— Слушай, ты гениален! Честное слово. Надо же, чтобы такое могло прийти в голову!..

Потом я начинаю раздумывать... Ведь всего девять пар... Если бы 300—400... Но почему не сбросить и девять? Верней, восемнадцать. Разговоры-то сразу пойдут на весь полк, на дивизию!

И все-таки... костыли я малодушно выбрасываю. Не столько возни с начальством боюсь, сколько с Волковым¹.

* * *

О ДОПРОСАХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Мысли из личного опыта

О допросе военнопленных появилось довольно много книг еще во время прошлой мировой войны. Существует, кроме того, обширная литература по допросу обвиняемых и свидетелей в уголовном процессе; многие методические указания, даваемые этой литературой следователям, применимы и к допросу военнопленных. Но наиболее ценные практические сведения о том, как вести политический допрос, дает наша работа, опыты 7-х отделов и отделений в нынешней Отечественной войне.

Поделюсь своим опытом. Прежде всего надо:

1. Знать задачу. Наша задача — снабжать командование данными о моральной боеспособности противника и получать сведения для ведения пропаганды среди его войск.

2. Необходимо готовиться к проведению допроса. Если позволяет обстановка, я предварительно знакомлюсь с данными о части, в которой пленный находился, с показаниями, которые он дал полковой разведке, с найденными при нем документами. Это нужно прежде всего для того, чтобы знать, о чем вести допрос, что новое и характерное может быть узнано у данного пленного.

Важно также умело выбирать допрашиваемых. Во время активных боевых действий, когда пленных много, надо выбирать для допроса тех, которые могут дать наиболее нужные и новые сведения.

Как правило, допрашиваю в первую очередь старших по должности и званию; лиц, принадлежавших к специальным частям или выполнявших специальные задания (радиист, штабной писарь, работник военно-полевой почты и др.); лиц, происходящих из района, в котором идут бои; короче говоря,

¹ Командир агитэскадрильи.

допрашиваю прежде всего тех пленных, которые наиболее осведомлены в интересующих нас или наименее известных нам делах.

Затем определяю тему допроса. Что является на сегодня и для данного пленного главным — это как раз и должно быть определено производящим допрос. Я ставлю задачу нащупать то главное, что можно от того или иного пленного извлечь. Мы допрашиваем не для статистических обобщений. Наша задача — разузнавать неизвестное или, по крайней мере, проверять малоизвестное. Поэтому никакого шаблона в допросе быть не должно.

Я руководствуюсь тем, что: а) пленным не надо расспрашивать обо всем понемногу, б) перед всеми пленными нельзя ставить одни и те же вопросы, в) пленного нужно расспрашивать о том, что он больше и лучше всего знает, г) при каждом допросе стремлюсь разузнавать то, что нам наименее известно.

Не сосредоточиваю внимания на личности каждого пленного. Эти данные и в самом подробном виде важны, когда мы имеем дело с крупными офицерами или пленными, представляющими специальный интерес (по роду их деятельности или связям). Но нас вовсе не должны интересовать подробности, относящиеся к личности рядовых фрицев. Знакомиться с данными, относящимися к личности пленного, надо лишь постольку и для того, чтобы уяснить себе, что можно от него почерпнуть, о чем вести допрос.

Никогда не угрожаю пленным. Мне известно, что некоторые инструктора начинают допрос с угроз. Пленным объявляется, что, если они не будут показывать правду, с ними будет поступлено так-то и так-то, или торжественно заявляется: «Ваша судьба зависит от вас самого» и т. п. Это неправильно. Угрожать пленным не надо. Следственный опыт, следственная наука свидетельствуют, что, как правило, угрозы не помогают, а вредят делу.

Во-первых, неизвестно, собирается ли пленный лгать и не к чему наводить его на мысль о такой возможности. Во-вторых, на лгущих пленных угрозы в большинстве случаев не действуют. В-третьих, если пленный действительно испугается угрозы, то он будет выдумывать, сочинять, преувеличивать, чтобы «угодить» допрашивающему; тогда допрос не только не прольет свет на состояние дел, а, наоборот, извратит его.

Я показываю пленному свою осведомленность, и он сам решает, что скрывать ему нечего.

Вот короткий диалог, который сразу повел к тому, что пленный дал подробные и ценные показания.

— Я из штабного взвода такого-то полка.

— А, это где командиром фон Шиндлов?!

— Так точно.

— Ну что, он уже вернулся из отпуска?

— Вернулся...

— Наверное, очень изменился? Это же не шутка потерять всю семью от бомбежки.

Пленный настолько поразила моей осведомленности, что, рассказывая потом очень интересные подробности о штабе своего полка, все время добавлял: «Как господин офицер, вероятно, слышал», «как господину офицеру, вероятно, донесли».

Мой опыт учит, что обращение с допрашиваемыми в целом зависит от того, с кем имеешь дело. Чванливого нациста не мешает иногда все время допроса продержат навтыжку, а трясущемуся от страха рядовому фрицу лучше всего предложить сесть и закурить. Нам не нужно актерствовать перед пленными, и обращение с ними должно быть таким, чтобы оно помогло нам узнать то, что нас интересует.

Пока не нащупана тема, допрос веду многочисленными, сменяющимися друг друга вопросами. Когда же интересующий вопрос выяснился, то словоохотливому пленному надо дать спокойно рассказывать, меньше перебивать его и задавать лишь такие вопросы, которые должны развить или уточнить изложение.

Иначе говоря, допрос должен быть активным. Прошли времена, когда немцы держались на допросах заносчиво. Теперь, наоборот, они склонны, как правило, усваивать тон допрашивающего, настраиваться, подлаживаться под этот тон.

Можно и подчас даже нужно производить групповой допрос. Я лично, например, часто практиковал допрос группы в 4—6 пленнх. Когда мы вступали в Восточную Пруссию и нужны были сведения о пограничных районах, я отбирал из пленнх по несколько жителей этих районов и опрашивал их одновременно. Это давало большую пользу. По каждому вопросу один дополнял другого, и сведения получались наиболее полными. Во время летнего наступления наших войск я отбирал среди пленнх группу участников одного боя и проводил групповой допрос.

Такой способ допроса следует особенно рекомендовать в условиях наступления, когда пленнх много. Можно производить групповой допрос пленнх солдат одного рода ору-

жия (танкистов, пэтээровцев), одной части или жителей одного района в зависимости от цели вопроса. Это не только сберегает время, но, что самое важное, освещает тему наиболее полно.

Но офицеров следует допрашивать только поодиночке. Надо спрашивать так и о том, что поможет нам в практической работе. Надо добиваться получать от пленных советы и мысли по целому ряду вопросов. Это особенно важно, когда мы имеем дело с офицерами или умными и знающими солдатами, дающими полезные знания, как улучшить наши листовки к немцам.

Запись допроса, как правило, веду по возможности быстро и коротко. Ведение подробных записей неизбежно создает паузы в допросе, расхолаживает пленного, делает допрос нудным. Опыт указывает также, что подробные записи вредны и по другим соображениям: если допрашиваемый видит, что каждое его слово записывается, он становится более сдержанным, начинает подыскивать осторожные формулировки, опасается сказать лишнее, а иногда и вообще перестает говорить.

Записываю по-русски. Во-первых, это убыстряет запись для лиц, недостаточно быстро пишущих по-немецки. Во-вторых, пленный вовсе не должен видеть и понимать, какие записи я делаю.

Это не исключает, конечно, того, что отдельные характерные формулировки должны записываться по-немецки.

Протокол пишу под свежим впечатлением, когда все детали крепки в памяти. Поскольку записи в процессе допроса коротки, многое может забыться, если оформление протокола отложить. Кроме того, оперативное значение добываемых данных при задержке протокола теряется.

Я лично предпочитаю вести протокол в третьем лице, ибо это правдоподобнее. Протокол — это не дословная запись. Форма изложения от первого лица здесь слишком условна. Когда удастся быстро, полустенографически записать во время допроса дословные слова пленного, то их я беру в протоколе в кавычки. Конечно, в протокол вношу не все, что говорилось на допросе, а только то, что мы считаем в показаниях пленного существенным. Здравый смысл и чутье должны это подсказать.

Протокол целиком должен оформлять только тот, кто сам разговаривал с пленным, слышал, каким тоном пленный делал то или иное сообщение.

Дел невпроворот, все дни суматошны, а тут еще нужен был отчет о печатной пропаганде за год. Начальство: «Пусть короткий, но в срок». Но и для короткого все равно пришлось тратить такое же время, что и для полного, то есть перебирать все изданные за год листовки, группировать по тематике и операциям, приводить выдержки, возиться с нарядами агитэскадрилье и проч.

Но я с любопытством проглядывал, что за год накатали. Многие показались теперь сероватыми, а некоторые даже понравились. Но слишком уж много навязчивых, однотонных призывов...

Всего за 1944 год политуправление издало 302 листовки. Общий тираж — 19 млн. экземпляров.

Вот наша новогодняя листовка к немцам:

* * *

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ!¹

Гитлер молчал полгода. Молчал, когда немецкие войска были выгнаны из Франции. Молчал, когда их разгромили на Балканах. Молчал, когда против Германии повернули оружие все ее бывшие союзники. Молчал, когда война перенеслась на землю Германии. В самые серьезные, критические для Германии моменты Гитлер отмалчивался. Отмалчивался, потому что ему нечего было сказать народу и армии.

Пришел новый год. Уклониться от выступления стало невозможно. Гитлеру пришлось заговорить перед микрофоном и выпустить новогодний приказ. Что же обещает он немецкому народу и армии в новом году?

Он объявил, что это будет год тяжелых работ и страданий для германского тыла.

Он объявил, что в новом году Германия будет воевать без союзников, одна-одинешенька.

Он объявил, что заставит немецкую армию драться за каждый метр территории.

Он объявил, что будет сопротивляться, несмотря ни на что.

Таким образом, Гитлер обещает вам в новом году еще

¹ Тексты новогодних (январь 1945 года) листовок, в подготовке которых участвовал автор.

больше горя, разрушений и гибелей... Вот новогодние «подарки» фюрера на шестой год войны!

Ему и не останется ничего другого сказать. В новогоднем воззвании к 1942 году он обещал вам, что «это будет год нашей полной победы». В новогоднем воззвании к 1943-му он уже не говорил о победе, но успокаивал, что «тяжелее, чем в прошлом году, нам не будет», и обещал «гибель одной державы». В воззвании на 1944 год он еще утешал терпевшую поражения армию тем, что «крепость — Европа остается нетронутой» и «союзники стоят с ними плечом к плечу». На 1945 год у банкрота Гитлера уже никаких успокоительных пилюль не осталось. Теперь он лишь бормочет о «войне за быть или не быть».

Да, для Германии и ее армии стоит сейчас вопрос: быть или не быть? Если бессмысленное сопротивление будет длиться, вас, офицеры и солдаты, перебьют до единого, ваши города, превращенные в поля сражений, разрушатся полностью, ваши семьи погибнут от бомб и огня. Продолжать войну — значит НЕ БЫТЬ.

БЫТЬ — это прекратить сопротивление, нужное лишь гитлеровской клике для отсрочки часа ее гибели. БЫТЬ — это покинуть обреченную армию Гитлера.

ХОЗЯИН НЕ РУБИТ ПЛОДОВОГО ДЕРЕВА¹

Гитлеровцы развили бешеную пропаганду, в которой пытаются уверить немцев, будто дело идет о защите германского народа от истребления и разорения. Об этом кричат сейчас по команде все газеты, все радиопередачи. В этом же уверяет вас ваше командование. Но сообразите, офицеры и солдаты, заинтересована ли в этом Россия?

Нужно ли ей, чтобы в центре Европы было 70 миллионов голодных и нищих людей?

Можно ли с таких людей взыскивать контрибуцию?

Могут ли голодные производительно работать?

Хотят ли русские, чтобы после войны у них по-прежнему осталось 70 миллионов врагов?

Поставьте перед собой эти вопросы, и вам станет ясно, что гитлеровская пропаганда лжет вам, уверяя, будто русские хотят разорения немцев. Не могут они хотеть этого. Наоборот, в их собственных интересах нужно, чтобы жизненный уровень немцев после войны как можно скорее поднял-

¹ Текст листовки, написанной автором в те дни.

ся. Ведь всякому надо, чтобы должник его был платежеспособен. Зарезав курицу, никто не получит больше яиц.

Хозяин не срубит дерева, плодами которого должен кормиться. Русские Германии не разорят.

Гитлер и его сообщники знают, что дело идет об их головах. Поэтому они в панике лгут вам, будто дело идет также о ваших желудках, о вашем имуществе, женах и прочем. Не верьте этой нелепой и чудовищной лжи! Русские не хотят ничего другого, как покончить с Гитлером, покончить с войной.

* * *

Ну и дурачье! В трофейных документах — «Миттейлунген фюр ди Труппе» за разные месяцы. В номере 323 о моей листовке такое:

«Нигилистические советы»

В слове «нигилизм» — латинское «нихиль», что означает «ничто». Под нигилистическим мировоззрением понимается отвержение всех нравственных ценностей. Ди Иуден всегда старались проповедовать своим врагам нигилизм, ибо превратить человека в нигилиста — значит добиться его внутреннего распада.

Поучительнейший пример этому мы находим в одной большевистской листовке, обращенной к солдатам танково-гренадерской дивизии «Фельдхернхалле» и призывающей их к измене. В этой листовке, говорящей о «бесмысленном сопротивлении», есть фраза: «Ни у кого нет права осуждать ваше поведение». Подонки пытаются лишить наших солдат совести, обесценить их понятия долга и чести.

Так выглядит враг!»

Заметка идиотская. Беру эту свою старую листовку. В ней говорилось:

Сорвите повязки!

Вашей дивизии дали звучное название по имени мюнхенской галереи полководцев, вашим полкам присвоили звание гренадерских и полупонятных, взятых из средневековья «фюзиллярных», а на руки вам нацепили повязки с посеребренными надписями, выделяющие вас среди прочих солдат.

В 18—19 лет все это весьма привлекало. Вам нравилась красивая униформа. Вы стремились к славе и подвигам и по-

спешили в «Фельдхернхалле» добровольцами. А потом пришли фронт и действительность... Она выглядела иначе, чем в *вохеншау*¹.

Дальше я говорил, как солдаты, бросив траншеи, бежали, как последовали приказы о «малодушных», и писал, что «Ниманд хат дас Рехът юбер Ейре Хальтунг цу рихьтен»², ибо бежали и сами издатели этих приказов, бежит вся германская армия, и никому из дивизии не придется стоять в мюнхенской «Фельдхернхалле». Писал, что надо сорвать серебряные повязки с рукавов, а черные — с глаз.

При чем тут нигилизм, почему присобачен он только к этой листовке, а не ко всем вообще, зачем вообще «измы» в разговорах с солдатами о совершенно ясных вещах? Дребедень, а не контрпропаганда.

В этом же номере статья «Письма домой», требующая писать их свехосторожно, чтобы не смущать души на родине.

* * *

Впереди — бой. А ваш корреспондент³ сидит в сотрясаемом орудийной пальбой домике захваченной накануне деревни и наскоро перебирает только что доставленные ему документы разгромленной нашими войсками 549-й немецкой гренадерской дивизии.

Потрясающие документы! Не знаешь, что отбирать, что бросать...

Вот папка сводных месячных рапортов командиров частей командиру дивизии генерал-майору Янку. Из них явствует, что на 1 октября в частях дивизии было 9 тыс. чел., а на 1 ноября осталось 3200. Вот сообщение уцелевшего штабного офицера 1098-го полка о том, что «полк фактически уже не существует» и его командир полковник Вайхт убит. Вот бумажка о том, что назначенный командовать остатками 1097-го полка майор Кульц тяжело ранен и выбыл из строя.

Мне не нужно, однако, этих свидетельств разгрома дивизии. Он очевиден уже из того, что документы ее штабов свалены передо мной на полу. Плевать мне сейчас на строевые записки, перечень средств усиления, даже на панический рапорт о прямом попадании бомбы в машины с боеприпасами. Все это я быстро отбрасываю, чтобы задержаться на докумен-

¹ Ежедневное обозрение.

² Ни у кого нет права осуждать ваше поведение.

³ Текст статьи, написанной автором для газеты в те дни.

тах, попадавшихся нам куда реже, на толстой папке приказов «по национал-социалистскому руководству в армии». Каждый из них помечен грифом «Совершенно секретно», каждый сверхлюбопытен...

Это вовсе не штабные приказы в прямом смысле слова. Это тайная переписка политических жуликов о методах, которыми надо заставить солдат драться насмерть.

Всей массы относящихся сюда документов привести невозможно. Трудно решить также, какой из них красочней. Буду переводить наугад из разных мест папки.

Вот приказ начальника штаба дивизии Риттера, изданный 9.9.44, когда она наскоро заканчивала формирование в учебном лагере группы войск и отправлялась на фронт:

«Пространные лекции по национал-социализму с настоящего момента отменяются. Для этого теперь не время. На восточном фронте положение очень напряженное. Его необходимо стабилизировать. Необходимо разжечь у солдат фанатизм в духе нашего национал-социалистского мировоззрения. Необходимо вызывать ненависть. Я разрешаю не пренебрегать для этого ни какими средствами. В данной обстановке все средства уместны. Тут не может быть норм». (Курсивы сделаны в тексте приказа. — В. П.)

Вот «Директивные указания по национал-социалистскому руководству войсками во время боев», изданные 8.10.44 командиром дивизии генералом Янком:

«Делу поддержания внутренней силы сопротивления наших солдат я придаю сейчас решающее значение. Требую любыми средствами бороться со всякими сомнениями в победе Германии независимо от того, какой представляется в данный момент обстановка. Надо не пренебрегать ничем, чтобы внедрить в сознание солдат ужас перед последствиями большевистской победы, которая возможна лишь в случае, если он не проявит беспредельной стойкости. Это сейчас главное».

Вот откуда берутся «большевистские зверства над населением Восточной Пруссии», которые, кстати, большевики нигде пока и не заставляли! И весьма характерно, что «сеятелями ужасов» выступают теперь не профессиональные нацистские пропагандисты, а генералы, военачальники! Не всем им удастся потом брезгливо отмежевываться от нацистской политики и утверждать, будто они только войсками командовали. Нет, как видно из директив по 549-й дивизии, политикой они занимаются, и еще какой низкопробной! Пусть некоторые были организаторами заговора, но боль-

шинство вместе с Гитлером в одной телеге сидят. Умнеют немецкие генералы только в плену...

Естественно, что офицеры по нац.-соц. руководству частей рьяно выполняли приказы командования и ни перед чем в клевете на противника не останавливались. Вот донесение такого офицера 1097-го полка Георга Кронбергера штабу дивизии:

«Солдат, прибывших в большей части из Норвегии, я подготавливал к выполнению их особой задачи — защищать немецкую землю, находясь в составе дивизии, именуемой потому заградительной. Трудности поднять боевой дух этих солдат заключались в том, что едва сформированные роты приходилось с ходу вводить в бой против прорвавшегося противника. Тем не менее для обработки этих солдат приняты были нижеследующие меры...»

Кронбергер перечисляет их: «...распространил среди солдат слухи о совершенно незначительной плотности русской наступающей волны... приводил солдатам пример Италии, Финляндии и Болгарии, указав, что после капитуляции этих стран большевики вывезли из них всех мужчин на работы в Сибирь... всячески обезвреживал слухи о хорошем обращении русских с военнопленными...»

Сходны донесения офицеров по нац.-соц. руководству Людвиг фон Шретера из спецбатальона, Иоахима Кавена из 1099-го полка, Курта Цетцнера — из фюзилярного батальона и др. Все они следовали указаниям начальства о том, что о русских в России разрешается любая ложь, и чем ее будет больше, тем лучше. Общаться друг с другом во время боев эти офицеры из разных частей не имели возможности, и каждый изобретал на собственный лад. Если один говорил о вывозе болгар и финнов в Сибирь, то другой, например, о соглашении Сталина с Черчиллем разделить всю Германию между союзниками.

Но нацисты знают, что хотя взвинченные такой пропагандой солдаты и дерутся ожесточенно, но все же, когда русские врываются в их траншеи, сдаются. Поэтому мы читаем следующий приказ начальника штаба дивизии Риттера за № 446/44:

«Все солдаты должны быть срочно поставлены в известность о том, что каждый добровольно сдающийся противнику лишится не только собственной жизни, но обрекает на смерть свою семью. Кроме того, за каждый случай добровольной сдачи в плен отвечают начальники в полках и подразделениях.»

За солдатами, происходящими из пограничных районов, а также солдатами небезупречными срочно установите особый негласный надзор».

Разумеется, угроза расстрела семей при нынешней географии немецких фронтов и тылов осуществляться не может. Но характерно для сегодняшних дней самое наличие такой дикой угрозы. Вздорность такого разграничения авторы приказа и сами хорошо понимали. Издали они его в целях террора, чтобы солдаты ни при каких обстоятельствах не сдавались вообще.

Среди документов много различных мелко-политиканских указаний о том, что нужно солдатам выдумывать и о чем им нельзя сообщать. Вот образцы:

«Говорите солдатам, что в Болгарии создана национальная армия, которая воюет вместе с нами против большевиков и союзников».

Реакцию солдат на всю эту идеологическую деятельность нацисты проверяют через специальных осведомителей. Но вот как в особо секретном документе (№ 72/44 от 9.10.44 г. «Только для командиров полков») передаются собранные этими агентами сведения об оценке в частях такой организованной лжи:

«В солдатских разговорах и письмах констатируется, что солдат намеренно не знакомят с истинным положением, что партийные руководители преуменьшают трудности и недобросовестно скрывают опасности. Солдаты говорят, что это только приводит потом к панике и дополнительным ужасам. Им говорят, что танков у противника на данном участке нет, и когда потом эти танки появляются, спокойствие сразу теряется и возникает растерянность. Солдаты указывают также, что, когда приходится бежать, офицеры — национал-социалисты, первыми усаживаются в легковые машины».

* * *

Ну и документы пошли теперь в немецких штабах! Их собственной пропаганде, как видим, они служат плохо, а вот для нашей — лучшей и не сыскать. Господа Янк, Риттер и прочие саморазоблачили свой цинизм, намеренность своей лжи и своих умолчаний, свой сговор по дезинформации немецких солдат, всю преступную суть своей деятельности. Это не военачальники, а уголовники. Документы штаба 549-й дивизии будут переданы следователям, которые войдут с войсками в Германию...

Они начнут следствие с первого военного бюллетеня июня 1941 года, ошеломившего мир сообщением, будто германские войска подверглись нападению русских и вынуждены начать ответные военные действия («зейт хейте морген эрвидерн вир дас феир дес гегнерс»). И следователи увидят, что заговор против мира кончился заговором против собственных немецких солдат, имевшим целью заставить их вести уже безнадежные военные действия ради отсрочки часа суда... Документы штаба 549-й дивизии («все средства хороши», «ничем не пренебрегать» и т. д.) будут одним из бесчисленных доказательств по этому уголовному делу о бесчеловечной цепи преступлений не только Гитлера, но и его генералов.

И когда в следственном деле будут тома о генеральских приказах, в частности Янка и Риттера, кто знает, не окажутся ли в числе исполнителей приговора над ними некоторые из чудом уцелевших солдат 549-й дивизии.

* * *

Английское радио ежевечерне передает сейчас на немецком языке извещение штаба Эйзенхауэра населению Германии о порядках, которые, по утверждению штаба английской армии, будут установлены на немецкой территории военной администрацией союзников.

Извещение состоит из 13 разделов. Каждый вечер передается один из них. Передаче предшествует общее указание о том, что речь идет «о степени, в какой военная администрация будет вмешиваться в жизнь отдельного гражданина».

На 11.12 передано шесть разделов, основные положения которых состоят в следующем:

1. Военная администрация не будет снабжать немецкое население продуктами, одеждой и другими предметами потребления. Поэтому снабжение населения зависит исключительно от его собственных запасов. В собственных интересах населения не давать поэтому нацистским властям вывозить или уничтожать при отходе из населенных пунктов имеющиеся в них запасы, а также предприятия, производящие предметы потребления. В первую голову речь идет о продовольствии. Население должно иметь в виду, что, если оно не воспрепятствует его вывозу, оно будет обречено на голод. Первая задача немецких граждан — этот голод предотвратить.

2. Военная администрация гарантирует неприкосновенность права частной собственности.

3. Будет разрешена свободная торговля.

4. Германская марка остается платежным средством. Кроме нее, будет введена новая денежная единица — военная марка. Доллар и фунт стерлингов на оккупированной территории законного обращения иметь не будут.

5. Нацистское финансовое и налоговое законодательство, устанавливающее дискриминацию в зависимости от политической и расовой принадлежности, отменяется. Но все финансовые институты останутся неприкосновенными. Закрытие тех или иных банков будет иметь место только в случае крайней необходимости. Эти меры позволят предотвратить инфляцию; однако действительное ее предотвращение зависит от самого немецкого народа. Немецкие чиновники получают указания о борьбе с инфляцией, контрабандой и черной торговлей.

6. Установленные нацистами специальные суды будут упразднены. Но, как только представится возможность, будут восстановлены немецкие суды по уголовным делам. В них будут рассматриваться дела о всех преступлениях, за исключением преступлений, совершенных против союзников. Законы, внесенные в германское законодательство нацистами, будут отменены. Смертные приговоры смогут выноситься только после предварительного и судебного следствий; эти приговоры смогут приводиться в исполнение только по утверждении союзной военной администрацией.

Судебные работники должны будут принести особую присягу. Судебные заседания должны быть открытыми. Подсудимые должны получить права на защиту.

7. Национал-социалистская партия и все примыкающие к ней организации будут распущены. Ее средства конфискуются. Вопрос о судьбе различных фюреров, членов партии и чиновников гестапо будет решаться в индивидуальном порядке в зависимости от их поведения. Каждый немец должен остерегаться связи с национал-социалистскими агентами и не навлекать на себя подозрений в том, что он хоть в какой-либо мере занимается национал-социалистской деятельностью. Угрозы, выпады и действия против оккупационных властей будут иметь своим следствием беспощадное наказание.

8. Немцы обязаны сохранять покой и порядок. Все служащие обязаны остаться на своих местах, если не будет специальных указаний иного порядка. Подбор и назначение новых служащих будут производиться без всякого предпочтения к представителям тех или иных групп населения. Никакого преимущества по политическим или религиозным при-

знакам оказываться не будет. Служащим нет оснований чего-либо бояться.

9. Все законодательство, устанавливавшее предпочтение или дискриминацию той или иной религии, расы, языка или политической партии, отменяется полностью. Устанавливается полная свобода любой религии и любых богослужений. Признаются законными всякие религиозные общества и их собственность. Все лица, вмешавшиеся в дела церкви и препятствовавшие ей, лишаются своих постов. Отменяется не только законодательство о культах, но упраздняются и все нацистские учреждения, ведавшие делами культов.

10. Принудительное хозяйство сохраняется.

11. Все военное имущество и радиоаппаратура, имеющиеся на руках, подлежат немедленной сдаче. Учреждения, занимавшиеся военным воспитанием и образованием, как и военные учебные заведения, распускаются. Закрываются все военизированные клубы и общества. За проявление милитаристических тенденций следует наказание. Военная администрация будет неуклонно проводить полную демилитаризацию Германии. Всякая попытка воспрепятствовать этому будет беспощадно подавляться.

Комментариев и разъяснений к этим положениям в передачах не делается. Остается пока неясным, что имеется в виду под сохраняемым принудительным хозяйством (поставки? обязательная работа на предприятиях?); какими законами будут руководствоваться суды, если законы нацистские отменяются: кого и для каких целей будут кредитовать банки, что будут делать они, кроме кредита, и др.

* * *

Отдел выпустил листовку к немцам в связи с юбилейной речью Гитлера. Вот ее текст.

...30 января 1945 года было 12-летие захвата Гитлером власти. Он выступил с 15-минутной речью по радио.

Выступил в момент, когда Германия в панике. Восточная Пруссия отрезана от центральных районов страны, находившиеся в ней дивизии окружены, уничтожаются. Одновременно советские войска заняли всю Верхнюю Силезию, и Германией потеряны крупнейшие военные заводы, источники руды, угля и металла. Советские войска вторглись в Померанию и Бранденбург, захватили уже тысячи населенных пунктов, десятки городов, и в момент, когда Гитлер держал у рта микрофон, они находились лишь в 180 км от германской столицы. Из Берлина спешно вывозятся важней-

шие учреждения, семьи и ценные вещи богачей и партийных чиновников. Миллионы немецких беженцев из Польши и восточных районов Германии переполняют дороги, создают хаос в стране. Возникшая необходимость кормить их дезорганизует всю систему снабжения, обостряет голод в стране. И ко всему этому армии американцев и англичан готовят мощное наступление с запада.

В таких условиях немецкий народ и немецкая армия ждали от Гитлера, который упорно не хочет капитулировать, сообщения, что же он собирается делать, на что надеется, на каком основании продолжает войну.

Немецкий народ и немецкая армия ждали от Гитлера, чтобы он сообщил, какими же возможностями он располагает, продолжая войну, ибо то, что происходит сейчас, это уже не война, а тотальное избиение армии.

Но тот, кто ждал от Гитлера таких сообщений, кто еще надеялся услышать от фюрера что-нибудь деловое, жестоко ошибся.

Гитлер ни слова не сказал о том, какие силы он может противопоставить советским войскам.

Гитлер ни слова не сказал о том, где, как и когда остановлена будет катящаяся на Германию лавина.

Гитлер ни слова не сказал о том, что собирается он предпринять.

Гитлер ни слова не сказал о своих окруженных дивизиях.

Гитлер ни слова не сказал и о беженцах.

Гитлер полностью умолчал обо всем, что только и ждали от него сегодня немцы услышать, о жизненно важном, о главном.

О чем же Гитлер говорил?

Он сообщил, что его хранит бог.

Он потребовал выстоять, несмотря ни на что.

Он потребовал фанатически верить ему.

Он обратился с призывом к больным и калекам работать, невзирая на недуги.

И все!

Но вот что следует об этом сказать:

1. Фюрера хранит бог, но фюрер не сохранил своих дивизий.

2. Вера в фюрера не заменит пушек.

3. Фанатизм — это слепота, а слепые в борьбе гибнут.

4. Больные и калеки не сделают того, на что неспособны оказались здоровые.

Адольф Гитлер потому болтал 30 января такие нелепые вещи, что ему *нечего было сказать*.

Он банкрот, проигравший войну и ввергнувший Германию в ее катастрофы. Дело идет теперь о его голове, об ответственности за то море зла, что он причинил человечеству. Чтобы отдалить час своей личной гибели, он призывает народ и солдат продолжать войну дальше, хотя прекрасно знает, что это принесет лишь дальнейшие беды. Но он хочет потянуть за собой в пропасть еще миллионы людей.

Немецким солдатам Гитлер не может дать уже и малейшей подмоги. Немецким беженцам Гитлер не может дать кровли. Немецким голодным Гитлер не может дать хлеба. Он смог одарить их только растерянной, истерической болтовней о фанатизме. Но это была последняя речь Гитлера в день махтубернаэ¹, в роковой для Германии день. Фанатики погибнут вместе с ним, а те, кто прозреют и покинут его, будут продолжать жить в Германии, освобожденной от ужасов².

* * *

Допрашивали с Никифоровым офицера 3 мп 2 мд «Герман Геринг».

Данные о части. В 3 мп фактически моторизован был только 1-й батальон, 2-й был пехотным, а 3-го не существовало вообще. Всего в полку ко второй половине января, когда началось русское наступление, было 2,5 тыс. человек.

Основной контингент полка составляли солдаты, находившиеся ранее в ВВС: парашютисты, электротехники и механики аэродромов, бортмеханики и летчики. Все они были немцами. Большинство солдат полка составляли молодые, здоровые, дисциплинированные и уверенные в себе парни. Они были недовольны, что стали пехотинцами, но это недовольство не отражалось на их преданности и боеготовности.

Данные о дивизии и корпусе. В состав 2 мд входили еще 4 мп и 2 ап³. Всего в дивизии (три полка и спецподразделения) было к началу русского наступления около 10 тыс. человек.

Дивизия входила в сформированный в августе 44-го па-

¹ День захвата власти.

² Из листовки, подготовленной в начале февраля 1945 года с участием автора.

³ Артиллерийский полк.

рашютно-танковый корпус «Герман Геринг». Корпус состоял из 2 мд, 1 тд¹, зенитного полка и штурмового батальона.

Данные о судьбе этих частей. Уже к 27.1.45 потери 3-го полка составили 1640 чел., или 2/3 всех солдат.

Полк располагался в д. Ундерванген (21 ком ю.-в. Кенигсберга), которую приказано было удерживать во что бы то ни стало. Командир со своим штабом помещался в д. Тринкхейм — в 2,5 км от Ундервангена. 27.1 русские обошли Ундерванген с севера и ворвались в Тринкхейм, отрезав штаб полка от его батальонов. Командир полка, два штабных офицера и группа солдат были пленены. Русские бросились к Ундервангену с севера — с незащищенной стороны. Пленный мог уже только слышать сильную стрельбу и видеть хлынувших к Ундервангену русских солдат. Их было много. Поэтому он и полагает, что из 800 находившихся в деревне солдат — остатков полка, большая часть была, вероятно, в этом бою перебита.

Судьба 4 мп должна быть такой же. 3 мп воевал меньше 4-го, который во все время отступления прикрывал отход дивизии.

Судьба артполка пленному неизвестна, но подбитых орудий он видел много и слышал, что командир попал в плен.

«От нашей дивизии, — заключает пленный, — должны были остаться сейчас, вероятно, только отдельные разрозненные группы солдат. Но я думаю, что их постарались объединить и стянуть к Кенигсбергу или, может быть, уже даже западнее города».

О русской пропаганде

1) *Движение «Свободная Германия».* О создавшемся в России Союзе немецких офицеров — противников Гитлера — пленный знал с прошлого года. Тогда за столиками офицерского казино в Берлине близко знакомые и доверявшие друг другу люди много говорили между собой о газетных статьях и радиоречах попавших в русский плен немецких генералов. Мнение офицеров сводилось к тому, что русские злоупотребляют именами пленных. «Пусть русские, — говорил пленному его приятель — полковник, — изобретут какие угодно доказательства, я все-таки никогда не поверю, что фельдмаршал Паулюс занялся политикой и объединился с противниками Германии».

¹ Танковая дивизия.

К концу года, когда издания «Свободной Германии» перевидало уже большое количество офицеров, мнение стало несколько меняться. «Здесь в плену,— говорит пленный,— находился мой сослуживец, обер-лейтенант, который может рассказать о том, как я и другие офицеры высказывались по этому вопросу».

Примечание: вызванный к допросу его обер-лейтенант показал:

«Господа офицеры высказывали свою убежденность в том, что газета «Свободная Германия» делается немецкими руками. Иностранец не мог бы писать таким хорошим немецким стилем и не мог бы знать столько закулисных подробностей, какие рассказываются в газете о немецком военном руководстве. Говорили, что движение «Свободная Германия» организовано русскими и находится под их идеологическим руководством, но немецкие офицеры, несомненно, являются сознательными и ответственными делателями пропаганды, что эти офицеры, вероятно, не подкуплены и убеждены в том, что пишут».

Издания «Свободной Германии» производят большее впечатление, чем листовки, исходящие от русских, и являются лучшим видом пропаганды. Пленному докладывали и он лично видел, как в конце декабря и начале января солдаты читали газету «Свободная Германия» и листовки с портретами немецких генералов. По лицам солдат и по тому факту, что газеты прятались в карманы, можно было понять, что люди очень заинтересовались этими материалами.

2. *Русские листовки.* С 12.12.44, когда пленный прибыл в полк, он буквально каждый день видел новые русские листовки. Ими усеяно бывало большое пространство, начиная с переднего края и кончая километра за три в тыл, где помещался штаб полка. На основе старого приказа батальоны должны были собирать листовки для уничтожения и доставлять в штаб полка их образцы. Но фактически сбора и уничтожения листовок не производилось. «Было бы нелено,— говорит пленный,— бороться с советской пропагандой таким путем, ибо вся местность, на которой располагался полк, всегда бывала засыпана листовками. Я ничего не мог предпринимать и не предпринимал по этому поводу. Можно сказать без преувеличения, что русские листовки читались всеми солдатами полка».

Пленный перечисляет следующие листовки, которые он запомнил: о новогоднем выступлении Гитлера с цитатами из

его старых речей, о фольксштурме¹, о выступлении немецких генералов, о кризисе немецкой авиации.

Пленный считает русскую пропаганду среди немецких частей в Восточной Пруссии очень энергичной. Он отмечает три положительных для русской стороны момента: а) разнообразие доводов в листовках, б) настойчивость доказательства того тезиса, что Германия проиграла войну и в) точную разброску листовок в местах расположения немецких частей.

Серьезным недостатком русских листовок пленный считает их бледный внешний вид («бесцветны»). Большинство их выпускается без иллюстраций, печатается мелкими шрифтами и очень маленькими форматами.

Немецкая пропаганда не в состоянии по-настоящему бороться с русской. «У нас нет для этого необходимого аппарата. Должность офицера по п.-с. руководству занимал, например, в полку по совместительству командир роты снабжения капитан Бок. Он был загружен основной работой и на передовой был только раз. Командир собирал однажды офицеров полка и говорил с ними о тяжелом военном положении Германии и необходимости выстоять, но с солдатами такие беседы проводились редко».

3. *О воздействии на окруженную кенигсбергскую группировку.* Сопротивление солдат кенигсбергской группы пленный объясняет двумя причинами.

Во-первых, солдаты не знают своего действительного положения. В сводках немецкого командования наверняка ничего не говорится об окружении города. Когда солдат находится в боях, он, как правило, не знает о том, что делается за 20 километров, а тем более на путях к Берлину. Я, например, за несколько дней плена узнал о положении на фронтах такое, о чем понятия не имел, когда был в боях.

Во-вторых, солдаты боятся расстрела в плену.

Поэтому, по мнению пленного, нужно забрасывать как можно больше листовок о положении на фронтах и особенно об эвакуации Берлина. А для преодоления боязни плена особенно серьезное воздействие оказала бы официальная листовка за подписями известных советских деятелей о судьбе тех, кто будет взят в плен.

О военных перспективах. «Я не стал бы давать вам советы о том, как склонить немецких солдат к плену, если бы считал, что Германия имеет еще возможность выйти из положения. Но такой возможности я не вижу».

¹ Народное ополчение.

В октябре — ноябре 44-го на совещании офицеров под Берлином авторитетные докладчики из руководящих кругов рисовали положение довольно оптимистически. Они говорили, что американцы боятся длительной войны и если к весне 45-го фронт будет немцами удержан, то США или выйдут из войны или перестанут практически участвовать в ней и сконцентрируют свои силы только против Японии.

Я был такого же мнения. Когда в декабре началось немецкое наступление, то и в офицерских кругах и среди солдат замечен был большой подъем.

Если бы фронты удалось удержать — все было бы в порядке. Теперь же, я полагаю, поражение Германии — определившийся вопрос. Всякие политические предположения о возможной ссоре между противниками Германии отступают на второй план сравнительно с чисто военным фактором — глубоким прорывом фронта армией Жукова.

Военная наука и наш собственный немецкий опыт показывают, что при глубоком оперативном прорыве обороняющиеся могут восстановить фронт, лишь располагая пространством. Так было в Африке, где хоть и было оперативное пространство, но фронт удавалось восстанавливать только через 300—400 км. Я проделал там путь отступления в 3800 км — от Египта до Туниса. О том же свидетельствует русское наступление 1944 года — когда фронт был прорван под Витебском, его не сумели восстановить под Минском и Вильно, он сразу откатился на сотни километров. Это произойдет и в Германии, но здесь, к сожалению, нет оперативного пространства. Прорыв фронта сразу вывел русских на Одер. Следующий прорыв выведет их на Эльбу. Это конец. Я — солдат и, как солдат, вижу вещи такими, каковы они есть.

Вопрос о том, когда именно произойдет окончательный военный крах Германии, зависит сегодня, на мой взгляд, не от немцев, а от русской армии. Фольксштурм — резерв, призванный сейчас защищать города в глубине страны, — это не войска, это не серьезное препятствие. Значит, быстрота продвижения зависит только от того, есть ли у русских оперативные резервы, смогут ли они обеспечить снабжение своих войск, как быстро наладят автомобильный и ж/д. транспорт. Операция Жукова — операция большого мастера, но она замедлится, если он не сможет бросать дальше в бой все новые войска по новым дорогам.

Конец был бы ускорен, если бы русское наступление было поддержано англичанами. Я не понимаю, почему этого

не происходит. Не могут или не хотят? Англичане двинутся, наверное, тогда, когда им будет обеспечен марш без потерь. Они предпочитают не иметь успехов, но и не иметь потерь. Но без больших потерь не может быть и больших успехов.

Дополнительные вопросы

б) *О личных видах на будущее.* Я очень мрачно смотрю на свое будущее. Если в Баварии будут беспорядки, эсэсовцы могут убить мою жену, как еврейку.

Моя мечта сводится к тому, чтобы, если для нас обоих все кончится благополучно, уехать с семьей в Америку. Другого исхода я не вижу. Хоть я всегда стоял вне политики, но в будущей Германии меня будут считать прусским милитаристом, а русские, вероятно, механически будут рассматривать как гитлеровца. Кроме того, я не представляю себе, чем смогу в будущей Германии заняться. В Америке же брат жены, имеющий крупное имя и уважаемый многими государственными деятелями, легко устроит мне американское подданство и жизнь, при которой я сумею забыть о политике и всех связанных с нею страданиях.

* * *

В ДВОЙНОМ КОЛЬЦЕ ОКАЗАЛИСЬ ТЕПЕРЬ ОСТАТКИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ¹

Русские армии заняли большую часть Померании, весь округ Кезлин, и на широком фронте — до Кольберга — вышли на побережье Балтийского моря.

Восточная часть Померании и Данциг отрезаны.

Это значит:

что вы, солдаты восточнопрусского котла, находитесь сейчас еще глубже в русском тылу, чем прежде. От Браунсберга и Хейлигенбейля до линии Пиритц-Плате, где проходит сейчас фронт в Померании, вас отделяют 350 километров, что вокруг вас сомкнулось второе кольцо, что на морские коммуникации всякие надежды отпадают, что вам не выбраться теперь даже через косу, что сопротивляться в таких условиях дальше — безумие, что вам надо, не медля,

с д а в а т ь с я.

¹ Текст листовки, написанной автором в те дни.

В нынешнем положении многие немецкие солдаты и даже офицеры вполне осознали обреченность окруженной группировки и нуждаются только во внешнем толчке, чтобы сдать в плен. Это доказывается участвовавшими случаями групповой сдачи, всевозрастающим количеством перебежчиков, сдачей без сопротивления значительного числа офицеров.

В таких условиях засылка пленных агитаторов в окруженные части противника признана одним из важнейших и самых эффективных способов нашей работы.

Опыт ряда 7-х отделений показал, что засылаемые пленные находят самые благоприятные условия для того, чтобы склонить к сдаче в плен многих солдат. Особенно показателен опыт поарма-28, работники которого заслали наибольшее число пленных, которые привели с собой затем целые группы своих товарищей.

В связи с этим нам предложено работу по засылке пленных-агитаторов в котел развернуть самым широким образом и руководствоваться при этом следующим:

- засылку производить всецело для того, чтобы отпускаемые пленные склоняли к сдаче в плен других немецких солдат и лично приводили их на нашу сторону. Никаких разведывательных или других заданий засылаемым при этом не давать;

- засылать пленных непосредственно с переднего края, через 3—5 часов после взятия в плен;

- хорошо обращаться с засылаемыми, хорошо кормить их и снабдить по их желанию продуктами и табаком на день-два;

- отбор засылаемых производить только после их подробного допроса;

- склоняя пленного к возвращению в свою часть, применять помимо довода о том, что он совершает благородный поступок, спасая жизни товарищей, также следующее:

- а) разъяснить, что он будет пользоваться в плену особыми льготами;

- б) объяснять, что он получит в послегитлеровской Германии работу на должностях, требующих особого доверия оккупационных властей (в административном аппарате, на предприятиях);

- точно обуславливать с засылаемым место, время и пароль для обратного перехода линии фронта;

- если у засылаемых нет оснований опасаться обыска,

выдавать по их желанию пронумерованные удостоверения следующего содержания:

«Предъявитель сего возвращается на советскую сторону после выполнения особого задания в немецком тылу.

Офицерам и бойцам предлагается немедленно доставить его в ближайший штаб»;

— знакомить офицерский состав с предпринимаемой мерой и предупредить бойцов на участках, где ожидается обратный переход, против неосторожной стрельбы по идущим в плен немецким солдатам;

— тщательно учитывать засылаемых и возвращающихся, а также приводимых ими с собой немецких солдат, с тем чтобы количество пленных, сдающихся в результате работы по засылке, было точно известно;

— обратить серьезнейшее внимание на засылку тщательно отобранных офицеров, памятуя, что офицер может оказать особенно сильное влияние на солдат и скорее склонит их последовать за собой в плен, чем рядовой солдат;

— от попадающих в плен командиров частей и подразделений стремиться получать их собственноручные письма к подчиненным им офицерам и солдатам с призывами сдать-ся в плен. Письма эти вручать для передачи засылаемым солдатам;

— использовать в качестве условленного сборного пункта, к которому засылаемые должны приводить пленных, участки работы МГУ и ОЗС. В связи с этим станции должны вести передачи в обусловленное время, чтобы пленные шли по направлению звука.

* * *

Немцы все более прижимались к берегу. Но у них много стволов, и мы терпим урон. Совещались: Никифоров, Солюс, Соколов, Люлька, я и штабист. Разработали указания поармам об увеличении заброски листовок и пленных агитаторов в противостоящие части противника.

* * *

Написал текст листовки под названием:

«ДЕР ШТОССТРУПП» ЛЖЕТ!

Почему ваша ставшая столь маленькой газетка «Дер Штосструпп» поместила 15 февраля столь большую статью о Крымской конференции? Потому что нацисты боятся, как бы

вы не узнали о решениях этой конференции из других, из правдивых источников.

Нацисты боятся, что, если до вас дойдет правда об этих решениях, вы окончательно потеряете охоту сопротивляться...

«Дер Штоссгрупп» заявляет так, будто на конференции принято решение о «биологическом истреблении немецкого народа». Это *ложь*. Коммюнике конференции говорит прямо обратное: «Объединенные нации не ставят себе целью уничтожение немецкого народа».

«Дер Штоссгрупп» заявляет вам, будто конференция «вынесла смертный приговор Германии». Это *ложь!* В коммюнике конференции говорится лишь о том, что:

Понесут наказание зачинщики войны.

Германский генеральный штаб будет уничтожен.

Нацизм и милитаризм будут вытравлены.

Нацистские законы будут отменены.

Паршивая нацистская газетенка знает, что вам, солдаты, этих мер бояться нечего, и потому она спешит представить вам решения конференции «страшными», «уничтожающими». На самом же деле эти решения имеют в виду не вас, не офицеров и солдат. Вы войны не затевали. Вы в генеральном штабе не сидели. Вы законов не издавали!

Не Германии, а гитлеровской клике и нацистскому режиму вынесла конференция смертный приговор!

Нацистская газетенка требует, чтобы вы продолжали «безудержное сопротивление». Для чего? Для того, конечно, чтобы отсрочить приведение в исполнение этого приговора над зачинщиками войны.

Это показывает, как глубоко преступна гитлеровская клика. Она готова погубить вас всех, чтобы самой протянуть несколько лишних недель.

Сопrotивляться — безумие. Германский фронт распался на куски. Русские войска в Силезии и на дороге в Берлин, их союзники — в Кельне. Ваша группировка в двойном кольце, ибо окольцован и Данциг, ведь русские заняли Кезлин и Кольберг, заняли весь центр Померании, включая и побережье. И «Штоссгрупп» хочет, чтобы вы еще сопротивлялись в этом двойном окружении, в глубоком русском тылу!

Подлое требование!

Пошлите, солдаты, к черту этих подлецов и переходите в плен, где вы спасете свои жизни!

ВЫ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ¹

Немецкая оборона севернее и западнее Кенигсберга прорвана. Советские части вышли к заливу Фришафф. Все дороги, ведущие на запад, перерезаны. Путей отступления к морю для немецких частей теперь нет.

Немецкая оборона южнее Кенигсберга также прорвана. Советские части и здесь вышли на берег залива.

Положение сегодня таково:

1. Город — в кольце.
2. Вся восточнопрусская группировка рассечена на три части — под городом, в районе Цинтена и в районе Пиллау.
3. Отступать ни одной из этих частей абсолютно некуда.

Какой смысл бороться в таких условиях?!

Недели две назад кто-то из вас еще мог надеяться на эвакуацию из Кенигсберга через Пиллау морем. Теперь это совершенно исключено.

Никакого выхода из Кенигсберга, никакого выхода из Восточной Пруссии у остатков немецких частей нет.

Но, может быть, среди вас есть фанатики, которые решили погибнуть под Кенигсбергом, рассчитывая принести этим какую-нибудь пользу немецкой армии на других участках фронта? Но такие самоубийцы недопонимают, очевидно, того, что *гитлеровской армии теперь уже ничем помочь нельзя.*

Русские войска в 90 км от Берлина. Нацисты бегут из столицы. По всей стране паника. Советские войска ежедневно берут десятки городов, продвигаясь в глубь Германии с самых разных направлений. Бои идут в Бреславле, Лигнитце, Франкфурте-на-Одере. События развиваются с головокружительной быстротой.

В таких условиях ваше сопротивление на небольшом клочке территории глубоко в русском тылу вдвойне бессмысленно. Гибель ваша здесь будет вдвойне нелепой.

Прекращайте сопротивление! Спаситесь и вернитесь домой вы можете только через плен.

¹ Тексты трех листовок, из записей автора книги.

Солдаты и офицеры в восточнопрусском котле знают, что они окружены, что помощи ждать неоткуда. Поэтому солдаты массами дезертируют и сдаются в плен. Нацистское командование тщетно пытается приостановить этот развал вещей обреченной группировки. Оно страшает и обманывает вас. Для этого им усиленно распространяется среди вас листовка «Котлобоязнь». Листовка призвана уверить вас в том, будто не все еще потеряно и ваша стойкость может еще что-то поправить.

Эти уверения отчаянно лживы и рассчитаны на очень наивных людей.

Судите сами:

1. Листовка говорит: «Фронт на Одере с каждым днем становится прочнее и наступление большевиков в целом приостановилось».

На деле же Одер уже форсирован советскими войсками в целом ряде мест: в Силезии (почти полностью занятой), в районе Франкfurта (уже обойденного) и у Кюстрина (где уже уличные бои). Только 60 км отделяют русских от Берлина и только 30 км — от Штеттина. Их наступление *развивается* с каждым днем.

2. Листовка говорит: «Позади нас создается новый фронт, коммуникации к этому фронту мы расчистим боями».

На деле же русские заняли почти всю Западную Пруссию и ведут бои уже в глубине Померании. Позади вашей окруженной группировки никакого фронта уже на сотни километров нет и быть не может.

3. Листовка говорит: «Если войска оказываются в окружении — это не является основанием для отчаяния».

На деле же, если войска оказываются в окружении в глубоком тылу противника, они могут считать себя погибшими. Отчаиваться или улыбаться по этому поводу — дело характера. Но кто и как бы ни храбрился — положения это не изменит.

4. Листовка говорит: «Если каждый из нас застрелит одного советского солдата, то мы выиграем битву. Нужно целиться точно, спокойно».

На деле же целятся не только немецкие солдаты, но и русские. А последних много больше. Поэтому кольцо ваше ежедневно сжимается и группировка будет полностью истреблена, как бы вы ни целились.

5. Листовка говорит: «Гибнет лишь тот, кто сам сдается».

На деле же — и это вы знаете по опыту своих частей — гибнут те, кто не сдаются. Тот, кто сдается, спасает себе жизнь.

Лживая нацистская листовка хочет устранить вашу котлобоязнь. Но у здоровых людей котлобоязнь есть и будет. Котел, если вы из него не выберетесь, — ваша могила. А выбраться — значит сдаться в плен.

ВО ВСЕХ НЕМЕЦКИХ НАСТАВЛЕНИЯХ ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ НАЗЫВАЕТСЯ ОТЦОМ СВОИХ СОЛДАТ

Тем более ответственна роль фельдфебеля сейчас, когда, как правило, он сам является командиром. Он ведет взвод, а часто и роту. От его совести, ума и решительности зависит жизнь десятков людей.

Есть фельдфебели, не понимающие этой ответственности. Тупые исполнители, они слепо повинуются приказам начальника и заставляют своих солдат попусту гибнуть. Таких фельдфебелей проклинаят матери, жены и дети убитых солдат. Таких фельдфебелей проклинаят те, кто стали по их милости калеками.

Но с каждым днем множится число фельдфебелей, которым совесть и солдатский долг не позволяют держать своих солдат смертниками в обреченном котле. Такие фельдфебели, нередко под влиянием наших призывов. **ВЫВОДЯТ** своих солдат из котла, строем ведут их через линию фронта в плен, где обеспечены жизнь и возвращение на родину после войны.

Фельдфебель 1 пп привел в плен остатки своего взвода в количестве 8 человек.

Обер-фельдфебель 176 пп 61 пд привел в плен остатки своей роты в количестве 19 человек.

Фельдфебель 399 пп 170 пд привел в плен остатки своего взвода в количестве 13 человек.

86 фельдфебелей и унтер-офицеров вывели в феврале из котла в плен солдат своих рот, взводов, отделений.

Когда одного из них спросили, можно ли огласить в листовке его фамилию, он ответил:

— Мне бояться нечего. Наоборот, я на всю жизнь обеспечил себя благодарностью девятнадцати семейств. На девятнадцать семейств я могу рассчитывать теперь в послевоенной Германии как на друзей, которые мне обязаны. Это делает меня богатым человеком.

Фельдфебели и унтер-офицеры! Жизнь ваших людей — в ваших руках. Ведите солдат в плен! Другого выхода из котла нет.

Вы не только спасаете свои и солдатские жизни, но и обретете в послевоенной Германии пожизненную дружбу многих семейств. А при такой опоре жизнь не так уж плоха будет!

* * *

Внимание! Внимание!¹

Говорит русский полевой передатчик.

Слушайте нас! Слушайте нас! Мы будем говорить о том, что для вас жизненно важно.

Есть солдаты, которые боятся сдаваться в плен, опасаясь, что наци расстреляют их родных. Эти опасения напрасны! Эти опасения напрасны!

За сорок дней русского наступления в плен сдалось больше 350 тысяч немецких солдат и офицеров. Большинство сдалось добровольно. Разве могут наци расстрелять в тылу сотни тысяч семейств? Нелепое предположение! Нелепое предположение!

Да и возможно ли установить, как попал солдат в плен! Никто не сможет установить, перебежал ли солдат, взят ли в плен насильственно. А русские фамилий перебежчиков не публикуют. Русские фамилий перебежчиков не публикуют.

Есть солдаты, которые боятся перебежать в плен, опасаясь, что русские не поймут их намерений и откроют огонь. Эти опасения напрасны! Эти опасения напрасны!

За время окружения восточнопрусской группировки из котла перебежали тысячи солдат и много офицеров. Никто не встречал их огнем. Когда сдающийся держит винтовку книзу — он останется невредим. Когда сдающийся идет с белым флагом — он останется невредим. Когда сдающийся кричит «Не стреляй!» — он останется невредим! Когда сдающийся кричит «Не стреляй!» — он останется невредим! Русские солдаты имеют строжайший приказ не стрелять в перебежчиков. Русские солдаты не стреляют по перебежчикам.

Есть солдаты, которые боятся перебежать в плен, опасаясь 20-ти минут, во время которых им угрожает выстрел в спину при переходе линии фронта.

¹ Текст звукопрограммы, передававшийся в те дни через МГУ. В его составлении участвовал автор.

Но, оставаясь в котле, солдат находится под угрозой не 20 минут, а все 24 часа в сутки. И угрожает ему не случайная пуля в спину, а неизбежный удар в сердце и в лоб.

Таким образом, риск, связанный с перебежкой, невелик. Риск, связанный с перебежкой невелик! Семье перебежчика сегодня ничто уже не угрожает! Семье перебежчика сегодня ничто уже не угрожает!

Но риск велик, если солдат остается в котле. Риск колоссален, если солдат остается в котле. Тот, кто перебегает, имеет 9 шансов из 10 в том, что останется жив. Тот, кто останется в котле, не имеет за жизнь ни единого шанса!

Немецкое командование будет принуждать вас сопротивляться до последнего солдата и последнего вздоха. Русские со своей стороны сжимают кольцо с каждым днем. Значит, уцелеть вы не сможете. Все люди в котле — обречены. Тот, кто сдастся, выигрывает жизнь. Тот, кто остается в котле, потеряет ее.

* * *

НЕ СЛУШАЙТЕ БАНКРОТА ГИТЛЕРА¹

Солдаты! Вам зачитали приказ Гитлера от 11 марта, в котором он предлагает «оказывать сопротивление и драться с противниками до тех пор, пока они в конце концов не устанут».

Это все, что мог вам теперь предложить банкрот Гитлер! Но могут ли Россия, Англия и Америка устать?

*Устают не те, кто наносит удары, а те,
кто их получает*

Устали немецкие солдаты в котлах. Устали немецкие солдаты бежавшие за Одер и Рейн. Устали голодать женщины и дети Германии. Устал весь германский хозяйственный организм, лишившийся угля и промышленности занятых противниками важнейших индустриальных районов. Устала, смертельно устала вся Германия — обескровленная, разбомбленная, истощенная.

¹ Запись текста для листовки, подготовленного автором.

Поэтому просто издевательством над вами является болтовня, требующая, чтобы вы довели до утомления противников, которые заняли уже 4/10 немецкой территории, каждый день движутся вперед, приблизились к Берлину, обладают десятикратным превосходством в людях и стократным превосходством в технике и находятся у победного финиша.

Гитлер обещает вам дальше: «Мы преодолеем все преграды». Но эти обещания вы слышите уже много лет. Вам твердили об этом после катастрофы немецкой армии у Сталинграда, после катастрофы у Витебска, после высадки союзников во Франции, после разгрома во Франции, после вторжения Красной Армии в Восточную Пруссию. Как дятел, продолжает Гитлер долбить одно и то же и нынче, когда противник уже под Берлином, основные войска перебиты, война безвозвратно проиграна, и любой элементарно-порядочный руководитель давно прекратил бы сопротивление. Гитлер будет твердить то же самое и после падения Берлина, и после того, как в руины превратятся последние городки и поселки. Дятел, а не вождь.

Гитлер призывает вас «выполнять свой долг». Но долгом немецкого солдата является сегодня прекращение бесполезного сопротивления, ведущего страну к полному уничтожению.

Только Гитлеру — виновнику всех несчастий и бедствий Германии нужно сейчас, чтобы вы продолжали упорствовать и на две-три лишних недели оттянули его неизбежную участь. Ваш долг, солдаты, в другом — сложить оружие, сдаться и избавить страну от дальнейшего уничтожения.

Крымская конференция Сталина — Рузвельта — Черчилля ясно заявила, что союзники «не ставят себе целью уничтожить немецкий народ». Уничтожены будут лишь Гитлер и его клика. За счет ваших жизней они ищут отсрочки. Не поддавайтесь, солдаты, их лжи.

* * *

Счастливейшие и сумасшедшие дни. Непрерывно мотаюсь из поезда в армии, из армии — в поезд. Листовки в котел пишем непрерывно. Иногда по нескольку в день. Кроме того, Соколов неустанно требует списки пленных и о положении на прочих фронтах.

Заброска идет вовсю. В поармах и штабах расхрабрились, идут дальше нашего. Перебежчиков уйма. Пленных уже не допрашивают. Незачем, не для чего. В 28-м и 31-м придумали разные хорошие штуки, мне даже в голову не приходившие.

Р.¹ дает засылаемым вволю трофейных продуктов. Так разошелся, что велел отбираемых для засылки — в хороший дом ночевать, не ставить охраны, а лишь одного часового. Это очень умно и не может не производить впечатления.

* * *

Не удалось вырваться на побережье — готовлю листовки для Кенигсберга. Но все рассказывают о неимоверном количестве немецких трупов. Солжус — что за всю войну не видел такого. По его словам, целые версты. Надо было лавировать, чтобы не шагать по телам. Скопища грузовиков, обломки машин, трупы на них, между ними, под ними. Еще бы! На узенькой ленточке сгрудилось столько народа! Наша артиллерия и авиация никогда не имела, наверное, такой мишени, какую создало здесь из своей солдатни упрямство немецких начальников... Но никто не догадался заснять. Мне это тоже только теперь пришло в голову. Вот бы эти снимки кенигсбергскому гарнизону сейчас! Но Лаш² не делает выводов... А сама солдатня безголоса.

Написали два варианта ауфруфа³ нашего командующего уже к самим кенигсбергцам.

* * *

ОКРУЖЕННАЯ ГРУППИРОВКА⁴

За месяц наступления, начавшегося в середине января, советскими войсками были заняты восток, юг, значительная часть северного побережья и вся центральная равнина Восточной Пруссии, то есть примерно 4/5 провинции. В немецких руках оставалась часть западной и северо-западная, то есть приморская часть страны. Многосоттысячная восточнопрусская армия немцев располагалась на длинном, но узком участке вдоль берега моря. К тому же армия эта была разрезана на три части. Одна находилась на Земландском полуострове,

¹ Ряпосов — нач. поарма.

² Немецкий генерал.

³ Воззвания.

⁴ Здесь автор дает разбитое на несколько подразделов систематизированное описание, вернее, аналитический разбор действий семьотдельцев при разгроме войсками 3-го Белорусского фронта группировки немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии, в так называемом восточнопрусском котле.

другая — в Кенигсберге, третья — юго-западнее города. В ходе боев немцам удавалось иногда овладевать дорогами, связывавшими эти разобщенные части; так, они дважды захватывали дорогу из Кенигсберга на Земландский полуостров и один раз — шоссе, ведущее из города на юг. Но восстанавливать эту связь им удавалось лишь на короткое время, и фактически все три группы были изолированными. Наши войска имели, таким образом, дело с тремя отдельными котлами.

Группировка юго-западнее Кенигсберга была наиболее многочисленной и сильной. Она состояла из соединений и частей 4-й армии — основной силы немцев в Восточной Пруссии, — которая с боями отступала из центра страны к Кенигсбергу и берегу и сохранила еще большое количество людей и вооружения. Когда наши войска в начале февраля перерезали рокадную дорогу в 4 км от Кенигсберга, основной состав 4-й армии оказался изолированным юго-западнее города. Здесь находилось 16 пехотных дивизий, 2 танковые, 2 моторизованные и более 150 отдельных полков, батальонов и боевых групп. Это была примерно двухсоттысячная группировка. Она обладала еще очень сильной артиллерией (по самым минимальным подсчетам — до 4 тыс. стволов), сотнями танков, примерно 2 тысячами минометов (в том числе шестиствольных и реактивного действия) и многочисленными метательными аппаратами.

Мешок, в котором эта группировка оказалась, территориально был невелик. Он представлял собой овал, вытянутый вдоль восточного берега залива Фриш Гафф. Автострада Кенигсберг — Эльбинг была как бы стержнем этого немецкого плацдарма, а города Браунсберг и Хейлигенбейль — его опорными пунктами. Наибольшая длина плацдарма составляла 50 км, ширина колебалась от 20 до 40 км. Для столь малой территории сосредоточение оборонительных сил и средств получилось очень сильное. Немцы смогли обстреливать наши наступающие войска всеми видами огня, предпринимать непрерывные контратаки и вести длительные бои за населенные пункты.

Но упорство немецкой обороны в то время объяснялось не только наличием сил. Особенность котла была в том, что он находился на морском побережье. Путь по морю был для немцев открыт, и это давало им еще значительные возможности. Окруженная группировка получала пополнение (за время существования котла — более 50 тыс. человек). Гражданское население постепенно вывозилось. Раненые эвакуировались в тыл. Солдаты могли поэтому надеяться на возмож-

ность эвакуации в последний момент морем. Полностью отрезанными они себя не чувствовали.

Большинство солдат к моменту образования котла было еще, безусловно, настроено против капитуляции. Они не помышляли о победе, не рассматривали свои позиции как плацдарм для последующего отвоевания Восточной Пруссии, но надеялись на эвакуацию и считали свои силы достаточными, чтобы обеспечить ее.

Бессмысленным немецкое сопротивление они в тот период еще не считали. Большинство из них не придавало значения уверениям командования, будто удерживаемая часть восточнопрусской земли является «предмостным укреплением», с которого начнется затем немецкое наступление; но подавляющая часть солдат вполне соглашалась с немецкой пропагандой и командованием в том, что сопротивление нужно для сковывания русских сил, которые, если высвободятся из Восточной Пруссии, будут брошены в центральную Германию.

Показания пленных свидетельствовали в тот период (начало февраля) о двойственных, противоречивых чувствах солдат: с одной стороны, считая войну почти проигранной, они мечтали скорее сесть на корабли и попасть в тыл; с другой — они вовсе не желали того, чтобы десятки новых советских дивизий были брошены на Берлин. Но, разумеется, первое — чувство самосохранения — брало верх.

Это сказывалось прежде всего в том, что солдаты дезертировали и бежали к морю. Дезертирство распространилось чрезвычайно быстро и приняло размеры, грозившие превратиться в катастрофу. Были части, подразделения, из которых «в бегах» находилось до трети и больше солдат. О количестве дезертиров свидетельствует тот факт, что только из пойманных беглецов была собрана 31 рота. Немецкое командование приняло для ликвидации дезертирства экстраординарные и чрезвычайные меры. На дороги и вдоль побережья были брошены под командованием старших офицеров многочисленные заградительные части. Производились повальные облавы в городах и деревнях, прочищались леса, обследованы были хутора. Солдатам зачитывались под расписку строжайшие приказы, следовавшие один за другим (в частности, приказы Гитлера — Кейтеля) и грозившие расстрелом не только дезертирам, но также их семьям. Проведены были массовые расстрелы дезертиров, причем, как правило, публичные — на городских площадях, дворах казарм и у вокзалов. Сотни трупов расстрелянных (с соответственными надписями) оста-

влялись на площадях и улицах для всеобщего устрашения.

Дезертирство пошло на убыль к началу марта, когда котел был уже сильно сжат территориально, скрываться стало негде и бежать некуда. К этому же времени (и главным образом в результате нашей пропаганды) большая часть солдат поняла также, что ей не выбраться из котла и организованным порядком. 4 февраля, когда котел только определился, пленный показывал, что «солдаты не в отчаянии, они рассчитывают необходимое время продержаться, а потом быть вывезенными»; 15 марта пленный из того же полка говорил: «Настроение солдат отчаянное, большинство почувствовало себя обреченным и мало надеется выбраться из котла».

Таким образом, для первого периода характерны: а) согласие солдатской массы с немецкой пропагандой в том, что сопротивление в Восточной Пруссии сковывает советские войска и помогает немецкой армии на других фронтах, б) надежды на то, что оставшиеся еще крупные силы 4-й армии сумеют оборонять плацдарм до нужного момента, в) отсутствие в массе солдат чувства обреченности, надежда эвакуироваться в последний момент морем, г) попытки большого количества солдат выбираться самостоятельно, идя на дезертирство.

Об организованно: отказе от сопротивления солдаты и не помышляли. Если одни, зная, что война проиграна, бежали к морю, то другие рассчитывали, наоборот, что близость конца войны позволит им дождаться его еще на немецкой земле и остаться дома. Сильно еще было и безрассудное чувство подчинения («лучше не заглядывать в будущее, будь что будет, а наше дело подчиняться»). О массовой сдаче в плен в тот период еще не могло быть речи.

Гибель многих старых солдат и офицеров, замена их обозниками, не умеющими владеть оружием, перемещение подразделений, тяжелые бои без отдыха с нашими превосходящими силами — все это подточило боеспособность солдат, но вовсе не побуждало еще искать выхода в плене. Если они бежали, то не вперед, а назад. Для того чтобы они пришли к мысли о плене, им нужно было осознать свою обреченность, отказаться от всех иных надежд и иллюзий. Для этого требовались удары наших войск по котлу и крупных масштабов пропаганда, которая убедила бы солдатскую массу в том, что у нее нет выхода из котла ни по суше (через косу Фрише Нерунг и Данциг), ни по морю и что ей надо сдаваться в плен, с которым не должно быть связано никаких страхов. Это и было осуществлено силами фронта.

Чтобы добиться поставленных целей путем политической работы в окруженной группировке, надо было перейти к широкому массовому наступлению средствами пропаганды. Нужно было помочь командованию возможно быстрее ликвидировать окружение войска и сделать это малой кровью. Для этого признано было необходимым: а) завалить территорию котла листовками с самой разнообразной аргументацией, б) ночи напролет производить передачи по всем звукостанциям, в) перебросить через линию фронта в котел сотни военнопленных для агитации за сдачу в плен, г) сделать содержание пропаганды строго целенаправленным.

В середине февраля были проведены организационные меры, обеспечившие полную мобилизацию всего аппарата и средств пропаганды.

Политуправление фронта разработало для политотделов армии план мероприятий по политической работе среди войск противника в восточнопрусском котле. Начальники 7-х отделов поармов проинструктированы были на однодневном совещании, которое провел начальник политуправления фронта. Военсоветы армий издали приказы, обеспечившие еженощную работу звукостанций, быстрое распространение листовок и широкую заброску пленных. В армиях проведены были однодневные сборы ст. инструкторов подивов. Весь инструкторский состав 7-го отдела и армейских отделений направился в войска на все время ликвидации котла. Были обеспечены ежедневная телеграфная информация о ходе работы, немедленные распоряжения по этой информации, тесная связь с разведывательным и оперативным отделами штаба. Командованию ежедневно делались донесения о ходе работы среди окруженных войск. Маршал Василевский, член Военсовета фронта генерал-лейтенант Макаров и начальник штаба фронта генерал-полковник Покровский систематически лично давали указания о последующем направлении работ. В результате всего этого 7-й отдел и 7-е отделение мощными штабами пропаганды, пустившими в ход разнообразные средства воздействия на вражеские войска.

Содержание пропаганды¹

Печатная и устная пропаганда для окруженной группировки строилась на следующих основных положениях:

¹ Оно строилось на основании указаний и установочных листовках

- 1) опыт котлов учит, что окруженным войскам никогда не удавалось их прорывать (Сталинград, Украина, Витебск, Будапешт);
- 2) немецкие части в Восточной Пруссии находятся глубоко в тылу русских войск и о прорыве их не может быть речи;
- 3) у окруженных остался небольшой клочок территории, ежедневно сокращаемый превосходящими силами русских;
- 4) в отличие от предыдущих окружений, имевших место на чужой территории, нынешний котел образовался на территории немецкой, где находится немецкое население, которое погибнет вместе с войсками при их дальнейшем сопротивлении;
- 5) все порты на побережье Польши и Померании или заняты русскими или падут в ближайшие дни. Бежать некуда;
- 6) русская авиация и подводный флот базируются теперь на балтийском побережье, немецкие транспорты топят в море;
- 7) выждать конца войны, оставаясь в котле, никому не удастся. Котел будет ликвидирован раньше, чем кончится война. Медлящие спастись погибнут;
- 8) приходящие пополнения не имеют никакого серьезного значения. Прибывшие в котел присланы на смерть;
- 9) особенности восточнопруссского котла заключаются в том, что ликвидация его происходит на фоне общего разгрома немецких армий от Балтийского до Адриатического морей. Русские подходят к Берлину и Штеттину, углубились в Германию с юга, англо-американские войска форсировали Рейн;
- 10) сопротивление окруженных уже ничем не может помочь немецким армиям на других фронтах;
- 11) в ближайшее время будут нанесены еще более мощные удары в самое сердце Германии (решение Крымской конференции);
- 12) сопротивление делает более тяжелой цену поражения Германии (решение Крымской конференции);
- 13) огромное количество солдат и офицеров, бывших в котле, уже осознало создавшееся положение и сдастся в плен;

Главного политического управления РККА и учета меняющейся конкретной военной обстановки на фронте (М. Б.).

14) ни пленные, ни немецкий народ не будут уничтожены победителями. Газеты немецкой армии намеренно извращают решения Крымской конференции. Уничтожены будут лишь германский империализм и нацизм;

15) требования Гитлера о сопротивлении до конца преступны;

16) за жизнь солдат, за предотвращение их бессмысленной гибели ответственны офицеры и фельдфебели. Они должны возглавить организованную сдачу в плен. В случае упорства офицеров солдаты должны действовать сами.

Печатная пропаганда

В котел заброшено было рекордное количество листовок — 11,7 млн. Из этого количества 1,9 млн. было прислано ГлавПУ РККА; весь основной тираж произведен на месте. РИО 7-го отдела издал в период ликвидации котла 5,3 млн. листовок, армейские отделения — 3,6 млн. (остальной заброшенный тираж — за счет отпечатанного на месте ранее). 10,8 млн. листовок распространено авиацией, 0,9 млн. — агитминами и через засылавшихся военнопленных. Львиную долю листовок забросила фронтовая агитэскадрилья (около 7 млн.).

Значение этих цифр станет ясным, если учесть, что вся эта масса листовок распространялась на узкой прибрежной полосе. Войска противника оказались буквально засыпанными листовками. «Все военнопленные, — гласит донесение политотдела 5-й армии за март, — как перешедшие на сторону Красной Армии, так и захваченные в результате боевых действий, имели при себе листовки ГлавПУ РККА, ПУ фронта и поарма». Политотдел 31-й армии сообщает: «Пленные показывали, что за все время войны они не встречали такого огромного количества листовок, как здесь, в восточнопрусском котле». Таковы общие утверждения. И солдаты с переднего края и тыловики, находившиеся ранее на других участках восточного фронта, равно утверждали, что большего количества листовок, «чем на этом клочке земли», они до того не читали. В среднем на солдата сброшено было почти по 60 листовок.

Особая пропагандистская ценность этого обилия листовок состояла в их разнообразии, они содержали все новые и новые аргументы за прекращение сопротивления. На небольшом пространстве, занимавшемся немецкими войсками, нельзя было разбрасывать ограниченный круг листовок: это значило бы, что солдаты имели бы одни и те же листовки и прекрати-

ли бы их читать. Задача состояла в том, чтобы изо дня в день паразитовать в солдатских умах количество доводов за капитуляцию. И это было достигнуто. РИО 7-го отдела издал 58 различных листовок, армейские отделения — 199.

Контрпропагандистские листовки. Надо было прежде всего совершенно обесценить в глазах солдат нацистскую пропаганду, которая работала в окруженных войсках столь же интенсивно, как и военно-полевые суды. Все дома, столбы и автомашины на территории котла исписаны были лозунгами «Храбрость и верность», «Ненависть», «Смерть надругивающимся над нашей родиной», «Выстоять или умереть» и т. д. Все дивизии, отдельные полки и боевые группы заваливались листовками «Зверства красных», «Стоит ли еще?», «Желаешь ли ты?», «Котлобоязнь», «Где правда?» и др. Газета 4-й армии «Дер Штосструпп», которая уменьшила формат, но круто увеличила тираж и стала раздаваться по всем отделениям, печатала статьи, уверявшие, что у солдат нет другого выхода, кроме как держаться до конца. А приказ Гитлера от 11 марта, требовавший «сопротивляться до тех пор, пока враги не обессилены», был доведен под расписку до каждого солдата, как и многочисленные приказы командиров соединений и частей.

Взяв себе за правило не оставлять без ответа ни один широко распространяемый нацистами пропагандистский документ, РИО 7-го отдела издал целый ряд контрпропагандистских листовок.

Солдатам зачитали под расписку приказ о репрессировании семей добровольно сдающихся в плен. Тут же последовала листовка «Запомните!», разъяснившая, что немецкое командование никогда не сможет установить обстоятельств пленных солдат.

«Дер Штосструпп» призывал солдат брать пример с Ленинграда, который выстоял блокаду и вышел победителем. Последовала листовка «Никакого сравнения!», подробно разъяснившая разницу положения русских войск в 1941—1942 годах и немецких в 1945 году.

«Дер Штосструпп» дал большую статью о Крымской конференции как решившей якобы истребить немецкий народ. Последовала листовка «Дер Штосструпп лжет», разъяснившая решения конференции.

По всем немецким соединениям распространена была листовка штаба 4-й армии «Котлобоязнь», в которой со ссылками на примеры Курляндии, Крита и др. доказывалось, что

окружение не страшно. Последовала наша листовка под тем же заголовком, но со ссылками на иные примеры и доказывавшая, что положение окруженных в Восточной Пруссии и страшно и безвыходно.

На приказ Гитлера о борьбе до тех пор, «пока враги не обессилены», мы ответили листовкой «Не слушайте банкрота Гитлера», в которой показали, что «обессиливает не тот, кто наносит удары, а тот, кто получает их».

Эти листовки, как известно от пленных, производили на солдат чрезвычайно сильное впечатление (они вызвали и одобрение 7-го управления ГлавПУ РККА), вследствие чего и армейские отделения выпустили ряд листовок этого типа. Таковы «Генерал Мюллер лжет» (ноарм 5), «Стоит ли еще?» (имитационные листовки поармов 3 и 31) и др.

Листовки о положении окруженных. Эти листовки составляют 3/5 изданий РИО и 4/5 армейских изданий. Безвыходное положение окруженных показывает в них на фоне побед Красной Армии и армий союзников на других фронтах. Почти каждое сообщение об успехе советских войск сопровождалось указанием на то, в какой степени успех этот ухудшил положение окруженных. Это делалось обычно короткими и четкими военно-географическими справками (часто с картами), сугубо практически.

Читаемые изо дня в день, приводившие все новые и новые факты продвижения союзных войск в Германии, убедительно показавшие положение окруженной группировки, эти листовки оказали на солдат воздействие, которое трудно переоценить.

Листовки о Крымской конференции в большом количестве изданы были Главпуrom в Москве, армейскими отделениями и РИО. Мы разъясняли, что решения конференции солдатам ничем не угрожают, что не солдатская масса будет привлечена к ответственности.

Листовки к офицерству. К офицерам, наряду с солдатами, адресовались почти все листовки. Но, кроме того, РИО и армейскими отделениями был издан целый ряд листовок, специально обращенных к офицерству и нижнему командному звену. В этих листовках мы требовали от офицеров инициативы капитуляции, предлагали им возглавить сдачу в плен, указывали им на их ответственность за солдатские жизни.

В листовке «Почему все больше офицеров из котла сдается в плен?» приводились имена крупных плененных офицеров,

носителей многих наград и отличий, и говорилось: «Такие офицеры сдаются в плен потому, что они опытные и компетентные военные люди. Они лучше чем кто-либо другой, знают, что...» и т. д.

В листовке «Офицеры сдаются в плен» приводились выдержки из показаний офицеров о причинах, побудивших их к сдаче. Читатель листовки узнает разнообразные доводы за плен, и притом исходящие от лиц командного состава. «Эти офицеры,— заключает листовка,— были честны перед собой и своими солдатами».

В листовке «Критический час» указывалось, что инициатива сдачи в плен подразделений принадлежит в большинстве случаев солдатам, заставляющим офицеров капитулировать:

«Терпению многих солдат приходит конец. Они требуют от своих начальников прекратить сопротивление. Они не хотят погибать за тупых и упрямых нацистов. 13—15 марта было уже 4 случая, когда солдаты связанными приводили своих офицеров в плен, и один случай, когда солдаты убили своего офицера.»

«Еще несколько дней и остатки немецких войск будут сброшены в море. Это будет массовая гибель. Кого минует снаряд, тот захлебнется в Балтике. Не ждите же, офицеры...»
и т. д.

Листовки против пропаганды ужасов. Ввиду того что в нацистской пропаганде занимали большое место «зверства красных в отношении женщин и пленных», РИО 7-го отдела издало две листовки о том, как живет немецкое население на занятой советскими войсками территории. Одна листовка исходила от пастора г. Тапиау и обращена была к «Братьям по вере». В ней священник рассказывал о том, что он видит в городе, как обращаются советские офицеры и солдаты с оставшимися жителями, к каким работам привлекаются женщины, как кормят пленных на сборном пункте и др. Пастор призвал солдат прекратить сопротивление, ибо никаких зверств Красная Армия вовсе не учиняет.

Вторая листовка издана с клишированными подписями бургомистра и жителей г. Растибурга и рассказывает о начале восстановления в городе нормальной жизни, пущенных в ход предприятий, отношении советских военных властей к населению. Листовка призывает солдат отказаться от бесполезного сопротивления.

Такого же типа листовки, в которых население занятых территорий использовалось для воздействия на солдат, изда-

вались и отделениями поармов 3,5 и 50. Поарм 31 издавал листовки не от лица жителей, а непосредственно к гражданскому населению на территории окруженных, призывая его требовать от солдат прекратить сопротивление.

Большое количество листовок издавалось армейскими отделениями и непосредственно от лица пленных, в том числе офицеров (поармы 5, 31 и 3). Отделение поарма 28 забрасывало к окруженным тысячи писем, лично написанных пленными на особо отпечатанных бланках¹.

Оперативность пропаганды. Во времена обороны 7-му отделу и армейским отделениям были хорошо известны состояние немецких соединений, занимаемые ими участки, их командный состав, их потери и пополнения, условия быта солдат и проч. Все эти данные совершенно отпали, когда началось стремительное наступление наших войск. В лагере противника все перемешалось, положение частей и в частях круто и ежедневно менялось.

Войска противника несли огромные потери. Многие соединения перестали существовать как целостные. Шло непрерывное переформирование частей в боевые группы. Иногда эти группы сохраняли свои номера, чаще же именовались по фамилиям их командиров. Наспех создававшиеся подразделения так же быстро снова распадались. Части переходили из одного соединения в другое. Многие солдаты перебивали в течение марта в трех — пяти и больше подразделениях. Вот иллюстрация того, что творилось с немецкими дивизиями.

В конце февраля была расформирована 547 пд. Ее остатки влиты были в 549 и 50 пд. В начале марта расформирована была 549 пд, ее остатки переданы 50 и 558 пд. В середине марта распадаются и эти две дивизии, их остатки вливаются в 562-ю и 28-ю дивизии. Но уже к 20 марта 28 пд перестает существовать и распадается на две боевых группы, а 562 пд, в которой остался один полк, передается в конце месяца тд «Великая Германия».

На протяжении всего марта редющие ряды пехотных частей сменяли друг друга, пополнялись за счет ликвидируемых тыловых частей и служб, за счет расформированных специальных артиллерийских и танковых частей и вводимых на передний край саперных и строительных батальонов.

¹ В ПУ фронта и во всех поармах широко осуществлялось тесное сотрудничество с уполномоченными и доверенными Национального комитета Свободная Германия как в печатной, так и устной пропагандистской агитации (М. Б.).

В результате всего этого перед фронтом наших войск происходила непрерывная смена частей противника. Задачи политической разведки и пропаганды были чрезвычайно усложнены. Требовалась сугубая оперативность, постоянная и точная ориентация в сложной и ежедневно меняющейся обстановке и быстрота пропагандистского реагирования на все происходящее в лагере противника.

РИО отдела и 7-е отделение поармов справились с этим. Листовки составлялись и частью тиража выпускались в свет, как правило, в течение нескольких часов с момента получения соответственной информации, документа, допроса пленного или данных разведки. Печатные машины работали круглосуточно, причем во многих отделениях их крутили вручную. Выпущенные листовки разбрасывались агитэскадрильей и армейской авиацией в ту же ночь¹. Руководство печатной пропагандой отделений осуществлялось не путем помесечных рецензий, как это было в состоянии обороны, а ежедневно. По каждой, требовавшей указаний листовке они слались начальником и инструктором-литератором РИО сейчас же. Благодаря немедленному изучению в отделе трофейных документов, допросам пленных офицеров и непрерывной связи с отделами штаба пропаганда быстро откликалась на все существенное, что происходило в лагере противника. О судьбе немецких частей солдаты вермахта прежде всего узнавали из листовок.

Устная агитация

Столь же огромные размеры, как и печатная пропаганда, приняла и устная. Уже в феврале МГУ и ОЗС сделали для окруженных 5164 передачи — количество, не имевшее место ни в один предыдущий месяц. В марте и это число было, однако, превзойдено — произведено было 7136 передач.

К окруженным войскам обращались, таким образом, с устной речью 12 300 раз, причем 4500 раз через мощные говорящие установки.

Выступления эти содержали каждый раз самый свежий материал. 7-й отдел систематически давал звукостанциям тексты передач (они получили особое одобрение 7-го управле-

¹ На фронте с 1942 года действовала специальная агитэскадрилья для распространения листовок среди вражеских войск, насчитывающая до пятнадцати боевых самолетов (М. Б.).

ния ГлавПУ РККА). Армейские отделения обновляли программы каждые два-три дня, а некоторые (особенно поарма 5, программы которого были и самыми лучшими) делали это почти ежедневно. К выступлениям у микрофонов привлекались свежие пленные, свидетельствовавшие хорошее обращение с ними в плену; привлекались немецкие офицеры, приказавшие солдатам своих подразделений сдачу в плен; выступали немецкие женщины и даже дети, свидетельствовавшие солдатам о том, что они живы, здоровы и никто не унижает по отношению к ним никаких зверств.

Почти все армейские отделения проявили в организации таких выступлений много инициативы, разнообразили их, вызывая напряженнейший интерес немецких солдат. Достаточно указать, например, что, организуя выступление пленного унтер-офицера, жившего до войны в Хайльсберге, отделение поарма 31 устроило ему предварительно свидание с его оставшейся в городе семьей, после чего перебежчики показывали, что подъем и искренность тона унтер-офицера не оставили у них сомнений в правоте его слов.

9 МГУ и 53 ОГУ¹ работали, как правило, ночи напролет на разных участках, делая перерывы только для перезарядки аккумуляторов. При этом станции продолжали работу и тогда, когда дивизии, которым они принадлежали, выводились во вторые эшелоны и не имели соприкосновения с противником. В этих случаях ОЗС передавались действовавшим соединениям и оставались в первой линии.

Станции работали в условиях непрерывных ожесточенных боев. Экипажи находились под обстрелом. Попадание осколков то и дело выводило из строя то ходовую часть машин, то аппаратуру. В этих случаях, как правило, станции ремонтировались тут же на переднем крае, после чего продолжали работу дальше. Но следует оговориться, что все случаи такого рода имели место только в результате артиллерийских обстрелов; из стрелкового оружия по станциям совершенно не открывалось стрельбы. Наоборот, достаточно было станции заговорить, чтобы немецкие солдаты сейчас же прекращали стрельбу и слушали передачу.

Для того чтобы добиться максимальных результатов, многие дикторы и ст. инструктора подивов производили передачи с расстояния всего в 150—200 метров от немецких

¹ К этому времени все дивизии были снабжены ОГУ — окопные громкоговорящие установки.

траншей (особенно близко к противнику работали звуко-станции 2-й гв. армии).

Экипажи проявляли настойчивость и отвагу. Достаточно назвать два экипажа из 5-й армии: МГУ, которая продолжала работу после того, как диктор мл. сержант Шульц был ранен, а машина получила несколько пробоин, и ОЗС 277 сд, диктор которой красноармеец Инешин проводил передачи не только ночью, но и днем и во время такой передачи погиб.

Работа звукостанций в период ликвидации котла пестрит столькими примерами отваги и инициативы, каких не было в предшествующие периоды. Из многочисленных образцов такой оперативной отважной работы мы приведем один лучший, но он даст представление и о характере работы других.

Окопная станция 174 сд 31-й армии, руководимая ст. инструктором подива ст. лейтенантом Стариковичем, вступила в деревню Хансвальде раньше, чем она была занята нашей пехотой. Устанавливая динамик в окне одного из домов, Старикович обнаружил в помещении трех немецких солдат. После короткой беседы с ними он привлек их... к выступлению через микрофон. После этого к динамику пришли три перебежчика. Старикович тут же привлек к передачам и этих троих. В д. Рефельд Старикович проводил передачи тогда, когда часть ее еще находилась в руках у немцев. Динамик был установлен в доме, от которого немцы находились в 15 метрах. Явившиеся перебежчики и здесь были тут же поставлены к микрофону. В другом случае Старикович вел передачи в помещении одного из корпусов авиазавода, в других корпусах которого сидели немцы. 12 из них перешли. В одном случае, когда ветер дул со стороны противника и передачи с фронта проводить было нельзя, Старикович пробрался вместе с нашим заходившим в тыл немцам батальоном глубоко за их передний край и провел передачи в тылу у противника.

Должно быть подчеркнуто, что в результате работы таких ст. инструкторов и дикторов огромное количество немецких солдат не только сдавалось затем без сопротивления в плен, но сразу и непосредственно перебежало, направляясь прямо к звукостанциям. 7-й отдел фронта дал звукостанциям специальный текст передачи «Идите на звук!», и настойчивая передача этого призыва привела к тому, что сплошь и рядом экипажи МГУ и ОГУ тут же после работы сдавали ближайшим частям взятых ими пленных.

Для политической работы среди окруженных войск к ним направлялись нами из плена их же товарищи, которые личным рассказом о виденном в плену непосредственно воздействовали на солдат. Такая обратная засылка военнопленных на немецкую сторону, мало практиковавшаяся раньше, когда немецкие войска отступали, стала одним из основных способов пропаганды, когда войска оказались в котле. Засылка пленных была систематической и массовой, производилась на всех участках фронта, во все немецкие дивизии и способствовала прозрению личного состава.

На различных этапах боевых действий засылаемым ставились различные задачи:

- а) вернуться в часть и привести оттуда в плен своих товарищей;
- б) рассказывать встречным солдатам правду о русском плене и безнадежном положении немецких войск;
- в) распространить листовки и «пропуска в плен»;
- г) организовать группы для добровольной сдачи в плен во время нашей атаки;
- д) передать своему подразделению письменное приказание своего командира, который находится в плену, о немедленной сдаче в плен;
- е) передать своему командиру ультимативное требование о капитуляции.

После определения заданий пленным выдавались специальные пропуска, объявлялся условный пароль для возвращения, и они перебрасывались через линию фронта. Всего заслано было таким образом в котел 800 пленных-агитаторов.

Результаты этой работы оказались чрезвычайно ощутительными. Вот несколько примеров.

Ст. инструктор подива 102 сд старш. лейтенант Даниленко заслал двух солдат боевой группы «Штаблак». Засылаемым было вручено письмо накануне сдавшегося в плен командира роты этой группы ст. лейтенанта с приказанием к своим солдатам немедленно сдаться. В ту же ночь засланные привели с собой в плен весь первый взвод этой роты в составе 26 человек во главе со штабс-фельдфебелем.

¹ На завершающем этапе войны эта форма работы «изнутри войск противника» проводилась совместно с уполномоченными НКСТ, являлась особенно эффективным средством работы среди вражеских частей и их пленения (М. Б.).

Засланный солдат 21 пд привел с собой в плен шесть солдат. Его перебросили через линию фронта вторично, на этот раз на участок 500-го строит. батальона. Здесь он убедил большую группу солдат сдаться без выстрела при атаке русских. Через несколько часов, когда атака началась, эта группа в составе 31 человека, с поднятыми руками побежала навстречу нашим бойцам, убив предварительно своего командира взвода — лейтенанта Байера, который препятствовал сдаче в плен. Засланный в третий раз, он привел еще шесть человек.

Распропагандированный столь же хорошо перебежчик из 50 пд О. проявил такую же настойчивость. Он был заслан в полуокруженную деревню Вессельгафен и убедил находившихся в ней солдат прекратить сопротивление. Немцы группами по 5—6 человек стали выходить из подвалов и сдаваться в плен. Всего сдалось 70 человек. С последней группой возвратился и сам О., который дал следующее подтвержденное всеми пленными письменное показание:

«Получив задание вашего офицера, я благополучно пробрался к подвалам, в которых находились немецкие солдаты. Зашел в один, затем в другой, рассказывал о том, что русские хорошо обращаются с пленными, а потом сказал, что они послали меня предупредить солдат, что все погибнут, если не сдадутся и будут стрелять по русским. Выслушав меня, солдаты подняли шум, стали кричать и требовать, чтобы офицеры повели их в плен. Офицеры, видя такую ситуацию, вышли из блиндажа и, по-видимому, убежали в тыл. Солдаты же, по моему совету, стали группами выходить из подвалов и направляться к вам».

В эту же ночь перебежчик был заслан вторично и привел с собой 24 солдата из 50 и 562 пд.

Таких примеров — множество. Засылались не только солдаты, но и офицеры, которые направлялись в свои подразделения и приводили в плен подчиненных им солдат.

Из 800 засланных учтено 366 возвратившихся, которые привели с собой 2347 человек. Значительная часть остальных засылавшихся арестована (а некоторые и расстреляны) немецким командованием; многие возвратились не на те участки, с которых направлялись, и потому оказались неучтенными. Но и в тех случаях, когда засланные не возвратились, они свою роль сыграли: их арестовывали, но под впечатлением их рассказов сдавались в плен другие солдаты.

Но значение засылки оказалось неизмеримо большим, чем только привод в плен солдат. О фактах возвращения из русского плена, о том, что русские отпускают пленных назад,

узнали все солдаты окруженной армии, и это произвело на них огромное впечатление. «Это наглядно показало нам, что русские вовсе не расстреливают пленных... Мы сделали вывод, что если русские посылают наших солдат обратно, то, значит, недостатка в пленных у них нет... Мы решили, что, если русские отпускают пленных, значит, они действительно уверены, что отпущенные все равно скоро попадут назад в плен, что уйти из котла некуда». Рассказы засланных, а еще больше множество слухов об этих рассказах круто уменьшили страх перед пленом и сильно распространили пораженческие настроения среди солдат. От одного к другому стало передаваться, что будто бы русские отпускают пленных по первому желанию, что в лагерях даже нет особой охраны и проч. Вне зависимости от того, насколько этим преувеличениям верили, плен перестал уже рисоваться особо страшным.

Немецкое командование справедливо увидело в этом нашем способе пропаганды страшную угрозу. Посыпались приказы о немедленной изоляции всех возвращающихся из плена. Затем, когда стало ясно, что пораженчество распространяется и независимо от рассказов возвратившихся, что действует уже самый факт их появления, по всем немецким частям дан был строжайший приказ стрелять по всем, кто идет с русской стороны в немецкой форме, убивать их до подхода к переднему краю. Но солдатами, как правило, этот приказ уже не выполнялся. Несколько засланных было, правда, на подходах к немецким линиям убито, большинство же благополучно добрались до своих частей.

Видя ощутительный результат засылки пленных, производимой седьмоотдельцами, этим способом пропаганды занялись и другие политработники и командный состав частей. Пленных засылали начальники подивов, командиры полков и даже батальонов. Былой скептицизм и опасение отпускать солдат противника сменились уверенностью и смелостью в этом деле. Наибольшее участие в засылке принимал командный состав 28-й армии, где и 7-е отделение добилось наибольших результатов. 7-й отдел ПУ фронта непрерывно следил за ходом засылки и ее результатами; если в течение трех-четырех дней на каком-либо участке засылалось мало пленных или засланные не проделывали нужной работы, туда сейчас же направлялся инструктор отдела и положение выправлялось. О всем целесообразном, что применялось на каком-либо участке, ставились сейчас же в известность другие отделения.

Итогом всей этой настойчивой работы явилось не только

большое количество приведенных пленных, но и явно слабое сопротивление и отказ от сопротивления на поле боя многих тысяч солдат.

Командующий войсками фронта маршал Советского Союза Василевский, ежедневно следивший за ходом пропагандистских операций, дал такую оценку проведенной работе: «Опыт полностью оправдал обратную засылку пленных в лагерь противника».

ПРОПАГАНДА ОБРАЩЕНИЯ МАРШАЛА ВАСИЛЕВСКОГО

Проект этого документа, сыгравшего решающую пропагандистскую роль на последнем этапе боев, составлен был 7-м отделом ПУ фронта и утвержден маршалом.

Вот его текст.

«Генералам, офицерам и солдатам
немецких войск,
находящихся на побережье залива
Фриш Гафф в районе Хайлигенбейль.

Ваша группировка разгромлена. Остатки ее прижаты к заливу Фриш Гафф и обречены на уничтожение. Ваши войска занимают сейчас узкую полосу побережья, которая сужается с каждым днем. Положение войск безвыходное. Вами потеряны почти все орудия и танки. Против вас действуют во много раз превосходящие силы Красной Армии. Наше превосходство в артиллерии, танках и авиации вам известно.

Помощи вам оказать никто не может. Порты Данциг и Гдыня не только блокированы, но и изолированы друг от друга. Их гарнизоны находятся в таком же положении, как и вы. Вся территория от Данцига до Одера, включая все померанское побережье до Штеттинского залива, занята советскими войсками. Морские пути в Пиллау находятся под контролем нашей авиации и подводного флота. Транспорты, пытающиеся пробраться в Пиллау и выйти из порта, топят в море. Сам порт Пиллау — под обстрелом советской артиллерии.

От линии фронта вас отделяют 400 км. Фронт проходит у Штеттина. Вы в глубоком тылу русских войск. Немецкая армия в целом находится на грани катастрофы. Бои идут в 50 км от Берлина. Заняв Силезию, русские войска вышли уже к Саксонии. Войска наших союзников заняли всю территорию к западу от Рейна. Пали Кельн, Бонн, Кобленц, Вормс, Людвигсгафен. Рейн форсирован во многих местах. Бои идут в Руре и на подступах к Франкфурту-на-Майне.

Вы сами хорошо понимаете, что в таких условиях ваше сопротивление не имеет никакого смысла и приведет лишь к вашей гибели и многочисленным жертвам местного населения.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, предлагаю вам сложить оружие и прекратить сопротивление».

Подписанный маршалом 24 марта, этот документ тогда же был отпечатан РИО 7-го отдела и в ту же ночь и на следующий день распространен авиацией и посредством агитмин в количестве 142 тыс. экз. Все звукостанции передавали его круглую ночь, сделав 253 передачи. Уже утром 25 марта (как выяснено было у взятых в этот день пленных) об Обращении русского командующего знало большинство солдат и все офицерство.

Выпущенный в критический для немцев момент, этот документ подействовал на них с огромной силой. Впервые они имели перед собой не безымянную листовку, а Обращение командующего русскими войсками в Восточной Пруссии, говорившего властным языком ультиматума. И никто из солдат не отнесся к Обращению как к пропаганде; все расценили его как официальное — первое и последнее — предупреждение советского командования. Во всех показаниях пленных листовка эта называлась ультиматумом или «заявлением от 24 марта».

Из многочисленных фактов капитуляций, следовавших уже 25 марта, мы приведем лишь несколько.

Рано утром на участок нашей 28-й армии явился солдат роты 170 пд с просьбой не открывать огонь по роте, которая приняла ультиматум и прибудет сейчас в плен. После того солдат возвратился в свою роту, которая через полчаса пришла в полном составе во главе с лейтенантом — командиром роты.

Над немецким блиндажом, находившимся против участка нашей 3-й армии, утром 25 марта взвился белый флаг. Это известил о принятии ультиматума русского маршала немецкий противотанковый дивизион. Он был только что сформирован, но, прочитав Обращение русского командующего, командир дивизиона отдал приказ о капитуляции. Сдались штаб дивизиона и 158 солдат разных подразделений, находившиеся на дивизионном КП.

Белый флаг взвился тем же утром и над блиндажом командира одной из рот 170 пд. «Я принимаю ультиматум, — заявил он, — и сдаюсь со своими солдатами».

Тогда же сдалась в плен сводная рота 21 пд. Командир

роты вахмистр показал: «Я рассчитывал сопротивляться до последнего солдата, но нашел листовку за подписью маршала Василевского, которая произвела на меня и солдат потрясающее впечатление. Она резко отличается от других листовок: без пропаганды, приказным тоном, она требует сдачи. И я решил сдаться».

25 и 26 марта были отпечатаны и распространены еще 150 тыс. экз. этого документа, а звукостанции продолжали передавать его. В результате этого уже все немецкие солдаты знали об Обращении русского командующего. Группами, в одиночку, подразделениями они шли через линию фронта или прятались в подвалах домов, ожидая прихода наших частей. Нет сомнений, что если наша пропаганда оказалась чрезвычайно действенным средством в пленении окруженных войск, то Обращение маршала оказалось в этой пропаганде самым действенным документом.

Результаты пропаганды

Массированное применение средств пропаганды дало чрезвычайно крупные результаты. Воля солдат к сопротивлению подтачивалась изо дня в день и в момент окончательного штурма, начавшегося 13 марта, оказалась уже в значительной мере надломленной. Если сила нашей пропаганды состояла в том, что она опиралась на силу войск, удары которых немцы ежедневно чувствовали, то и для войск наших, в свою очередь, пропаганда явилась поддержкой большой силы, сберегла многие тысячи жизней наших солдат и офицеров.

Должно быть прежде всего подчеркнута, что о самом факте окружения немецкие войска узнали только из наших листовок и звукопередач. Немецкое командование это обстоятельство от войск скрывало. Командир 24-й танковой дивизии даже 6 марта требовал в своем приказе «решительно устранить выражение «восточнопрусский котел», пущенное советскими листовками, которые хотят убедить солдат, что они в окружении, в безысходном положении, и сломить силу нашего сопротивления». Офицеры все время убеждали солдат в том, что окружения нет, что оно выдуманно советскими листовками. Только благодаря нашей пропаганде все солдаты противника узнали о безысходности их положения, и лишь в результате систематического чтения все новых и новых листовок они приходили к сознанию своей обреченности. Пленный обер-лейтенант из 292 пд высказал это так: «Листовки нам доказали, что происходит уже не война, а ненужное массовое

избиение; стало угнетать сознание бессмысленности жертв; читая листовки, это поняло большинство солдат». Пропаганда заставила солдат увидеть, что из окружения им не выбраться, а война в целом проиграна.

Во-вторых, пропаганда завоевала доверие солдат и очень значительной части офицерства. «Ваши листовки находятся повсюду в огромном количестве. О всех событиях мы узнавали именно из листовок. Я прочитал за время отступления 20—25 разных листовок. Каждая из них была предметом обсуждения» (солдат из 14 пд). «Вашим листовкам верят больше, чем нашей пропаганде. Солдаты ищут листовки. Листовка стала в последние недели играть чрезвычайную роль. Она дает солдату последний толчок, заставляет его решиться на сдачу в плен» (у.-оф. из 292 пд). Точно так же, как и солдаты, ответа на мучительный вопрос о том, что делать, стали искать в наших листовках и офицеры. Достаточно сказать, например, что из 80 офицеров, взятых в плен частями 28-й армии, 44 имели при себе наши листовки. Голос советской пропаганды стал авторитетнее бесконечных приказов и листовок немецкого командования и пропаганды. Советская пропаганда добилась того, что со слепым послушанием, с безрассудным чувством подчинения в окруженных войсках было покончено.

В-третьих, пропаганда, неустанно убеждавшая солдат отказаться от сопротивления, добилась и этого. Когда началось наступление 13 марта, то в самом начале наших атак целые подразделения, не сделав ни выстрела, стали бросать оружие. Из 155 пленных, взятых 18 марта частями 2-й гв. армий, 144 сдались без выстрела, подняв листовки. Части 28-й армии отметили свыше 500 случаев, когда сдавшиеся солдаты заявили, что не сопротивлялись потому, что следовали указания советских листовок. Поарм 31 указывает, что в январе фактов групповой добровольной сдачи в плен под влиянием листовок и засланных пленных не было, в феврале было более 20-ти, в марте — более 120-ти. Поарм 3 учел 117 случаев групповых добровольных сдач под влиянием листовок и слухов, распространенных пленными. В целом ряде случаев группы были очень крупными (по 50—150 человек), которые могли отстреливаться, а иногда и контратаковать. Этот добровольный отказ от сопротивления в результате пропаганды был столь массовым, что на участке каждой армии удалось даже формально учесть по 2—3 и больше тысяч сдавшихся таким образом солдат.

В-четвертых, пропаганда серьезнейшим образом изжила

страх перед пленом. Наиболее ярким выражением этого являются не только указанная массовая добровольная сдача в плен в бою, но и перебежки, то есть активные действия, сопряженные для солдат с большим риском. Если начало февраля характеризуется тем, что искавшие спасения солдаты дезертировали, бежали к морю, то последующий период примечателен бегством не назад, а вперед — в плен. То, что большое количество солдат, следуя указаниям листовок и звукопередач, по собственной инициативе искало спасения в плену, не может быть расценено иначе как торжество советской пропаганды.

Перебежки были настолько массовыми, что по заявлению поарма 31 «к концу февраля число перебежчиков превышало число пленных, взятых в бою». И все перебежчики или приходили с листовками или ссылались на них. Фельдфебель из 49 пп 28 лпд, приведший в плен свой взвод из 26-ти человек, заявил, что на него «произвела решающее впечатление листовка, обращенная к фельдфебелям». Другого фельдфебеля, приведшего 14 человек, склонили на этот шаг листовки о льготах перебежчикам. Солдат 156-го сан. батальона, приведший также 14 человек, сделал это под влиянием листовок о событиях на фронтах. Офицер, командовавший сап. батальоном, перебежавший с подчиненным ему лейтенантом и ординарцем, заявил, что «толчок к этому дали мне различные и многочисленные листовки, убедившие, что игра проиграна». Одним, таким образом, окончательный толчок давали одни листовки, другим — другие, но, несомненно, что настроение в пользу такого решительного шага складывалось под влиянием всей массы нашего пропагандистского материала.

Назвать точные цифры перебежчиков невозможно. Отделению поарма 5 удалось учесть 1408 чел., или 16% к общему числу взятых армией пленных. Отделение поарма 3 учло только за март 887 чел. Отделение поарма 28 учло в марте только тех 255 человек, которые явились к звукостанциям после передачи текста «Идите на звук!». А другие отделения сообщают лишь, что число перебежчиков небывалое, но не поддается учету, тем более что большое количество солдат не переходило линию фронта, а, следуя советам листовок, оставались группами в подвалах, блиндажах и домах, где и сдавались в плен нашим наступавшим частям.

29 марта ликвидация немецкой группировки была закончена. Наши войска прочно утвердились на побережье залива. Общее количество пленных превысило к этому времени 50

тыс. человек¹. На сборных пунктах военнопленных, где производилась проверка вещей и документов солдат, пачками лежали извлеченные из их карманов листовки. Они уже сделали свое дело, сберегли многие тысячи жизней наших бойцов².

Пропаганда переключалась на Кенигсберг.

* * *

Давно не читал немецких газет и вдруг — большая охапка. Заклинания, крикливость, растерянность. Называют несущественные цифры потерь русских армий, пугают союзников и самих себя большевизмом, жалуются неизвестно кому на неблагодарность Европы, оставившей с ним Германию один на один, цитируют каких-то прозорливых американцев, предупреждающих Рузвельта, что он в слепоте своей вскармливает завтрашних злейших врагов США, и твердят, как о чем-то само собой разумеющемся, что Эндзиг будет за ними. В передовицах, корреспонденциях с фронтов, сообщениях с мест мешанина, свидетельствующая о полном разброде. Хотя именно против разброда предупреждают друг друга — он налицо. И в головах и в делах.

Какой-то уцелевший герой вспоминает в газете о потопленных его частью десантных судах, рассказывает, сколько побито было высадившихся танков-амфибий. Кого хотят этим сегодня утешить?.. И кого из немцев могут обрадовать сообщения о деде и внуке, добровольно пошедших в фольксштурм, хотя один слишком стар, а другой слишком молод!.. Какой-то немецкий солдат перед смертью сказал, что видит свой исполненный долг в перебитых им азиатах, потому что чем меньше останется их, тем меньше его соплеменниц превращено будет в «зольдатише хурен...»³. Ну и конечно, все города Восточной Пруссии «бестиалише зольдатеска» намеренно жгла, разносила, крушила... Поэтому надо-де, даже будучи раненым, до последнего дыхания отстаивать в центральной Германии каждое село, каждый дом...

¹ Здесь автор несколько неточен: пленено 46 тыс. человек (см. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткий научно-популярный очерк. Изд. 2-е. М., 1973, с. 363).

² Рассказанное автором вовсе не означает, что наши войска не встретили сопротивления, отнюдь! На многих участках шли упорные бои, гитлеровцы дрались с отчаянием смертников. Достаточно напомнить, что с 13 по 29 марта было уничтожено 93 тыс. вражеских солдат и офицеров (см. там же). — *Прим. авт.*

³ Солдатских проституток.

Образец наибольшей беспомощности — Геббельс в «Дас Рейх». Этот номер от 21 января сохраню. У меня будет лекция его речей и статей, увенчиваемых этим заключительным переломом. Кончается война, вот-вот наступит развязка, немцы ждут или чуда, какого-нибудь спасительного, переломного «фау», или неумолимого Жукова, ждут из уст своих вожжаков сообщений или потрясающе-радостных или убийственных, и в этот момент их генеральный трибунал раздражается статьей... о евреях! Они, и только они, виноваты в том, что развязалась война, и в том, что союзники сжимают кольцо... Статья так и называется: «Ди Урхебер дес Уинглюкс дер Вельт»¹. Россия и русские, как, впрочем, и англичане, именуются здесь «наемниками мирового еврейства», купленными участниками «заговора этой паразитической расы», а самый заговор имел целью уничтожить Германию и немецкий народ, строгие порядки и культура которого не по сердцу номадическому духу еврейства...

Смотришь это сегодня и диву даешься.

Насколько мне удалось почувствовать из разговоров с пленными за все эти годы, в Геббельсе для рядовых немцев есть что-то привлекательное. Они удовлетворенно противопоставляют его ненавистному Гиммлеру и говорят об их серьезной вражде. Его до сих пор часто зовут «нашим доктором». Над ним посмеиваются, но к нему и прислушиваются. Знают, что к Гитлеру он ближе всех, и сегодня, в эти критические для Германии дни, лихорадочно ищут в его речах и статьях отражения мыслей давно молчащего фюрера. Кто еще не утратил надежды на какое-то слово, ждет его только от Геббельса. И какое же разочарование охватило, должно быть, этих уповавших людей, когда услышали они взамен обещаний пустить в ход в ближайшие дни сокрушительный «фау» разоблачение России как еврейского наймита. И какую обреченность должны были почувствовать немцы перед этим всесилием мирового еврейства! И Жукова, и Рокосовского, и Монтгомери², и Эйзенхауэра³, и болгар, и финнов — всех, всех оно сумело купить! Остаются лишь некупленные фюрер и Геббельс, и сжимается вокруг этих неподкупных кольцо...

Как можно писать в такие дни такой бред, как можно,

¹ «Виновники мирового несчастья».

² Английский фельдмаршал, командующий английскими войсками.

³ Верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе.

выползши на арену истории, уползать с нее только дятлом!
Но ничего большего вовсе и не было...

Поразительно, как мог гитлеризм удовлетворять немецкий народ! Да еще столько лет, да еще в нашем веке!

* * *

ИЗВЛЕКИТЕ УРОК!¹

Кенигсбергские солдаты!

Вся группировка немецких войск в Восточной Пруссии, за исключением одного только гарнизона Кенигсберга, разгромлена. Последний очаг немецкого сопротивления, находившийся на берегу залива Фриш Гафф, ликвидирован.

С 13 по 29 марта советские войска полностью разгромили: танковую дивизию «Великая Германия» со всеми частями усиления,

24-ю танковую дивизию,

2-ю дивизию «Герман Геринг»,

пехотные дивизии 562, 50, 28, 170, 56, 14, 21, 292, 61, 349, 102-ю, свыше 150 отдельных полков, батальонов и боевых групп.

В ходе ликвидации окруженной группировки убито 80 тысяч немецких солдат и офицеров.

Спаслись, сдавшись в плен, свыше 50 000 человек².

Остатки разгромленных частей сброшены в море.

Советские войска захватили 128 самолетов, 605 танков и самоходных орудий, 3500 орудий, 1440 минометов, 6447 пулеметов, 35 060 автомашин и множество других трофеев.

Спротивляющийся гарнизон г. Кенигсберга остался отныне в полном одиночестве. А силы войск, которые начнут теперь штурм города, увеличились во много раз. Уничтожение группировки юго-западнее Кенигсберга высвободило значительные советские армии, которые советское командование может бросить против кенигсбергского гарнизона.

Пусть этот грозный факт явится для вас своевременным предупреждением. Пусть трагический пример сопротивлявшихся на побережье залива послужит вам уроком.

Помощи вам ждать неоткуда. Никто вам ее не окажет. На нее рассчитывали и солдаты у побережья, которые в послед-

¹ Тексты двух листовок, изданных 7-м отделом для немецких солдат и офицеров. В их составлении участвовал автор.

² По уточненным впоследствии данным убито свыше 93 тыс., пленено — 46 тыс. чел. (см. сноску на с. 309).

нюю минуту бросились в воду на самодельных плотках. Их трупы вместе с обломками плотов прибывает теперь к берегу.

Командование Красной Армии указывает всем офицерам и солдатам кенигсбергского гарнизона на абсолютную безнадежность сопротивления, предлагает складывать оружие и сдаваться в плен.

Переходите подразделениями, группами и в одиночку! Следуйте примеру тех десятков тысяч солдат уничтоженной группировки, которые избежали гибели, своевременно сдавшись!

Командование Красной Армии гарантирует хорошее обращение с пленными и возвращение их на родину после войны.

Командование Красной Армии.

ПОДУМАЙТЕ О ЖЕНЩИНАХ И ДЕТЯХ

Нацисты внушали вам, солдаты, что, обороняя Восточную Пруссию, вы защищаете немецких женщин и детей. На деле же, продолжая сопротивление, вы губите их.

В осажденном и штурмуемом Кенигсберге их скопилось десятки тысяч. Это и жители города, и люди, насильственно эвакуированные туда нацистскими властями.

Они действительно нуждаются в спасении. Они живут на улицах между баррикадами, их свалили гуртом в школьные, театральные и другие, не приспособленные для жилья помещения, им не хватает еды. Над ними издеваются, предлагая им «выбираться кто как может на запад», хотя всем известно, что путей туда нет, дорога на Пиллау перерезана. Со многими из них поступают еще более мерзко, не впуская в город вообще и предлагая «ехать дальше», то есть метаться в той же зоне боев, но только без крыши над головой.

И все эти страхи и страдания женщин и детей закончатся в ближайшее время их гибелью, так как город штурмуется, он будет бомбиться, обстреливаться, на его улицах будут бои. Гражданскому населению уцелеть в этом аду будет трудно.

Спасать немецких женщин и детей надо, значит, не боевыми действиями, а их прекращением!

Чтобы спасти гражданское население — надо сложить оружие! Это одновременно спасет вас самих!

* * *

Руководитель ПУ, фронта затевает большую выставку седьмоотдельской работы за время войны. На совещание о ней

меня не позвали... Но в полученном приказе о подготовке к ней на Соколова и меня возложены основные разделы. На него — показ производства листовок, на меня: а) допроса пленных, б) заброски пленных, в) группового перехода пленных. Гладков и Шифрин должны дать армейские МГУ, Люлька — материалы о ликвидированных немецких войсках, Волков и Иллеш — самолеты эскадрилий и лучших летчиков, Гольдберг — немецкую контрпропаганду и приказы окруженным частям, Понизовский — выпуск агитмин и т. д. Из поармовских автотипографий взяли почему-то ильющенковскую. Замышляя так, чтобы посетители все видели в работе. Волков будет летать и разбрасывать, Понизовский — стрелять агитминами, я — допрашивать пленных по вопросам, которые станут задавать посетители выставки, Александров — проводить передачи, дикторы — вещать из укрытий. А в разделе «Наши потери» будут фото Ульянова-Мопина... Как ни странно, у них действительно сохранились снимки разбитых МГУ и ОГУ, двух сбитых самолетов агитэскадрильи (как могли заснять? Ведь упали над немцами!). Фото погибших сепаратистов взяты будут у кадровиков.

Да, работка делалась большая... Не мешает собрать ее вкуче и наглядно представить. Но я пока и вообразить не могу, как воспроизвести на показ заброску пленных. Одно дело было приезжать в части, учить это делать, отбирать немцев и проч. и другое — бутафорить такой засыл. Ведь мы ничего не фотографировали, не предвидели, что это может стать зрелищем.

* * *

Жаль, если Гитлер не бежал, а действительно покончил с собой. Кем-то когда-то было подсчитано, что в мире существовало около трехсот видов казней, но казнь вообще не искупает вины, а тут этого не сделали бы и все триста вкуче. Высшим наказанием для этого человека было бы оставить его жить, заставить смотреть на все, оставленное им после себя, на все, что последует с его страной, с его делами, идейками. Поместить в клетку, возить по разрушенным городам, где немцы, возможно, и не решились бы плевать во вчерашнее свое божество, но наверняка отворачивались бы в смешанных чувствах, провозить по Богемии, Моравии, Польше, Роттердаму, Хорватии, Сербии, России и Франции, где ради возможности плюнуть в него выходили бы на дорогу — даже приезжали ради этого за тысячи верст — миллионы людей. Это не было

бы данью злорадству и мстительности, нет, это стало бы тем кантовским воздеянием, тем удовлетворением насущной потребности в нем, которая переполняет людей, не имевших, куда избыть горе свое. Контрибуция? Да, вероятно. Но она нужна странам, народам, а человеку, отдельному человеку, нужно выхлопную трубу. Он задыхается от кипящих в нем нравственных чувств, они ищут исхода, и ответственность нужна ему персонифицированная в определенном лице, лице зачинщика всей суммы зол, самого ненавистного на земле человека. И вот человек этот ушел, улизнул...

10 мая мне сказал один унтер: «Не знаю, не верю... У нас еще до войны один интендант проигрался. Он так же вот пулю себе... А фюрер не мог... Нет, не мог... Если он в самом деле мертвый сейчас, то убили. Кто-то убил...»

Может быть, когда-нибудь вскроется, что этот унтер и прав. Но я склонен верить, что кончил как проигравшийся интендант¹.

После покушения 20 июля он сказал, что провидение сохранило его для народа, дабы народ черпал в нем веру. И если бы он не довел все до конца, то немцы приписывали бы потом лютый конец именно тому, что лишились его. Остались-де без мессии, вождя, посланца провидения, и оттого пришел крах. Как погрязшая в мистике немка-царица приписывала революцию тому, что не стало Распутина. Они жили бы годы в тайной уверенности, что, будь он жив, краха не наступило бы, что он предотвратил бы, что-то придумал бы.

Лично я перестрелял бы всех гестаповцев, значительную часть эсэсовцев, все ведомство Гимmlера, но был бы крайне осторожен в решении судеб хозяйства, территорий, народа. Если в войне побеждает тот, кто сумеет больше убить, то в мирных условиях победит тот, кто завоюет не земли страны, а ее симпатии. Со мной спорят, говорят, что Германию нужно прежде всего обезвреживать и что нельзя после такой войны руководиться идеей покупать немцев гуманностью. Люди говорят, что если немцы могли пережрать у наших крестьянок последних куриц, оставлять всех наших детей на оккупированных территориях без единого яичка и молока, отбирать кусок изо рта нищеты, то почему, придя наконец на немецкую землю, все наши бойцы всегда и во всем должны вести себя пайньками! Справедливость в таком рассуждении есть, но нет мысли о будущем...

¹ Так оно и было в действительности. (М. Б.).

Эти послевоенные месяцы пролетели почти без записей, а происходило такое, что обязательно надо было записывать в мельчайших подробностях. Но я не брался за карандаш, хотя фронт уже отведен был в Бобруйск и я столько дней томился здесь от безделья. А сейчас уезжаю... Увожу с собой эти записи и вношу эту последнюю, чтобы навсегда оставить дома документы войны и уехать в новую жизнь.

Откладывал-откладывал я запись от 9 мая, чтобы сделать это пообстоятельнее, а теперь делаю это, наоборот, впоныхах, абы сделать вообще. Настроение уже предотъездное, мысли уже впереди, а, главное, времени нет... А был это самый удивительный день. Надо удержать из него хоть перечень фактов.

Коса Фрише Неруги. Длинная полоска земли среди моря. Так узка, что перебежать ее поперек можно за пятнадцать минут. Едут туда Солюс (за главного), Морозов и я. По морю перебрались на пароме. Весь заставлен машинами, людьми, лошадьми. Мы расположились на помещицьем выезде — двуколке с толстыми шинами. Паромов, буксирчиков, лодок — десятки. Перевоз на косу идет непрерывно. Немцы нас не обстреливают — их артиллерия бьет по войскам, которые уже давно на косе. Бьет неизвестно зачем. Ведь обеим сторонам ведомо, что в Берлине объявлена капитуляция. Наше трио едет помочь принять тех, кто вот-вот сложит оружие, помочь что-то наладить в приемке. Этих остатков группировки на косе должно быть тысяч двадцать, хотя точно не знаем. Впрочем, я неверно говорю, будто им неизвестно было, зачем они в последний момент вели стрельбу по нашим частям. Именно потому, что это был последний момент! Решили послать в наш конец косы все снаряды, которые можно было успеть отстрелять до минуты, в которую из Берлина по радио приказали им кончить войну... Не хотели сделать это и минутою раньше, старались убить столько русских солдат, сколько еще можно было за оставшееся до капитуляции время. И убивали в эти часы — последние часы всей войны — больше, чем это удавалось им при таком соотношении сил когда-либо ранее. Ведь тут не требовался прицельный огонь — коса тесна, войска сжаты, плотность фронта невиданная, бей напрямую и попадешь обязательно...

Прибыв на косу, мы пошли до КП. Не будь войны, это было бы чудесной прогулкой. Шли и восхищались, так как местность здесь просто чарующая. Сюда ездили в отпуск, пляжились, проводили медовые месяцы. Коттеджи утопают в расцветшей майской растительности, которую даже война не

сумела целиком затоптать. Коса и курортом была, и заповедником, и лесопитомником, и ботаническим садом. Эти три километра, что мы шли до КП, думалось, какие можно бы на свете создавать парадизы, если бы не... В данном случае «если бы» заключалось в ураганном огне, причем только с одной стороны. Когда мы плыли паромом, огонь был еще двусторонним и на наших глазах над немцами пикировали штурмовики. Солюс уверял даже, что видел, как в воздух вместе с землей взлетели тела. Когда он со свойственным ему возбуждением стал это утверждать, тут же сам поверил в свое утверждение, то еще несколько человек на пароме тоже поверили, будто сами видели это. А в какой-то момент, пока мы шли по косе, стрельба с нашей стороны вдруг как-то сразу оборвалась. Это было так резко единовременно, что мы догадались — это наши соблюдают срок ультиматума. На КП это подтвердилось. А сам КП сильно обстреливался. Вообще немцы словно взбесились. С КП я уже один пошел в часть, которой предстояло первой принимать капитулирующих. В других местах уже находились приехавшие еще ночью два наших седьмоотдельца. Задача нам поставлена была — вместе с нашим дивизионным инструктором договариваться с немецкими командирами частей о сдаче оружия и порядке прохождения в плен. Но этот порядок нашим низовым штабам, — по крайней мере тому, в котором оказался я, — передан был только по телефону.

Была уже ночь, срок в 24.00 приближался, а немцы еще неостановимо палили. Хотя солдаты находились в обшанцованном положении, но никаких подлинных укрытий, накатов и проч. не было и в помине, так как никто не готовился здесь к длительным боям — ведь кончилась война! И вот по телефону звонят — в одном месте прямым попаданием столько-то, в другом опять столько-то... Иначе и не могло быть — простые окопы... Начальство приказывает укрыться в них и штабистам. Но никто не хочет лезть в эти ямочки, тем более что их засыпает землей от разрывов по соседству. Связной быстро ставит на стол разные банки трофейных консервов и... коммеликер. Мы смотрим на часы, словно в новогоднюю ночь. И действительно, за две минуты до 24.00 артиллерия вдруг замолкает, словно все жерла у нее заклинило. Мы не смеем поверить... «Финиш?» — говорю я вопросительно. Никто не отвечает. У меня вдруг спазмы горло сжимают. Зам. нач. штадива, тоже сдерживая себя, чтобы не расплакаться, как баба, от радости, поднимает стакан и говорит: «Кажется, все... За нас, товарищи! За н род наш! За Сталина!» ...Через минуту все разбежались.

Никакого плана здесь на этот аккордный момент не имелось. Я тоже не знал бы, куда мне лететь и что делать, но тут звонят, что прибыл немецкий офицер со связными. Лечу с прибывшим начальником разведки дивизии, задыхаюсь от бега. А бойцы наши уже — шапки вверх, качают друг друга, орут, обнимаются. Прибежали — здесь все на ногах, офицеры и солдаты прыгают, как дети, целуются, старшина раздаёт что попало, словно завтра уже не надо будет никаких рационов, и откуда-то взялись (то есть из Кенигсберга и Пиллау еще) аккордеоны, баяны, пошел пляс, перепляс. Никогда не забуду мелькнувшей картинки — бойцы в каком-то экстазе с остервенением засыпают окоп, чтобы и следа его не было, чтобы и духа войны не осталось...

Офицер оказался капитаном из штаба полка, посланным выяснить, как привести его. Я этого тоже не знал. Нас послали наладить приемку, но ничего не сказали. Война дала нашим штабистам опыт подготовки подчас просто блистательных боевых операций, но не подготовила их к заключительной, небоевой... Стали искать по аппарату находившегося где-то командира дивизии, но добились только его адъютанта. Тот ответил, что из корпуса приказали ждать до утра, когда порядок движения и сдачи оружия определен будет самим немецким командующим в целом для всей группировки. Я понял так, что мы отсрочили до утра для подготовки самим, и сказал капитану, чтобы их полк получил указание не от нас, а от своего штадива, что в 7 утра начнется общая сдача, колонны — кто за кем — установит немецкий же штаб, батальоны и роты пойдут под командой своих офицеров. Предупредил, чтобы в обменах все было цело, так как все подразделения будут из них первые сутки питаться.

Не успели мы отпустить капитана, как увидели... идущую от немцев группу наших бойцов. Они без всяких парламентариев и задолго до церемонии сдачи успели сходить туда... Это было для меня сигналом. До рассвета оставалось уже немного, и я бросился разыскивать прибывшего на косу начальника подива.

Я вторые сутки не ложился, но радостное возбуждение было так велико, что и не смог бы заснуть. Все хотелось что-то делать, организовывать. А по существу, я ничего не делал, а только метался, как и каждый из нас в эти часы. Да и с утра весь следующий день, когда началась сдача, как можно было хоть на полчаса оторваться от этой картины, которая должна была запечатлеться в памяти на всю жизнь... Они шли, хоть и не печатая шаг, не по-парадному, но вымуштрованно, строй-

но, под командой своих офицеров, только без оружия, которое сдавалось вкуче. Офицеры же были при пистолетах и отбрасывали их в сторону на кучу, из которой вскоре образовалась гора... Чего-чего тут только не было! Какие браунинги, вальтеры, маузеры!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Машинистка сброшюровала страницы, спечатанные ею с залежалых и желтых. Листаю, листаю... Их слишком много, и в них нет очень многого... Наша пропаганда среди немецких солдат была разнообразней и шире, чем увидится с этих страниц. Среди них нет, например, эйзенкрейцов — листовок в футлярах с наградными крестами, захваченными после разгрома одного немецкого штаба. Какое смятение внесли тогда эти кресты в умы солдатни! Ведь одарил ими не комдив, а противник! Из предмета вожделений кресты превратились в ненужность, символика стала двусмысленностью, и все ценности как-то сразу пошатнулись, понизились... Не сохранилось у меня и листовки с деньгами. Не помню уж, сколько их при цальмейстере (полковом казначее) было захвачено, но вспоминаю, как целые сутки мы коллективно приклеивали кредитки к листовкам, объяснявшим солдатам никчемность их денег, их дела... Остались в памяти и вырванные у интендантов рулоны бязевой ткани, из которой мы пошили мешочки, набив их взятым в обозах овсом и накошенной с этой целью травой. На мешочках надписывалось: «Упрямому ослу, который еще сопротивляется русским...»

Да, нет очень многого. Но не могли же у меня дома быть склады! И жалею я не о том материале, что, написав, не сберег, а о написанном... После таких лет, таких дел, такой наполненной жизни и... нет завершающей записи.

Остается ее сделать сейчас и сказать, что в войну все мы чаяли победы и мира и, значит, была она самой страдальческой, противной естеству человека, кошмарной полосой его жизни. Но, перечитав свои записи этой поры, я говорю себе: да, она была самой страшной и... самой ясной, справедливой. Никаких неразрешимых дум тогда не было. Все было просто: воевать, победить! И склоняю я голову перед священной порой, перед великою ясностью нашего дела.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКТОР ЭШКЕ. <i>Роман</i>	3
«ВНИМАНИЕ! СЛУШАЙТЕ НАС! ЧИ- ТАЙТЕ НАШИ ЛИСТОВКИ!». <i>Фронтовые записи</i>	199

Составитель
Альберт Владимирович Белявский

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ПОМЕРАНЦЕВ
НА ВОЙНЕ И ПОСЛЕ НЕЕ

Редактор М. Р. Г а в р ю ш и н
Художественный редактор М. К. Г у р о в
Технический редактор Н. Г. А л е с с а
Корректор П. П. З а д о р н о в а

ИБ № 6212

Сдано в набор 16.12.86. Подписано к печати 14.09.87. А 12070. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тит. № 1. Гарнитура «обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 26,12. Тираж 100 000 экз. Заказ № 839. Цена 2 руб. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Померанцев В. М.

П 55 На войне и после нее: Роман, фронтовые записи.—
М.: Советский писатель, 1987.— 432 с.

В эту книгу В. М. Померанцева (1907—1971), известного советского писателя и публициста, автора книг «Дочь букиниста», «Зрелость пришла». «Чудодети» и др., вошли роман «Доктор Эшк» и фронтовые записи о малоизвестной читателю деятельности специальных подразделений по политической работе среди войск противника.

4702010200—303

П ————— КБ—1—34—87

083(02)—87

ББК 84 Р 7